

ISSN 2949-124X

Российская история

6 2024

НАУКА
— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит 6 раз в год

Россия и Польша накануне русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Жандармы в борьбе с холерой в 1830–1831 гг.

У истоков Русского географического общества

Конфликты в революционной Вятке в 1919 г.

Дипломатическое признание СССР: приоритеты и итоги

Прения о статусе Академии наук в 1925 г.

*Предложения о пересмотре
административно-территориального деления СССР в 1948 г.*

Засуха 1951 г. и ревизия региональных комитетов ВКП(б)

Обсуждаем книги

П. В. Лукин. Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя

Е.М. Болтунова. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в.

А.Н. Верещагин. Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи

MOCKBA

6
ноябрь
декабрь
2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов,
С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова,
С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак,
А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюоань, В.С. Христофоров,
В.В. Шелохаев, А.В. Юрсов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович,
П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дённингхаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев,
Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лиссейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин,
А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов,
Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

П.В. Лукин.

Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя

В 2022 г. увидела свет книга известного учёного, крупного специалиста по древнерусской истории доктора исторических наук Павла Владимировича Лукина¹. Этот труд представляет собой опыт компаративного исследования, призванного отметить как общие черты, так и существенные различия между двумя лежавшими в противоположных частях Европы средневековыми политическими образованиями – Светлейшей Венецией и Господином Великим Новгородом. Сходство двух «торговых республик» кажется очевидным (особенно малоподготовленному читателю). Есть, однако, и основания для скепсиса, заставляющие специалиста вместо прямых аналогий и параллелей прибегнуть к синхростадиальному методу исследования.

Существует ли если не «общий аршин», то, по крайней мере, более или менее гибкая рулетка, пригодная для измерения как русских саженей, так и венецианских кавеццо? Спора на эту тему книга Лукина, разумеется, не прекратит, тем более что такой цели перед собой автор и неставил. Тем не менее его труд способен дать немало аргументов и поводов для размышлений в данном направлении. Вниманию читателей представляются результаты дискуссии о книге, в обсуждении которой приняли участие доктора исторических наук А.Ю. Дворниченко, В.Н. Захаров, М.М. Кром и кандидат исторических наук Т.А. Матасова.

Материал подготовлен Д.В. Лисейцевым

Виктор Захаров: Взгляд заинтересованного читателя

Viktor Zakharov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): The view of an interested reader

DOI: 10.31857/S2949124X24060019, EDN: RNFDMW

Монография П.В. Лукина представляет собой развёрнутую реализацию компаративистского метода. На протяжении всей книги проводится сравнительно-историческое исследование средневековой истории двух значимых городов – центров обширных территорий, расположенных в различных регионах Европы: Новгорода Великого и Венеции. Сравнивать, конечно, можно «всё со всем», но в данном случае выбор объектов сравнения оправдан хотя бы потому, что оба города демонстрируют вариант политического развития, отклоняющийся от основного тренда, характерного для большинства стран эпохи Средневековья с их феодальной монархией, иерархией, сеньорами и вассалами, герцогами, князьями и рыцарями. Вместе с тем и Новгород, и Венеция могут быть

¹ Лукин П.В. Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 302 с.

отнесены при всём их своеобразии к весьма типичному явлению средневековой истории Европы. Без труда найдутся немало примеров, которые можно рассматривать как феномен политического бытия в форме *республики* на фоне доминирования монархического начала в большинстве окружающих и дальних стран. Более того, если на Руси XII–XV вв. Новгород и Псков по политическому устройству представляли собой нечто нетипичное, чтобы не сказать уникальное, то Венеция в Италии того же периода исключительной не была. В Средневековье на севере и северо-востоке Италии, а также в Тоскане существовало немало городов, вместе с прилегающей территорией представлявших собой небольшие государства с республиканским правлением². Наиболее известные из них – Падуя, Феррара, Милан, Верона, Пиза, Лукка, наконец – Сиена, знаменитая соперница Флоренции. Ныне существующая республика Сан-Марино – в известной степени реликт той политической ситуации и давно минувшей эпохи. Нельзя не упомянуть и Геную – соперницу Венеции. Северо-итальянские республики создали своё объединение, Ломбардскую лигу, в составе которой отстаивали общие интересы перед лицом притязаний императора Германской империи. При наличии соответствующего материала можно провести компаративистские исследования, сопоставляя Новгород и Псков с любой из вышеназванных республик.

Правда, автор монографии считает, что Венеция, политическая структура которой стала результатом длительной трансформации византийского «дуката», существенно отличалась от других итальянских коммун, возникших в ходе борьбы против феодальных сеньоров. Посему именно Венеция типологически наиболее близка Новгороду (с. 13). По этому поводу всё же следует уточнить, что Венеция, как и другие итальянские республики, связана с античной традицией: город на островах лагуны был основан выходцами из древней Аквилеи, одного из крупнейших городов Римской империи, разрушенной варварами в VI в.³ Кроме того, разве изгнание князя Всеволода Мстиславича в 1136 г. из Новгорода нельзя трактовать как стремление освободиться от доминирующей власти Рюриковичей в лице представителя её старшей линии? А венецианцы, в отличие от Новгорода, не восставали против феодальных сеньоров. И в этом смысле история Новгорода сопоставима с другими республиками Северной Италии, Ломбардской лигой и т.д.

Впрочем, эти уточнения ни в коей мере не ставят под сомнение корректность и продуктивность избранных автором для сравнения городов. Дело не только в сходстве Новгорода и Венеции как метрополий, имеющих обширную периферию. Не менее (если не более) важно, что в обоих государствах (назовём их так) налицо тенденция к установлению олигархии на фоне борьбы или противодействия со стороны большей части городских жителей. Это и стало, на мой взгляд, генеральной линией книги.

Жанр «Диалога о книге» отнюдь не предполагает рецензии. Скорее он нацелен на обмен мнениями, которые возникают при прочтении работы. Становится всё более прочным убеждение, что слова и термины, в том числе политические, меняют свой смысл и суть, особенно те, что существуют в течение веков. При этом особое значение имеет интерпретация имеющегося исторического материала, в том числе понимание терминов исходя прежде всего из

² История Средних веков. Т. 1 / Под ред. С.П. Карпова. М., 2010. С. 441.

³ Там же. С. 478.

контекста и содержания самих источников, а вовсе не под влиянием «определенной внеисточниковой концепции». Приверженность этому принципу автор заявляет в одной из своих фундаментальных работ⁴, неуклонно следует ему и в рассматриваемой книге.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на термин «республика». Средневековый Новгород, имея в виду его политический строй, обычно имеют республикой, хотя в реальной истории он такого названия не имел. Это наименование вполне применимо по отношению к Новгороду и к той же Венеции, но важно учитывать его значение применительно к рассматриваемой эпохе. Современный смысл понятия «республика» сформировался, когда серия революций раннего Нового времени вела к сокрушению наследственных монархий, и на смену им приходила власть, избираемая и сменяющаяся в результате выборов. Проще говоря, в нынешнем понимании «республика» – это «не монархия».

В эпоху Средневековья, как показано в книге Лукина, это понятие имело несколько иной и по-своему глубокий смысл, ближе к значению самих латинских слов, из которых оно сложилось: *res publica*, т.е. общее дело, а точнее дело публичное или дело народное. В синонимичном ряду здесь оказываются слова, производные от латинского слова *common*, что как раз и означает «общий». Отсюда набравшие силу в Средневековые термины «коммуна» (городская), а также *Commonwealth*. Следовательно, в семантическом смысле Новгород Великий, признаваемый республикой, может считаться и коммуной. В Британии слово *commonwealth* в значении «общее благо» возникло в XV в. и по смыслу совпало с *res publica*. Наконец, хорошо известно понятие «Республика», а именно *Recz Pospolita* в названии Польско-Литовского государства в 1569–1795 гг. Но в Польше оно обнаруживается ещё во времена Высокого Средневековья, а именно в сочинении хрониста XIII в. Винцентия Кадлубека⁵.

Если в современном понимании «республика» означает политическое устройство с выборной властью, исключающее наличие какого-либо монархического института, то в Средние века, судя по всему, наличие или отсутствие монархической власти не являлось главным критерием. В те времена понятия «республика» и аналогичные по смыслу термины означали в первую очередь единство полноправных жителей, автономно или независимо обеспечивающих (защищающих) общие интересы. И уже в зависимости от этого ими создавались соответствующие органы власти, могли в той или иной форме использоваться монархические институты, также призванные служить «общему делу». В соответствии с этим в республиках развивалась идеология, нацеленная не столько на обоснование политического строя (он подразумевался вполне естественным), сколько на обеспечение идеи независимости, самостоятельности, самобытности. Важно было бороться не только с притязаниями соседних феодальных сеньоров, но и с самой идеей универсализма, характерной для Высокого Средневековья, нашедшей на Западе выражение в стремлении построить всеобъемлющую империю (в те времена это прежде всего Священная Римская империя германской нации), или с идеей верховенства папской власти над всеми светскими правителями.

⁴ Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2018. С. 9–10.

⁵ Mistrz Wincenty (tzw. Kadłubek). Kronika Polska. Przełożyła i opracowała Brygida Kürbis. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1972. S. LXI, 175.

На Руси сложилась несколько иная ситуация. Земли Северо-Восточной и Северо-Западной Руси (включая Новгород) находились в зависимости от Орды. Соперничая за ярлык ханов на великое княжение, к доминированию здесь стремились князья тверские и московские. В конце XIV в. это право неизбежно утвердились за Москвой, которая смогла продолжить усилия по объединению русских земель. Гегемонистские устремления на востоке Европы демонстрировало и Великое княжество Литовское в период своего расцвета. Всё это было важной предпосылкой к отставанию Новгородом самостоятельности, в том числе средствами идеологии и символики.

Итак, республики в эпоху Высокого Средневековья представляли собой политические структуры, противостоящие стремлению к универсализму и общему единению, исходящему от разных влиятельных сил.

Сопоставляя тренды политического развития на протяжении веков, Лукин пришёл к выводу, что олигархату в Венеции удалось установить свою власть в полной мере, в отличие от Новгорода, где вече даже в XV в. могло блокировать решения «господы». Если это в самом деле так, то что было причиной подобного различия? Определённого ответа на этот вопрос в книге нет. Однако вопрос этот важен, тем более что подобная тенденция характерна практически для всех республик Северной и Средней Италии, где олигархи повсеместно взяли верх, а в ряде случаев отдельные аристократические фамилии сумели установить и монархическую власть. Следовательно, речь идёт о некоторых существенных различиях в политической ситуации в Северной Италии и на северо-западе Руси. Можно предположить, что в Италии гораздо большее влияние оказывали традиции публичного права, сохранившиеся на руинах древнеримской цивилизации. Опираясь на них, аристократы и олигархи могли конструировать политические институты, позволявшие им концентрировать власть в своих руках. Или можно объяснить это большими материальными возможностями местной элиты в связи с тем, что столицы местных республик были крупными центрами торговли и производства, на процветании которых базировалось могущество олигархических кланов? В любом случае этот вопрос следует оставить дальнейшему вниманию специалистов.

На первый взгляд складывается впечатление, что в духе компаративистского подхода автор одинаковое внимание уделяет двум объектам сравнения: Новгороду и Венеции. Но в результате более внимательного знакомства с книгой возникает убеждение, что он стремится сказать прежде всего о Новгороде. Книга и её метод – это способ провести и аргументировать ряд собственных мыслей, важных для автора и интересных для историографии Новгорода. В этом ряду стоит целое исследование об идеологемах и символах новгородской независимости: повести о Гостомысле, иконе Знамения, образе святой Софии. Рассматриваемые параллельно вопросы о «тroyянском» происхождении Венеции и её покровителе святом Марке призваны оттенить и более ярко дать образы и символы Новгородской республики, подчеркнуть их своеобразие, с одной стороны, и проявление их общеевропейской сути – с другой. Что же касается своеобразия, интересно, что новгородцы в своей исторической памяти обращались не только к преданию о Гостомысле, но и подчёркивали значение легенды о так называемом призвании варягов, которая и возникла на севере Руси. Получается, что венецианцы в их приверженности к «тroyянской легенде» полностью исключали какое-либо монархическое начало в своей политической жизни; новгородцы же, напротив, считали, что их свободы

и вольности дарованы князьями. В этой связи следовало, наверное, упомянуть и о «грамотах Ярослава», которые также имели символическое значение в новгородской традиции. Так или иначе они имелись в виду в договорах Новгорода с князьями в последующие века. Это важно понимать, поскольку в отличие от Венеции, исключившей после освобождения от Византии всякое монархическое начало, Новгород Великий существовал на территории, где действовала власть клана Рюриковичей. И как во времена доминирования Киева, так и в период Великого княжества Владимира (а затем и Московского) Новгородская республика должна была в любом случае выстраивать отношения с князьями и иметь для этого нужные исторические и идеологические аргументы.

Конечно, говоря о символике Новгорода, Лукин не мог обойти вопрос о святой Софии. Он достаточно цельно и последовательно раскрыл процесс становления этого образа как крайне значимого для понимания новгородцами их самобытности и идентичности. Можно было бы обратить внимание, что, обращаясь к образу святой Софии как к своему символу, новгородцы заявляли и о приверженности к общерусской христианской традиции, ведь главный храм Киева также посвящён святой Софии, что в свою очередь ведёт нас к Софийскому собору Константинополя. Это не могли не учитывать и в Москве⁶. Во время присоединения Новгорода к единому Российскому государству в Московском Кремле возвели Успенский собор, на восточном фасаде которого над апсидами на одной из трёх фресок, видимо, середины XVI в. изображена святая София в образе огнезрачного ангела, как это было принято в Новгороде Великом.

Наконец, в рассуждениях автора о своеобразии и самобытности Новгорода не может не привлечь внимания крайне интересная идея, практически не согласующаяся с главными трендами отечественной историографии Новгорода последних десятилетий. Это вывод о том, что во время решающего противостояния с Москвой в конце XV в. в массе своей новгородцы стояли за сохранение независимости республики (с. 177–178). Ныне, как и прежде, широко распространено мнение, отразившееся не только в научной, но и в популярной, а также учебной литературе, что симпатии простых новгородцев находились на стороне Москвы, и они, если и оказывались в войске, действовали без всяко-го энтузиазма. В соответствии с этой версией, определённо антимосковскую позицию занимало новгородское боярство, заинтересованное в сохранении доминирующего положения и ради этого готовое пойти на союз с Литвой. Эта концепция последовательно и с должной аргументацией проводится в трудах В.Л. Янина, признанного классика отечественного «новгородоведения». В монографии, изданной в начале нынешнего столетия и суммирующей исследование учёного, говорится о нежелании простых новгородцев, которые не имели прямого отношения к военному делу («и родився на лошадях не бывал»), сражаться против великого князя, что непосредственно подтверждается данными летописи. Это и стало одной из основных причин разгрома новгородцев в решающей битве на Шелони в 1471 г.⁷ Точно также, буквально накануне падения независимости Новгорода в 1477 г., при попытке консолидации боярских

⁶ Подобедова О.И. Система настенных росписей Успенского собора в свете некоторых идей русской государственности конца XV века // Уникальному памятнику русской культуры Успенскому собору Московского Кремля – 500 лет. М., 1979. С. 56.

⁷ Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2013. С. 343.

группировок в их антимосковской борьбе вновь «въсташа чернь на бояр, а бояри на чернь», что находит подтверждение в летописях Архангелогородской и Псковской⁸. Но и Лукин приводит весомые аргументы в обоснование своей версии, ссылаясь на летописные данные. Оставляя их разбор специалистам, отмечу, что в любом случае вопрос о роли широких слоёв населения Новгорода в противостоянии с Москвой заслуживает внимания и требует дальнейшего, более детального рассмотрения.

Есть ещё одно соображение, которое часто возникает при чтении работ по истории Новгорода, да и Венеции тоже. Хорошо известно, что могущество той и другой республики определялось их ролью в торговом мире Средневековья. Венецианцы играли ведущую роль в средиземноморской торговле. Новгород Великий активно взаимодействовал с немецкой Ганзой, доминировавшей в торговле на Балтике – «Средиземном море Северной Европы». Очевидно, это стало одним из важнейших факторов, сподвигнувших автора книги сопоставить именно Венецию и Новгород. Но если мы говорим о торговле как основе могущества обеих республик, то где же её роль в перипетиях их политической истории? Какое место в политической системе и политической жизни принадлежало субъектам торговой деятельности – купцам?

В книге Лукина речь идёт в основном о вече, аренго, посадниках, боярах, аристократах, дожах. Конечно, это отнюдь не упрёк автору, предмет и задачи его исследования очерчены и ясны. Но всё же нельзя не сказать, что во многих книгах и статьях о средневековых республиках, могущество коих зиждилось на торговле, мало говорится о том, как эта торгово-экономическая мощь воплощалась в политическом строе. О новгородском купечестве мы чаще узнаём из былины о Садко и одноимённой оперы Н.А. Римского-Корсакова. Если купцы оставались своего рода агентами бояр и аристократов, то всё же какой-то вес в республиканском строе они могли иметь? Или не могли? И каким образом правящие олигархи в Венеции и бояре в Новгороде коммутировали («капитализировали»?) торговое процветание республик в собственную власть? Об этом в своё время писал М.Н. Покровский в связи с теорией «торгового капитализма»⁹. Но в дальнейшем данный вопрос не нашёл в историографии подробного освещения (при всей высокой оценке работ А.Л. Хорошкевич, Н.А. Казаковой, М.Б. Бессудновой и других авторов)¹⁰. Намного понятней в этом плане ситуация, возникшая в раннее Новое время, когда представители торгового капитала заняли прочные позиции в политической системе ряда государств Европы, например, Республики Соединённых Провинций (Нидерландов) или Англии. Ведь Иван Грозный знал, что в Англии, «мимо» королевы Елизаветы «люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые»¹¹. А какова же была роль «мужиков торговых» в политической жизни Новгорода Великого?

⁸ Там же. С. 346–347.

⁹ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времён. Т. 1. Л., 1924. С. 113, 117, 124, 133.

¹⁰ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XV в. Л., 1975; Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963; Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015.

¹¹ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 142.

Андрей Дворниченко: Олигархическая демократия или демократическая олигархия?

*Andrey Dvornichenko (Saint Petersburg State University, Russia):
Oligarchic democracy or democratic oligarchy?*

DOI: 10.31857/S2949124X24060022, EDN: RNBSYP

Попытку П.В. Лукина путём сложных сравнительно-исторических штудий вырвать из тьмы забвения и неизвестности крупицы знаний о Средневековье можно только приветствовать. Впрочем, конкретная значимость этих крупиц для меня остаётся под вопросом. На сравнение Новгорода с Венецией историка, судя по его репликам, вдохновил труд А.А. Вовина, сравнивавшего Псков с городами Ломбардской лиги (с критикой этой концепции мне уже приходилось выступать). У Лукина, помимо Венеции, фигурирует ещё и Дубровник, проходящий, впрочем, «по касательной», фантомно.

Способ работы автора, однако, вызывает у меня ряд вопросов, которые я назвал бы не методологическими, а методически-историографическими. Убеждён, что изучение истории может быть только историографическим. Это не означает, конечно, что пишущий ту или иную работу должен знать *всю* историографию, но по каждой теме есть свои историографические тренды и бренды, без которых картина получится деформированной. Лукин, на мой взгляд, произвольно выбирает себе историографических противников и пытается навязать им спор. В их числе – А.В. Петров, Л. Штайндорф, М.А. Несин, А.В. Валеров и др. При этом автор не вспомнил об «отполированной временем» нашей с И.Я. Фрояновым книге¹², где впервые поставлены многие вопросы, получившие развитие в последующей литературе¹³. Не обойдена тема вниманием и в зарубежной историографии, где особо хотелось бы отметить замечательный труд Т. Скотта¹⁴.

Складывается впечатление, будто автор забыл о том, что в мировой истории с её красочным разнообразием всегда различали и будут различать городскую общину и городскую коммуну. Запад знал и общину, и коммуну, а Россия – только общину¹⁵. Некое подобие коммунального устройства на-

¹² Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

¹³ Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории, государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XII столетия. СПб., 1992; Петров А.В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы. К изучению древнерусского вечевого уклада. СПб., 2003; Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Вып. 2(10). Материалы научной конференции «Властьные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия», Санкт-Петербург, 21–22 и 25–26 июня 2018 года. СПб., 2018. С. 6–23.

¹⁴ Epstein S.R. The rise and fall of Italian city-states // A comparative study of thirty city-state cultures: an investigation. (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Historisk-filosofiske Skrifter, 21). Copenhagen, 2000. P. 277–294; A comparative study of six city-state cultures: An investigation conducted by the Copenhagen polis centre. (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Historisk-filosofiske Skrifter, 27). Copenhagen, 2002; Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М., 2009; Scott T. The city-state in Europe, 1000–1600. Hinterland–Territory–Region. N.Y., 2014.

¹⁵ Дворниченко А.Ю. Городская община средневековой Руси (к постановке проблемы) // Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии. Межвузовский сборник. Вып. III. Л., 1985. С. 117–124.

блудалось в русских землях Великого княжества Литовского, когда там стало распространяться магдебургское право (XV–XVI вв.)¹⁶. Лукин, правда, попытался оторвать Венецию от Запада, вырвать из круга европейско-античного наследия, но потом словно устыдился такой попытки (с. 13), поскольку очевидным становилось противоречие: Новгород и Венеция предстают как результат долгого политического развития, а Флоренция и Милан появляются как *deus ex machina*. Между тем древнерусские и западноевропейские города-государства возникли в совершенно разных обстоятельствах. Русские – в условиях общества, переживавшего переход от родовых отношений к территориальным связям¹⁷, когда ещё не развито было ни землевладение, ни крупные капиталы. Города Западной Европы могли возникать по-разному, но первоначальный их статус проистекал из привилегии, дарованной сюзереном. Без этой привилегии коммуна, фактически, не возникла. Такие коммуны появлялись не только в городах, но и в сельской местности. Именно их появление создавало контекст для становления городов-государств¹⁸. По точному замечанию С. Эпстейна, «города-государства (в Западной Европе. – А.Д.) были просто институциональным вариантом городовых привилегий»¹⁹. Подобную дихотомию – город–сеньор, которые борются между собой, безуспешно пытались в своё время обнаружить на Руси М.Н. Тихомиров. В городах Италии шла ожесточённая борьба между аристократическими кланами, символом которых были башни – каждая из них выражала величие загородных замков её владельца, и между 1088 и 1092 г. жители Пизы во главе с епископом вынуждены были лимитировать их высоту. К 1200 г. во Флоренции находилось 150 таких башен²⁰. Лукин не раз повторяет, что в Новгороде боролись разные кланы, но ни разу ни одного клана не демонстрирует.

Чтобы уйти от классики и ввести своё *know how*, историку пришлось придумать понятие «политический народ». В источниках это просто «весь Новгород», «это люди, причём такие, которые принимают участие в вече и обладают правом и возможностью изгнать князя, т.е. это полноправные новгородцы, новгородский политический коллектив в целом» (с. 55). В чём тут открытие по сравнению с тем, о чём писали его предшественники? Существует классическая концепция Ю.Г. Алексеева, ясно и чётко объясняющая особенности новгородской социальной эволюции²¹, применимая также и для Пскова. И странно тут что-то объяснять влиянием Новгорода, находя искусственные различия в развитии этих двух политий. Псков, собственно, прошёл тот же классический путь развития, что и другие города-государства²². Он идентичен тому, что видим в русских землях Великого

¹⁶ Дворниченко А.Ю. О предпосылках введения магдебургского права в городах западнорусских земель в XIV–XV вв. // Вестник Ленинградского университета. Сер. История. Язык. Литература. 1982. № 2. С. 105–108.

¹⁷ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства...

¹⁸ Scott T. Op. cit. P. 9–10.

¹⁹ Epstein S.R. The Rise and Fall of Italian City-States... P. 277.

²⁰ Scott T. Op. cit. P. 19.

²¹ Алексеев Ю.Г. «Чёрные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. Т. 103. М., 1979. С. 242–274.

²² Дворниченко А.Ю. Возникновение Псковской политии (XII – первая половина XIV в.): внешние факторы и внутренние процессы // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Т. 34. 2024. Вып. 3. С. 611–626.

княжества Литовского, что я и постарался (вслед за Алексеевым) показать в своей работе²³.

Лукин эти наблюдения игнорирует, признаваясь, что понятие «политический народ» он почерпнул из польской историографии истории Литвы, ссылаясь при этом на работу литовского автора Ю. Кяупене (с. 30). Последнее, правда, объяснимо: польские историки в литовской шляхте «политического народа» не находили вплоть до поздних времён, применяя это понятие в основном к польской шляхте²⁴.

Автор книги стремится доказать, что Новгород никогда не был племенным центром, а вече – племенным собранием. Полагаю, что нашу с В.Л. Яниным концепцию о племенном центре Лукину опровергнуть не удалось, а о том, что вече не очень вольготно чувствовало себя при родоплеменных отношениях, писал ещё академик Б.Д. Греков, и нам оставалось в конце прошлого века эти идеи развивать. И тут с Лукиным можно согласиться: вече получило второе дыхание в условиях трансформации родовых отношений в территориальные. Только зачем придумывать какой-то «политический народ»?

Одна ошибка влечёт за собой другую. Учёный хочет видеть в древнерусском вече некий институт, каковым вече никогда не было, да и быть не могло. Тут его извиняет то, что это очень распространённая в историографии ошибка: кому-то всегда хотелось вставить вече в эволюционный ряд, где следующим этапом шёл земский собор в Московском государстве или Великий вольный сойм в Великом княжестве Литовском²⁵. Между тем оба эти института возникли уже на обломках вече и никак не являлись его продолжением. С институтами Лукин время от времени просто загоняет себя в угол. Например, институт имелся, но ничего с ним связанного, в частности, институциональных ограничений, не обнаруживалось; совет вроде бы появляется, но, в отличие от Венеции, он не институциональный (с. 131–132).

Любопытно, что одновременно автор всерьёз задумывается над тем, что такое «настоящая республика». Современное понятие «республика» для Древней Руси не работает, а считать республикой лишь коммунальный строй – слишком жёстко, исходя из этого придётся признать, что в наших пенатах никакой республики не было, нет и не будет (с. 20). Почему-то никто не хочет вспоминать краткую, но чрезвычайно ёмкую характеристику такого политического устройства, данную владимирским летописцем и в полной мере оценённую И.Я. Фрояновым: «Новгородцы бо изначала и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти яко на думу на вече сходятся. На что же старейши сдумают, на том же пригороды станутъ»²⁶. Историк отметил отсутствие в этой формуле князя. Вслед за классической русской историографией он писал о сложных отношениях вече и князя.

Ясное дело, что всем правит князь. У него для этого вполне адекватный аппарат, о котором в своё время блестяще писал А.Е. Пресняков, изучавший «княжое право». Важно отметить, что князь не мог превратиться в монарха:

²³ Дворниченко А.Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвина в XI–XV вв. М., 2013 (переиздание работы 1983 г.).

²⁴ Lelewel J. Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej. Poznań, 1844. S. 177, 187–189.

²⁵ Дворниченко А.Ю. Ускользающая реальность. Литовско-Русское государство в зеркале исторического сознания. СПб., 2024.

²⁶ Фроянов И.Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015. С. 364.

ему не дал бы это сделать ни поголовно вооружённый народ, ни дружина, с которой он «думу думал». Вече править не может по определению, оно тоже «думу думает». И так продолжается до того момента, когда в княжеском управлении происходит сбой. Вот тут в дело вступает вече. Это, кстати, вполне определяет и характер явления, которое Лукин для нашей древности придумал и назвал «интраномизацией». Ничего такого не было. Хороший князь удостаивался похвалы, а дурному просто могли «показать путь чист»²⁷.

Почему автор книги заявляет, что ничего подобного народовластию ни в Венеции, ни в Новгороде мы не наблюдаем (с. 29–30)? А что же это такое, если за народом остаётся последнее слово? Это как раз и есть народовладение, которое осуществляется благодаря вечу. Вече здесь своего рода маркер, и не случайно народ, именно эти чёрные мужики, как отмечает сам Лукин, были главными патриотами веча, которому до самого конца принадлежала власть (с. 175, 177), тогда как большая часть «лучших людей» поддерживала Москву. Это очень правильно, но ранее автор повторил распространённую ошибку, что якобы очень рано, если не с самого начала, новгородцы ориентировались на «московскую систему», стараясь опереться на неё в своей политике. Другими словами, он, как и многие историки, сам себе противоречит. Я лично ничего подобного в источниках не наблюдаю. Новгородцы, воспитанные на идеалах свободы и справедливости, не были близорукими и прекрасно знали, чего можно ждать от московских князей, за которыми стояла Орда (впрочем, они не обольщались и князьями литовскими, которые всё больше склонялись в сторону Польши). С попыткой противостоять московским влияниям оказалась связана и та достаточно богатая идеология, которую веками созидали новгородцы. Лукин недоумевает, зачем новгородцы выводили себя от варягов (с. 202). Не затем ли, чтобы отличать себя от москвичей?

В центре этой идеологии была святая София, и не так для нас сейчас важны те её ипостаси, которые подробно разбирает учёный. Важно, что это было характерно для всех древнерусских «республик»: каждый русский готов был умереть за свою волостную святыню и при этом сжечь святыню города-государства, с которым шла борьба. С точки зрения христианства, ситуация не вполне нормальная, но она хорошо отражает характер древнерусского республиканизма. Деспотическая Москва категорически не могла принять древнерусские свободы. Именно в этом дело, а не в стремлении создать некую «чёрную легенду» о новгородцах. Для Москвы преступниками являлись все носители такого рода свободы. И в этом смысле с прахом Гостомысла надо быть осторожнее. Такая фигура, даже если в неё верить (сам Лукин в него сначала не верит (с. 49), но затем корректирует свою точку зрения), оказывается далеко не такой уж подходящей для роли отца-основателя.

Отдавая должное эрудиции П. В. Лукина, остаюсь при своём мнении. При некотором сходстве западноевропейские и русские города-государства были разными социальными организмами. Западным коммунам и не снилась та степень народоправства и свободы, которую познали наши предки в городах-общинах, которые, впрочем, впоследствии ожидало всеобщее закрепощение...

²⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Михаил Кром: Политический строй средневекового Новгорода – – возможности сравнительного анализа

Mikhail Krom (European University at Saint Petersburg, Russia): The political system of medieval Novgorod – the possibilities of comparative analysis

DOI: 10.31857/S2949124X24060039, EDN: RNAINC

Новая книга Павла Владимировича Лукина – заметное явление в историографии средневекового Новгорода и удачный опыт исторической компаративистики. Ранее мне уже представился случай поделиться мнением об этой работе²⁸, а нынешнюю дискуссию я рассматриваю как повод для подробного обсуждения продемонстрированных автором монографии возможностей сравнительного метода в изучении средневековых городов на западе и востоке Европы.

М. Блок рекомендовал коллегам-медиевистам сравнивать соседние, максимально близкие друг другу общества²⁹. Между средневековой Венецией и Великим Новгородом не существовало прямых дипломатических или коммерческих связей: всю европейскую торговлю Новгорода прочно держали в руках ганзейские купцы. Тем не менее в данном случае сравнение далёких друг от друга городов оказывается не только возможным, но и вполне плодотворным. Секрет успеха – в удачно найденном связующем звене, т.е. процессе или явлении, присущем обоим обществам. Компаративисты называют его *tertium comparationis* («третий элемент сравнения»)³⁰. В книге Лукина роль связующего звена играет модель городской коммуны на раннем этапе её развития. В разных странах этот этап пришёлся на разные периоды, поэтому неудивительно, что в обсуждаемой работе политические институты Новгорода эпохи его независимости (до конца XV в.) сопоставляются с политическим строем Венеции IX – начала XIII в.

В новейшей историографии подобный – синхростадиальный – подход успешно применён в книге А.А. Вовина, который провёл параллели между политическими структурами Пскова XIV–XV вв. и ранними коммунами Северной и Центральной Италии XI–XII вв. (Генуей, Миланом, Луккой, Пизой и др.)³¹. Но если Вовин ориентировался на некий собирательный образ ранней коммуны, цитируя источники, относящиеся к истории десятка итальянских городов, то Лукин привлёк для сравнения с Новгородом исключительно венецианский материал.

Между тем в литературе существует давняя, восходящая к М. Веберу традиция отрицания коммунальной фазы в истории русского города. Скептики (в частности, Л. Штайндорф) указывают на отсутствие на Руси самого понятия коммуны. Не было, продолжают они, и особой категории горожан, полноправных членов городской общины, выделяемых из общей массы населения города³². Однако на поверку оказывается, что и ранняя итальянская коммуна ещё не знала чётких юридических категорий и устоявшихся терминов. Приведённый Лукиным венецианский материал свидетельствует, что в течение не-

²⁸ Кром М.М. Удачный опыт сравнения средневековых городских коммун // Одиссей. Человек в истории. 2022. М., 2022. С. 392–397.

²⁹ Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001. С. 68.

³⁰ Кром М.М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб., 2015. С. 149, 159.

³¹ Вовин А.А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб., 2019.

³² Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече. Междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентябрь 2010 г.). СПб., 2012. С. 238–240.

скольких столетий для описания жителей города на островах лагуны использовались расплывчатые термины, такие как «народ Венеции» и «венецианцы». Что же касается «коммуны», то это понятие возникло там только в середине XII в. В новгородских источниках ту же семантическую функцию — указания на единство городского сообщества — с успехом выполняли словосочетания «весь Новгород» или «все новгородцы».

Народные собрания — ключевой политический институт ранней коммуны — обозначались в Венеции латинскими терминами *placitum* и *contio*, позднее — *arengum* (итал. *arengo*), а могли (особенно на первых порах) и никак не обозначаться: просто сообщалось об одобрении «народом» того или иного решения. Ни состав, ни сфера компетенции подобных собраний не были каким-либо образом определены. Та же ситуация обнаруживается в Великом Новгороде: по наблюдениям Лукина, слово «вече» начинает регулярно употребляться в официальных документах только в XV в.; ранее оно встречается в источниках нечасто, и порой только по контексту можно понять, что летописные фразы типа «нача-ша новгородцы гадати» или «пochaща молвити» указывают на собрания, завершившиеся принятием решений (с. 70–71). Вывод об однотипности новгородского вечевого строя и ранней венецианской коммуны имеет самостоятельную научную ценность, обозначая новый этап многолетней дискуссии. Но обычно в компаративистике констатация сходства изучаемых явлений служит лишь от правной точкой (и необходимым условием!) дальнейшего сравнительного исследования. Различия и контрасты не менее важны, чем общие черты.

Главная сенсация ожидает читателя во второй главе, посвящённой конфликтам, которые постоянно сопровождали народные собрания в Новгороде и Венеции. Для историка, воспитанного в отечественной традиции преклонения перед народной стихией, непривычно читать о том, что оборотной стороной средневековой городской «демократии» была постоянная политическая нестабильность, но именно такой вывод следует из изучения и новгородских, и венецианских источников. Более того, Венеция выглядит как альтернатива тому пути исторического развития, по которому в итоге пошёл Великий Новгород: венецианцы сумели сначала ограничить, а потом и вовсе свести на нет властные полномочия народных собраний, в Новгороде же до самого конца его независимости, как показал Лукин, вече сохраняло роль главного органа городской власти, оставаясь при этом эпицентром внутренних раздоров.

Общая перспектива в основных чертах обрисована исследователем, на мой взгляд, верно, но некоторые аспекты нуждаются в уточнении. Трансформация ранней венецианской коммуны подробно прослежена до второй половины XIII в., когда народные собрания уступили место регулярно заседавшим Большому и Малому советам, а сам созыв сходок типа *arengo* был официально признан нежелательным. Но активное строительство государственных институтов продолжилось и в следующем столетии. Более того, может возникнуть впечатление, будто лишение народного собрания (*arengo*) властных функций сразу решило проблему политической нестабильности. Это впечатление, однако, обманчиво. Угроза республике святого Марка исходила не только снизу, со стороны бунтующей черни, но и сверху, со стороны дожа, которого подозревали (порой не без оснований) в намерении установить тиранию. Представляли опасность также неудовлетворённые амбиции некоторых представителей старой аристократии и соперничество между могущественными кланами. Характерно, что первые полвека, прошедшие с момента так называемого закрытия Большого сове-

та (1297) – события, которое если не фактически, то символически завершило процесс сосредоточения всей полноты власти в руках патрицианской элиты, – оказались очень тревожными: вслед за заговором Марино Бокконио (1300) удалось раскрыть ещё более грозный заговор Тьеполо-Кверини (1310), а в 1355 г. пресечь попытку государственного переворота, в котором участвовал сам тогдашний дож – Марино Фальтер³³. Показательно, однако, что меры, принятые Венецианской республикой для предотвращения подобных угроз, носили институциональный характер: в частности, сразу после раскрытия заговора Тьеполо-Кверини был создан Совет десяти (поначалу – временный орган, спустя четверть века ставший постоянным), наделённый чрезвычайными полномочиями. Именно энергичные действия этого совета в 1355 г. позволили быстро раскрыть заговор сторонников дожа Фальтера, и попытка переворота провалилась³⁴.

Таким образом, дело не в абстрактных преимуществах одной формы правления (олигархии) перед другой (демократией), а в том, что венецианцы путём последовательно проведённых реформ сумели создать сложную и эффективную систему управления, обеспечившую Республике внутреннюю стабильность. Ничего похожего мы не видим в Новгороде, где до конца республиканской эпохи так и не были проведены радикальные институциональные реформы. Какой-то неформальный совет из влиятельных лиц (в переписке ганзейских купцов они именуются «господами» – *heren*) в городе, по-видимому, существовал, но он не получил официального статуса (с. 171–176).

Столь разительный контраст между наблюдаемым с XII в. бурным ростом венецианских политических институтов и «косностью» Новгорода, словно застрявшего на стадии «вечевой демократии», нуждается в объяснении. Лукин благоразумно уклонился от постановки такого трудноразрешимого вопроса, ограничившись беглым замечанием о влиянии римского права и «вообще римской политico-правовой ментальности» на быстрый рост политических институтов в Венеции (с. 152). Действительно, влияние римского права (и античного наследия в целом), а также практики управления, сложившиеся в католической Церкви и при дворах светских государей, и успехи венецианской морской торговли – любой из этих факторов или все они вместе могли способствовать динамизму политической жизни республики святого Марка. К сожалению, в поиске причин компаративистика ничем историку помочь не может: чтобы сфокусироваться на выбранной линии сравнения, ему приходится абстрагироваться от многих контекстов изучаемого явления.

Та же проблема, но уже в идеологической плоскости, возникает в третьей, заключительной главе книги, в которой анализируются мифы о происхождении обоих городов и их первых правителей (предания о Гостомысле и Паолуччо Анафесто, варяжская и троянская легенды), сравниваются культуры св. Марка и св. Софии. В итоге Лукин приходит к выводу, что в Новгороде в отличие от Венеции республиканская идеология не получила полного развития. В качестве объяснения отмеченного факта исследователь указывает на два обстоятельства: признание новгородцами себя со второй половины XIII в. отчиной великих князей владимирских (и неготовность полностью порвать связи с Москвой), а также нехватку исторического времени (с. 210–212, 241, 245).

В ранее опубликованной рецензии я обращал внимание на спорность первого тезиса³⁵, особенно – в свете опыта итальянских городов, вынужденных

³³ Норвич Дж. История Венецианской республики. М., 2010. С. 249, 257–261, 299–303.

³⁴ Там же. С. 264–267, 301–302.

³⁵ Кром М.М. Удачный опыт сравнения... С. 396.

в течение столетий лавировать между папой и императором (только Венеция, чувствуя себя в относительной безопасности благодаря островному положению, была избавлена от этой необходимости). Во многих из них боролись между собой группировки гвельфов и гибеллинов, подобно тому, как в Новгороде XV в. соперничали московская и литовская «партии». Пока император оставался далеко за Альпами, он казался неопасным для городских свобод, и некоторые итальянские политики, включая Данте, связывали с идеализированной фигурой монарха определённые надежды. Впоследствии это не помешало итальянским гуманистам создать яркие образцы республиканской идеологии.

Неясно также, что Лукин применительно к Великому Новгороду понимает под «нехваткой исторического времени»: Новгородская республика просуществовала более трёх столетий – срок, казалось бы, немалый! Но, если исследователь имеет в виду, что новгородцы с большим запозданием приступили к идеологическому обоснованию своей независимости – ведь знаменитая формула «Господин господарь Великий Новгород» появилась в источниках только в 1468 г. (с. 233), в разгар решающего противостояния с Москвой, – то с такой интерпретацией событий, в принципе, можно согласиться.

Исчерпывают ли рассмотренные в книге сюжеты всё многообразие сопоставлений, возможных в рамках темы «Новгород и Венеция»? Разумеется, нет. Сам автор предупреждает об этом читателя во введении (с. 15), и о том же свидетельствует избранная им форма очерков. Одна лакуна вполне очевидна: в монографии не хватает сравнительного очерка военной организации Венеции и Новгорода; при этом исследователь признаёт непосредственную связь того факта, что основой новгородского войска вплоть до поражения на Шелони в 1471 г. оставалось ополчение горожан, с сохранением веча как ведущего политического института (с. 251, примеч. 11).

Но то, что удалось сделать автору книги, заслуживает самой высокой оценки. В полной мере раскрылась способность сравнения выискивать ранее незамеченные или недооценённые стороны явлений. Это, прежде всего, относится к вечевому строю Новгорода, недостатки которого в виде постоянной турбулентности, частых вспышек насилия получили наконец адекватную оценку. Но и динамика развития политических институтов, роль идеологии, исторических мифов, религиозных культов и ритуалов в становлении городской идентичности и обосновании независимости Господина Великого Новгорода, – всё это также предстаёт в новом свете, отражаясь в «зеркале» венецианского опыта.

Остается отметить, что, помимо Венеции, сравнение с которой оказалось столь плодотворным, есть немало других городов, которые могли бы составить «пару» Великому Новгороду в компартиативном исследовании. Среди них – иные итальянские коммуны, Дубровник, «вольные» имперские города Германии³⁶. Хочется надеяться, что сравнительно-историческое изучение Великого Новгорода будет продолжено, и успех обсуждаемой книги П.В. Лукина внушает в этом отношении некоторый оптимизм.

³⁶ Попытки такого рода сопоставлений уже предпринимались, но не носили систематического характера. Х. Бирнбаум посвятил краткий сравнительно-исторический очерк Новгороду и Дубровнику (*Birnbaum H. Novgorod and Dubrovnik: Two Slavic City Republics and Their Civilization. A Comparative Sketch. Zagreb, 1989*); П.В. Лукин оценивает его как «довольно поверхностный» (с. 22, примеч. 25). Параллели между Новгородом и «вольными» городами Венгрии и Германии (правда, без развернутого обоснования) можно найти в книге: *Севастьянова О.В. Древний Новгород: новгородско-княжеские отношения в XII – первой половине XV в. М.; СПб., 2011. С. 54.*

Татьяна Матасова: Как правильно сравнивать Новгород и Венецию?

Tatiana Matasova (Lomonosov Moscow State University, Russia):

How to compare Novgorod and Venice correctly?

DOI: 10.31857/S2949124X24060043, EDN: RMZRWJ

Перед исследователем, размышляющим об особенностях развития России и Запада в их сопоставлении, открывается ряд возможностей. Чаще всего учёные идут по традиционному пути изучения многообразного опыта взаимодействия двух миров в сфере дипломатии, военного дела, торговли и культуры, выявляя черты сходств и различий, нередко в рамках парадигмы «свой—чужой». Этот путь уже давно показал свою эффективность: как справедливо писал М.М. Бахтин, «я и другой есть основные ценностные категории, впервые делающие возможной какую бы то ни было действительную оценку»³⁷. Другой путь состоит в выявлении тех ориентиров или элементов сопоставляемых культур, которые можно сравнить типологически, даже если хронологически их существование не вполне совпадает³⁸. Большое значение в этом случае имеет разработка адекватной методологии сопоставления и обоснование выбранной исследовательской стратегии. Несмотря на очевидные сложности, специалисты в последние годы всё чаще идут этой дорогой: мысль о принципиальной возможности подобных исследований уже не вызывает сомнений. Среди избравших эту стезю выделяется П.В. Лукин, известный специалист по истории средневекового Новгорода.

Учёный поставил перед собой масштабную и уже в силу этого весьма сложную задачу сравнения особенностей социально-политического развития Новгорода и Венеции. В начале работы им выдвинут тезис о том, что «Новгород можно сравнивать с Венецией, и такое сравнение может быть наиболее плодотворным» (с. 13). Предпринятое исследование представляет собой развёрнутое обоснование этого утверждения. Автор стремится ответить на вопрос, «можно ли осмыслять политический строй Великого Новгорода в общеевропейском контексте и, конкретно, как вариант европейского коммунального (республиканского) городского строя» (с. 14). Поиск ответа на вопрос о том, какое место занимала средневековая Русь среди государств Европы, не только в области практики двустороннего взаимодействия, но и в области сходств и различий в становлении и развитии общественных отношений и политических институтов, осуществлённый на конкретно-историческом материале, принадлежит к числу исключительно важных задач.

Здесь уместно вспомнить, что не так давно вышла книга А.А. Вовина о средневековом Пскове, во многом, как можно думать, вдохновлённая работами Лукина³⁹. Вовин поставил во многом аналогичную задачу – рассмотреть

³⁷ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 163.

³⁸ Плюханова М.Б. «Плач Богородицы» флорентийский и поморский: типологическое сравнение // *Ad virum illustrem*. К 70-летию Михаила Леонидовича Андреева. М., 2020. С. 613–635; Матасова Т.А. Европейский север и северо-восток в представлениях русских и итальянцев в XIV – начале XVI вв. // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 332–367; Матасова Т.А., Шапов Т.К. Прп. Сергий Радонежский и св. Франциск Ассизский: опыт сравнения идеалов святости по материалам агиографии // Средневековая Русь. Вып. 15. М., 2022. С. 69–116.

³⁹ Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014; Лукин П.В. Новгородское вече в XIII–XIV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече...

Псков в контексте общеевропейского коммунального развития, вписать «младшего брата Великого Новгорода» в широкую панораму европейской истории⁴⁰. По мнению исследователя, Псков, несмотря на некоторые черты внешнего сходства с европейскими городами-коммунами, развивался по особому пути⁴¹. Главными отличиями стало отсутствие во Пскове рецепции римского права (по отношению к Новгороду это ёмко сформулировал Лукин (с. 47)), а также не-ассоциированность псковских политических практик с церковным правом. Вовин пришёл к обоснованному выводу о том, что «Псков и Новгород, лишенные возможности черпать новые-старые формы из языка и практик церкви и античных источников, не могли сдвинуться с уровня ранней коммуны (существовавших в Европе до начала XIII в. – Т.М.) и слабого варианта города-государства»⁴². Словом, книга Вовина – интересный опыт комплексного рассмотрения псковских реалий в общеевропейском контексте.

Учитывая подобную историографическую ситуацию, нет сомнений в том, что крупное исследование общественно-политического развития Новгорода в его сопоставлении с венецианским кажется насущной задачей, тем более что сам этот вопрос поставлен в историографии давно.

В книге Лукина представлен последовательный историко-сравнительный анализ, который осуществлён с традиционно присущей автору обстоятельностью. Исследователю удалось преодолеть «романтическое» восприятие поставленной проблемы, отказавшись от упрощённого её понимания («две торговые республики эпохи Средневековья должны быть похожи»). Будучи тонким знанием русских источников и блестяще ориентируясь в свидетельствах венецианских документов, Лукин не позволяет себе схематизма суждений и выводов: он стремится реконструировать реальность во всём её многообразии. Исключительная эрудиция автора способствует успешной реализации этого стремления.

Занимаясь столь тонкой темой, автор с большим вниманием подходит к проблеме дефиниций, подчёркивая, что под термином «республика» понимается не «народовластие» с присущим ему демократизмом (ни того ни другого ни в Новгороде, ни в Венеции не было, как доказано автором в других работах), а «политический строй, основанный на власти сообщества, включающего в себя полноправное население, которое осуществляет свои полномочия через коллегиальные органы (собрания, советы) и выборных магistratov. Под республиканской идеологией будет поэтому пониматься такая эксплицитно сформулированная система взглядов, которая призвана обосновать право этого сообщества на автономное существование и наличие у него соответствующих институтов» (с. 21).

Состоящая из отдельных очерков книга обладает несомненным смысловым и методологическим единством. Лукин последовательно сравнивает «политический народ» и «народные собрания» в Новгороде и Венеции, подробно останавливается на конфликтах и способах их разрешения в двух государствах, и, наконец, отвечает на вопрос, почему в Новгороде не сложилось республиканской идеологии, подобной венецианской (что, в конечном счёте, стало важной причиной заката новгородской независимости). Каждый из этих крупных

С. 10–60; Лукин П.В. Средневековая «демократия»: «народные собрания» в Новгороде и Венеции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4. С. 23–41.

⁴⁰ Вовин А.А. Городская коммуна средневекового Пскова. XIV – начало XVI в. СПб., 2019.

⁴¹ Там же. С. 370.

⁴² Там же. С. 384.

вопросов, поставленных и раскрытых на богатом материале конкретных случаев, можно разбирать обстоятельно и скрупулёзно. Не ставя перед собой сколь масштабной, столь и амбициозной задачи, я обращу внимание на некоторые сюжеты, которые мне показались наиболее интересными в силу специфики моих собственных научных разысканий.

Большую ценность представляют размышления над истоками, характером и пределами власти дожа в Венеции и высших должностных лиц Новгорода. Лукин приводит важное свидетельство первой половины XVI в. Г. Контарини, описывающего власть дожа как наделённую монархическими чертами: «Царскую власть [в Венеции] олицетворяет дож... который избирается не на определённое время, а пожизненно, и даже внешне напоминает монарха, выражая такое же достоинство и важность. Прочие граждане оказывают дожу царские почести, и все законы, указы и другие государственные постановления издаются от его имени» (с. 33). Это известие источника весьма значимо для историка России, поскольку русские дипломаты и книжники XV–XVII вв. называли венецианского дожа исключительно «князем» или «дукой» (лат. *duca* – военный вождь, от этого слова произошли термины *doge* – «дож» и *duca* – герцог), характеризуя таким образом власть дожа как монархическую⁴³. Интересно, что и в гораздо более позднее время, на излёте XVII в., когда уже имелась довольно серьёзная традиция русско-венецианского взаимодействия, П.А. Толстой и Б.П. Шереметев также называли дожа «князем»⁴⁴. Лукин же использует свидетельство Контарини для доказательства вывода, более значимого в контексте его исследования: «Если смотреть на фигуру дожа из новгородской перспективы, то полного соответствия в новгородской политической системе ему не находится, но можно сказать, что он объединяет в себе черты князя (особенно раннего периода, когда князей, хотя формально и не избирали, но могли пригласить или изгнать) и выборного посадника» (с. 34).

В связи с этим любопытными и приобретающими новый смысл кажутся приведённые в книге факты, свидетельствующие о том, что в Венеции дож вполне мог быть изгнан за такие, на первый взгляд, странные вещи, как охвативший город мор (с. 137–141). Это, кстати, роднит Венецию не только с Новгородом (где со скандалом – «буквально в шею», как пишет Лукин (с. 138) – в 1228 г. изгнали архиепископа Арсения), но и со Псковом, где с образом князя – даже вполне успешного в военном отношении – могли связать начало морового поветрия и потому изгнать (а после окончания мора вновь пригласить на княжение). В.А. Аракчеев подчёркивает сакральность фигуры князя во Пскове, причём «свою праведность ему (князю. – Т.М.) необходимо было доказать, а важнейшим доказательством была милость Божья к жителям Пскова. Особую роль благочестие князя играло во время эпидемий»⁴⁵.

Тем не менее, Лукин вовсе не пытается утверждать полное тождество разобранных им в книге эпизодов новгородского и венецианского «изгнаний за мор», отмечая существенное различие: изгнание представителей власти в Нов-

⁴³ Матасова Т.А. Итальянские политические реалии в русских источниках конца XV – начала XVI в. // Европейское Возрождение и русская культура XV – середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М., 2013. С. 83–85.

⁴⁴ Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699 гг. М., 1992. С. 52, 104; Путешествие по Европе боярина Б.П. Шереметева 1697–1699 гг. М., 2013. С. 49.

⁴⁵ Аракчеев В.А. Средневековый Псков: Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. С. 40–42.

городе обретает в устах летописцев «сложную провиденциалистскую трактовку» (с. 138), вполне традиционную для русской культуры той поры⁴⁶, тогда как венецианские источники этих мотивов практически лишены. Бытовавшая в Венеции поговорка, отражающая самосознание жителей Светлейшей республики, *prima veneziani poi cristiani* (в первую очередь – венецианцы, а потом христиане), подчёркивает эти реалии. Тем не менее важной и обоснованной кажется мысль Лукина, сопоставившего венецианские и новгородские известия о таких изгнаниях: «Общего в венецианских и новгородских волнениях и их описаниях больше», поскольку эти события «связаны с народными собраниями, причём оба были инициированы самими их участниками, а не должностными лицами или элитой» и, более того, были ими «легитимизированы или урегулированы» (с. 142). Бурная республиканская стихия Новгорода в сопоставлении с венецианскими порядками начинает играть новыми и непривычными красками, выступая как славянский «извод» общеевропейской традиции, также не лишённой ожесточённой борьбы, порой по экзотичным по сегодняшним меркам поводам.

Весьма значимыми представляются и размышления Лукина над сутью, казалось бы, привычного понятия «весь Великий Новгород». Автор отмечает, что обозначаемое таким образом новгородское «политическое сообщество» соответствует социально-политическим реалиям Венецианской республики. Это наблюдение стало возможным во многом благодаря тому, что Лукин умеет оценить подлинное значение редких и даже уникальных свидетельств зарубежных источников, которые на первый взгляд носят «проходной» характер. Обратимся к рассуждениям, приведённым в книге: «Когда в 1417 г. ганзейскому переводчику пришлось переводить на средненижненемецкий язык послание ливонским городам новгородского архиепископа, он при передаче, очевидно, выражения “весь Великий Новгород” использовал формулу *gantze geteyne Grote Nougarden*, которая является точным соответствием латинского *cunctus communis N...* А именно это сочетание эпитетов использовалось... по отношению к венецианскому политическому сообществу. Очевидно, ответ на вопрос, почему в Венеции возникло обобщающее понятие *commune* из *communis...* а с древнерусским “весь” такого не произошло, следует, скорее, искать в сфере лингвистических, а не социально-политических различий» (с. 69). В фокусе внимания Лукина – терминология, анализируемая сквозь призму поиска явных и скрытых историко-культурных коннотаций.

Конечно, в этой связи автор вынужден обратить внимание на «неразвитость политического языка» в Новгороде (с. 87), отсутствие устойчивых понятий для обозначения «коммунальных» реалий, что, тем не менее, не означает отсутствия этих реалий как таковых. Тезис Лукина о том, что «при всех различиях между Новгородом на Волхове и Венецией, расположенной на островах Адриатического моря, породили сопоставимые политические формы» (с. 107) доказан в книге, кажется, основательно.

Интересным кажется и представленное в монографии сопоставление свидетельств о небесных покровителях Новгорода и Венеции – Софии Премудрости Божьей и святого Марка⁴⁷. Лукин справедливо отмечает, что почитание

⁴⁶ Лашкин А.В. Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI–XIII вв.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁴⁷ Данная часть монографии является расширенной версией статьи: Лукин П.В. Святой Марк и святая София: республиканские патрональные культуры в Венеции и Новгороде // Восточная Европа в древности и Средневековье. Вып. 33. М., 2021. С. 173–178.

святого Марка в Венеции и святой Софии имеет ряд сходных черт, поскольку обусловлено общей задачей поиска небесного покровителя не просто конкретных территорий, но и в каком-то смысле покровителя их самостоятельности, символического гаранта их «полноты» как политических субъектов. В этом отношении показательно, что венецианцы всегда подчёркивали их равное положение с самим Римом (с. 214). Но ещё более важной в контексте русской истории представляется мысль о том, что «новгородское политическое сообщество, явившееся “сувореном” Новгорода, нуждалось в святом патроне так же, как и “суворены” – личности: короли и князья. Однако у св. Софии (избранной на эту роль. – Т.М.) очень плохо обстояло дело с материальной составляющей культа: не было ни мощей, ни прочих реликвий, ни даже образа, что затрудняло (в отличие от Венеции. – Т.М.) создание и соответствующего республиканского церемониала... При этом сам характер культа провоцировал новгородцев представить Софию в качестве личности, и... в итоге нечто подобное появилось. Речь идёт о довольно загадочном новгородском изводе Софии – Премудрости Божьей в виде “огнезрачного ангела” – крылатой фигуре в царском венце (курсив мой. – Т.М.)» (с. 228–229). Функция князя в Новгороде – столь сложная с точки зрения идеологии, особенно в XV в., когда московские правители уже вовсю смотрели на Новгород как на объект присоединения, – смотрится иначе, если учесть этот компаративный опыт.

В заключении Лукин рассуждает о том, что в Новгороде можно заметить довольно много черт, присущих и социальному-политическому строю Венеции, однако им не удалось в полной мере развиться из-за недостатка исторического времени. При этом автор пытается показать, что Новгород представлял собой не «недоделанный» вариант «полноты» европейского развития, а являлся *особым типом социальному-политического устройства*, которое, тем не менее, смотрится вполне органично в общеевропейской панораме. В этом смысле Лукин подводит солидную доказательную базу под тезис В.Л. Янина о том, что Новгород – это «Северная Венеция» русского Средневековья⁴⁸. Это весьма показательно, учитывая полемику Лукина с Яниным по вопросу о составе веча. Мне близки приведённые в книге наблюдения Лукина о причинах падения Новгородской республики, хотя Венеция уже самим фактом своего длительного существования доказала, что олигархическая республика может оказаться вполне жизнеспособной. Лукин полагает, что «в конкретной ситуации второй половины XV в. вечевая стихия... не помогла, а скорее помешала выживанию республики. Точно также вряд ли помогло Великому Новгороду отсутствие внятных символов и идеологии своей независимости, которые можно было бы, так сказать, “пощупать руками” и за которые стоило бы умирать» (с. 251–252). В этом смысле образ Софии Премудрости Божьей – во многом таинственный, располагающий к серьёзным богословским и не лишенным мистицизма размышлениям о его природе, уступал с точки зрения решения прикладных политических задач венецианскому почитанию святого Марка, на редкость «конкретному» и потому хорошо вписывающемуся в мирские контексты.

По прочтении книги сложно не согласиться с автором в том, что «именно сопоставление с Венецией (курсив мой. – Т.М.) показывает, что аристократический элемент в древнерусской истории, последовательно третируемый в отечественной историографии самых разных направлений (достаточно вспомнить

⁴⁸ Янин В.Л. Расцвет и падение русской Венеции // Родина. 2003. № 12. С. 9–15.

хотя бы глубоко укоренившиеся представления сталинского периода о реакционных боярах – сторонниках “феодальной раздробленности”), недооценивался напрасно (а возвеличивались либо “твёрдая рука” единоличного правителя-самодержца, либо идеальное “народовластие”, достичь которого никогда не получалось» (с. 244).

Рассматриваемая монография П.В. Лукина – блестящий опыт типологического сопоставления новгородской и венецианской культур, двух примеров социально-политического развития средневековых государств, отличающихся оригинальностью форм. Книга представляет собой серёзную веху в изучении такого рода проблематики как в конкретно-историческом, так и в методологическом смысле. Новизна выводов и наблюдений уже дают (и дадут в будущем) богатую почву для размышлений. Не сомневаюсь, что данное исследование о сходствах и различиях общественно-политического развития Новгорода и Венеции станет ориентиром для многих поколений учёных.

Записные книги Разрядного приказа начала XVIII в.

Андрей Захаров

Notebooks of the Discharge order of the beginning of the 18th century

Andrey Zakharov

(Chelyabinsk State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24060053, EDN: RMZMIR

В московских приказах «записными книгами» называли рукописные сборники, периодически пополняемые актуальными сведениями о внутреннем управлении, событиях, средствах государевой казны, с выписками документов разного рода. Записные книги столов Разрядного приказа различны по назначению, комплектованию, структуре и относятся в историографии к нескольким подвидам: приходо-расходные, «денежного сбора», явочные челобитные, полковые, отписки, «всяких дел». Из записных книг Московского стола два последних подвида — документы ежегодного цикла. Записные книги «всяких дел» разрядные служащие составляли для обеспечения ротации городовых воевод 140 российских городов (подчинённых Разряду), регистрации назначений дьяков московских приказов, подневной хроники царского двора, указов и грамот по ведомству Разряда. Если «летопись» придворных событий из «книг всяких дел» XVII столетия в основном опубликована¹ и изучена², то аналогичные «книги» начала XVIII в. не привлекали внимания специалистов, поскольку были утрачены в подлинниках, а их копии долгое время не вводились в научный оборот³. Разрядные «книги (тетради) отискам» XVIII в. сохранились в подлинниках в большем объёме, но распылены по архивным фондам.

Из 79 разрядных записных книг, описанных в 1733 г., сохранились 29 экземпляров с утратами крупных фрагментов⁴. «Книги» погибли во время французской оккупации Московского Кремля в 1812 г.⁵ После бегства Наполеона команда из 67 архивных служащих к осени 1813 г. спасла по разным оценкам от трети до половины документов Разряда. В 1764 г. по описям числилось 2 901 разрядных книг и списков в переплёте, а после французского нашествия —

© 2024 г. А. В. Захаров

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00464.

¹ Дворцовые разряды по Высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его императорского величества канцелярии (далее — ДР). Т. 1—4. СПб., 1850—1855.

² Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссию (далее — РИБ). Т. 11. СПб., 1889; *Новохатко О. В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа. М., 2000; Новохатко О. В. Записные книги «всяких дел» в приказном управлении // Российская история. 2018. № 4. С. 83—89.*

³ Первый перечень «выписок» и краткое описание архива Миллера см.: *Голицын В. Н. Порт-фели Г. Ф. Миллера. М., 1899. С. 23.*

⁴ Последняя дошедшая до нашего времени книга «всяких дел» Московского стола Разряда 1696/97 г. сохранилась приблизительно на 40%. Ежегодные записные книги этого подвида в конце XVII в. содержали более 350 рукописных листов.

⁵ *Бестужев-Рюмин А. Д. Записки и донесения министру юстиции И. И. Дмитриеву // Русский архив. 1896. Кн. 2. С. 371, 377—378, 402.*

лишь 1576⁶. Десять записных книг «всяких дел» XVIII в. утрачены практически полностью, недавно обнаружены лишь три фрагмента из них. В общей сложности ныне выявлено и опубликовано до 15% текста утраченных подлинников записных книг 1701–1708 гг. этого подвида. При их восстановлении использовались критическое прочтение копий записных книг из «выписок» Г.Ф. Миллера и 32 подлинных листа.

Традиция изучения записных книг восходит к трудам Миллера, получившего разрешение работать в архиве Разряда в 1767 г.⁷ Учёный справедливо определил научную ценность «приказных дел» и нанял нескольких писцов архива Коллегии иностранных дел для сбора сведений по российской истории. Часть текстов подлинных записных книг были переписаны в 16 тетрадей. Миллер лично сверял лишь заголовки этих тетрадей по годам, отмечая своей рукой: «В записной книге входящим всяким делам 1701-го года написано тако»⁸. В 1770 г., когда копирование разрядных и посольских «бумаг» в основном завершилось, Миллер предложил кн. М.М. Щербатову свои услуги в переписке «внутриполитических документов» и обязался ежемесячно высылать их копии⁹. Историограф обратился к материалам, использованным при подготовке трёх публикаций: первого издания записных разрядных книг¹⁰; «Записки» о рождении и крещении царевича Петра Алексеевича и рукописи «Ведомость о приказах московских, сочиненная в Разрядном архиве»¹¹. Последний материал использовал позже М.Г. Спиридов в статье-справочнике о московских приказах¹². Миллер стал единственным учёным, работавшим с подлинными записными книгами «всяких дел» Разряда XVIII в. Многие сочинения его и других историков были бы невозможны без «переписной акции» архивных документов столичных и провинциальных учреждений.

После стараний Миллера изучение записных разрядных книг ограничилось тремя десятками подлинников XVII в. Чтобы понять причины умолчания о десяти подлинных экземплярах памятника XVIII в., следует отметить узловые вопросы исследования записных книг. В 1850–1855 гг. коллектив историков под руководством гр. Д.Н. Блудова издал важнейший сборник русских источников XVII в. под названием «Дворцовые разряды». В Москве Археографическую работу для издания выполнили В.М. Ундовский и И.Д. Беляев, в столице – А.Н. Попов и А.Ф. Бычков¹³. В библиотеке П.А. Муханова была обнаружена подлинная записная книга 1689/90 г., из которой издатели извлекли записи дворцовой хроники, отмечая некоторые разнотечения по столбцам¹⁴. Очевид-

⁶ Гоздаво-Голомбьевский А.А. История Разрядного архива // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 5. Отд. I. М., 1888. С. 13–17.

⁷ Дела Разрядного архива в 1764–1771 гг. находились в 17 различных «комнатах»: в пяти палатах на Благовещенском собором, в четырёх палатах в его подклете, в палате у Тайницких ворот, «внизу в 5 покоях» Вотчинной коллегии, в двух палатах на Потешном дворце.

⁸ РГАДА, ф. 199, оп. 1, портф. 130, ч. 16, д. 1, л. 3.

⁹ Переписка князя М.М. Щербатова / Публ. С.Г. Калининой. М., 2011. С. 220.

¹⁰ Повседневных дворцовых временем Государей царей и Великих князей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, записок. Ч. 1–2. М., 1769.

¹¹ РГАДА, ф. 199, оп. 1, портф. 388, д. 3.

¹² Древняя российская вивлиография. Ч. 20. М., 1791. С. 320, 329–330.

¹³ Шохин Л.И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX в. М., 1999. С. 60–64.

¹⁴ Архив СПБИИ РАН, Русская секция, ф. 11, д. 89, л. 98–512 (окончание книги утрачено); ДР. Т. 4. СПб., 1855. Стб. 481–602.

но, что публикаторы владели неполными данными о действительном объёме наследия Миллера в части записных книг¹⁵. Для передачи лакун в придворной хронике конца XVII в. публикаторы не смогли воспользоваться миллеровскими «выписками»¹⁶. Не знал о масштабе труда историографа и Г.В. Есипов, отметивший при издании «дворцовых разрядов» 1690/91 г. утраты текста в начале подлинника¹⁷, которые могли быть восстановлены по «выпискам»¹⁸.

Вольная атрибуция собранных источников привела издателей «Дворцовых разрядов», по справедливому мнению В.И. Буганова, к ошибочному выводу о бытовании особых книг «дворцовых разрядов»¹⁹. Составители многотомного издания, собирая для четвёртого тома однотипные известия из разрядных столбцов и записных книг и прочих «рукописей», фактически произвели деконструкцию записей некоторых документов. Поэтому считать этот сборник реконструкцией какого-либо памятника оснований нет. В дальнейшем Н.П. Загоскин и А.А. Гоздаво-Голомбьевский изучали разрядные документы в контексте устройства самого приказа²⁰. Императорская Археографическая комиссия опубликовала десять разрядных записных книг различного характера²¹. Первое специальное исследование записных книг «всяких дел» Московского стола Разряда XVII столетия принадлежит О.В. Новохатко, издавшей «книгу» 1693/94 г.²² Вопросы истории текста и классификации записных книг затрагивались в историографии, но до сих пор разработаны недостаточно²³.

Разумеется, значение записных книг «всяких дел» в приказном делопроизводстве не может быть определено специфическим самоназванием документов (также именуемых в подлинниках «о всяких делах», «всяким делам»). В каждом разрядном столе существовали собственные книги «о всяких делах», которые, судя по дошедшим свидетельствам, значительно отличались по содержанию. Гибридная структура документов, подобных записным книгам «всяких дел», встречается и в других «разрядных книгах» (например, в послужных книгах «полков» и «походов», условно именуемых историками «смотренными списками»), а «записные книги отпискам» включают тексты указов²⁴. Приказные слу-

¹⁵ ДР. Т. 1. СПб., 1850. С. XXXII. Ср.: РГАДА, ф. 199, оп. 1, портф. 155.

¹⁶ Издатели воспроизвели выписки книг 1696–1697 и 1700 гг., сделанные Миллером и опубликованные Ф.О. Туманским (Дворцовые записки // Российский магазин трудами Федора Туманского. Ч. 2. СПб., 1793. С. 291–349; Ч. 3. СПб., 1793. С. 77–125, 157–204, 370–435).

¹⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 6а, д. 25, л. 1–2; Есипов Г.В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. С. 389.

¹⁸ РГАДА, ф. 199, оп. 1, портф. 130, ч. 14, д. 1, л. 1–2 об.

¹⁹ Буганов В.И. «Дворцовые разряды» первой половины XVII в. // Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 252–256.

²⁰ Загоскин Н.П. Столы Разрядного приказа по хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции книгам их. Казань, 1879. С. 8–9; Гоздаво-Голомбьевский А.А. Столы Разрядного приказа в 1668–1670 годах // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. № 7. С. 1–17.

²¹ РИБ. Т. 9–11. СПб., 1884–1889. Полный экземпляр записной книги «всяких дел» конца XVII в. не изучался как источник, хотя подневная хроника царского двора 1689/90 г. этой «книги» опубликована (ДР. Т. 4; Архив СПБИИ РАН, Русская секция, ф. 11, д. 89).

²² Новохатко О.В. Записные книги Московского стола... С. 25–53.

²³ Гоздаво-Голомбьевский А.А. Столы Разрядного приказа... С. 3–4; Качалкин А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. 2. М., 1988. С. 21–53; Петров К.В. Проблемы изучения записных книг Разрядного приказа «о всяких делах» // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 4. М., 2001. С. 45–54.

²⁴ Так, в записной книге отпискам зафиксировано несколько текстов указов 1705 г., неизвестных по другим источникам (РГАДА, ф. 210, оп. 8, вяз. 35, д. 1).

жащие записывали памяти и указы, росписи служилых людей, запасов и «денноной казны» в различные «книги о всяких дела», отмечая таким образом комбинированный характер приказных сборников документов. Однако именно записные книги «всяких дел» Московского стола имели статус незаменимых официальных справочников, отличаясь от документов с похожим названием из других столов назначением, содержанием и «парадным» оформлением.

Достоверность «выписок» Г.Ф. Миллера и идентификация записных книг установлены при сопоставлении с подлинными фрагментами, сведениями описи 1733 г.²⁵ и заметками о переплете разрядных документов²⁶. «Выписки» из книг 1701–1708 гг. составили 248 страниц, что соответствует примерно 350 листам из подлинных книг «всяких дел». Миллер не упоминал книги 1702²⁷ и 1709–1710 гг., которые, безусловно, существовали, но к 1733 г. были утрачены в Разрядном архиве. Анализ содержания записных книг эпохи Северной войны по описи 1733 г. убеждает, что они относятся к подвиду «книг всяких дел». В них содержались росписи приказных дьяков; городовых воевод, подневная хроника царского двора в Москве. В описи и «выписках» Миллера отмечены указы о введении венгерских кафтанов, медных денег, высылке ратных людей на службу, пожаловании в чины; о царских «выходах и походах», «крестном хождении» (1700–1708); о прибытии в Москву послов (1701); о смерти царевны Татьяны Михайловны (1706)²⁸. Миллер действовал согласно своим представлениям о ценности исторических данных, вероятно, приказав копировать подневную хронику, письма и указы, исключая росписи воевод и дьяков.

Качество переписки Миллером старинных документов во время Камчатской экспедиции вызвало споры историков²⁹. Правомерно задать тот же вопрос и в отношении его «выписок» из записных книг. Текстологический анализ копийного материала и листов подлинных записных книг «всяких дел» 1701 и 1705 гг. показывает, что переписчик отличался аккуратностью. Часть известий он сознательно пропускал, но выбранные фрагменты не сокращал³⁰.

²⁵ Фрагмент описи 1733 г. о книгах 1676–1708 гг. см.: Захаров А.В. Записные разрядные книги «всяким делам» рубежа XVII–XVIII вв.: археография и атрибуция подлинников // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2019. № 1. С. 145–148.

²⁶ В разрядных приходно-расходных книгах встречаются такие записи: «1705-го февраля в 22 день по указу в.г. переплетен боярский список да записная книга всяких дел... а записная в белую кожу; а по договору за приклад и за работу переплетчику Власу Ерофееву довелось дать денег рубль» (РГАДА, ф. 210, оп. 6ж, д. 257, л. 37).

²⁷ Дьяк И.И. Уланов и подьячий Я. Обрашов, будучи «у переписки разрядных дел», подготовили в 1716 г. выписку «О всех знатных делах воинских, гражданских, так же и о розыскных» (с 1682 г.), в том числе по разрядной записной книге 1702 г. (Там же, ф. 248, оп. 12, д. 650, л. 474–616; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. 5. Кн. 2. СПб., 1897. С. 1124–1173).

²⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 20, д. 225, л. 78–80. Опубликованный «Чин погребения царевны» по структуре характерен для записных книг с росписью «дневаний» думных людей (Древняя российская вивлиофики. Ч. 14. М., 1790. С. 111–122).

²⁹ С.В. Бахрушин и А.И. Андреев ответили на замечания, выдвинутые Н.Н. Оглоблиным, сливившим документы «якутской архивы» XVII в. с выписками Миллера и увидевшим якобы его «произвол при выписке подлинных актов» – пробелы и вставки. Возражая Оглоблину, историки заметили, что Миллер не переписывал лично массовые подборки документов, а качество работы зависело от конкретного переписчика (Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1937. С. 23, 36, 125–127).

³⁰ Например, в «выписках» из записных книг 1701 г. не отражены указ об отсрочке исков от 7 августа 1701 г., нет записей о назначении дьяка И. Иванова и литургиях, росписей участников крестных ходов в честь праздника Успения Богородицы в августе 1701 г., а текст о праздновании Новолетия передан дословно. В «выписках» за 1705 г. пропущены известия о панихиде по царе Фё-

Информативную ценность «выписок» Миллера трудно переоценить. Детальные сведения из дворцовой хроники начала XVIII в., переписанные по заказу историографа, не известны по другим приказным документам. Интересна запись о втором прибытии в Москву прусского посланника М.Л. фон Принцена. По указу Петра I от 21 июня 1701 г. думные люди должны были поставить на царскую конюшню «кореты нарядные о шти, а у кого нет, о двух возниках», которым полагалось быть «в нарядном платье в французских и в венгерских или в русских, какие у кого кафтаны есть». 24 июня царь принял фон Принцена «с листом» в Столовой палате Кремля. Тогда же состоялось награждение «кавалерийей» посланника прусского короля – третье в истории ордена Св. Андрея Первозванного. Думцы вышли в камчатых и суконных «французских цветных кафтанех, а рынд при нем, великому государю, не было»³¹. В «выписках» дословно передаются известия о праздновании Новолетия в Москве в 1701–1708 гг., указы о поставлениях митрополитов и «молебном пении» в Успенском соборе, пушечном салюте в Москве в честь покорения Ниеншанца (11 мая 1703 г.) и «о взятии дву кораблей, которые по взятии города Канец приходили на помочь» (19 мая 1703 г.), «а во время того на Красной площади и в застенке ис пушек была стрельба»³².

Большинство текстов царских указов, известных сейчас по записным книгам XVIII в., ранее не входили в крупные публикации, а большая часть изданных – копированы. Так, составители «Полного собрания законов Российской империи», работавшие под руководством М.М. Сперанского, удаляли начальный и конечный протоколы документов, сокращали³³ и транслировали тексты по не всегда исправным спискам³⁴. Из 61 «указа» за 1701–1705 гг., выявленных из «выписок» Миллера, только 25 текстов опубликованы в ПСЗ. Около половины пропущенных указов из записных книг посвящены персональным назначениям и награждениям, 14 указов – о службе царедворцев. Два ранее неизвестных указа касаются деятельности боярской комиссии, управлявшей Москвой: 14 марта 1703 г. (боярам кн. М.А. Черкасскому, И.А. Мусину-Пушкину и думному дьяку А.И. Иванову надлежало «быть на Москве» во время «похода» Петра I в Шлиссельбург) и 19 февраля 1705 г. (боярину кн. М.А. Черкасскому и думному дьяку А.А. Виниусу указано «быть на Москве» после отъезда царя в Воронеж). Ошибки переписчика в орфографии редки и типичны для чтения и запоминания при диктовке текста³⁵.

Обращусь к спискам городовых воевод XVIII в. из записных книг «всяких дел», которые, казалось бы, потеряны навсегда. Достоверность реконструкции утраченных документов нередко встречает возражения текстологов, поскольку

доре, о крестных ходах 9–29 июня, а указы 9 июня и 5 июля приведены дословно (РГАДА, ф. 199, оп. 1, портф. 130, ч. 16, д. 1, л. 15–16 об.; д. 5, л. 7–8; ф. 210, оп. 8, вяз. 34, д. 75, ч. 1, л. 1–12; оп. 21, д. 1330, л. 1–10 об.).

³¹ Там же, ф. 199, оп. 1, портф. 130, ч. 16, д. 1, л. 12–12 об., 15.

³² Там же, ч. 16, д. 3, л. 4.

³³ Один из подлинных фрагментов записной книги 1701 г. (указ от 21 июня) идентифицирован по выписке Миллера. Это образец грамоты владимирскому воеводе стольнику М.С. Свечину о высылке владимирских помещиков на службу в Новгород, в Большой полк. Подобные грамоты исключались из публикаций в ПСЗ (Там же, д. 1, л. 13–14; ф. 210, оп. 20, д. 1144).

³⁴ Воробьёв А.В. Российское законодательство в записных книгах Разрядного приказа начала XVIII века // Вестник государственного и муниципального управления. Т. 10. 2021. № 4(42). С. 117–124.

³⁵ РГАДА, ф. 199, оп. 1, портф. 130, ч. 16, д. 3, л. 3; д. 5, л. 2 об.–3.

верификация воссозданных текстов, как правило, невозможна. Тем не менее в историографии предпринимались удачные попытки восстановления погибших текстов на основе записей синхронных документов, сопровождавших (или цитировавших) рукопись, позже утраченную. В 1970-х гг. Р.В. Овчинников, предприняв трудоёмкую работу, частично восстановил тексты более сотни утраченных указов и манифестов Емельяна Пугачёва³⁶.

Полнотекстовая реконструкция по текстам синхронных документов Разряда возможна и в отношении росписей воевод. Разрядные подьячие составляли «справочные письма» (по заручным челобитным, поступавшим от претендентов на воеводство), в которых дословно цитировали фрагменты записных книг «всяких дел» о датах вступления городовых воевод в должность, иногда указывая «отпуски» (даты назначений), ссылаясь на название подлинника. Воеводство в большинстве городов продолжалось два года, с подневной точностью расчёта срока, который мог увеличиться, если разрядный судья одобрял новое прошение о годовом продлении полномочий. Роспись воевод и воеводских товарищей 140 российских городов, подчиненных Разряду, занимала более сотни листов в каждой записной книге «всяких дел».

Текстология около 80 синхронных «справочных писем» позволила критически восстановить часть текста утраченной росписи 1706 г. – записи о воеводах 64 городов с датировкой их вступления в должность. После публикации текста этой реконструкции был обнаружен 24-листовой фрагмент подлинной росписи воевод из записной книги 1705 г., составленный разрядным подьячим П. Алексеевым (подлинная роспись 1705 г. редактировалась в течение года ещё несколькими служащими). Обычно полный текст ежегодных росписей и служебных списков предшествующего года писцы брали в качестве «исходного текста» при составлении нового документа – в данном случае для росписи воевод 1706 г., позже утраченной и частично мною восстановленной. Подлинный фрагмент 1705 г. позволяет верифицировать первоначальный текст (без редактирования в течение года) росписи воевод 1706 г. Из 25 записей о воеводствах из обнаруженного фрагмента в воссозданной росписи 1706 г. удалось дословно воспроизвести 19³⁷. В росписях воевод с 1705 г. приказные подьячие начали отмечать назначение воеводских товарищей и продление срока воеводства («зажитие») в связи с отъездами глав уездов по делам снабжения армии. С помощью росписей обеспечивались стабильная ротация местных администраторов и точное соблюдение сроков их правления.

Механизм назначения городовых воевод до 1711 г. был тщательно отработан и устроен сложнее, чем принято считать. Заслуживает внимания отражённая в росписях практика подачи челобитных о «зажитии» воеводства – продлении воеводской службы на срок, равный времени исполнения воеводой «государевых дел» вне уезда.

Челобитные на получение городового воеводства поступали от одного или нескольких претендентов, вследствие чего в разрядных документах мож-

³⁶ Р.В. Овчинников также опробовал методику эскизной реконструкции общего содержания документа (Овчинников Р.В. Манифести и указы Е.И. Пугачёва. Источниковедческое исследование. М., 1980).

³⁷ Захаров А.В. Реконструкция росписей воевод и особенности воеводских назначений в начале XVIII века // История: факты и символы. 2020. № 4. С. 63–80; Захаров А.В. Подлинная роспись воевод 1705 г. и синхронная документация Разрядного приказа // История: факты и символы. 2021. № 3. С. 141–161.

но извлечь до 80 выписок за год. Как видно по заручной челобитной стольника С.М. Дурова, просившего в январе 1710 г. «за многие службишка быть на Крапивне воеводою на Иваново место Дурова», подьячие приискали точную справку, цитируя документ: «В записной книге всяких дел нынешняго 710-го году написано: на Крапивне столник Иван Яковлев сын Левшин октября з 10-го числа 708-го году»³⁸. Подобные записи дают право утверждать, что разрядные книги «всяких дел» служащие Московского стола вели до 1710 г. включительно.

Разрядный приказ до 1711 г. управлял городовыми и полковыми воеводами, «посыльными» из приказов посредством грамот, отправляемых в уезды, и отписок, получаемых в ответ (такая система отражена записной книгой 1664/65 г.)³⁹. В начале XVIII в. на каждой из последних дьяки помещали свои резолюции («пометы»), которые затем дословно излагались подьячими в записных «книгах отпискам» по хронологии поступления⁴⁰. Подьячие Московского стола в 1705 г. обработали не менее 2200 отписок, а Приказного стола (по данным за 1701 г.) – около 150. Решения дьяков по 99% отписок за 1705 г. принимались в течение 1–3 дней, до 4–5 дней на судейском столе задерживалось всего 0,9% из них, что показывает скорость решения дел⁴¹. Столь высокая эффективность достигалась распределением отписок между подьячими столов и дьяками. Резолюции дьяков в ответ на отписки, присланные по грамотам других дьяков, минимизировали коррупцию в этом направлении. Разряд создал надёжную систему принятия решений по отпискам местных администраторов и глав «комиссий» (воевод, посыльных царедворцев, подьячих): от курьера к дьяку, затем в повытье «к записке в книгу», а после регистрации – в стол или повытье, курировавшие определённое «дело», вновь утверждаемое дьяком для посылки приказной грамоты в уезд.

В приказе существовал особый способ идентификации документов для их распределения между служащими. С помощью рукописных монограмм, поставленных на отписках в момент регистрации, обозначались столы и начальники повышений, получавшие резолюцию дьяка для исполнения⁴². Система принятия решений и механизм их контроля раскрывают отложенную систему приказной логистики документов и разделения управлеченческого труда. «Книги отпискам» в начале XVIII в. продолжали действовать для регистрации «входящей документации» и решений дьяков и оставались неотъемлемой частью эффективного контроля текущих решений приказа. Такая система существовала задолго до указа Петра I (1707) о персональной ответственности его «министров» за принятые решения – «ибо сим всякого дурость явлена будет».

После преобразования Разряда в сенатский стол отписки из провинций стали фиксировать подьячие Канцелярии Правительствующего Сената. Составление сенатских «книг записных отпискам» (на примере «книги» за май–декабрь

³⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 7б, д. 51, л. 20 об.

³⁹ Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиесю наук. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. Т. 3. СПб., 1901.

⁴⁰ Наиболее полно сохранились «тетради отпискам» за 1705 г. и фрагментарно за 1703–1704, 1707–1709 гг. (РГАДА, ф. 210, оп. 8, вяз. 34, д. 1; вяз. 35, д. 1; вяз. 36, д. 1; вяз. 49, д. 62; вяз. 50, д. 32; вяз. 55, д. 9–10; вяз. 57, д. 53; оп. 21, д. 1224; д. 2381).

⁴¹ Захаров А.В., Воробьёв А.В. Записные книги отпискам начала XVIII в.: информативные возможности и внутренняя коммуникация Разряда // Magistra Vitae. 2020. № 2. С. 122–124.

⁴² Расшифрованы 16 выявленных монограмм (Там же. С. 123).

1713 г.) воспроизвело разрядный механизм обработки аналогичных документов: отписки поступали от губернаторов; резолюции по ним выносили сенатские дьяки (С. Иванов, Т. Палехин, Е. Пронский); текст «книги» не разделялся на «тетради», закреплённые прежде персонально за разрядными дьяками⁴³. Образцы ранее выработанной приказной документации вносились в практику работы нового учреждения служащими Разряда, устроенными в Сенат⁴⁴.

В историографии разработаны далеко не все вопросы истории московских приказов XVII–XVIII вв. Однако уже сейчас очевидно, что аргументация сторонников тезиса об анахронизме московских учреждений в начале XVIII в. складывается вне исследования приказного быта. Спорный тезис о «кризисе» приказного устройства в России основан в том числе на личном мнении Петра I о Московском государстве, якобы «нераспоряженном пред сим» до коллегий⁴⁵.

В начале XVIII в. разрядные служащие с помощью записных книг повторяющегося цикла обеспечивали решение нескольких задач государственной важности: ротации воевод и дьяков, замещения летописной традиции, фиксирования царских указов, регистрации приказных решений. Несмотря на постоянные «отлучки» Петра I из столицы, подневная хроника царского двора в Москве велась до 1711 г., а практику составления «книг отпискам» заимствовал Сенат. Формуляр записных книг изменялся постепенно и не исключал новаций. Благодаря подлинным фрагментам и реконструкции текстов очевидно, что утраченные и сохранившиеся подлинники разрядных записных книг первого десятилетия XVIII в. имеют самобытную историю.

Рассмотренная документация опубликована на сайте продолжающегося электронного ресурса «Записные книги Разрядного приказа. XVIII век»⁴⁶ в режиме свободного доступа и снабжена инструментами полнотекстовой навигации по выходным данным документов, указателю имён и топонимики⁴⁷. Дальнейшая публикация разрядных записных книг позволит продолжить их исследование для понимания эволюции практик делопроизводства, коммуникации приказных и местных администраторов и введения в оборот новых исторических данных.

⁴³ РГАДА, ф. 210, оп. 6ж, д. 160.

⁴⁴ Опыт работы в Разряде имели 52 из 87 сенатских подьячих, пятеро из которых к 1714 г. получили дьячество (Доклады и приговоры... Т. 1. СПб., 1887. С. 321–322).

⁴⁵ Цит. по: *Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века*. СПб., 1997. С. 98.

⁴⁶ *Захаров А. В. Информационно-поисковая полнотекстовая система «Записные книги Разрядного приказа. XVIII век»* (URL: <http://zaharov.csu.ru/zrk.pl> (дата обращения: 04.05.2021)).

⁴⁷ Методика электронной публикации текстов на основе реляционных баз данных за несколько десятилетий зарекомендовала себя как наиболее надёжная для оперативного издания документов делопроизводства и оптимальная при археографическом сопровождении, корректировке и пополнении данных.

Политика России в Речи Посполитой накануне и в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Борис Носов

Russian policy in the Polish-Lithuanian Commonwealth
on the eve and at the beginning of the Russo-Turkish War of 1768–1774

Boris Nosov

(Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24060067, EDN: RMXGGB

Обращаясь к истории российско-польских отношений XVIII в., отрадно отметить, что в нынешнем 2024 г. выдающийся польский историк, профессор Варшавского университета Зофья Зелиньска отметила юбилей. Её фундаментальные труды охватывают период от 1730 до 1790-х гг. И неизменно в центре внимания польского учёного была история отношений Речи Посполитой и России в самом широком смысле этого слова. При этом основой творческого метода Зелиньской неизменно было детальное и скрупулёзное изучение архивного материала и, прежде всего, материалов российских архивов, исследованию которых она посвятила более 30 лет, заслуженно считаясь в этой области непревзойдённым специалистом¹. Публикацией настоящей статьи я хотел бы отдать долг искренней признательности нашей глубокоуважаемой коллеге.

История русско-турецкой войны 1768–1774 гг. получила в отечественной историографии хотя и широкое, но одностороннее освещение. Казалось бы, это событие нашло отражение во всех без исключения учебниках и обобщающих трудах по истории России второй половины XVIII в. В специальной военно-исторической литературе достаточно подробно освещён ход военных действий, вклад в победу полководцев, солдат и офицеров русской армии. Однако политические аспекты истории войны 1768–1774 гг. рассматриваются в отечественных исследованиях весьма схематично, поверхностно и преимущественно вне взаимосвязи с польской политикой Петербурга.

Центральным тезисом российской историографии стало утверждение, что в итоге русско-турецкой войны 1768–1774 гг. была решена историческая задача завоевания выхода к Чёрному морю и ликвидации более двух столетий на-висавшей над Россией угрозы со стороны Крымского ханства и Османской Порты. Отмечается также, что завоёванная победа открыла путь к освобождению народов Юго-Восточной Европы от османского ига.

Изучение русскими историками войны 1768–1774 гг. берёт начало в середине XIX в. С тех пор основополагающими в этой области на протяжении более полутора столетий неизменно остаются работы С.М. Соловьёва, А.Н. Пет-

© 2024 г. Б.В. Носов

¹ О вкладе З. Зелиньской в науку см.: Носов Б.В., Фалькович С.М. К юбилею Зофии Зелиньской // Славяноведение. 2015. № 1. С. 116–118.

рова и Н.Д. Чечулина². Специальные исследования отечественных историков XX – начала ХХI в. посвящены преимущественно военно-историческим аспектам или отдельным частным проблемам и сюжетам³. Исключение, только подтверждающее данное суждение, представляют две монографии Е.И. Дружининой второй половины 1950-х гг.⁴ Причём историю войны и мира в Кучук-Кайнарджи она трактовала в духе характерной для советской историографии концепции освободительной миссии России в Молдавии. В известной мере традиции, заложенные в трудах Дружининой и других советских исследователей освобождения Юго-Восточной Европы от турецкого владычества, развиваются в наши дни в работах В.Б. Каширина, опубликовавшего в начале 2024 г. статью, посвящённую днестровской кампании 1769 г. и стратегии России в отношении княжества Молдавия⁵. В ней не затрагиваются вопросы польской политики Петербурга, за исключением упоминания об идее присоединения занятой русской армией Молдавии к Речи Посполитой. Тем не менее высказанные Кашириным суждения касаются и рассматриваемых мною проблем.

Из зарубежной историографии российские авторы часто обращаются к посвящённому эпохе Екатерины II труду И. Мадариаги⁶, который по названной проблеме базируется в целом на «Истории России» Соловьёва и классической работе А. Сореля⁷.

Связанная тематически с историей русско-турецкой войны 1768–1774 гг. польская историография посвящена политическому кризису в Речи Посполитой 1760–1770-х гг. и международному конфликту вокруг Польско-Литовского государства, приведшему к первому разделу Польши. Круг этих проблем обширен⁸. Ограничусь лишь упоминанием имён выдающихся польских историков XX столетия: В. Конопчинского, Е. Михальского, Э. Ростворовского⁹, труды

² Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. XIV. Т. 27–28. М., 1994; Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1769–1774. Т. 1–5. СПб., 1866–1874. Фундаментальный с военно-исторической точки зрения труд Петрова в области истории российско-польских отношений 1760–1770 гг. опирается преимущественно на свидетельства К. Рюльера (см.: *Rulhiere C.C. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrément de cette république. Vol. 1–4. P., 1807*) и польскую литературу первой половины XIX в., чем объясняется присутствие в нём ряда недостоверных фактов и существенных искажений в описании и анализе польской политики Петербурга. См. также: Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896.

³ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958; Лебедев А.А. У истоков Черноморского флота России. Азовская флотилия Екатерины II в борьбе за Крым и в создании Черноморского флота (1768–1783 гг.). СПб., 2011; Гребенщикова Г.А. Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. 1–3. СПб., 2020–2023; Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство: geopolитическая ситуация в Северном Причерноморье в период с 30-х гг. XVIII в. по 1783 г. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013; Каширин В.Б. Освободитель Бухареста. Тайный эмиссар Екатерины II подполковник Назар Каразин (1731–1783). М., 2022.

⁴ Дружинина Е.И. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года. Его подготовка и заключение. М., 1955; Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800. М., 1959.

⁵ Каширин В.Б. Днестровская кампания генерала князя А.М. Голицына 1769 г. и стратегия России в отношении княжества Молдавия в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 годов // Славяноведение. 2024. № 1. С. 5–31.

⁶ Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2006.

⁷ Sorel A. La Question d'Orient au XVIIIe siècle. Le Partage de la Pologne et le Traité de Kaynardji. P., 1902.

⁸ Serejski M.H. Europa a rozbioru Polski. Studium historiograficzne. Warszawa, 1970.

⁹ Konopczyński W. Konfederacja barska. Т. 1–2. Warszawa, 1991; Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej. Т. 1–2. Warszawa, 1986; Michalski J. Początki panowania Stanisława Augusta (1764–

которых составили золотой фонд польской историографии, в том числе и по названной проблематике. Все они констатировали, что Барская конфедерация как широкое движение консервативной польской и литовской шляхты стала ответом на предательство магнатской олигархии, вступившей в сговор и подчинившейся политическому давлению правительства Екатерины II. С точки зрения польских учёных, действия восставших конфедератов послужили только поводом к развязыванию русско-турецкой войны, к которой Оттоманскую Порту подталкивали Версаль и Вена.

В современной историографии за пределами России и Польши общепринятой является концепция, что непосредственной причиной русско-турецкой войны стало стремление Екатерины II к политическому доминированию в Речи Посполитой, что нашло выражение в установлении российской гарантии государственного строя, сословной и политической системы Польско-Литовского государства, а также в присутствии в Польше русских войск, ведших боевые действия против Барской конфедерации. Поводом же к войне стал разгром гайдамаками приграничного турецкого местечка Балта. Свою роль в развязывании войны сыграла и политика великих держав, в первую очередь Франции, стремившейся противодействовать возрастанию значения России в Европе и укреплению её позиций в Причерноморье. При этом польская политика Петербурга того периода практически не рассматривалась (за исключением отдельных наблюдений Соловьёва и тезиса М.Г. Мюллера о кризисе российской политики контроля над польско-литовской шляхетской республикой)¹⁰.

В настоящей статье я рассматриваю политику России в Речи Посполитой в начальный период русско-турецкой войны от времени несостоявшегося польского сейма в ноябре 1768 г. до конца года, когда в Петербурге разрабатывались планы грядущей военной кампании против Порты и меры в Речи Посполитой, призванные сохранить российское политическое господство в шляхетской республике. Основным источником для статьи стала дипломатическая корреспонденция русского посла в Варшаве кн. Н.В. Репнина с его шефами в Петербурге — как хранящаяся в Архиве внешней политики Российской империи в Москве, так и опубликованная в сборниках Императорского Русского исторического общества.

Говоря о причинах русско-турецкой войны, Соловьёв начал её предысторию с описания гайдамачины (колиивщины) на правобережье Днепра, положения в Турции, вызывавшего опасения как русского резидента в Константинополе А.М. Обрезкова, так и в Петербурге, в связи со сменой султанского правительства (заменой визиря и рейс-эфенди, ведавшего иностранными делами). Историк рассмотрел позицию Австрии и Франции, подталкивавших Порту к войне с Россией. Султан воспользовался инцидентом в Балте и повелел заключить Обрезкова в Семибащенный замок, что по турецким обычаям означало объявление войны. В итоге, по словам Соловьёва, «среди торжеств и поздравлений» по случаю привития императрице и наследнику оспы, Екатерина II «была сильно озабочена турецкою войною, совершенно неожидан-

1772); *Diplomacja Polski w latach 1764–1795 // Historja dyplomacji polskiej. T. 2.* Warszawa, 1982; *Michalski J. Schyłek konfederacji barskiej.* Wrocław, 1970; *Rostworowski E. Historia powszechna. Wiek XVIII.* Warszawa, 1977; *Rostworowski E. Polska w układzie sił politycznych XVIII wieku // Polska w epoce Oświecenia.* Warszawa, 1971. S. 191–205; *Rostworowski E. Ostatni król Rzeczypospolitej. Geneza i upadek Konstytucji 3 Maja.* Warszawa, 1966.

¹⁰ Müller M. G. *Die Teilungen Polens 1772, 1793, 1795.* München, 1984.

ною, к которой Россия вовсе не была готова»¹¹. Тезис о неготовности России к войне Соловьёв обосновал содержанием обсуждения военно-политических проблем на первых заседаниях императорского Совета. По его словам, Екатерина намеревалась возродить елизаветинскую Конференцию при Высочайшем дворе, против чего был настроен руководитель русской внешней политики гр. Н.И. Панин, так как это означало конец его власти и влияния. Так, констатировал Соловьёв, «родилась идея Совета»¹².

Первое собрание Совета состоялось 4 ноября 1768 г. Перед присутствовавшими высшими сановниками Екатерина поставила три вопроса: «1) какой образ войны вести; 2) где быть сборному месту; 3) какие взять предосторожности в рассуждении прочих границ империи?»¹³. Было решено провести чрезвычайный рекрутский набор в дополнение к предыдущим, в 1767 г., и к уже объявленному недавно, в октябре 1768 г., рассмотрен вопрос «о целях войны» и об экспедиции в Средиземное море.

Вопросы императрицы и рассуждения её приближённых¹⁴ свидетельствовали, что война разразилась неожиданно, и требовалось принимать экстренные меры по мобилизации сил и средств для её ведения, по формулированию стратегии и тактики военных действий. Однако вывод Соловьёва о неподготовленности к войне всё же едва ли оправдан. Ещё в 1764–1765 гг., когда в России после Семилетней войны проводилась реформа армии, самый многочисленный армейский корпус (более 100 тыс. человек – около половины от общей численности армии) был выделен для войны с Турцией. В 1760-х гг. продолжалось строительство пред назначенной для борьбы с Крымским ханством и Турцией Украинской укреплённой линии, которое не останавливалось и в 1770 г. Линия должна была служить как для обороны южных границ, так и в качестве базы для наступления в направлении Крыма и устья Днепра. Создаваемая Паниным политическая Северная система предусматривала соглашения с иностранными государствами на случай войны с Османской империей, что было зафиксировано в союзнических трактатах с Пруссией 1764 и 1767 гг. и вытекало из обсуждаемого замысла русско-польского союза в 1760-х гг. Правительство в Петербурге имело в виду планы войны с Турцией, ведя переговоры о присоединении к Северной системе Великобритании и рассчитывая, что английское морское могущество позволит противодействовать усилиям Франции в поддержку турецкого союзника Версаля и окажет содействие русскому флоту в походе и в операциях в Средиземном море. О том же свидетельствовало приглашение в 1764 г. британских морских офицеров на русскую службу и предложение гр. А.Г. Орлова в Совете об экспедиции в Архипелаг. За этими планами стояла сама Екатерина II, и подобные замыслы вынашивались задолго до ноября 1768 г.

Реальность угрозы войны с Турцией принималась в расчёт ещё в марте–апреле 1768 г., когда в петербургских верхах и русскими генералами в Речи Посполитой во главе с послом кн. Репниным разрабатывались планы борьбы

¹¹ Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 234–243, 267.

¹² Там же. С. 268. Мнение Соловьёва о закате политического влияния при петербургском дворе гр. Н.И. Панина на рубеже 1760–1770-х гг. весьма существенно, и поставленная проблема достойна подробного рассмотрения. Согласно большинству исследователей, Панин и в дальнейшем (до 1780 г.), хотя бы формально, играл одну из главных ролей при петербургском дворе.

¹³ Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 269.

¹⁴ Там же. С. 271–275.

с Барской конфедерацией. В середине марта 1768 г. Репнин в депеше Панину изложил план действий против повстанцев. По его словам, в связи с восстанием конфедератов было возможно безотлагательно собрать в Варшаве Сенатский совет и от имени Сената Речи Посполитой обратиться к Екатерине II как к гаранту польской конституции. Однако, замечал посол, это стало бы «нарушением традиции и законов» шляхетской республики, поскольку такое обращение есть прерогатива сейма. Провести же сейм без конфедерации противников Бара, констатировал посол, невозможно, так как в этом случае сейм будет разорван. Поэтому следует «собрать маленькую конфедерацию» в Варшаве, в любом случае необходимо применить войска и сохранить в незыблемости позиции России в Польше¹⁵. Репнин указывал, что война с конфедерацией грозит вызвать большую войну с Портой, чего желательно избежать, однако, по мнению посла, лучше «их (турок. – Б.Н.) предупредить, нежели ещё более возгордить чрезвычайными уважениями к их прихотям»¹⁶. Следовательно, посол не исключал даже превентивного наступления против Турции.

Опасения Репнина вполне разделяли в Петербурге. В ответной депеше от 31 марта Панин предоставил послу полную свободу действий для «скорейшего разогнания мятежников». Он писал, что направляет ему в качестве инструкций своё письмо, адресованное русскому резиденту в Константинополе Обрезкову. Из письма следовало, что в России не остановятся перед крайними мерами «в утверждении одержанных в Польше знатных успехов». Однако Панин просил Репнина использовать все возможности, чтобы «без крайней нужды не дойти до неприятности с турками», не приближаться к турецким границам и тем более не нарушать их и «не переходить к встрече с чужими войсками в их земле»¹⁷.

В письме же Обрезкову в Константинополь Панин детально описывал, как оценивали в Петербурге положение в Речи Посполитой, писал о намерении не выводить русские войска из Польши, на чём неизменно настаивали турки. Обрезкову поручалось иметь в виду, что барские конфедераты будут искать поддержки у Турции и Крымского ханства, а также послужат инструментом французского двора. Об этом, по словам Панина, свидетельствовала деятельность шевалье Ф. Тотта – эмиссара секретной дипломатии Версаля в Бахчисарае¹⁸. Последнее могло стать для Петербурга одним из многих признаков того, что в развитии русско-турецких противоречий за спиной Ottomanской Порты, как и прежде, стояла Франция. Это, разумеется, не было секретом для русского двора.

Будучи в центре событий в Варшаве, Репнин настаивал на немедленном начале военных действий против конфедератов и, признавая неизбежность войны с Турцией, понимал, что установленная Россией в Речи Посполитой политическая система переживает серьёзный кризис. Из первых инструкций Петербурга, адресованных послам в Варшаве и Константинополе ещё весной 1768 г., следовало, что ни на какие уступки в отношении диссидентов и в вопросе о российских гарантиях государственного строя Речи Посполитой Екатерина II идти не намерена, а выходом из сложившейся ситуации являлись либо

¹⁵ АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 926, л. 1–7 об.

¹⁶ Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 220.

¹⁷ Сборник императорского Русского исторического общества (далее – Сборник ИРИО). Т. 87. СПб., 1893. С. 101–103.

¹⁸ Там же. С. 60–66.

немедленный разгром Барской конфедерации, либо войны с Турцией, которой, правда, царский двор опасался и стремился её избежать.

Таким образом, с середины 1760-х гг., российское правительство не только готовилось к войне с Османской империей, но и, реализуя свою польскую политику, вело дело к развязыванию конфликта. Конкретные условия его начала зависели от развития политического кризиса в Польше и от провокационных действий Версаля и Вены на берегах Босфора. Осознавая последнее, Панин и указывал Обрезкову на действия в Крыму эмиссаров секретной дипломатии Людовика XV.

О положении дел на польско-турецкой границе осенью 1768 г., накануне объявления войны, как и о возможных политических последствиях конфликта, свидетельствовало присланное Репниным в Петербург письмо турецкого коменданта Хотина Ахмет-паши¹⁹. В письме говорилось, что увеличение численности турецких войск на границах Порты служит лишь для совершенствования их охраны. Паша напоминал, что Россия обязалась вывести из Польши русские войска, но не сделала этого. Далее следовало весьма многозначительное предостережение: «Ежели ж вы намерены короля свергнуть, а королевством Польским, самовластно овладев, управлять, то Польское королевство, четырём державам соседственное, и всякая держава свою часть требовать принуждена будет, а одним вам оным владеть и управлять трудно»²⁰. Иными словами, хотинский паша недвусмысленно указывал, что способом разрешения кризиса мог бы стать раздел Польши или, по крайней мере, восстановление коллективного протектората великих держав над шляхетской республикой при условии вывода русских войск. Едва ли паша излагал в данном случае только собственные соображения.

Со времени начала восстания Барской конфедерации внутреннее положение Речи Посполитой определялось стремлением господствующих магнатских группировок оказывать давление на Россию в вопросах о сословном статусе и политических правах диссидентского дворянства и, главное, о российской гаранции государственного строя Речи Посполитой. Достигалось это с помощью закулисной поддержки конфедератам при демонстративно нейтральной позиции в их противостоянии с королевским двором. Эта же псевдо-нейтральная позиция казалась правящим в Польше магнатам наиболее выгодной и в виду начавшейся русско-турецкой войны. Выразителями тактики магнатского нейтралитета была группировка князей Чарторыских. Именно благодаря усилиям «фамилии» не состоялся осенний сейм 1768 г., с которым в Петербурге связывали надежды на политическое поражение Барской конфедерации и умиротворение Польши, о чём накануне запланированного открытия сейма Репнин вёл переговоры с А. Чарторыским.

В условиях разразившейся войны с Турцией в самом конце октября (по старому стилю), ещё накануне собрания Совета Екатерина II уже приняла первые меры. Касались они как политики России в Речи Посполитой, так и действовавших в Польше против конфедератов русских войск. Об этом свидетельствуют инструкции Репнина от Панина²¹ и от шефа Военной коллегии З.Г. Чернышёва²². Панин поручал послу продолжать переговоры с Чарторы-

¹⁹ АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 942, л. 1–4; перевод – л. 5–9.

²⁰ Там же, л. 7–7 об.

²¹ Сборник ИРИО. Т. 87. С. 185–186.

²² Там же. С. 187–191.

ским с целью «приобрести к нам ту часть нации, которая по сю пору оставалась в покое и которая бы при покровительстве нашем составила содействующий нам корпус республики». Для этого Панин предлагал поддержать идею воеводы Русского об «умягчительном изъяснении общей нашей гарантии» и об издании соответствующей декларации Екатерины II.

Чернышёв писал Репнину: «Безсомненно уже, что с турецкой стороны война противу нас уже предпринята». Президент Военной коллегии извещал посла, который одновременно командовал корпусом русских войск в Польше, о принятых и намеченных мерах по подготовке военных действий против Порты. Главным образом речь шла о формировании предназначеннной для блокады Крымского ханства и нижнего течения Днепра армии под командованием П.А. Румянцева. «В целом, — писал Чернышёв, — диспозиция войск как предназначенных для действий против Турции, так и сил резервных и обсервационных корпусов, будет сообщена позднее»²³. Это позволяет предположить, что к началу ноября, т.е. ко времени собрания императорского Совета в Петербурге, план военных действий на Днестре ещё не получил окончательного утверждения.

Далее Чернышёв перешёл к действиям русских войск в Польше, причём предписания его выглядели противоречиво. По его словам, «не защищение во всех местах Польши теперь нужно, но утверждение себя в которой-либо там части», чтобы противодействовать возможному турецкому и татарскому вторжению; а если б они вошли в Польшу или к тому месту, где наше войско находится будет, то силою, какая теперь в Польше, защищать нам ее отнюдь не возможно, ибо разделением оной на малые части не могли б мы иного сделать, как подвергнуть ту или другую в крайнее злополучие». Исходя из этих общих соображений, Чернышёв приказывал Репнину и генерал-поручику И.П. Салтыкову: «1-е) что в Малой Польше во Львове около Сендемира и в Krakове поставили 3 батальона пехоты и 5 эскадронов конницы; на сие я только приметить нахожу то, что если б возможно, то бы, по моему мнению, полезнее было пост во Львове яко отдаленный от Krakова и ближе к молдавским границам оставить и умножить там числом войск, находящихся в Krakове... 2-е) В Варшаве 3 батальона пехоты и 5 эскадронов конницы. 3-е) В Великой Польше 2 батальона пехоты и 5 эскадронов конницы; сие, казалось бы мне, потому ж сколько обстоятельства дозволят, лучше приблизить к находящимся в Варшаве. 4-е) В Литве 6 батальонов пехоты, и 5-е) в Слуцке 10 батальонов пехоты и 33 эскадрона конницы. Сие место полагаю и я яко сборным всего войска, тем паче, что оно остается позади той армии, которая из Киева в свое время выступить может, а зиму находиться под защищением по Днепру расположенных полков несколько в безопасности, левый свой фланг всегда свободным к границам иметь». Чернышёв не скрывал от Репнина, что «сие перемещение полков несколько вам дико покажется в чинении некоторым из них излишнего перехода»²⁴, однако специально подчёркивал, что делается это в виду того, что армия, предназначенная для действий против Турции, и корпус, размещённый в Польше, имеют разные задачи и независимое командование.

В дополнение к адресованным Репнину распоряжениям военного характера новые инструкции Панина последовали в Варшаву уже после собрания

²³ Там же. С. 187.

²⁴ Там же. С. 188–190.

Совета в Петербурге 4 ноября 1768 г. 12 ноября руководитель русской внешней политики, ссылаясь на директивы Военной коллегии, уведомлял посла, «что главною армию, которая из Польши операции свои поведет и состоять будет из находящихся ныне у вас войск и из всей Московской дивизии, назначен командовать князь А.М. Голицын; что теперь в Польшу к оной отправляются отсюда генерал-аншеф П.И. Олиц и генерал-поручик И.И. Веймарн, первый для принятия до времени главной команды и собрания в один корпус разных дetaшементов, а другой для командования оставляемым в Польше особливым корпусом; что сей корпус от 12 до 15 тысяч человек состоять имеет, и что назначенным в оной полкам на место тех, кои ныне у вас, велено уже вступить в действительный поход по приложенному здесь маршруту, и что в прочем граф П.А. Румянцев другою при собственных наших границах собираемою армию командовать будет для учинения диверсии главным турецким силам»²⁵.

Однако ещё в письме Чернышёва Репнину от 30 октября 1768 г. президент Военной коллегии не без злой иронии замечал, что некоторые его распоряжения покажутся послу «дикими»²⁶, имея в виду свои неоднократные разногласия с послом в прошлом. Он не ошибся. В ответ на директивы Военной коллегии Репнин конфиденциально заявил Панину: «Я по преданности моей к Вашему сиятельству и для Вас единственно сие пишу. Военные повеления сюда та-ковые делаются, что никаким образом их выполнить невозможно, ибо оные противоречащие. А оным я вижу, что ищут не только разорения здешних дел с низвержением короля, несмотря на бесславие и вредные следствия, которые от сего для нас последуют, но и стараются здесь все так запутать, слагая все на ответ мой и Салтыкова, чтоб после нас как жертву восстановить и виноватыми сделать. Рассудите, можно ли сие исполнить?»²⁷. Жаловался Репнин на действия Военной коллегии и в дальнейшем. Однако немаловажное значение имеет в данном случае ответ на вопрос, возникавший ранее: были ли возникшие разногласия вызваны сугубо ведомственными противоречиями, или же они обусловлены разными подходами придворных группировок Панина и Орловых (к последней примыкал и Чернышёв) к польской политике Петербурга и к планам развязывания войны с Портой? Во всяком случае, Репнин подозревал своих оппонентов в провоцировании обострения внутреннего кризиса в Польше и международного кризиса вокруг Речи Посполитой.

Известия о начавшейся русско-турецкой войне достигли Петербурга и Варшавы практически одновременно. 29 октября 1768 г., когда на берегах Невы уже были подготовлены первые инструкции военного времени Репнину, русский посол в Речи Посполитой доносил Панину о положении в Польше. Он писал, что несостоявшегося сейма 1768 г. «никакой возможности не было держать, имея только человек тридцать земских послов, которые сюда приехали. Другие не только уныли, но, можно сказать, умерли от настоящих турецких обстоятельств»²⁸. На собрание Сенатского совета Репнин также не надеялся, к тому же тот не мог бы заменить сейм. В ситуации начавшейся войны с турками никто из польских сенаторов не решился бы принять на себя ответственность дать санкцию на подавление Барской конфедерации.

²⁵ Там же. С. 205–208.

²⁶ Там же. С. 190.

²⁷ АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 939, л. 35–37 об.

²⁸ Там же, д. 938, л. 115–116 об.

Репнин приводил свидетельства, полученные от Ф. К. Браницкого и от русского посла в Вене кн. Д. М. Голицына, что Турция уже объявила войну России. Однако, по его мнению, турки перейдут в наступление не ранее весны будущего года, «а зимою, конечно, кроме татарских набегов, быть не может. Нам же, считаю, надлежит сим временем и их неготовностью пользоваться, понеже уже война объявлена по их обычаю, ибо Магометово знамя было поднято в Диване»²⁹. Сентенция посла об использовании «турецкой неготовности» оставляет возможность для двоякого толкования: предлагал ли Репнин опередить турок активными действиями русских войск на Днестре или только призывал к решительности петербургских стратегов. Зная характер Репнина, можно предположить, что он склонялся нанести первый удар силами русских войск в Речи Посполитой. Это замечание позволяет в новом свете взглянуть на разногласия по военным вопросам Репнина и Чернышёва. В заключение, обращаясь к Панину, посол задал принципиальный вопрос: «Когда решитесь, Ваше сиятельство, и определите роль Польши по настоящей с турками войне, то тогда необходимо, считаю, будет сделать от Ея Императорского величества декларацию, сходную с теми видами. За ранее ж содержание оной определить не можно, не зная, как наш высочайший двор решится»³⁰. На вопросы и соображения Репнина Панин ответил 12 ноября 1768 г., когда на первых заседаниях императорского Совета в Петербурге были уже приняты первоочередные решения. Начало военных действий откладывалось до весенней кампании 1769 г.

По политическим делам в Речи Посполитой Панин предлагал Репнину продолжить консультации с А. Чарторыским и поддержал идею посла о декларации Екатерины II, направив в Варшаву соответствующий проект. Окончательный текст декларации ему предстояло выработать совместно с Чарторыскими при условии сохранения её принципиальных положений. «Я ласкаю себя надеждою, — писал Панин, — что и король, которого в общий совет не-пременно включить должно, и князья Чарторыские довольны будут и слогом, и содержанием декларации нашей, и что они скоро согласятся с Вами как на обнародование ея, так и на немедленное начатие по ней единодушных своих операций к созываемому чрезвычайному примирения сейму»³¹. Другими словами, Панинставил задачу объединения сил Чарторыских — Станислава Августа и их сторонников, — которые, действуя совместно с Репнином, т.е. опираясь на русские войска, реализовали бы план созыва чрезвычайного сейма и разгрома Барской конфедерации. «О времени и способах к собранию чрезвычайного сейма, с составлением наперед нарочной для того конфедерации, — продолжал Панин, — или же иначе кратчайшим, да и, по мнению моему, полезнейшим в рассуждении время, образом, яко то посредством сенатского совета, не могу я вам ничего с точностью предписать, а скажу коротко, что Ея Императорское величество изволит оставлять все сии подробности лучшему на месте вашему с князьями Чарторыскими и с королем соглашению, дабы только время упущено не было»³². Руководитель русской внешней политики подчёркивал, что кратчайшим и наилучшим путём к достижению поставленной цели остаётся принятие соответствующих решений Сенатским советом.

²⁹ Там же, л. 116.

³⁰ Там же, л. 116 об.

³¹ Сборник ИРИО. Т. 87. С. 205–208.

³² Там же.

Панин, по сути, демонстративно проигнорировал мнение Станислава Августа и Репнина, что Сенатский совет не имеет для этого ни соответствующих полномочий, ни законных оснований. Он допускал возможность, «если бы король или дяди его потребовали прибавки, уменьшения или отмены какой в корпусе декларации, о том, буде только время допустит, изволите, ваше сиятельство, сюда описаться» и даже в крайнем случае действовать по своему усмотрению, при условии «не трогать самого существа декларации, а еще менее достоинство Ея Императорского величества и славу ея дел»³³.

В приведённой ноябрьской депеше Панина содержались процитированные Соловьёвым сентенции «к видам нашим привязания князей Чарторыских» о том, что «сии старики, как ни говорить, способнее всех других к управлению дел, и нам надобно стараться опять их к себе присвоить». Однако в итоге Панин сформулировал главную цель: «Ибо нам в продолжение войны с турками нужен только с беспечностью тыла армии нашей корпус республики на нашей стороне, дабы оной всему нашему поведению в рассуждении ея оправданием и помощью служить мог»³⁴.

К депеше Панина прилагался французский текст проекта декларации Екатерины II с переводом на русский язык, конфirmedанный царицей днём ранее, 11 ноября 1768 г. Декларация была подчёркнуто обращена к польскому дворянству и основывалась на утверждении общности сословных интересов русского дворянства и польской шляхты. Центральным же её тезисом стала сентенция, что Екатерина II «отнюдь не намерена повреждать безусловный и законодательный авторитет, заключающийся непосредственно и во всей полноте в корпусе государства (Речи Посполитой. – Б.Н.), который всегда будет властен на основании конституции, которую он себе дает и единственно имеет право себе давать, принимать такие решения, какие могут потребоваться в силу обстоятельств и его потребностей»; что российская гаранция государственного и сословного строя Речи Посполитой основана «единственно на дружбе и благотворительности, не только не может быть рассматриваема как акт, связывающий польский народ по отношению к Ея Императорскому величеству и Ея короне, но что она, напротив, служит залогом его независимости, к которому присовокупляется сверх того еще помочь, обеспечиваемая ему Российской империей против всякого нападения»³⁵.

Таким образом, в декларации подчёркивалось, во-первых, что российская гаранция не противоречит полноправию польской шляхты как целостного «корпуса республики», на чём основывался и суверенитет Польско-Литовского государства. Российская гаранция поэтому направлена исключительно против партикулярных тенденций раскола, примером чего может послужить Барская конфедерация. Во-вторых, российская гаранция служит охране шляхетской республики от «всякого нападения», т.е. как от внешнего вмешательства в её внутренние дела, так и от покушения на её территориальную целостность. В целом декларация провозглашала неизменность политического курса на охрану польской шляхетской государственности, который проводила Россия с начала восстания Барской конфедерации. По крайней мере, в ней не было намёка на панинскую идею формального «раскола республики на две части», из которых

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 201–205.

одна объединяла бы сторонников России, а другая послужила бы объектом репрессий и контрибуций.

Ещё до поступления из Петербурга официального проекта российской декларации Репнин сообщал Панину о предпринятых шагах в новой политической ситуации, которая сложилась вследствие срыва сейма 1768 г. и начала русско-турецкой войны³⁶. Посол доносил о своих беседах с А. Чарторыским, что конкретные переговоры с «фамилией» начнутся после получения проекта декларации. Однако, предвидя в ходе них существенные затруднения, Репнин задал Панину ряд вопросов.

Во-первых, каким образом следует трактовать «защищение законов от посторонних повреждений?» Имеются ли в виду навязанные изменения польского законодательства со стороны иностранных держав или же и такие новеллы в кардинальные законы, «когда они непредписанного формою последнего трактата сделаны будут. Например, постановлено, чтоб кардинальные законы не могла переменить самая законодательная власть ни во время конфедерации, ни же и совершенным единогласием». Репнин также спрашивал, «есть ли Вашего сиятельства намерение, чтоб кардинальные права отдать на волю республике законным образом», поскольку Чарторыский высказывался в пользу того, «чтоб, оставя диссидентское дело в его силе под ручательством Ея Императорского величества, прочие все поставить на то основание, как было учреждено на сейме 1766 года, то есть, чтоб статские материи подвержены были единогласию, прочие же все материи – множеству, и кардинальных законов тогда совсем в положении не было?»³⁷.

Во-вторых, главные адресованные Панину вопросы были вызваны проблемами нового статуса российской гарантii польской конституции, а также связанными с созывом чрезвычайного сейма. Репнин спрашивал: «Как все, на прошедшем сейме (1767 г.) учиненное, утверждено было трактатом и ратификациею с обеих сторон, то и теперь, если гарантia отменяется, считаю, что не довольным отсель будет поставлять одну декларацию, особенно, если она не самой Ея Императорским величеством подписана будет, как актом государственным и также сильным, как трактата того заключения быть могло. Что принадлежит до созывания чрезвычайного сейма вследствие сей будущей декларации, то имею донести то же, что уже доносил, что поколи мы не введем такого знатного числа сюда войск, чтоб Польша, прикрыта оными быв от турков и татар, видела, что они сюда ворваться не могут, по тех пор о сейме помышлять не можно, и напрасны б были труды, ибо сколько его созывать не станут, никто, однако ж, на него не поедет». Кроме того, продолжал Репнин, «не может созывание сейма быть прежде двенадцати недель после обнародования той декларации, считая в том времени созывание генерального Сенатского совета, без коего чрезвычайного сейма созвать нельзя, почему и доведет нас оное до самой весны и, следовательно, до времени начальных с турками операций». В итоге, обращаясь к Панину, посол констатировал: «В нерешимости же тех первых времен рассудите, Ваше сиятельство, какой успех можно от сейма здешнего ожидать, до тех пор все здесь оставаться будут в конфузии, от чего возмутительства умножаться станут, а, следовательно, и трудности к исправлению всех тех неудобств. Мне кажется, что нужна для исправления сего конфе-

³⁶ АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 939, л. 39–45 об.

³⁷ Там же, л. 40 об., 41.

дерация, которая бы, приняв на себя репрезентацию нации и правительства, могла какие можно будет меры против возмутительств принимать. И так правительство через нее в активисте придет, а после она же сама в сейме соберется для примирения всего». Для успеха же упомянутой конфедерации, утверждал Репнин, надлежит, чтобы Чарторыские вошли в неё³⁸. До опубликования декларации он не видел возможности начать соответствующие переговоры.

В изложенной части депеши Репнина от 23 ноября сформулированы политические и, главное, правовые вопросы, связанные с задуманной российской декларацией. Детальность их аргументации свидетельствует, что её содержание предварительно обсуждалось со Станиславом Августом. В дальнейшем Репнин перешёл к вопросам, в содержание которых польский король посвящён не был. Посол обратился к мысли Панина, «чтоб теперь разделить Польшу надвое, дабы иметь с собою для славы и достоинства Ея Императорского величества одну часть, представляющую корпус нации, а с другой бы подмогу братъ». По мнению Репнина, в нынешних условиях и перед лицом турецкого вторжения ни состоятельная шляхта, ни магнаты, за исключением единичных случаев, не решатся открыто выступить против России и стать на сторону турок, «чтоб разорения не понести. Все те, которые с ними (турками. – Б.Н.) находиться будут, есть люди таковые, которые ни кола, ни двора не имеют... и тако, с сих мы ничего для уменьшения своих убытков не получим. Что же касается до здравой части нации, кроме оставшейся теперь в Молдавии, то оную трудно будет из желаемого ею нейтралитету вывестъ». Репнин просил Панина разъяснить смысл утверждения, «чтоб часть одна нации с нами была? Толи чтоб она, примешав явно к нам, объявила себя противно туркам, или объявившихся только быть с нами в соседственной дружбе в силу трактатов, однако ж в силу карловицких обязательств нейтральной же б себя объявила, не мешаясь в нашу с ними войну. Первое, чтоб не назвать невозможным, чрезвычайно мне кажется трудным, а второе натурально гораздо легче. По мысли разделения нации имею Вашему сиятельству то представить, что, если б сие разделение сделалось целыми провинциями или дистриктами, особенно к стороне турецких границ, то, конечно, то было бы некоторым намещением настоящих убытков, но если в отдаленных оттоль провинциях будут таковые противники, как теперешние возмутители, то оные все одни только труды и хлопоты нанесут без всякой прибыли, ибо будут составлены из людей, не имущих ничего, кроме имени дворянского, а прочие все за здравою частью нации последуют»³⁹.

В рассуждениях Репнина о «разделении нации» принципиальное значение имеют два положения. Первое содержит, по существу, опровержение панинской идеи о расколе шляхетского сословия Речи Посполитой и о противопоставлении одной его части другой, что, по мысли посла, и невозможно, и безнадёжно с точки зрения получения материальных или политических выгод. Второе заключает в себе тезис о расколе республики на отдельные провинции, что, по его мнению, не лишено известного резона. Важно, что именно эта мысль и получила дальнейшее развитие в 1771 г., когда Россия, Австрия и Пруссия установили воинские кордоны для изоляции отдельных территорий в борьбе с Барской конфедерацией. Это стало одним из важных шагов по пути

³⁸ Там же, л. 41–42 об.

³⁹ Там же, л. 42 об.–44 об.

к первому разделу Польши. В ноябре 1768 г. данная идея только мельком прозвучала в адресованных Панину вопросах Репнина.

В заключение депеши от 23 ноября 1768 г. Репнин писал Панину, что «теперь весьма малое число войска в Польше остается, все предприятия государственные, которые будут здесь делать, то есть сейм или конфедерация, гораздо более денег, пред прежним, становиться станут, ибо надо будет оными награждать недостатки сил. Короля я в настоящих обстоятельствах, сколь прежде ободрял, столь и впредь ободрять не упущу уверениями дружбы Ея Императорского величества. Но ему, по крайней мере, месяца через два опять есть нечего будет, ибо доходы везде разграблены и к нему не доходят, а деревни, платящие оные, немалою частью разорены»⁴⁰.

Поставленные Репниным перед Петербургом вопросы так и остались без определённого ответа. В следующей зашифрованной депеше от 30 ноября 1768 г. он сообщал о первых результатах новой тактической линии: о получении инструкций Панина и проекта декларации; о своём разговоре со Станиславом Августом, который выразил удовлетворение сформулированной позицией России и готовность действовать совместно с Репниным в случае согласия Чарторыских на осуществление российского плана. Однако А. Чарторыский изменил свою позицию, выдвинув, помимо вопроса о модификации российской гарантии, о чём Репнин ранее специально задавал вопросы Панину, следующие требования: а) изменение статуса диссидентов; б) детронизация Станислава Августа как условие прорусской конфедерации; в) посредничество Франции или Австрии. В противном случае, доносил русский посол, Чарторыский якобы не видел возможности что-либо сделать⁴¹.

Репнин писал Панину о домашнем совете у Чарторыских, который продолжался три дня и подтвердил решения воеводы Русского⁴². При этом следует отметить, что «фамильная рада Чарторыских», названная Репниным «домашним советом», играла существенно более важную роль, чем просто форма обмена мнениями между вождями «фамилии» и их ближним кругом. Согласно оценке В. Конопчиńskiego, рада являлась политическим комитетом сильнейшей магнатской группировки в тогдашней Речи Посполитой и одним из прообразов будущего Постоянного совета⁴³. Этим объяснялось особое значение, приданное русским послом домашнему совету Чарторыских. Их ответы на план Репнина указывали, что «фамилия» заняла по отношению к России абстракционистскую позицию. Свержение с престола Станислава Августа и восстановление коллективного протектората великих держав над шляхетской республикой были неприемлемы для Петербурга и означали уничтожение всех достижений русской политики в Польше.

Итоги переговоров с Чарторыскими побудили Репнина вновь обратиться к Станиславу Августу с предложением самостоятельно, независимо от «фамилии», пойти на осуществление российского плана образования прорусской конфедерации, созыва чрезвычайного сейма, «разделения республики». На демарш посла польский король ответил отказом, поэтому первый объявил Панину о невозможности публиковать декларацию Екатерины II⁴⁴.

⁴⁰ Там же, л. 44 об.–45.

⁴¹ Там же, л. 111 об.–118 об.

⁴² Там же, л. 119–120 об.

⁴³ Konopczyński Wł. Geneza i ustanowienie Rady Niestającej. Kraków, 1917.

⁴⁴ АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 939, л. 120 об.–121.

Для усиления давления на Чарторыских, дабы побудить их поддержать продвигаемый Репнином план, в Петербурге решили прибегнуть к содействию союзной Пруссии. Берлин направил соответствующую декларацию прусскому резиденту в Варшаве Г. Бенуа. Репнин говорил с ним о совместном демарше, однако Бенуа под благовидным предлогом уклонился от вручения декларации Фридриха II якобы потому, что Чарторыские выступают сейчас только как частные лица, и переговоры с ними от имени прусского короля неуместны. Репнин согласился в этом с Бенуа, но просил его в устной форме довести до Чарторыских позицию Пруссии⁴⁵.

16 декабря в связи с прибытием в Варшаву курьера В.А. Кара Репнин составил на имя Панина очередную депешу⁴⁶, где были приведены некоторые существенные сведения: о переговорах Бенуа с Чарторыскими в духе упомянутой декларации прусского короля, которые «имели тот же результат», что и у русского посла. Репнин сообщал Панину, что узнал о том, что тот якобы согласился при образовании пророссийской конфедерации на объявление нейтралитета Польши в русско-турецкой войне, но при условии провозглашения барских конфедератов мятежниками. Посол считал такой маневр затруднительным, ибо в этом случае барские конфедераты получили бы повод открыто просить Турцию о военной помощи и о «покровительстве». От Кара же Репнин узнал о неких якобы допустимых новеллах в польском законодательстве. Он возражал и писал, что положение диссидентов должно остаться неизменным, как и законодательство о *liberum veto* и о выборах короля. Наконец в постскриптуре к депеше он уточнял, что о намерении Панина потратить миллионы на проект Чарторыских сообщил ему Чернышёв⁴⁷. С 1765 г. Кар был одним из близких к Репнину людей и пользовался доверием посла. Биографы Кара отмечали, что он, помимо доставления депеш, делал устные доклады Панину и Репнину, так что вполне можно допустить, что тот сообщал послу на словах некоторые не попавшие в официальные инструкции сведения. Возможно, известия подобного рода могли бы доставлять и другие курьеры. Свидетельства Кара указывают, что в Петербурге по поводу декларации Екатерины II и переговоров с Чарторыскими имелись разногласия и некоторая несогласованность. Во всяком случае, до конца 1768 г., несмотря на напоминания Репнина, никаких инструкций по этому вопросу русский посол из Петербурга не получил.

В итоге, не дождавшись распоряжений от своего двора, Репнин сам дал оценку политики Петербурга и положения дел в Речи Посполитой. Ещё в шифрованной депеше от 30 ноября 1768 г. он писал: «Видя все вышеписанные препятствия, не имея никакой надежды Польшу из небытия вывесть, осмелюсь представить, что если они сами хотят таким образом, не делая себе никакой помощи, оставаться в бедствиях и беспорядках, то пусть же они в том и остаются». Репнин указывал, что имеющихся в его распоряжении войск недостаточно для умиротворения страны, и он может подавить только крупные выступления, а «малые возмутительства и всякого рода грабительства, которые им вреднее, нежели нам, пусть продолжаются». Посол подчёркивал, что склонить на сторону России значительный «корпус нации» путём созыва чрезвычайного сейма или посредством новой конфедерации можно только под стра-

⁴⁵ Там же, л. 121–121 об.

⁴⁶ Там же, д. 940, л. 14–15 об.

⁴⁷ Там же, л. 16.

хом военной силы и репрессий, «и, следовательно, надобно было его самого (“корпус нации”. – *Б.Н.*) знатным числом войска в обуздании и, как под караулом, держать. И сверх того, фантом бы то только было, ибо повеления в земле никто бы не слушался, кроме как разве бы мы, посылая войски, везде к тому принуждали»⁴⁸.

Если оставить Речь Посполитую по-прежнему в состоянии политической анархии, рассуждал Репнин, и сосредоточиться только на обеспечении надёжного тыла для действовавшей против турок русской армии, «не убавляя ее собственных сил, то можно все войски, положенные в Великой Польше, в Кракове, в Варшаве и около (вывести. – *Б.Н.*) в прочие воеводства польские: Волынское и Киевское, а литовские – оставить в Литве. И таким образом, вся половина Польши, лежащая к нашей стороне, которая и самая изобильная, будет довольна к своему обеспечению войска и к свободному доставлению через оную из наших границ всякого к большой армии пропитания и снабжения. Но из сего то воспоследует, что в изпражненной части нашими войсками, даже и в Варшаве, делаются знатные возмутительства, которые и самого короля силою могут принудить в оные войти и которых после нам гораздо труднее будет искоренять. Мне кажется, короче и лучше всего пограничными провинциями с турками и прочими соседами поделиться, от чего, я думаю, которой из них не отречется, а мы бы сим способом с авантажем из настоящих хлопот вышли и заполучили бы некоторое удовлетворение за убытки и хлопоты, которые мы понесли со временем минувшего междуцарствия, не уступая тем образом ничего из заключенного последним с Польшею трактатом»⁴⁹. Репнин недвусмысленно изложил суть политической комбинации: «пограничными провинциями с турками и прочими соседами поделиться», которая была позже реализована в первом разделе Польши.

В заключение он писал, что в сложившихся условиях «не видит себя могущим годным к какому-либо успеху здешних негоциаций. Во всех оных всякой другой приятней меня будет наиглавнейшей и большей части нации, понеже я был инструментом всех тех дел, которые столь здесь противны... Натурально из сего следует, что я не могу здесь быть приятным, сколько об том истинно ни стараюсь... то думаю, что господин Сальдерн всех лучше может здешние негоциации с успехом вести, понеже спознание уже имеет об здешней земле через прошедшую свою здесь бытность и понеже поверенность имеет Чарторыских, которые одни разве что могут здесь сделать»⁵⁰. Упоминание К. Сальдерна в заключительной части депеши Репнина звучало многозначительно, поскольку именно он был при петербургском дворе одним из явных противников политической системы Панина и недоброжелателей Репнина и являлся послом в Речи Посполитой в 1771 г., когда курс Вены, Берлина и Петербурга на раздел Польши вступил в стадию реализации.

Таким образом, в ноябре–декабре 1768 г. в связи с началом русско-турецкой войны польская политика Екатерины II оказалась в известном смысле на распутье. С одной стороны, в инструкциях Панина и в рассуждениях и действиях Репнина прослеживается линия на охрану институтов государственности Речи Посполитой перед лицом угрозы анархических тенденций, проявившихся

⁴⁸ Там же, д. 939, л. 120 об.–122 об.

⁴⁹ Там же, л. 122 об.–123.

⁵⁰ Там же, л. 123–123 об.

в ходе восстания Барской конфедерации и поощряемых из-за рубежа, в первую очередь секретной дипломатией Версаля. С другой – в правящих кругах Петербурга возникали идеи «разделения польской нации», т.е. формирования политической группировки магнатов и массового движения шляхты, которые выступили бы против своих шляхетских «собратьев», представленных Барской конфедерацией. Однако политика раскола единого шляхетского сословия едва ли имела перспективы в принципе, а тем более в начальный период русско-турецкой войны, в условиях неопределенности её итогов и с точки зрения сформировавшегося кризиса отношений между великими державами. Бесперспективность политики «раскола нации» определялась политической тактикой польских магнатских группировок, прежде всего «фамилией» Чарторыских, которые под лозунгом нейтралитета выдвинули неприемлемые для России условия: восстановление протектората великих держав над шляхетской республикой и деградацию короля Станислава Августа. Однако в переписке между Паниным и Репниным прозвучала идея территориального раздела Польши в интересах разрешения международного кризиса и поддержания баланса интересов великих держав.

Е.М. Болтунова.

Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в.

В исторической науке идёт постоянный поиск свежих точек зрения на, казалось бы, давно известные и хорошо изученные сюжеты. В их рамках возможно обращение к событиям на первый взгляд дежурным, не примечательным, которые, однако, при умелом применении современных исследовательских методологий способны заиграть новыми красками, наполниться новым содержанием, даже приобрести более важное значение. Представляется, что именно такой эффект будет иметь книга директора Института региональных исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» кандидата исторических наук Екатерины Михайловны Болтуновой, посвящённая событию, ранее редко привлекавшему внимание, – коронации российского императора Николая I в качестве царя Польского в Варшаве в 1829 г.¹

Это торжество подробно исследовано на основе широкого и разнообразного массива источников и литературы, восстановлен ход связанных с ним событий, прослежено произведённое им впечатление. В то же время, применив относительно новые исследовательские подходы – изучение политики памяти (особенно в её символических аспектах) и истории эмоций, – Болтунова вышла на более широкую проблематику, предложив оригинальную авторскую интерпретацию политico-идеологического курса Российской империи в отношении польских земель в первой трети XIX в.

Эта интерпретация отличается не просто свежестью взгляда и трактовок происходившего, но парадоксальностью, порой даже спорностью. Иные выдвинутые автором тезисы будто бы намеренно полемичны, а многочисленные аналогии, проведённые как с предыдущими, так и с последующими историческими эпохами, заставляют задуматься над проблемами преемственности подходов и даже своего рода запрограммированности международных отношений, независимо от общественно-политического строя. Неудивительно в этой связи, что работа уже привлекла пристальное внимание исследователей как в России, так и за рубежом, на что указывает интернациональный состав предлагаемого читателям обмена мнениями.

В обсуждении книги приняли участие доктора исторических наук А.И. Миллер и Л.В. Мельникова, кандидаты исторических наук А.В. Морохин и Д.А. Сдвижков, PhD П.В. Верт.

Материал подготовлен В.Н. Кругловым

¹ Болтунова Е.М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 560 с.

Алексей Миллер: Эго властителей, «эмоциональные режимы» и императивы имперской стратегии²

*Alexei Miller (European University at Saint Petersburg, Russia):
Ego of the rulers, «emotional regimes» and imperatives
of imperial strategy*

DOI: 10.31857/S2949124X24060075, EDN: RMKAIM

Многие годы тема империй Нового времени, и в особенности западных окраин Российской империи в XIX и начале XX в., находилась в центре моих исследований и интересов. Книга Е.М. Болтуновой «Последний польский король» поразительным образом совпадает с ними. И в тематическом, и в методологическом плане она предлагает читателю довольно богатый набор сюжетов. Хотелось бы изложить соображения относительно двух ключевых тем монографии – символической политики Российской империи первой трети XIX в. и политики Петербурга по «польскому вопросу», – а также поделиться рассуждениями о ситуации в историографии русско-польских отношений и о месте в ней данной книги.

Первая часть рассказывает о подготовке и проведении коронации Николая I как царя Польского в Варшаве, предлагая её анализ с точки зрения символической политики. Тем самым восполняется лакуна в «Сценариях власти» Р. Уортмана³. В первом томе своего классического труда американский историк охватил период от Петра I до Николая I, рассмотрев церемонии XVIII и начала XIX вв. именно как «театр одного актёра», «послания» монарха подданным. Попытку реконструировать процесс выработки «сценария» церемоний и восприятие их за пределами узкого круга придворных он предпринял только в отношении более позднего времени.

Коронация 1829 г. оказалась беспрецедентной: император всероссийский впервые короновался как польский король. Торжество следовало спланировать от начала до конца, как следствие, оно готовилось в интенсивном диалоге Петербурга и Варшавы, Николая I и его брата Константина Павловича, выявив важные противоречия между ними. Константин к тому моменту более десяти лет жил в Польше, был женат на польке и стремился завоевать лояльность местного общества. Николай же симпатий к полякам никогда не питал, а коронацию рассматривал как демонстрацию дисциплины и верности обязательствам, которых ожидал и от своих польских подданных⁴.

Польское общество воспринимало эту церемонию как символический акт заметно острее, нежели русское. Послания монарха польскому и русскому обществам также существенно различались. Всё это даёт редкую для рассматриваемого периода возможность проанализировать коронацию с точки зрения символической политики. Болтунова вполне эту возможность использует,

² Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)».

³ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.

⁴ О «дисциплинирующем» подходе в политике Николая I на западных окраинах империи см.: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

не просто дополняя Уортмана, но и меняя сам подход к материалу данного периода⁵.

Рассказ о подготовке и проведении коронации, а затем о восстании 1830–1831 гг. показывает, как противоречиво и сложно переплелись эмоции и тактические соображения властителей и придворных. Повествуя об этих событиях, Болтунова фокусирует внимание на личностных факторах, подробно рассматривая «эмоциональные режимы»: взаимоотношения Николая и Константина, их взгляды на наследие старшего брата Александра, который создал Царство Польское во многом вопреки мнению окружения, и на взаимодействие с польскими подданными. В качестве причины восстания указывается «укрепление субъектности территории», формирование в польском обществе нового «взгляда на себя, свои права и возможности». Этот взгляд оформился под влиянием стратегии управления Царством, которой придерживались в Петербурге (с. 441).

Выдвинув этот тезис, Болтунова отклоняет укоренившиеся в историографии объяснения произошедшего: репрессивные черты политики Петербурга, нарушения польской конституции, влияние международной обстановки (революции 1830 г. во Франции и Бельгии). С одной стороны, вполне можно согласиться с утверждением об их слабой убедительности. С другой – Болтунова сама повторяет нередко звучавшие прежде аргументы, а также и некоторые ошибки своих предшественников. Например, утверждение о «колossalных финансовых вливаниях и экономических привилегиях», предоставленных Царству Польскому, верно. Однако упускается из вида, что дотирование бюджета Царства из имперской казны в 1820-х гг. почти сошло на нет. Его успешное экономическое развитие в этот период – результат внутренних факторов, в том числе политики министра финансов Ф.-К. Друцкого-Любецкого⁶.

Представляется, что для понимания сути политики Александра I и Николая I в «польском вопросе», а также причин и механизмов восстания следует больше внимания уделить структурным факторам. К 1815 г. империя радикально преобразилась. Земли, занятые в результате разделов Речи Посполитой, присоединение Финляндии и Бессарабии, а затем и Царства Польского, резко изменили конфигурацию этого гигантского образования: географическую, этноконфессиональную, сословную. Теперь великороссы составляли лишь примерно половину подданных царя, а польская шляхта равнялась по численности всему остальному дворянству империи.

Напомню, что восстание началось в варшавской школе подхорунжих. Её выпускники, проходя службу в мирное время, имели шанс дослужиться хотя бы до майорского чина лишь через несколько десятков лет. Вероятно, что это обстоятельство повлияло на поведение молодых кадетов. Польская армия была сравнительно невелика – всего 30 тыс., а её офицерский корпус – молод. Николай и Константин отлично разбирались во всём, что касалось продвижения по военной службе. Поэтому спор, возникший между ними по вопросу об участии польской армии в войне с Османской империей, касался не только того, кто из них принимает решения, и не только надежд царя

⁵ Подробнее см.: Бешкинская В. С. Символическая политика (в) Российской империи: состояние теоретического и историографического поля // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3. С. 155–168.

⁶ См.: Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М., 1979.

на воспитание в польских военных «братьства по оружию» с русскими (о чём справедливо пишет Болтунова). Со стороны Николая это была ещё и попытка подступиться к решению вопроса о продвижении их по службе, что, в свою очередь, выводило на намного более масштабную проблему места польской аристократии в строем империи.

До восстания ставка делалась на классическую модель непрямого правления, когда элита окраины лояльна центру, сотрудничает с ним, получает от этого выгоды и пользуется определённой автономией. Так строились отношения Петербурга со всеми западными окраинами. В идеале такая элита (точнее, её часть) постепенно вливалась в имперскую, т.е. начинала служить и за прецеделами «родной» провинции. Подобную инкорпорацию удалось осуществить в отношении остзейцев, казачьей старшины, даже шведского дворянства Финляндии, имевшего рядом «своё» Шведское королевство. До наполеоновских войн данная политика отчасти работала и в отношении поляков. Например, А. Чарторыйский и С. Потоцкий стали в 1803 г. попечителями двух из четырёх созданных в России учебных округов, причём последний возглавил Харьковский округ, на территории которого со времён Б. Хмельницкого шляхты не осталось.

Однако проблема оказалась намного сложнее. Польское дворянство сохранило память о «своём» государстве – Речи Посполитой – и обещаниях Наполеона его возродить. Но главное, его доля в населении оказалась намного больше, чем у российского, остзейского или шведского. На некоторых территориях она достигала 10 и даже более процентов, тогда как прочие группы на своих не превышали 2%. Империя просто не могла предложить всем представителям шляхты сколько-нибудь удовлетворительные карьерные возможности.

И Александр I, и его младшие братья понимали всю степень сложности проблемы. Удобным вариантом её решения виделось создание Царства Польского с особой короной, тарифами, валютой и армией, т.е. привязка его к России лишь династической унией. Поэтому, хотя в первые дни восстание можно было подавить силами русских частей, расположенных рядом с Варшавой, Константин и Николай на это не пошли. Их поведение следует понимать не как нерешительность, а как отчаянную надежду на то, что поляки «сами разберутся», благодаря чему сохранится возможность выстраивания отношений с ними как с лояльной элитой, достойной доверия и автономии. Низложение Николая польским Сеймом сделало военное столкновение и разгром восстания неизбежными, а ликвидация Царства Польского стала признанием невозможности возврата к непрямому правлению. Строительство цитадели, чьи пушки с 1835 г. смотрели на город, – символ нового подхода к правлению на этих землях. Но показательно, что через 30 лет, в начале царствования Александра II, власти империи предприняли попытку реанимировать сотрудничество и частично восстановить автономию. Однако она быстро привела к новому взрыву и очередному повороту в имперской политике.

Описываемый процесс совпал по времени с утверждением в среде восточно-европейского дворянства, будь то русское или польское, романтического национализма. Оба проекта национального строительства претендовали на одни и те же земли, из-за чего их конфликт оказался таким непримиримым⁷. Яркое

⁷ Подробнее см.: *Miller A., Dolbilov M.* «The damned Polish question». The Romanov Empire and the Polish uprisings of 1830–31 and 1863–64 // Comparing empires. Encounters and transfers in the long

свидетельство понимания его сути и эмоционального накала, с которым он переживался, — стихотворения А.С. Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Обширные спорные территории охватывали Юго-Западный край (правобережье Днепра с Киевом) и частично Северо-Западный с его белорусскими землями. Понимание этой стороны проблемы, её влияния на поведение правителей России не менее важно для рассматриваемой темы, чем исследование личностного фактора, о котором в книге рассказано много интересного.

В качестве одного из факторов, повлиявших на решение Николая провести коронацию в Варшаве, Болтунова отмечает длительную конкуренцию Петербурга и Вены (а позднее и Берлина). Связь и взаимовлияние политики трёх империй в «польском вопросе» — важная и хорошо изученная тема⁸. Пониманию специфики отношений Романовых с их польскими подданными сильно поспособствовал бы анализ отношений Габсбургов с венграми, прежде всего их дворянством, которые тоже развивались как на кachelях. В них есть и периоды холодного отчуждения, и ожесточённое восстание 1848–1849 гг., не менее жестоко подавленное. Есть и цитадель, построенная после подавления восстания, с пушками, направленными на Буду и Пешт. Есть и коронация Франца-Иосифа венгерской короной в Будапеште в 1867 г., которая оформила деление империи на австрийскую Цислейтанию и венгерскую Транслейтанию. Таким образом, в подходах обнаруживается много схожего, а сравнение «венгерского» и «польского вопросов» высвечивает роль национализма как силы, налагавшей всё большие ограничения на свободу манёвра монархов.

Важный элемент символической политики в анализе Болтуновой — политика памяти. После создания Царства Польского и для польских, и для русских подданных империи требовалось сформировать трактовки истории, которые позволили бы нейтрализовать опыт ожесточённого противостояния времён наполеоновского нашествия. Этот конфликт накладывался на память о более ранних столкновениях: Смуте начала XVII в., о которой напоминал установленный в 1818 г. на Красной площади в Москве памятник К. Минину и кн. Д.М. Пожарскому, недавних разделах Речи Посполитой, восстании Т. Костюшко. Некоторые участники этих событий в момент коронации ещё были живы. Показывая ход формирования рассказов о прошлом, книга вносит важный вклад в понимание того, как изменчива культурная память.

Это подводит меня к последней теме моих рассуждений. Очень важно увидеть книгу Болтуновой в историографических контекстах. В российской и советской традициях описания истории русско-польских отношений можно найти, с одной стороны, темы коварства, гонора, неблагодарности и русофобии поляков (прежде всего они характерны для дореволюционных авторов), а с другой — мотив общей борьбы с самодержавием «за нашу и вашу свободу». Последний доминировал после Второй мировой войны, когда Польская народная республика превратилась в члена «дружной семьи народных демократий». В Польше долгое время сохранялась романтическая память о героических вос-

Nineteenth century. Göttingen, 2011. P. 425–452; Западные окраины Российской империи / Под ред. М.Д. Долбилова, А.И. Миллера. М., 2006; Бююа Д. Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011.

⁸ См.: Miller A. The value and the limits of a comparative approach to the history of contiguous empires on the European periphery // Imperiology: from empirical knowledge to discussing the Russian Empire. Sapporo, 2007. P. 19–32.

станиях, однако в 1870-х гг. она начала уступать место критическому патриотизму варшавских позитивистов и краковских консерваторов. В межвоенный период в фокусе политики памяти оказалось «чудо над Вислой» — отражение наступления Красной армии в 1920 г. Все следы русского присутствия в Варшаве систематически уничтожались. Образ Польши как «Христа народов», противостоящего русскому и советскому империализму, возродился в идеологии партии «Право и справедливость», долгое время оказывавшей значительное влияние на политику страны. В последние годы любая сложность и неоднозначность истории русско-польских отношений XIX–XX вв. вытеснена исключительными по агрессивности лозунгами борьбы с «империей зла». В России тоже есть желающие вернуться в русло «боевого историописания».

Рассматриваемая книга не следует ни одной из этих традиций. Она открыта для обсуждения и предлагает спокойный, взвешенный тон дискуссии. В этом Болтунова близка к авторам недавних публикаций в серии «Historia Rossica» (Д. Стальюнасу, М. Рольфу и др.), которые демонстрируют возможность уравновешенной дискуссии о русско-польских отношениях имперского периода⁹. Остаётся только пожелать, чтобы дискуссия и продолжалась в русле спокойного анализа сложной темы, воздерживаясь от конфронтационной примитивизации.

Денис Сдвижков: История российско-польских отношений как история эмоций

*Denis Sdvizhkov (European University at Saint Petersburg, Russia):
The history of Russian-Polish relations as history of emotions*

DOI: 10.31857/S2949124X24060089, EDN: RMFITW

Один из ключевых факторов в определении исторической судьбы Восточной Европы — польско-российские взаимоотношения — после разделов Речи Посполитой и включения её территории в состав Российской империи приобрёл форму «польского вопроса». Политика российских властей не только направляла жизнь поляков на протяжении «длого XIX века», но и в значительной степени служила индикатором социальных и культурных процессов в самой империи. Справедливо поэтому утверждение, что рецензируемая «книга не о Польше. Она о России» (с. 23). Её оптика определена задачей, которая в современной обстановке кажется более чем нетривиальной: вернуть в «деколонизированную» и «децентрализованную» историю российско-польских контактов перспективу имперского центра (с. 23–26).

Е.М. Болтунова напоминает, что «Польша нежная, где нету короля» (О. Мандельштам), такового в XIX в. хотя и недолго, но всё же имела. Сюжетный стержень книги — вытесненный последующими событиями из исторической памяти эпизод коронации Николая I в Варшаве в период существования «Конгрессовки» — учреждённого на Венском конгрессе автономного Царства Польского, находившегося в личной унии с Российской империей и пользовавшегося широкой автономией.

⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М., 2020; Стальюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022. Подробнее об этих книгах см.: Кретов В.А. Польский вопрос в Российской империи в последних изданиях серии Historia Rossica // Славянский альманах. 2024. Вып. 1–2. С. 427–453.

В методологии очевидно следование «сценарием власти» Р. Уортмана и, в широком смысле слова, исторической семантике – истории ключевых понятий/дискурсов в вербальных и невербальных формах. Болтунова давно и плотно занимается этой темой, в том числе применительно к отношениям центра и периферий. Как следствие, формулировки отточены, дан мастерский анализ «языка коронации», включая такие его аспекты, как эмоциональный (посредством категорий «добрость/храбрость», «вины», «любовь», «братство») и пространственный (например, организация движения кортежа в Варшаве или мизансцены тамошних торжеств). Пристальный взгляд позволяет увидеть разницу взглядов на церемонию имперского центра и местных властей.

Книга следует обратной хронологии: действия Николая I соотносятся с контекстом российско-польских отношений начиная с рубежа XVIII–XIX вв., прежде всего с политикой его старшего брата Александра I. Попутно привлекается нетривиальный или вовсе неизвестный материал, выявленный в архивах России, Польши и Финляндии. Очень интересны анализ статуса и роли другого старшего брата императора, вел. кн. Константина – представителя Петербурга в Польше, который зачастую транслировал польскую позицию, или разбор финансово-бюджетных и политических отношений между Царством Польским и Российской империей (с. 301–319).

В интерпретации Болтуновой «польской политики» Александра I доминирует эмоциональная составляющая: по её мнению, заложенное воспитанием «западничество» и круг общения обусловили полонофильство монарха и, как следствие, стремление загладить «великое политическое преступление, совершенное с Польшей» Екатериной II (с. 58, 329). Ярким проявлением такого отношения явились прощение и забвение участия Польши в наполеоновских войнах, прежде всего на территории России. Болтунова указывает на существенное различие «коммеморативных практик» в империи и Царстве (с. 332–333). Полонофильство привело Александра I к убеждению в цивилизационном превосходстве Польши и критической оценке степени зрелости общества в России, с которым у императора в 1807–1812 гг. наметился явный конфликт. Как пишет автор, «глубокая обида толкала Александра на поиск новых подданных, которые были бы безусловно лояльны, не помнили бы его недавнего откровенного бесчестья и не говорили бы за его спиной о последнем дворцовом перевороте» (с. 269).

Таким образом, отношение Александра I к Царству после 1815 г. – не выражение имперского универсализма и «духовного переворота» в его мировоззрении, а «инструмент воздействия или практика манипуляции, призванная лоббировать продвижение определённой политической доктрины» (с. 327). Его суть – односторонние уступки полякам в призрачной надежде завоевать их расположение и сделать из них «защитников, охранителей границ России» (с. 354). Легитимистские убеждения Николая I заставили его следовать завещанию брата. Но этот компромисс не удовлетворил никого: ни испытывавшего к нему внутреннее «отвращение» молодого государя, ни его польских подданных, которые, как писал из Варшавы П.А. Вяземский, видели в навязанном порядке «конституционные сени в деспотических казармах». Тем не менее Ноябрьское восстание 1830 г. застало всех врасплох и имело важные последствия: вслед за польским обществом имперское начало разворачиваться в сторону национализма.

Роль эмоций в российско-польской истории переоценить невозможно, категории вины, признательности или неблагодарности до сих пор занимают

в ней центральное место, обращение к этому аспекту международных отношений безусловно оправданно. В то же время тезисы книги вызывают различные вопросы и соображения. Можно отметить, что Александр I привечал не только поляков (вспомним знаменитое, хотя и полулегендарное высказывание А.П. Ермолова: «Государь, сделайте меня немцем!»). Кроме того, взятая в динамике, «польская политика» императора столь же неровна, как и курс в прочих областях, и плохо поддаётся выстраиванию интерпретационных моделей. Автор сама вынуждена отметить, что на рубеже 1810–1820-х гг. отношение российского монарха к своему детищу изменилось на фоне общего поворота к консервативному курсу, что очевидно при сравнении его речей на открытии первого (1818) и второго (1820) сеймов Царства Польского. Риторика примирения в те времена касалась не только поляков, но и остальных бывших союзников Наполеона, т.е. практически всех немецких государств, не говоря уже о самих французах. Для войн донациональной эпохи переход на другую сторону – дело обычное, более того, как справедливо отмечено в книге, в 1814–1815 гг. он вписывался в «распространённую риторику общеевропейского братства и единения всей Европы против Наполеона» (с. 352).

Книга наталкивает на размышления о соотношении субъективного и эмоционального в имперской политике с общей логикой развития империи. Проблема интеграции приобретённых территорий при «расширении империи на Запад» (с. 16–17) возникла отнюдь не с разделами Польши. Так, хотя остзейские губернии не имели самостоятельной государственности, их «немецкая цивилизация» оценивалась выше польской не только в России, но и в Западной Европе, что создало проблему подчинения «культурной» периферии «отсталому» центру. Несмотря на это, тамошнее дворянство удалось инкорпорировать в российскую элиту, не вызвали конфликтов и уступки местным реалиям (отмена крепостной зависимости в 1816–1819 гг.). В Остзейском крае опробовалась и переход от универсализма имперского дискурса к его «национализации», сопровождавшийся унификацией управления территориями.

Насколько уникальным было отношение имперского центра к Польше? Вопреки мнению автора оно вполне сравнимо с подходом к другой только что присоединённой западной провинции – Финляндии. Конституционное устройство в Великом княжестве автор объясняет «традиционным для российских императоров признанием существующих прав и привилегий присоединённых областей» (с. 382). Но следует обратить внимание на то, что и решение Александра I о даровании конституции Царству Польскому обосновано в его речи 1818 г. «порядками, существовавшими в вашей стране» (*l'organisation, qui était en vigueur dans votre pays*), а Конституционная хартия позаимствовала без изменений ряд положений наполеоновской Конституции Герцогства Варшавского.

После победы над Наполеоном статус России как «европейской державы», на который претендовал ещё Пётр I, оказался неоспорим. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением Болтуновой, что только приобретение Польши и Финляндии сделало её «по-настоящему цивилизованной страной» (с. 381). В наступившем веке главным оценочным критерием стал уровень общественно-политического развития, выражавшийся в новых понятиях «цивилизация» и «дух времени»¹⁰.

¹⁰ См.: Велижев М.Б. Цивилизация, или Война миров. СПб., 2019.

Анализ финансово-экономических отношений между центром и польской периферией (с. 302–304) наводит на мысль о том, что в отношении Царства проводилась политика кнута и пряника. В книге это интерпретируется как молчаливое признание политической субъектности и цивилизационного пре-восходства новых подданных по сравнению с «природными». На деле здесь проявилась извечная дилемма империи: необходимость обеспечить лояльность окраин путём правовых и финансовых послаблений неизменно ведёт к росту их самосознания и претензиям на самостоятельность. Польское предприятие оказалось финансово невыгодно центру уже при Екатерине II¹¹; весь XIX в. открывшийся Польше рынок сбыта и услуг превращал империю в «идеальную арену для зарабатывания денег» (С. Жеромский). Долговременность этой схемы видна по эпилогу книги, в котором рассказано о «подарках» И. Сталина «народной Польше» от разрушенного войной СССР.

Интересен раздел о поиске альтернативных путей интеграции Царства при Николае I. Это, среди прочего, выстраивание образа общего врага (Турции), имеющее богатую предысторию (ещё с XVII в.). Попытка конструирования «братьства по оружию» между «храбрыми» славянскими народами имела продолжение в 1943 г. организацией Войска Польского в составе РККА. В этой связи любопытно, что русские стратегические соображения, отводившие Польше роль «нашей передовой стражи» (с. 354), выглядят как инверсия давнего представления поляков о себе как об *antemurale christianitatis* (плацдарма [латинского] христианства) на Востоке. Решение Александра I «забрать» Центральную Польшу можно рассматривать не только как ситуативное, но и с точки зрения рациональной *Realpolitik* и долгосрочного имперского курса в духе Дж. Ледонна – как стратегию буфера, «санитарного кордона» с востока. Эти действия – логическое продолжение разделов Польши: континентальная империя не могла (и не может) предоставить сопредельные территории самим себе во избежание их ухода из-под её контроля.

К тексту, помимо отдельных повторов, есть несколько мелких замечаний. Наименование себя «греко-католиком» (*catholique grec* в оригинале) не говорит о влиянии на вел. кн. Константина католичества (с. 57). Это обычное обозначение «греко-кафолической», т.е. православной Церкви, причём не только во французском, но и в тогдашнем русском языке. Режим занятия земель и прохождения войск во время Заграничных походов (отказ от размещения войск в крупных городах, выдача квитанций по реквизициям и т.п.) являлся тогда общепринятым и ничем не выделял Польшу среди прочих территорий (с. 283); случай с фрегатом «Рафаил», сдавшимся без боя туркам (с. 361), несоразмерен с прощением поляков после 1814 г., поскольку сдача корабля прямо противоречила действовавшему тогда петровскому Морскому уставу, который специальной присягой обязывал капитана ни при каких обстоятельствах не спускать Андреевский флаг.

В заключение же ещё раз подчеркну: сказанное представляет собой развитие и дополнение тезисов автора, а то, что эти размышления появились, – лучший показатель умной и зрелой книги.

¹¹ Западные окраины Российской империи. С. 75.

Алексей Морохин: Новое исследование российско-польских отношений первой половины XIX в.

Alexei Morokhin (National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): A new research of Russian-Polish relations in the first half of the 19th century

DOI: 10.31857/S2949124X24060098, EDN: RMDULA

Появление исследования, посвящённого контактам России и Польши, в дни, характеризующиеся непростыми отношениями нашей страны с государствами Европы, не может не стать заметным событием. Удачным видится и название книги: «Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в.». Её значительная часть посвящена церемонии, справедливо названной уникальным событием в истории двух стран. Раздел построен на массиве вводимых в научный оборот источников из российских и польских архивов. Представлена детальная реконструкция событий, связанных с коронацией: подробности проведения обряда, выборы регалий, конструкция ритуала.

Весьма интересны и важны наблюдения о её организации, а также поведении Николая I в польской столице. Подчёркнуто, например, что он решился на коронацию, «повинуясь долгу монарха», и «приносил в жертву собственные чувства и представления. Взамен он рассчитывал приобрести благодарность и лояльность своих польских подданных» (с. 90). При этом самодержец «совершенно не озабочился вопросом расширения православного пространства Варшавы» и согласился, хотя и с трудом, «на расширение католического сегмента коронации» (с. 99, 101). Одновременно с этим он «не вполне понимал, чего в действительности стоит ожидать от коронации, и опасался неприятния» (с. 138). Данный факт объясняет, почему в Варшаве император «испытывал серьёзные психологические сложности и часто просто прятался от публики», весьма эмоционально вёл себя во время коронации и при первой же возможности «буквально сбежал из Царства Польского в Пруссию» (с. 223, 224–225). Сама коронация, с точки зрения российского правительства, выступила «культурной церемонией, которая символически подчёркивала присоединение Царства Польского, но не представляла собой сакральное действие, сопоставимое с московским» (с. 168).

Позволю себе подробнее остановиться на нескольких сюжетах исследования.

Одним из инициаторов проведения коронации в Варшаве стал старший брат Николая, вел. кн. Константин, бывший «абсолютным представителем царя в регионе» (с. 51), именно с ним согласовывались все детали грядущего действия. В этой связи логично пристальное внимание, уделённое Болтуновой изучению взаимоотношений братьев (прежде всего она опирается на сохранившиеся фрагменты их переписки). Не возражая в целом против оценок сложных отношений братьев, которые «представляли собой постоянную конкурентную борьбу, не затихавшую ни на мгновенье» (с. 60), считаю возможным отметить, что их контакты, в том числе по вопросам управления Царством Польским, невозможно рассматривать без учёта положения старшего в царской семье, которое Константин занял после смерти Александра I. Николай воспринимал его как главу семейства и публично демонстрировал особое отношение к нему.

Кн. П.В. Долгоруков, ссылаясь на Д.Н. Блудова, писал: «Николай Павлович при жизни Константина не считал себя настоящим государем, а лишь, как бы сказать, наместником законного царя Константина; во всём отдавал ему отчёт, без совета с ним не предпринимал ничего важного; приказал сообщать ему даже копии с самых секретных дипломатических бумаг, и на совет Кочубея утвердить составленные “Комитетом 6 декабря” проекты Николай отвечал: “Как же я могу сделать это без согласия брата Константина Павловича? Ведь настоящий-то, законный царь – он; а я только по его воле сижу на его месте!”»¹². В свете этого вряд ли верно мнение автора, что «по мере того, как император обретал большую уверенность, практическая необходимость публичной демонстрации чувств к старшему брату... перестала быть насущной» (с. 65).

В уточнении нуждается и ещё один момент, связанный с семейными отношениями внутри правящей династии. Современники отмечали, что отношения Николая с братом в определённой степени контролировала императрица-мать Мария Фёдоровна¹³. Неудивительно, что после её кончины в октябре 1828 г. появились слухи об оппозиционных настроениях цесаревича. Осведомители III отделения сообщали, что среди знати «прокрадываются странные толки. Говорят с боязнью, что Мария Фёдоровна унесла с собою согласие царской фамилии, что Константин Павлович повиновался государю только из уважения к ней, что он теперь совершенно отстанет от Императорского дома, что за холодностью последует разрыв, что по известной привязанности Михаила Павловича к Константину Павловичу и он отступит от государя и т.п. Никто почти не верит сим толкам и предвещениям, но крайне сокрушаются, видя их распространение. Государь имеет надобность в совершенной безусловной доверенности народа, а эти толки её ослабляют»¹⁴. В этой связи любопытно было бы выяснить отношение вдовствующей императрицы, имевшей большое влияние на сыновей, к самой идее коронации в Варшаве.

В отличие от посвящённой ей первой части книги разделы, касающиеся исторической памяти о русско-польских войнах, выглядят менее удачными. Болтунова отмечает, что формирование памяти об исторических событиях начала XVII в. «пришлось на начало XIX в.» (с. 18), но ни Смоленская война 1632–1634 гг., ни долгая война России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. в работе не отражены. Это, впрочем, может объясняться отсутствием свидетельств о восприятии названных событий россиянами в первой четверти XIX в. Частичное исключение представляет Смутное время, которому посвящён отдельный раздел (с. 404–440). Однако и здесь по неизвестным причинам проигнорирован огромный пласт сочинений об истории освободившего Москву в 1612 г. Второго ополчения, а также биографические труды о Минине и Пожарском¹⁵, в которых так или иначе затрагивались сюжеты, связанные с отношениями России и Польши. Такого рода сочинения планомерно публиковались с конца XVIII в., а в период войн с Наполеоном их поток значительно увеличился, на что специалисты уже

¹² Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 279. См. также: Из записной книжки издателя // Русский архив. 1891. № 2. С. 333.

¹³ Фирсов Н. К биографии великого князя Константина Павловича // Древняя и новая Россия. 1880. № 6. С. 392.

¹⁴ ГА РФ, ф. 109, оп. 3а, д. 2501, л. 3–3 об.

¹⁵ Об этом см.: Морохин А.В., Кузнецов А.А. Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М., 2017. С. 93–102.

обратили внимание¹⁶. Представляется, что анализ этих изданий позволил бы значительно усилить авторские наблюдения о непростых отношениях.

Любовь Мельникова: «Властитель слабый и лукавый»?

Ещё одно неверное понимание Александра I

Liubov Melnikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «The ruler weak and sly»? Yet another misunderstanding of Alexander I

DOI: 10.31857/S2949124X24060102, EDN: RMBVEX

В книге Е.М. Болтуновой, посвящённой Николаю I, значительное внимание закономерно уделено Александру I, от которого главный герой её сочинения унаследовал не только российский престол, но и корону созданного им Царства Польского. Опередивший своё время император, как известно, был понят не всеми современниками и получил разные оценки в историографии. К сожалению, приходится констатировать, что данная монография в этом отношении не только не приближает к исторической истине, но делает значительный шаг назад. Сильный, дальновидный и талантливый политик предстаёт на её страницах как слабый и недалёкий правитель, руководствовавшийся в основном эмоциями и совершивший ошибку за ошибкой. Следуя избитой, но далеко не бесспорной характеристике Александра, приписываемой А.С. Пушкину («Властитель слабый и лукавый... нечаянно пригретый славой»), автор выстраивает упрощённую и даже неверную концепцию. Оставив армию в июле 1812 г., император якобы оказался не у дел, «наблюдал за событиями... издалека» (с. 258–259), «утратил... сопричастность происходящему», «был практически изолирован в отношении принятия решений, связанных с ведением военной кампании» (с. 267), а потому «не имел прямого отношения» к Отечественной войне, фактически «пропустил» её (с. 259). В связи с этим авторитет государя в русском обществе катастрофически снизился, он «не смог простить своим подданным пережитое унижение и страх» (с. 268), «глубокая обида» толкнула его «на поиск новых подданных, которые были бы безусловно лояльны» и «не помнили бы его недавнего откровенного бесчестья» (с. 269). Найдя таковых в лице поляков, он стал умиротворять бывших врагов, осыпать их всевозможными преференциями, «не считаясь ни с общественным мнением в России, ни с экономическими затратами империи на разворачивание этого проекта» (с. 269).

На самом деле в 1812 г. Александр I отнюдь не был «нечаянно пригрет славой». Ведущие исследователи наполеоновских войн (В.М. Безотосный, Д. Ливен и др.) убедительно показали, что он играл тогда вовсе не пассивную роль. Являясь верховным руководителем государства, Александр принимал все важнейшие стратегические и военно-политические решения. Назначив на пост главнокомандующего популярного в войсках М.И. Кутузова, постоянно находился в переписке с ним и с другими членами Главной квартиры. Разработал план ведения боевых действий на второй период кампании, предусматривавший окружение и уничтожение неприятеля на рубеже р. Березина по пути

¹⁶ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 157–186.

его отступления. По его распоряжению активно готовились запасные воинские части: состоялось четыре рекрутских набора, шло обучение новобранцев, из которых вскоре укомплектовали Резервную армию. Уже в первые месяцы войны Александр сделал её всенародным делом, начал вторую антинаполеоновскую пропагандистскую кампанию 1812–1814 гг., в ходе которой ему удалось настроить против французского императора общественное мнение как в России, так и в Западной Европе. При этом его главная заслуга заключалась в непоколебимом решении не вступать в мирные переговоры до тех пор, пока на территории страны оставался хотя бы один неприятельский солдат. Ни неудачи начального периода войны, ни оставление Москвы, ни ропот и давление двора не изменили твёрдую решимость Александра, проигнорировавшего несколько мирных предложений Наполеона, что свело на нет саму возможность победы последнего и стало в итоге одной из главных причин триумфа России.

Тезис автора о том, что «главной потребностью... в глазах общества» было «видеть императора воином, который во время войны... руководит армией» (с. 259), и что вернувшегося в Петербург царя считали едва ли не трусом, слишком натянут. На деле общество совсем не привыкло к тому, что монарх во время войны выступает в роли главнокомандующего. После Петра I подобных случаев в истории России не было. Восторженный приём императора в Москве, куда он заехал по пути из армии в столицу, чтобы позаботиться о сбое ополчения в помощь действующим войскам, показал, что его действия пользуются полной поддержкой населения. После оставления Москвы авторитет государя действительно временно упал (как и после заключения в 1807 г. Тильзитского мира), ибо как глава государства он нёс ответственность за происходившее, но Александр, будучи разумным человеком, отнёсся к этому с пониманием. С самого начала войны он осознавал, что вынужденное отступление являлось мерой непопулярной и рано или поздно должно было вызвать всеобщее порицание.

Роли Александра I в Заграничных походах, ставших логическим продолжением Отечественной войны (современные исследователи справедливо считают, что, по сути, это одна большая война 1812–1814 гг., состоявшая из трёх кампаний: 1812, 1813 и 1814 гг.), Болтунова вообще не касается, ограничившись фразой, что «монарх присоединился к армии полгода спустя всё там же – в Вильно» (с. 259). Полагаю, что поистине выдающийся вклад Александра в победу над Наполеоном в 1813–1814 гг. выпадает из поля зрения исследовательницы неслучайно: он не просто не вписывается в её концепцию, но прямо ей противоречит.

При этом Болтунова нарочито акцентирует внимание на случаях «взыскания по службе» по отношению к чинам находившейся в Париже русской армии, интерпретируя это так, будто в глазах государя она «словно не заслуживала быть частью пространства, в котором находилась» (с. 270). Подчёркивается также «похвала храбрости» польских войск, выраженная Александром I при встрече с их представителями во французской столице (с. 287). По мнению автора, «победа России в Европе и падение Франции, по сути, противоречили базовым установкам, усвоенным императором в юности», поэтому он якобы «испытывал серьёзные трудности с осознанием сути произошедшего – того факта, что в роли побеждённого оказалась более развитая цивилизация» (с. 269).

На самом деле Александр был в то время практически единственным политиком в мире, который верил в саму возможность окончательной победы над Наполеоном. После освобождения территории России именно он настоял на продолжении боевых действий, стал организатором и фактическим лидером

шестой антифранцузской коалиции, в которую также вошли Великобритания, Швеция, Пруссия и Австрия, постоянно слаживал трения между союзниками, сплачивал их в период неудач, стараясь не допустить развала альянса. Находясь в войсках, император не только проявил личную храбрость на полях сражений, но и разработал единую стратегию действий союзных войск, а также неоднократно предлагал верные тактические решения. Его распоряжения обеспечили победу под Кульмом 17–18(29–30) августа и Лейпцигом 4(16) октября 1813 г. В 1814 г. именно он убедил союзников вступить на территорию Франции, а затем, не преследуя главные силы вражеской армии, направить войска на столицу, что и привело к падению Наполеона. 19(31) марта русский государь по праву победителя вступил во главе союзных войск в Париж, и это стало апогеем его величия и славы. Авторитет его заметно возрос как на родине, так и в Европе. Благодаря этому он играл ведущую роль при заключении Парижского мира 1814 г. и на Венском конгрессе, став одним из творцов новой системы международных отношений. Тогда же он попытался решить «польский вопрос», ставший в эпоху наполеоновских войн одним из основных в международной политике.

Следует подчеркнуть, что в борьбе за Европу и её послевоенное устройство Александр учитывал в том числе (и даже прежде всего) интересы России. Низложение Наполеона и восстановление «европейского равновесия» требовались для обеспечения мира и стабильности на континенте (а следовательно, безопасности Российской империи), устройство судьбы польских земель являлось органичной частью этого комплекса мер. Болтунова, видимо, так не считает. Манифест 9 мая 1815 г. о присоединении к Российской империи Царства Польского, где новые земли названы «твёрдым оплотом», которым «ограждается пределов Наших безопасность», она воспринимает с явным сарказмом. Более того, в адрес императора звучат обвинения в «перевёрнутой логике», а документу придаётся иной смысл: «В 1815 г. Россия обладала сильнейшей армией в мире, победившей Наполеона двумя годами ранее на российской территории и затем преследовавшей его до Парижа, а... император говорил о слабости – рубежи страны объявлялись “беззащитными”, а безопасность империи прямо увязывалась с появлением на её границе “твёрдого оплота”» (с. 341–342). Между тем о слабости и беззащитности российских рубежей в манифесте вовсе не говорилось. Что касается «оплота», то польские земли действительно рассматривались в качестве такового, причём не только в 1815 г. и не только Александром I.

Необходимо учитывать, что император, испытывавший по отношению к полякам симпатию и сочувствие, сформировавшиеся под влиянием друга юности кн. А. Чарторыйского, начал разрабатывать «польские проекты» задолго до Отечественной войны. В свою очередь князь, бывший в 1802–1806 гг. товарищем министра иностранных дел, активно проводил при русском дворе «польскую линию». В поданных императору записках он развивал идею восстановления «под скипетром России» Польского государства (в идеале в границах до первого раздела 1772 г.). По его мнению, «Россия, присоединив к себе Польшу, создала бы себе в её лице аванпост... оплот, недоступный никакому прямому захвату»¹⁷.

¹⁷ Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. В 2 т. Т. 2. М., 1913. С. 138–145.

Однако бывшие территории Речи Посполитой рассматривались как аванпост военных сил и Наполеоном, что привело к образованию в 1807 г. на отошедших к Пруссии польских землях Герцогства Варшавского, находившегося под протекторатом Франции. Оно получило конституцию и наполеоновский гражданский кодекс, но не обрело суверенитета. При этом поляки понимали, что добиться независимости они могут только при помощи одной из соперничавших великих держав – России или Франции. Более того, по мнению кн. Чарторыйского, «всякое соглашение между двумя этими государствами было бы гибельным для интересов Польши»¹⁸. В пользу этого умозаключения князя свидетельствует, на мой взгляд, подписание 4(16) января 1810 г. между Францией и Россией «Конвенции о Польше», призванной «устранить единственный предмет беспокойств, который может повредить [их] союзу». Первая же её статья гласила: «Королевство Польское никогда не будет восстановлено». Затем говорилось об исключении из употребления самих наименований «Польша» и «поляки»¹⁹. Конвенция, впрочем, так и не была ратифицирована.

Анализируя тексты Александра I, обращённые к полякам в 1815 г., Болтухова иронизирует, что в интерпретации императора получалось, будто «польские храбрецы просто выбрали в войне не ту сторону» (с. 352). Между тем им пришлось выбирать «сторону» в прямом смысле слова. В конце 1810 – начале 1811 г. в связи с разработкой российским Военным министерством наступательной операции против Франции Александр I вернулся к упомянутому выше проекту Чарторыйского. В январе 1811 г. он поручил князю секретную миссию: вступить в переговоры с надёжными и влиятельными поляками, с тем чтобы выяснить настроения в герцогстве. Монарх заявил о готовности взять на себя обязательство восстановить Польское королевство путём объединения всех бывших частей Польши, включая области, отошедшие к России (кроме Белоруссии). При этом оговаривалось, что королевство «навсегда» присоединится к России, а российский император будет также именоваться королём Польским. Взамен от поляков требовалось порвать политические связи с Францией и предоставить в распоряжение России 50-тысячный корпус для борьбы с Наполеоном²⁰.

Миссия провалилась. 21 марта (2 апреля) 1811 г. Чарторыйский сообщил Александру, что в герцогстве господствуют профранцузские настроения. Более того, кн. Ю. Понятовский, племянник последнего короля Речи Посполитой, с которым князь вёл конфиденциальные беседы, сообщил о российских планах Наполеону. В итоге в 1812–1814 гг. поляки воевали на стороне Франции (в Великой армии их насчитывалось 118,6 тыс. человек)²¹. Выбор обусловливался не только негативным отношением к России из-за разделов Речи Посполитой, но и убеждённостью в непобедимости Наполеона – в то время почти повсеместной.

«Польский проект» кн. Чарторыйского и Александра I на время был положен под сукно. В общих чертах его реализовали на Венском конгрессе, по

¹⁸ Там же. Т. 1. М., 1912. С. 322.

¹⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 1. 1801–1815 гг. Т. 5. М., 1967. С. 430–433.

²⁰ См.: Лукашевич А.М. «Польские» проекты // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия. В 3 т. Т. 3. М., 2012. С. 127–128.

²¹ Неуважный А., Васильев А.А. Польские войска Великой армии // Отечественная война 1812 года... Т. 3. С. 126–127.

решению которого большая часть Герцогства Варшавского вошла в состав Российской империи в качестве автономного образования под названием Царства Польского. Особый статус региона вскоре закрепила Конституционная хартия, дарованная Александром 15(27) ноября 1815 г. Важно подчеркнуть, что передача герцогства России рассматривалась императором как справедливая компенсация за пролитую в борьбе с Наполеоном «русскую кровь», а также как способ усиления безопасности западных границ.

Казалось бы, в свете того, что поляки воевали против России, Александр I имел полное право забыть предыдущие проекты и обещания и, по примеру Екатерины II, включить польские земли в состав империи в качестве обычных губерний. Болтунова с явным сожалением и даже осуждением пишет, что император предал «полному забвению» недавнее противостояние, решил «платить за зло добром», «не требовал от поляков раскаяния за совершённые в России преступления, не призывал каяться и жертвовать чем бы то ни было» (с. 326), не принял предложение гр. А.А. Аракчеева конфисковать имения «тех поляков, которые служили Наполеону в 1812 г. и не взирая на дарованные им прощения не возвратились в Россию» (с. 301).

Между тем у него имелся ряд веских причин поступить иначе. Во-первых, жёсткие меры вызвали бы недовольство польского общества и создали бы почву для политических конфликтов. Вместо желаемого «оплата» в западном регионе появилась бы «горячая точка». Во-вторых, Александр был убеждён, что народ, прошедший в общественно-политическом развитии определённый этап, нельзя искусственно отбрасывать назад. Так, в 1814 г., полагая неправомерным прямой возврат пережившей революцию и период империи Франции к «старому режиму», он убедил Людовика XVIII даровать своему народу конституцию. Поляки к тому времени уже обладали политической субъектностью в виде Герцогства Варшавского, имевшего конституцию. Дать им меньше, чем дал Наполеон, русский монарх, разумеется, не мог. В-третьих, Конституционная хартия Царства Польского рассматривалась императором как «пробный камень» в деле реализации давно вынашиваемого им замысла изменить форму правления в России. Варшавская речь Александра в марте 1818 г. при открытии первого Сейма, в которой он заявил о намерении распространить на всю империю польский «конституционный эксперимент», не была пустым звуком. В 1818–1820 гг. по распоряжению императора группа под руководством Н.Н. Новосильцева тайно работала в Варшаве над проектом российской конституции. Осенью 1820 г. её окончательный вариант под названием «Государственная уставная грамота Российской империи» получил высочайшее одобрение. Однако, глубже изучив российскую действительность, государь так и не решился подписать манифест о введении конституции в действие. Её текст обнаружили уже после его смерти, в бумагах Новосильцева во время восстания 1830–1831 гг.

Наконец, необходимо учитывать, что в таком обширном полиэтничном и многоконфессиональном государстве, как Российская империя, правительству приходилось проявлять гибкость и прибегать к усложнению государственного механизма. В целях более мягкой и успешной интеграции в состав империи новые регионы нередко получали различные льготы. Так, например, после присоединения Крыма (а Крымское ханство, как известно, являлось многолетним противником России) татарская знать обрела права и привилегии российского дворянства, а местное население на долгие годы освободили от рекрутской повинности и уплаты подушной подати. Великое княжество

Финляндское, вошедшее в состав России в 1809 г., получило особый правовой статус, отразивший его национальную специфику. Не стоит также забывать, что конституцию Царства Польского, так раздражавшую многих в российском обществе, император *даровал* и в случае необходимости мог по своему усмотрению изменить или даже отменить. На такую возможность, как отмечает сама Болтунова, на польском Сейме 1820 г. намекнул сам Александр, а Николай I воспользовался ею после подавления восстания, заменив Конституционную хартию на Органическийstatut Царства Польского 1832 г.

Что касается забвения противостояния и платы за зло добром, то Александр великодушно простил не только поляков, но и всех, кто по тем или иным соображениям встал под знамёна Наполеона. Ему действительно было незнакомо чувство мести. Например, в декларации, выпущенной перед вступлением в Париж, он заявил, что «далёк от желания воздать Франции злом за то зло, что претерпел», и хочет доказать французам, что «пришёл воздать добром за зло», а его «единственный враг» – Наполеон²². Во время пребывания в столице победённой державы он неоднократно отмечал и «храбрость французских войск». Впрочем, уважение к противнику и его доблести являлось одним из неписанных правил войны в первой половине XIX в., когда благородство и рыцарство ещё не канули в Лету.

Таким образом, польскую политику Александра I, как и любую другую научную проблему, нужно рассматривать с разных сторон, учитывая широкий исторический контекст, а не ограничиваться главным образом «историей эмоций», как это делается в рассматриваемой книге. В противном случае картина получается однобокой, а то и просто неверной. Тем более что такой здравомыслящий политик, как Александр, никогда не руководствовался лишь эмоциями и личными мотивами.

Интерпретация политической стратегии по формированию исторической памяти о войне 1812 г. также вызывает ряд серьёзных возражений. Болтунова отмечает, что в последнее десятилетие правления Александра I «были сформированы два автономных нарратива, апеллирующие к наполеоновским войнам: внутренний, рассчитанный на распространение в Российской империи, и условно внешний, дозволенный в Польше» (с. 333). Во втором из них «упоминание войны», а тем более «указания на то, что Польша была проигравшей стороной», при обоих императорах не поощрялись, зато приветствовались разговоры о польской храбрости и славянском братстве.

С тем, что в Царстве Польском старались без особой нужды не вспоминать о том, что поляки в 1812–1814 гг. находились на противоположной стороне, отчасти можно согласиться. Историческая и культурная память в процессе формирования, как известно, подвергается определённым трансформациям, в том числе и по политическим соображениям. Однако ряд пассажей, выдвинутых Болтуновой в развитие приведённого тезиса (о том, что русским внушилось чувство вины за разделы Речи Посполитой, а полякам предоставили «свободу от обязательств лояльности» (с. 346) и т.п.), являются откровенными перегибами.

В угоду своей концепции автор часто прибегает к недопустимым в научном исследовании приёмам. Например, неверно истолковывает документы, вычитывая в их текстах то, чего в них нет. Так, слова Александра о том, что Россия

²² Цит. по: Рэй М.-П. Александр I. М., 2013. С. 295.

«простёрла... братские объятья» к Польше, без убедительных аргументов трактуются следующим образом: «Соотносить свои действия с логикой братства народов было для России обязательным, а для Польши – лишь рекомендованным» (с. 347–348). Интерпретация же адресованной полякам фразы из манифеста о создании Царства – «Вожделенное наименование, которое вы столь долгое время, с напряжением всех сил ваших, взывали и для которого столько излили крови» – переходит все границы. Автор заявляет, что император оценил восстановление польской государственности как «единственно верную и всё оправдывающую» цель. Кровь, которую «столько излили» поляки, почему-то трактуется не как их собственная – что и имелось в виду на самом деле, – а как пролитая ими кровь русских. Вывод поражает: «Манифест, конечно, в скрытой форме, заявлял об оправдании убийств, совершённых во время наполеоновских кампаний. Иными словами, в обращении к своим польским подданным Александр легитимизировал действия поляков, объявляя убийство русских ненаказуемым» (с. 344). Перечень примеров подобного рода можно продолжить.

Необходимо также отметить, что, несмотря на «забывание» польско-российского противостояния, о произошедшем помнили, а в случае необходимости недвусмысленно напоминали. Так, в 1818 г. в присутствии императора на Красной площади Москвы прошло торжественное открытие памятника Минину и Пожарскому, посвящённого изгнанию польских интервентов из России в 1612 г. После подавления Польского восстания в местах сражений с поляками (в Варшаве, при Грохове, Остроленке и Якаце) в 1846–1849 гг. поставили памятники, неслучайно выполненные по типовому проекту А.У. Адамини, разработанному для увековечивания наиболее значимых сражений Отечественной войны (в 1839–1850 гг. памятники такого типа появились на Бородинском поле, в Смоленске, Ковно, Малоярославце, Красном, Полоцке и Клястицах). При этом установку памятников в Царстве Польском Николай приказал финансировать из польской же казны.

Современники не могли не обратить внимания и на то, что штурм Варшавы (заключительный аккорд подавления восстания) состоялся 26 августа, в день Бородинского сражения. Пушкин в стихотворении «Бородинская годовщина», вспоминая событие 19-летней давности, когда русская армия сражалась со «всей Европой», которую вела «звезда» самого Наполеона, подчеркнул, что поляки находились тогда в стане врага, и подавление недавнего мятежа – очередная победа над ними: «Ступайте ж к нам: вас Русь зовёт! / Но знайте, прощенные гости! / Уж Польша вас не поведёт: / Через её шагнёте кости!.. / Сбылось – и в день Бородина / Вновь наши вторглись знамена / В проломы падшей вновь Варшавы / И Польша, как бегущий полк, / Во прах бросает стяг кровавый – / И бунт раздавленный умолк»²³.

Ещё больше перегибов содержит толкование автором внутреннего нарратива памяти о войне. С одной стороны, Болтунова справедливо отмечает, что «победа в Отечественной войне 1812 г. ...была осмысlena как одно из величайших событий и предмет гордости» (с. 333), с другой – приписывает императору намерение сознательно сместить акценты от реальности к мистике, чтобы не сохранять память о конкретных героях. По её мнению, якобы «стыдившийся» вспоминать о войне монарх был не прочь вообще «избежать разворачивания

²³ Пушкин А.С. Бородинская годовщина // Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. М., 1959. С. 341.

мемориальных практик в отношении победы», однако, поскольку «сдержать этот процесс он не мог», то решил возглавить его, чтобы «вполне сознательно и системно... утверждать найденную им парадигму “священной войны”... уводя мемориальную зону как можно дальше от реалий произошедшего и памяти о людях, сыгравших в войне заметную роль» (с. 332). В подтверждение приводится решение сделать «имперским Днём победы... 25 декабря, то есть Рождество Христово», и построить в знак благодарности Богу храм Христа Спасителя. При этом выбор первоначального места для возведения храма (Воробьёвы горы) объясняется намеренным смещением «пространственного акцента московской мемориализации в сторону от Бородино или даже от центра сгоревшего города» (с. 332).

На самом деле представление о «священной войне» появилось и утверждалось отнюдь не искусственно, одними лишь усилиями власти. Оно обусловливалось национальной спецификой России и мироощущением людей той эпохи. Отечественная война являлась не просто военно-политической борьбой государств, но столкновением двух цивилизаций, имевшим ярко выраженную духовно-религиозную составляющую. Многие современники воспринимали происходившее как противостояние православной России и «безбожной» Франции, а победу над Наполеоном, который считался величайшим военным гением, увенчанным ореолом всемогущества и непобедимости, объясняли не только успехами русской армии и единением всех сословий, но также (и даже прежде всего) действием Божественного Провидения, избравшего своим орудием Россию и её императора²⁴. Совместное решение Святейшего Синода, Сената и Государственного совета присвоить Александру I титул «Благословенный» не являлось простым желанием польстить монарху. В Российской империи, духовной основой которой выступала православная вера, во время войн до и после крупных сражений в армии и на флоте всегда служили молебны, а во всех храмах регулярно читали молитвы «о победе на супостаты». Строить храмы в честь победы – давняя русская национальная традиция. Поэтому решение Александра построить храм Христа Спасителя и ежегодно праздновать в день освобождения территории России «Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминание избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двадцати языков», для которого даже написали специальную молитву, оказалось совершенно органичным.

При этом Александр I вовсе не собирался отнимать славу ни у главнокомандующего, ни у других военачальников, ни у всего своего воинства, что и подчеркнул в Манифесте от 25 декабря 1812 г. В том же храме Христа Спасителя на стенах предполагалось поместить мраморные доски с летописью основных сражений 1812–1814 гг., содержащей перечень участвовавших в них войск, имён военачальников, а также погибших и отличившихся военнослужащих. Эту идею реализовали позже, в новом проекте храма. Тело Кутузова похоронили в Казанском соборе Санкт-Петербурга, где также выставили различные воинские реликвии и трофеи, что превратило собор в памятник войны. В 1822 г. Александр I заказал скульптору Э. Лануицу изготовление памятников Кутузову и М. Б. Барклаю де Толли для установки перед собором. В силу сложности задачи (полковод-

²⁴ Подробнее см.: Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М., 2012. С. 15–49; Мельникова Л. В. Православная Россия против «безбожной» Франции: Русская Церковь и феномен «священной войны» 1812 года // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2014. С. 192–211.

цев нужно было изобразить в фельдмаршальских мундирах) Лаунц не справился с заказом, эту идею воплотил скульптор Б.И. Орловский в 1837 г.

По инициативе Александра в честь победы установили и ряд светских памятников. В частности, уже в 1812 г. у стен Московского Кремля разбили Александровский сад, в рисунке ворот и решётки которого (установлены в 1821 г.) отразились победные мотивы. В 1817 г. в парке Царского Села воздвигнуты парадные ворота «Любезным моим сослуживцам», в том же году в Москве возведено здание Манежа. Поистине уникальным памятником героям стала задуманная государем Военная галерея Зимнего дворца, которую составили портреты 336 генералов, участвовавших в военных действиях против Наполеона. В 1819 г. английский художник Дж. Доу получил монарший заказ на написание портретов для неё, «Пантеон российской славы» открылся 25 декабря 1826 г., год спустя после кончины императора.

Наконец, нельзя согласиться с попыткой противопоставить политику формирования памяти о войне, проводившуюся Александром I и его преемником. По словам Болтуновой, Николай, который «в отличие от старшего брата находился под сильнейшим впечатлением от событий 1812 г.», став императором, «сформировал свой проект памяти» (с. 358). На самом же деле он продолжил и развил курс предшественника. Во многих памятниках, возведённых в честь победы в николаевское царствование, по-прежнему находила отражение парадигма «священной войны». Так, Александровскую колонну, установленную на Дворцовой площади Санкт-Петербурга к 20-летию победы России и лично в честь Александра, венчает фигура ангела, попирающего крестом змею, что подчёркивает сакральный смысл войны и священный характер победы; ангел символизирует православную веру, победу христианства над мировым злом, безбожием и гордыней. Упомянутые выше памятники по типовому проекту Адамини представляют собой нечто среднее между античной колонной и православной часовней: их венчает луковицеподобная маковка с православным восьмиконечным крестом. Идея «священной войны» органично дополнила понятие «Отечественная война», которое появилось ещё в процессе борьбы с Наполеоном и закрепилось в ряде исторических трудов при Николае.

В заключение выражу недоумение по поводу названия монографии. Автор считает словосочетание «последний польский король» «точным попаданием» (с. 9), однако на деле Николай I – лишь последний монарх, который короновался в Варшаве. В дальнейшем коронации на польский и российский престол просто объединили. Царство Польское существовало до 1917 г., а титул «царь Польский» продолжал входить в титулатуру российского императора. Поэтому последним польским королём следует считать не Николая I, а Николая II.

Пол Верт: О коронах и забвении (и о многом другом) в новой книге Е.М. Болтуновой

Paul Werth (University of Nevada, Las Vegas, USA): On crowns and forgetting (and much else besides) in Ekaterina Boltunova's new book

DOI: 10.31857/S2949124X24060112, EDN: RLYXXN

Я прочёл новую книгу Е.М. Болтуновой с интересом и удовольствием. О ней хочется порассуждать из-за огромного количества интересных момен-

тов, любопытных сюжетов и ярких наблюдений, которые она содержит. Автор описывает отдельные события уникальной, но плохо освещённой в литературе коронации в Варшаве в мае 1829 г. настолько подробно, что создаётся ощущение присутствия при них. Не менее интересна и вторая половина книги, посвящённая политической стратегии «забвения» столкновений предыдущих двух столетий. Источниковая база поражает: завидное знание огромного массива исторической литературы сочетается с обилием материалов из архивов. В целом получилась содержательная, глубокая книга, мимо которой не сможет пройти ни один серьёзный историк польско-русских отношений XIX в.

Я не специалист по истории Польши, однако мне хотелось бы обсудить несколько тем этой монографии. Центральный вопрос, на который старается ответить Болтунова, таков: «Как выстраивалась логика мирного сосуществования с недавним врагом после окончания большой, разрушительной и победоносной для России войны?» (с. 23). Коронация 1829 г. явилась важной частью решения и этого вопроса, и вообще задачи включения территории Польши в империю Романовых. В её рамках созданное в 1815 г. новое Царство Польское обладало особой политической субъектностью. Составившие его земли попали в состав России «по праву завоевания», однако Александр I выбрал в их отношении особый путь: «Забывание недавнего противостояния двух стран при Бородино и Березине, с одной стороны, и попытка выстраивания концепции единства двух народов, с другой, стали новой политической стратегией правящей элиты» (с. 18).

При этом речь шла не только об устраниении повода для споров с поляками, но и о приобретении новых подданных: безусловно лояльных, не помнивших изоляции Александра от главных военных событий 1812 г. («бесчестье», по определению Болтуновой) и не говоривших за его спиной о дворцовом перевороте 1801 г. (с. 269). Такая стратегия, сопряжённая «с серьёзными сложностями» (с. 282), определилась ещё до окончания Отечественной войны. Уже в декабре 1812 г. император пообещал монаршее прощение всем полякам, находившимся на службе неприятеля, если они покинут ряды противника. И когда после отречения Наполеона в 1814 г. польские войска сдались, Александр объявил: «*Я предаю прошедшее полному забвению*» (с. 285)²⁵. Вслед за этим последовал манифест о всеобщей амнистии, причём монарх не побуждал поляков произносить слова раскаяния или признавать вину.

Появление Царства Польского явилось развитием обозначенного курса, как и описываемая коронация (в которой, к слову, приняли участие офицеры, служившие в армии французского императора). О событиях 1812 г. старались не вспоминать. Русские и поляки должны были стать «братьями», несмотря на то что этот союз зиждился «на тысячах убитых под Смоленском, при Бородино, Малоярославце, Лютцене, Кульме и Лейпциге» (с. 257). Предстояло забыть и о событиях Смуты XVII в., интерес к которым в России 1810–1820-х гг. устойчиво нарастал, — это, по мнению автора, «мало чем отличалось от стратегии забывания Отечественной войны» (с. 440). Основанием для единения выступала историческая борьба с Турцией — из этих соображений Николай сопоставлял себя с Яном Собеским. Он и после восстания 1830–1831 гг. в определённой степени оставался заложником идеологии, «которая зиждилась на забывании и установках на создание нового единства» и «продемонстрировала явную

²⁵ Здесь и далее курсив во всех цитатах авторский.

устойчивость» (с. 476). Правда, польскую конституцию заменил Органический статут, однако он не отменял коронование имперского монарха как польского короля, а лишь соединил две коронации в одну в Москве. Император «не нашёл возможности просто перечеркнуть александровское установление» (с. 485).

Статус Царства Польского оказался во многом уникalen. Это стало особенно очевидно после смерти Александра I. Документы Печальной комиссии, занимавшейся похоронами императора, демонстрируют, что вопрос о том, как подчеркнуть особое положение региона, «стал едва ли не самым важным» (с. 35). В шествии с гробом покойного земли имперской короны оказались «выстроены в абсолютно зримую иерархию», в рамках которой Царство «оказывалось исключительно значимым» (с. 35). Привилегированное место Польши и далее блюли главные герои повествования — император Николай и вел. кн. Константин. Автор рассказывает о церемонии передачи короны империи с российской территории на польскую по пути на коронацию, причём число участников процессии с обеих сторон было одинаковым, указывая на «равенство в политическом отношении России и Польши» (с. 134). Польская субъектность также выразилась в разных версиях коронации для Царства и остальной империи, которые озвучили разные толкования происходившего и по-особому расставили акценты в них. Языкими коронации 1829 г. стали польский и французский, а Николай согласился использовать полонизированный вариант своего имени: «Миколай».

Разумеется, идея политической «субъектности» Польши (с. 17) жила и в сознании самих поляков. В 1830 г. восставшие прямо заявили о ней в декларации о лишении российского императора престола: народ польский «является независимой нацией и имеет право тому корону польскую отдать, кого её достойным сочтёт» (с. 458). Она «была... неоспорима» и для вел. кн. Константина, который «оказался в ловушке» при попытках осмыслить новые реалии (с. 473). Однако с российской точки зрения низложением Николая «Польша буквально сбрасывалась с пьедестала политической субъектности, превращаясь в территорию проигравших, в пространство, завоёванное силой русского оружия» (с. 464).

«Последний польский король» содержит много интересных наблюдений о статусе разных земель в Российской империи. Так, для своего покойного брата Николай одобрил следующую надгробную надпись: «Александр I, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский, и прочая и прочая и прочая» (с. 36). Примечательно, что в этом процессе Царство как бы тянуло за собой и Великое княжество: занимавшее лишь 15-е место в титуле государя в 1808 г., оно теперь вошло в заглавную триаду. Очень интересно обсуждение идеи Александра I о воссоединении Литвы (в составе империи с 1790-х гг.) с Царством²⁶. Если присоединение «старой Финляндии» к новоприобретённому княжеству в 1811 г. не вызывало протеста в российском обществе, то теперь начались острые споры (с. 384). Разные позиции заняли и Константин с Николаем: первый «с жаром» (с. 62) выступал за реализацию этого плана, второй выражал явное несогласие. В итоге проект реализовался частично: в 1822 г. Константин как наместник в Польше получил военную власть не только над Царством, но и над частью западных губерний (с. 52).

²⁶ Следует подчеркнуть, что, хотя в состав Речи Посполитой до 1772 г. входила также Белоруссия, речь о её включении в расширенную Польшу не шла (*Сталюнас Д.* Польша или Русь?.. С. 60).

Автор также показывает, что в ходе восстания Николай некоторое время «размышлял над самоубийственным для представителя власти вопросом отказа от части территории собственной страны». Он предполагал полностью избавиться от Царства — по его словам, из него Россия не может извлечь «никаких действительных выгод» (с. 462). В целом в книге поднято много вопросов, наталкивающих на размышления о территориальности России, показано, что под покровом видимой стабильности границ крылись мысли о крупных изменениях.

«Последний польский король» — яркий пример истории эмоций. Речь о разных чувствах идёт почти на каждой странице, начиная с первого раздела первой главы («Страх»). Автор приводит множество примеров различных переживаний, которые испытывали герои книги: отвращение, унижение, восторг, любовь и т.д. Она утверждает, что апелляция к этническому единству между поляками и русскими нуждалась в основании не столько рациональном, сколько эмоциональном (с. 348), а Александр I сформировал с польскими подданными «эмоциональное сообщество» (с. 274). «В целом можно говорить о том, что эмоциональный режим эпохи апеллировал к категории “любовь” наравне с категорией “братство”, вследствие чего «покорившие оказались покорёнными, что обеспечивало легитимностьalexandrovskой, а затем и николаевской политике на западных территориях империи» (с. 380). Попытки Александра превратить поляков из врагов в храбрецов, которые, подняв оружие против России, лишь благородно выполняли долг, также во многом объяснялись эмоциональным порывом.

Книга предлагает «реабилитацию» Николая I. В повествовании император выглядит достойно, и автор строит рассказ так, что читатель почти вынужден симпатизировать ему. Старший брат Константин «был постоянной головной болью» (с. 46) и отношения между ними представляли «конкурентную борьбу», с «мучительной перепиской» (с. 60). Подчёркнуто, сколько трудных решений стояло перед Николаем в связи с коронацией. Проводить ли её вообще? Где именно устроить церемонию? Какое место должно занять католичество в возведении на трон православного монарха? Повторить ли клятву о соблюдении конституции, уже данную в манифесте в Петербурге в конце 1825 г.? Какую именно корону использовать?

Ключевые категории для Николая — «честь» и «долг» (с. 89), чувство обязательства перед подданными в Царстве. Он, преодолевая «отвращение», прилагал много усилий, чтобы понравиться полякам. По поводу восприятия им собственных действий в Варшаве автор замечает: «Внутреннее состояние Николая-человека не согласовывалось с эмоциональным режимом, который установил (и которому обязал себя следовать) Николай-император» (с. 226). Обращает на себя внимание сдержанность монарха после Польского восстания. Ему потребовалось несколько месяцев, чтобы начать военные действия против мятежников — и не только потому, что требовалось время для сбора армии. Центральным в решении прибегнуть к военной силе явился акт низложения с престола. До того Николай усердно старался найти выход из кризиса, обещая прощение и предполагая, что «изгладить минувшее» ещё не поздно (с. 444). Он даже встретился в Петербурге с польскими переговорщиками, которые после аудиенции получили право беспрепятственно вернуться в Варшаву, и во время разговора обратился к ним с просьбой помочь найти выход: «Укажите Мне на средство к мирному решению вопроса, средство пригодное

для польского Царя, который в то же время есть русский Император» (с. 453). Как видим, оказавшись заложником стратегии старшего брата, Николай вёл себя достойно и даже великодушно. Вина за трагедию легла на поляков.

Всё это демонстрирует, до какой степени исследование сосредоточено именно на российском восприятии событий. «Это книга не о Польше. Она о России», заявляет автор в введении и утверждает затем, что предыдущий анализ зиждился на польской интерпретации (с. 23). Российский взгляд отсутствовал, и вполне понятно желание восполнить этот пробел. Но точно определить отношение автора к происходившему непросто. Местами книга читается как аргумент в пользу российского видения проблемы, иногда кажется, что Болтунова разделяет возмущение польской «неблагодарностью». Это особенно ярко видно в главе о финансах империи, показывающей, сколь существенные выгоды и денежные субсидии получила Польша. К примеру, выплата долга казне империи (составлявшего к 1830 г. 67,7 млн золотых) постоянно откладывалась, и он так и не был возмещён. «Российская казна платила и платила, записывая расходы в долг», что позволило Царству «сохранить образ стороны, которая платит за себя» (с. 317). Как образно выражается Болтунова, «Россия не стала взыскивать с Польши моральные долги, она также не смогла взыскать и долги финансовые» (с. 319), и поэтому можно говорить о «новой политической реальности, в которой враг оказывался награждён» (с. 321). Последняя реплика книги — о том, что после Второй мировой войны можно было бы восстановить половину Смоленска на те средства, которые пошли на сооружение «сталинской» высотки в Варшаве. Во всём этом, как мне кажется, заметна обида автора за империю и даже некоторое негодование. Будет интересно посмотреть, как на данные аргументы отреагируют польские историки.

В итоге книга рассказывает историю трагическую, но подчеркну, что задача, стоявшая перед русскими монархами в 1815 г. и позднее, изначально оказалась очень трудна. Подход Александра (продолженный Николаем как минимум до 1830 г.) был не лишен остроумия, больше того, в тех условиях, пожалуй, лучшего варианта бы не нашлось.

Два последних замечания. Прежде всего такая богатая книга нуждается в полноценном заключении, а не только лишь в послесловии (последняя глава, правда, названа «заключением», но на самом деле этой функции не выполняет). Далее, пользуясь возможностью, с сожалением констатирую активное проникновение в русскую академическую прозу англо-американского научного жаргона (как часто приходится ныне читать о «не проблематизирующихся дискурсах» и тому подобном!). Чаще всего такой жаргон лишь извращает русский язык, вряд ли что-то добавляя к содержанию текстов (притом, отмечу, звучит ничуть не лучше и по-английски). К счастью, исследование Болтуновой свободно от этого недостатка, поэтому его приятно читать. Это пример, которому, по моему скромному мнению, должны следовать другие авторы.

Высшая полиция и эпидемия холеры 1830–1831 гг.

Александр Леонтьев

The Supreme Police and the cholera epidemic
of 1830–1831

Aleksandr Leontiev

(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24060121, EDN: RLQMVO

Эпидемия холеры, охватившая Россию в 1830–1831 гг., стала серьёзным испытанием для властей империи. История распространения болезни, методы борьбы с ней и происходившее при этом накопление медико-полицейских знаний хорошо освещены исследователями¹. Однако, как правило, основное внимание они уделяли деятельности Медицинского департамента МВД, в ведении которого находилась тогда гражданская медицина², распоряжениям министра внутренних дел гр. А.А. Закревского³, работе антихолерной комиссии⁴, а также позиции митрополита Филарета (Дроздова)⁵.

Между тем чрезвычайное происшествие такого масштаба напрямую относилось и к компетенции созданного в 1826 г. III отделения Собственной е.и.в. канцелярии⁶ и образованного в 1827 г. Корпуса жандармов. Как известно, обе эти структуры, формально обособленные, подчинялись одному главному начальнику – шефу жандармов А.Х. Бенкendorфу и отвечали за дела особой государственной важности, или «высшей полиции», как говорили в первой по-

© 2024 г. А.А. Леонтьев

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01576 «Представления жандармских офицеров о России в дореформенную эпоху», выполняемый в Институте российской истории РАН.

¹ Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960; McGrew R.E. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison, 1965; Henze C.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914. L.; N.Y., 2011; Davis J.P. Russia in the Time of Cholera: Disease Under Romanovs and Soviets. L.; N.Y., 2018; Выскочков Л.В., Шелаева А.А. Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам // Epidemie i pandemie przez wieki. Gdansk, 2021. S. 259–288.

² Затравкин С.Н. Концепция медицинской полиции: возникновение и практическая реализация // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2020. № 4. С. 100–107; История медицины и медицинской географии в Российской империи. М., 2021. С. 26–50.

³ McGrew R.E. Op. cit. P. 41; Архангельский Г.И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг. СПб., 1874.

⁴ Гессен С.Я. «Холерные бунты». (1830–1832 гг.). М., 1932; Барабанова К.С. Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в условиях чрезвычайной ситуации. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017.

⁵ Корсунский И.Н. Деятельность Филарета, митрополита Московского, в холеру 1830–1831 годов. М., 1887.

⁶ ПСЗ-II. Т. I. СПб., 1830. № 449.

ловине XIX в.⁷ В условиях эпидемии им предстояло продемонстрировать свою эффективность. Но, как ни странно, их усилия и роль в правительственные мероприятиях в 1830–1831 гг. практически ни разу не рассматривались историками, несмотря на наличие массива архивных документов, в которых они нашли достаточно полное отражение⁸.

Болезнь, получившая официальное название *Cholera Morbus*, впервые попала в Россию с торговыми караванами из Азии ещё в 1823 г. Тогда она сошла на нет всего через месяц, затронув несколько городов в Астраханской губ. и на Кавказе. Местное начальство не принимало никаких особых мер, а самой холерой заинтересовались только в Медицинском совете Петербурга. В августе 1829 г. болезнь поразила Оренбург, а в июле 1830 г. вернулась в Астрахань, но уже не прекратилась сама собой, а, наоборот, доказывая свою «заразительность», быстро распространилась по волжскому торговому пути и 7 августа появилась в Саратове, 25 августа – в Самаре, 7 сентября – в Казани, 15 сентября – в Москве⁹.

До августа 1830 г., пока под угрозой не оказалась Центральная Россия, гр. Закревский, вопреки мнению Медицинского совета, не устанавливал жёсткие карантинные кордоны и предоставлял местным властям распоряжаться самостоятельно¹⁰. Только 29 августа состоялось первое заседание центральной комиссии для прекращения холеры, и лишь 12 сентября вышел указ, поручавший губернаторам вводить карантин¹¹. Печать также не спешила информировать общественность: в «Северной пчеле» новости об эпидемии стали публиковать только в конце августа¹². Неудивительно, что упоминания о холере в делопроизводстве III отделения появились уже в сентябре, а до того Бенкендорф, возможно, и не подозревал о масштабах бедствия. Характерно, что в начале месяца к нему обратился кронштадтский полицмейстер, просивший оставить в городе штаб-лекаря Миньковского, которого начальство переводило в Саратов. Шеф жандармов ходатайствовал об этом перед министром внутренних дел, но получил вежливый отказ. При этом гр. Закревский ссылался на то, что в Поволжье, «как Вы знаете», бушует эпидемия холеры, и там нужны квалифицированные врачи¹³.

Будучи командующим Императорской главной квартирой, Бенкендорф имел фактически неограниченный доступ к царю, собственно по делам высшей полиции он докладывал еженедельно, а иногда и чаще¹⁴. Поэтому, отправившись 9 сентября в Саратов для личного руководства борьбой с холерой, гр. Закревский именно через Бенкендорфа представлял свои всеподданнейшие доклады и узнавал об оставленных на них резолюциях монарха¹⁵. К шефу жандармов обращался в сентябре 1830 г. и отставной действительный статский советник Н.И. Шредер, которого гр. Закревский звал с собой в Саратов: он

⁷ Подробнее см.: Севастьянов Ф.Л. Государственная безопасность есть предмет уважительный: политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб., 2016. С. 38–40.

⁸ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321.

⁹ Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. С. 253–254.

¹⁰ McGrew R.E. Op. cit. P. 48–49. Показательно, что Нижегородская ярмарка проводилась в 1830–1831 гг., даже когда опасность массового скопления людей была очевидной.

¹¹ Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. С. 256.

¹² McGrew R.E. Op. cit. P. 41.

¹³ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 1–4.

¹⁴ Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 144.

¹⁵ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 12–12 об.

просил ускорить своё возвращение на службу, нуждался в официальном разрешении отправиться с министром, жаловался на председателя Медицинского совета МВД Ф.И. Энгеля, не выдавшего ему подорожных денег, и т.п.¹⁶

Тем временем Бенкендорф вёл активную переписку с Энгелем, уведомляя его о том, что «с разных сторон слышны жалобы, кои отчасти кажутся справедливыми, от докторов и аптекарей на производимые распоряжения начальства, расстраивающие их благосостояние, без пользы для правительства»¹⁷. Когда в сентябре император «с неудовольствием заметил, что в напечатанном во всех газетах от МВД объявлении всем европейским врачам о приискании средств к истреблению холеры, пропущены французы и французский язык», Бенкендорф сообщил Энгелю о необходимости исправить эту ошибку¹⁸. В течение осени и зимы 1830–1831 гг. Александр Христофорович также получал сведения от управляющего Главным штабом. Военный губернатор Петербурга П.К. Эссен спрашивал у него разрешения на возобновление отправления дилижансов в Москву¹⁹.

В правящих кругах осознавали, что любые карантинные меры потенциально создают опасность бунтов и неповиновения. В мае 1830 г. об этом вновь напомнили беспорядки в Севастополе, где продление карантина в одном из районов привело к столкновению населения с властями, убийству временно-го военного губернатора и нескольких чиновников²⁰. Поскольку наблюдение за настроением подданных и предупреждение бунтов входило в задачи высшей полиции, собирая соответствующую информацию следовало жандармским штаб-офицерам в губерниях, а также окружным генералам. Однако Корпус жандармов находился тогда на ранней стадии организации, большинство штаб-офицеров и даже некоторые из окружных начальники ещё не были назначены²¹. Поэтому сведения поступали в Петербург в основном из Москвы, являвшейся центром 2-го жандармского округа, хорошо укомплектованного кадрами, а также от штаб-офицеров, командированных шефом для непосредственного наблюдения за ситуацией в пострадавших районах. Как правило, эти жандармы не знали специфику губерний, в которых оказывались, и не имели там налаженных контактов.

Одним из первых к решению данной задачи приступил полковник И.И. Нагель, отправленный вместе с гр. Закревским в Саратов. Докладывая о встрече министра с приветствовавшей его делегацией местных жителей, Нагель живо описывал, как граф с ходу принял ругать чиновников и обещал судить тех, кто без разрешения покидал свою службу, резко добавив, что по военным законам они были бы расстреляны. При этом полковник демонстративно не принял хлеб-соль от купечества, завышавшего цены на продовольствие после установки карантина²². Неудивительно, что на подобное обращение служащие ответили пассивным сопротивлением и саботажем министерских приказов²³.

¹⁶ Там же, л. 5–6, 20.

¹⁷ Там же, л. 11.

¹⁸ Там же, л. 13.

¹⁹ Там же, л. 94.

²⁰ *McGrew R.E.* Op. cit. P. 50.

²¹ *Бибиков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика... С. 193.

²² ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 22.

²³ *McGrew R.E.* Op. cit. P. 62, 73.

Дабы не допустить паники и успокоить народ, Николай I 29 сентября посетил Москву, что произвело сильное впечатление на современников²⁴. А.С. Пушкин и А.А. Дельвиг посвятили этому событию стихи²⁵. Как доносил из Тулы майор М.Л. Бегичев, весть об этой поездке «наполнила все сердца будто целительным бальзамом: уменьшились и опасения насчёт холеры, неприятные толки прекращаются и наконец уже говорят, что в Москве заразы не бывало, а одни только преувеличенные предосторожности ввергли московских жителей в отчаяние. Прославляя имя нашего царя, начинают оживляться надеждою, что и Небесный Царь помилует от преждевременной погибели тот народ, о котором с отеческою заботливостью печётся сам монарх»²⁶. В соответствии с распоряжением обер-прокурора Святейшего Синода при встрече императора в соборе архиереям разрешалось «по древнему обычаю» произносить краткие речи, но их содержание требовало высочайшего согласования. Архиепископ Тверской и Кашинский Амвросий (Протасов), вероятно, опасаясь, что не успеет своевременно получить одобрение, направил текст своего приветствия через Бенкендорфа²⁷.

Жандармские штаб-офицеры сообщали губернаторам и шефу корпуса сведения о злоупотреблениях и взяточничестве на карантинных заставах²⁸. Бегичева начальник губернии даже попросил прислать туда, где были замечены нарушения, рядовых жандармов «для наблюдения»²⁹. Иногда уездные комитеты проявляли излишнюю инициативу, учреждая кордоны между территориями, где холера ещё не появлялась, и готовя помещения для будущих больниц. Чтобы лишний раз не тревожить население, которое в серьёзность болезни не особо верило, тульскому губернатору пришлось отменить эти распоряжения³⁰.

Между тем легкомысленное отношение к эпидемии удивительным образом соседствовало с паникой, которой поддавались и представители местной элиты. Так, Бегичев писал про обягтого страхом архиепископа Тульского и Белёвского Дамаскина (Россова): «Ворота его дома, быв до сего времени всегда отворенными, ныне заперты, и на дворе производится курение. Прежде в домовую его церковь имели вход все сословия, теперь допускается лишь дворянство. И, наконец, сказывают, что будто бы из опасения, дабы не подвергнуться заразе, дела и просительские жалобы и объяснения принимает он через своих келейников, а сии, пользуясь таким поручением, не забывают за доклады собирать деньги с просителей». Отметив, что «пастырь печётся об одной лишь собственной безопасности», майор заключал: «Малодушие непростительно даже и частным людям, не только такому лицу, которое по сану своему пользуется правом первенства»³¹.

²⁴ Холера в Москве (1830). Из писем Кристина к графине С.А. Бобринской // Русский архив. 1884. № 5. С. 136–151; Павловская Л.Е. Холерные годы в России. СПб., 1893. С. 19; *Markus F.C.M. Rapport sur le choléra-morbus de Moscou*. Moscou, 1832. Р. 75.

²⁵ Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т. 1. СПб., 2018. С. 165; Пушкин А.С. Герой // Телескоп. Ч. 1. 1831. С. 46–48.

²⁶ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 23–24.

²⁷ Там же, л. 26.

²⁸ Подробнее см.: Якунин И. Холера в Тамбове в 1830 г. // Вестник Европы. 1875. Т. 5. Кн. 9. С. 211; Гессен С.Я. Указ. соч. С. 6, 14.

²⁹ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 24 об.

³⁰ Там же, л. 62.

³¹ Там же, л. 44.

Штаб-офицеры повсеместно сталкивались с распространением в народе толков и с незначительными случаями неповиновения. Чаще всего в этом уличались крестьяне, особенно (по мнению двух офицеров) экономические, которые, «не видя никогда пред собою начальства, входящего в домашний их образ жизни, не понимают, что все таковые распоряжения (правительства. — А.Л.) делаются для собственного их и общего блага, существованию заразы не хотят верить», а «меры предосторожности от оной называют умыслом дворянства, противным высочайшей воле»³². Согласно донесению подполковника Вепрейского, в с. Каненском Калужской губ. прибывшего для осмотра карантинной заставы губернского предводителя дворянства остановила ожесточённая толпа. Не слушая ни члена земского суда, ни начальника воинской команды, соревновавшей там караул, крестьяне кричали, грубили и даже выпрягли из предводительской коляски лошадей, заставив её владельца возвращаться пешком. Прибывший туда волостной голова заявлял, что только он представляет начальство. Воспользовавшись завязавшейся затем дракой, заседатель приказал запрячь лошадей и покинул село, догнав предводителя в другой деревне. «По благоразумию ли начальника команды или по роду вооружения артиллеристов, — писал жандарм, — только ни один из рядовых не решался при сём случае ударить кого-либо из буйствующих крестьян, которые, как говорят, всемерно старались вывести их из терпения, отчего и кончилось сие без дальнейших неприятностей»³³. Через две недели, 12 ноября, вновь сообщая о волнениях среди экономических крестьян, уже в другом месте, подполковник отметил, что «слухи о волнении умов в народе с каждым днём усиливаются»³⁴.

Склонность к неповиновению демонстрировали и рабочие тульского оружейного завода, имевшие доступ к арсеналу. По словам Бегичева, «образ жизни сих людей — нищета, преданность к пьянству и буйству. А притом издавно питаемое ими негодование на своё начальство служит достаточным поводом к заключению, что они, будучи уже наполнены духом неудовольствия, готовы привести оное в действие при первом удобном случае»³⁵. Поэтому майор рекомендовал немедленно принять меры, которые улучшили бы сложившуюся обстановку. В итоге оружейники так и не взбунтовались, хотя их положение во многом напоминало ситуацию в новгородских военных поселениях, восставших в июле 1831 г., когда холера дошла до Старой Руссы³⁶.

Полковник А.Г. Приклонский сообщал о том, что люди податных сословий, прибывавшие в Рязань из Москвы, разносили слухи о холере, а некоторые из них ездили по деревням и убеждали жителей объявлять себя больными. Узнав об этом от Приклонского, губернатор разослал соответствующие циркуляры, после чего подобная агитация будто бы прекратилась³⁷.

Впрочем, иногда молва угасала быстрее, чем власть успевала отреагировать. Так, подполковник И.И. Огарёв, командированный в Великие Луки, где заговорили об отравлении колодцев, не застал там подобных толков³⁸: горожане уже обсуждали новость о якобы отравленном чае, пока не убедились в её

³² Там же, л. 31–32.

³³ Там же, л. 32 об.–33.

³⁴ Там же, л. 34.

³⁵ Там же, л. 113.

³⁶ Гессен С.Я. Указ. соч. С. 36–62.

³⁷ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 51.

³⁸ Там же, л. 52.

лживости из статьи, напечатанной 7 ноября в «Северной пчеле»³⁹. И хотя в газете речь шла о петербургских магазинах, в уездном городе легко переносили прочитанное на свою почву. Между тем рассказы про отраву в колодцах стали встречаться по всей России⁴⁰.

Карантинный режим заметно обременял население, особенно, если судить по жандармским рапортам, в Москве и экономически связанных с ней губерниях. Когда возникли проблемы с поставками продовольствия, московский генерал-губернатор кн. Д. В. Голицын, полагавший, что от голода последствия могут оказаться хуже, чем от холеры, тайно просил тульского губернатора убедить помещиков отправить в Москву хлеб. Тот обратился к предводителям дворянства, но Бегичев предсказывал, что это ни к чему не приведёт из-за плохого урожая, высоких цен на хлеб в самой Туле и необходимости содержать караван в течение 14-дневного карантина⁴¹. В Калуге крестьянам, многие из которых по 10 месяцев в году жили в Московской губ., работая на фабриках, пришлось вернуться, и они демонстрировали «развращение нравов», пьянствуя от безделья⁴².

Купечество активно жаловалось на порчу товаров при 14-дневном карантине и окуривании, что приносило крупные убытки. О московских делах Бенкендорфу докладывал жандармский генерал-лейтенант А. А. Волков, являвшийся членом холерного комитета и участвовавший в частных собраниях у кн. Голицына. В течение ноября он последовательно доказывал необходимость сначала отмены окуривания, а затем и остальных стеснявших торговцев мер, часто попросту нереализуемых на практике, поскольку «не находится обширного места и пакгаузов для складки и скорого очищения, и нет даже возможности окуривать несметную массу товаров без остановки, ущерба и порчи оных». Между тем стоимость застрявшего в карантине добра, по сведениям Волкова, достигала 400–500 млн руб.⁴³ Аргументируя свою позицию, генерал-лейтенант ссылался на циркулировавшие в народе мнения о том, что окуривание и карантин не влияют на распространение заразы, но, разоряя страну и людей, провоцируют беспорядки⁴⁴. Возможно, эти доводы ускорили снятие основных ограничений, приуроченное к именинам императора 6 декабря.

К тому времени опасения Волкова наглядно подтвердили волнения, разразившиеся 17–19 ноября в Тамбове⁴⁵. Командированный туда вскоре подполковник Огарёв в своих подробных докладах гр. Закревскому, возвращавшемуся через город в столицу, и в письме к Бенкендорфу возложил ответственность за случившееся на губернатора И. С. Миронова. Тем самым жандармский штаб-офицер (и, кстати, только он) фактически принял сторону мешан, на тот момент уже осуждённых военно-судной комиссией под председательством генерал-майора П. П. Годейна, который, как выяснил Огарёв, дружил с Мироновым и даже проводил заседания в губернаторском доме. Осторожно намекая на предвзятость такого суда, жандарм утверждал, что холеры в городе

³⁹ Северная пчела. 1830. 7 ноября. № 134. С. 4.

⁴⁰ Гессен С. Я. Указ. соч. С. 16.

⁴¹ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 60.

⁴² Там же, л. 31.

⁴³ Там же, л. 67.

⁴⁴ Там же, л. 65–80.

⁴⁵ Якунин И. Холера в Тамбове в 1830 г. С. 204–223; Дубасов И. Холерный год в Тамбове // Русская старина. Т. 14. 1875. Кн. 9. С. 744–749; Гессен С. Я. Указ. соч.

не было вовсе, а губернатор переусердствовал, навязывая обывателям меры, угрожавшие их собственности. Когда же от лечения кровопусканием погибли несколько человек, горожане вышли из повиновения. Огарёв считал, что власти могли этого избежать, если бы созвали комитет из представителей всех сословий и врачей, которые под присягой, предусмотренной в военном уставе, продемонстрировали бы наличие холеры и её признаки. Тогда в городе удалось бы сохранить спокойствие⁴⁶.

Ознакомившись с мнением Огарёва, гр. Закревский уже не мог игнорировать всеподданнейшую просьбу мещан, и перед отъездом распорядился пересмотреть дело, поручив наблюдение за ним флигель-адъютанту К.М. Ивеличу. В марте 1831 г. в Тамбов снова выезжал жандармский офицер, подтвердивший выводы своего предшественника⁴⁷. В итоге в сентябре следующего года приговор был незначительно изменён, но через год губернатор вышел в отставку⁴⁸.

Не удержался на своём посту и сам граф, наживший себе врагов в руководстве высшей полиции. В отчёте III отделения за 1829 г. указывалось: «Следовало бы сделать очень многое в этом министерстве, — говорят, — если бы только министр был образованным и просвещённым человеком, но гр. Закревский создан для формы и предрассудков; он не на месте»⁴⁹. В отчёте за 1830 г. его распоряжения получили довольно двусмысленную оценку: «Посылка гр. Закревского в принципе не одобрялась; общество к нему не питало доверия, а партия Голицына старалась поддерживать это предубеждение. Но проявленная министром деятельность оправдала выбор государя и заставила вскоре общество изменить своё мнение в пользу гр. Закревского, о котором громко говорили: “Вот его дело: исполнение полицейских мер, а не управление министерством, где нужно высокое образование, обширные познания и соображения”»⁵⁰. В конце 1831 г., когда с холерой было покончено, граф подал в отставку. III отделение приветствовало её в своём отчёте: «С самого вступления в управление оным министерством гр. Закревского общее мнение ознаменовало его как человека, не имеющего ни того просвещения, ни тех способностей, каковые требуются в Министерстве внутренних дел... При таковом понятии о гр. Закревском все с удовольствием узнали о его отставке»⁵¹.

С января 1831 г. эпидемия пошла на убыль. Как сообщал из Калуги Венрейский: «Восстановившаяся хорошая погода и добрые вести из соседних губерний относительно предполагаемой в оных холеры успокоили унылый дух народа, всё приходит в обычновенную живость, и холера уже не служит первым предметом всеобщего разговора»⁵². В июне болезнь вернулась и даже заставила царя лично наводить порядок в Петербурге. Но первый, самый сложный этап борьбы с ней, завершился. Однако он показал, что верховная власть не имела возможности оперативно реагировать на быстро развивавшиеся в стране события. Даже незначительные вопросы решались в Петербурге на основании сведений, поступавших по длинной цепочке: рапорт жандармского штаб-офицера

⁴⁶ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 104, 137–143.

⁴⁷ Там же, л. 184–191.

⁴⁸ Там же, л. 107; Гессен С.Я. Указ. соч. С. 21.

⁴⁹ Россия под надзором: отчёты III отделения, 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Шербакова. М., 2006. С. 54.

⁵⁰ Там же. С. 68.

⁵¹ Там же. С. 83.

⁵² ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 176.

2-го округа сначала направлялся в Москву к Волкову, который, ознакомившись с ним, пересыпал его Бенкендорфу. Тем же путём указания III отделения следовали обратно. В среднем такая переписка занимала 12 дней. Поэтому когда до Волкова дошёл упрёк начальника, узнавшего из частных источников о ропоте московских купцов, карантинные меры в городе уже отменили⁵³. По той же причине комиссии гр. Закревского в сентябре пришлось покинуть Петербург, но и после этого министр ездил из города в город, не поспевая за распространением заразы⁵⁴.

Характер работы III отделения оставался канцелярским, оно занималось подготовкой докладов, а не подавлением бунтов. Находившиеся в губерниях штаб-офицеры также не имели широких полномочий. Они не участвовали в организации карантинных застав, не посыпались во взбунтовавшиеся селения, но могли, по согласованию с губернатором, пресекать опасные слухи или заседать в губернской антисанитарной комиссии. Считалось, что их основная задача — мониторинг общественного мнения, т.е., по сути, — собирали слухов. Конечно, из-за расстояния до центра принятия решений жандармские донесения не могли предотвратить быстро развивавшиеся события, но они учитывались в столице, когда было достаточно времени на реагирование. Их сила обеспечивалась тем, что через Бенкендорфа мнения штаб-офицеров регулярно доходили до Николая I, который, благодаря такой «наблюдательной полиции», впервые стал регулярно получать сведения от должностных лиц, не зависящих от местной администрации. Эти наблюдения могли пригодиться в дальнейшем — как при новых эпидемиях, так и при оценке способностей того или иного администратора, проявившихся в чрезвычайной ситуации.

В 1830—1831 гг. далеко не в каждой губернии находился особый штаб-офицер. Этот недостаток Бенкендорф компенсировал краткосрочными командировками офицеров и обращением к местным начальникам и министрам. Эстляндский гражданский губернатор барон Б.В. Будберг фактически отчитывался перед ним о пресечении слухов о том, будто эстонским крестьянам разрешено переселяться «в Российские губернии» на опустошённые холерой земли⁵⁵. Из Риги о борьбе с холерой Бенкендорфу писал временный военный губернатор генерал-майор гр. С.Г. Строганов⁵⁶. Слухи о грозившем Слободско-украинской губ. голоде проверял управлявший МВД Энгель⁵⁷. Во всех этих регионах тогда ещё не было постоянно пребывающих представителей Корпуса жандармов, но статус Бенкендорфа позволял требовать нужную информацию у чиновников всех ведомств, причём напрямую, а не через их начальство.

В условиях повышенной социальной напряжённости, часто выливавшейся в неповиновение, и низкой осведомлённости людей о причинах болезни, её симптомах и распространении непредсказуемо возрастало значение даже самых незначительных слухов. Это и определило основное направление деятельности жандармских штаб-офицеров. Бегичев сетовал на то, что «нет никакой возможности открыть настоящий источник, откуда происходят столь нелепые толки, которые в благополучное время не заслуживали бы внимания. Но при стечении нынешних неблагоприятных обстоятельств полагают, что распространя-

⁵³ Там же, л. 55, 96.

⁵⁴ McGrew R.E. Op. cit. P. 62—63.

⁵⁵ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 199—202.

⁵⁶ Там же, л. 203.

⁵⁷ Там же, л. 118—121.

нение подобных слухов может иметь сильное влияние на слабые умы чёрного народа»⁵⁸. Действительно, штаб-офицеры доносили о каждой мелочи, опасаясь выговора за нерадение. Между тем из их рапортов следовало, что волнения возникали там, где губернские и уездные чиновники слишком рьяно принимались за введение карантина. Ситуация ещё более осложнялась, если скептическое отношение к болезни и врачам накладывалось на накопившееся недоверие населения к местным властям. От деликатности и ловкости уездных исправников, предводителей дворянства, волостных голов, лекарей и проч. напрямую зависело, в какой степени антихолерные меры будут удачны, потребуется ли приезд губернатора или привлечение войск.

⁵⁸ Там же, л. 61 об.

Институты и общности

Власть, отечество и наука: у истоков создания Русского географического общества

Дмитрий Копелев, Мария Лоскутова

Power, Fatherland and science:
at the origins of the Russian Geographical Society

Dmitry Kopelev (*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg*),

Maria Loskutova (*HSE University, Saint Petersburg, Russia*)

DOI: 10.31857/S2949124X24060139, EDN: RLNIGI

Самый сложный миф — тот, который настолько логично изложен и так привычен, что невозможно усомниться в его реальности. Устоявшееся в историографии более чем за полтора века описание процесса создания Русского географического общества (РГО) вполне отвечает этим характеристикам¹. Считается, что его основание произошло довольно неожиданно, когда в 1840-х гг. «в молодых поколениях начало уже пробуждаться русское народное чувство». Сама мысль об учреждении РГО возникла в 1844 г., когда вел. кн. Константин Николаевич, второй сын Николая I, достиг 17 лет². Однако в исследованиях традиционно утверждается, что «идея Общества была впервые высказана не в Зимнем дворце и не имела никакого отношения к любознательности великого князя³. Оно будто бы создавалось кулаарно и изначально задумывалось как сугубо научное дело, рассчитанное на достаточно узкий круг лиц, обсуждавших

© 2024 г. Д.Н. Копелев, М.В. Лоскутова

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00335.

¹ Остен-Сакен Ф.Р. Сообщение об учреждении общества и образовании первого состава // Двадцатипятилетие Императорского Русского географического общества, 13 января 1871 года. СПб., 1872. С. 6–14; Чихачёв П.А. Автобиография // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 28. СПб., 1892. С. 3–7; История полувековой деятельности Русского географического общества. Ч. 1. СПб., 1896; Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за сто лет. М.; Л., 1946; Лукина Т.А. К истории создания Русского Географического Общества // Известия Всесоюзного Географического Общества. Т. 97. 1965. № 6. С. 507–512; Сухова Н.Г. Основание Русского Географического общества // Россия в Николаевское время: наука, политика, просвещение. Философский век. Альманах 6. СПб., 1998. С. 74–82; Сухова Н.Г. Об основании Русского географического общества // Известия Русского географического общества. Т. 150. 2018. Вып. 1. С. 68–81; Бредли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012. С. 180–203; Найт Н. Наука, империя и народность: этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005. С. 155–198; Lincoln W.B. Russia's «enlightened» bureaucrats and the problem of State reform, 1848–1856 // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 12. 1971. № 4. Р. 410–421; Lincoln W.B. In the vanguard of reform. Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861. DeKalb, 1982; Knight N. Constructing the science of nationality: ethnography in mid-nineteenth century Russia. Ph.D. dissertation. Columbia University, 1995.

² История полувековой деятельности... Ч. 1. С. XXII, 1.

³ Сухова Н.Г. Об основании... С. 77. Иной взгляд на роль великого князя и его окружения в создании РГО см.: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019; Краю-

в первой половине 1840-х гг. проблемы географии. Толчком к образованию РГО, по этой версии, послужил торжественный банкет, устроенный 4 апреля 1845 г. в доме Энгельгардта на Невском проспекте в Петербурге в честь возвращения из Сибирской экспедиции зоолога А.Ф. Миддендорфа⁴, а главными «учредителями» выступали академик К.М. Бэр и знаменитые исследователи морей вице-адмирал Ф.П. Литке и контр-адмирал барон Ф.П. Врангель⁵. За ними потянулись представители бюрократической и научной элиты, объединённые, по словам П.П. Семёнова-Тян-Шанского, в «кружки», «близко принимающие к сердцу интересы науки и отечества»: «кружок русских мореходов» (И.Ф. Круzenштерн, П.И. Рикорд), «кружок академический» (В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен, П.И. Кёппен), «кружок тогдашних и бывших офицеров Главного штаба» (Ф.Ф. Берг, М.П. Вронченко, М.Н. Муравьёв), а также «ещё немногочисленные деятели по различным отраслям русской науки», соединявшие «несомненную талантливость и горячий патриотизм» (К.И. Арсеньев, А.И. Лёвшин, П.А. Чичачёв, В.И. Даль, В.А. Перовский, В.Ф. Одоевский)⁶.

Формирование подобных представлений об обстоятельствах возникновения РГО требует специального изучения. Но какую роль при этом играли власти империи и как именно на них влияла интеллектуальная атмосфера середины XIX в. и «пробуждение русского народного чувства»? Согласно современной историографии и, в частности, новейшим исследованиям Н.Г. Суховой⁷, император и Зимний дворец, по сути, использовались интеллектуалами «втёмную», в качестве «большой наседки с широкими и мощными крыльями», предназначенной для высаживания «яйца, снесённого нами», как шутливо выразился Бэр⁸. Однако так ли это было в действительности?

«Возделывание географии России». Впервые программу предполагаемого «Русского географо-статистического общества» Литке очертил 1 мая 1845 г. в докладной записке, представленной министру внутренних дел Л.А. Перовскому. Вице-адмирал констатировал, что «исследования, производимые правительством, имея по большей части некоторую определённую государственную цель, не всегда удовлетворяют потребностям науки или общей любознательности; при том они, по существу своему, редко и вообще только в весьма ограниченных предметах бывают доступны публике». Познания современников о географии России напоминали ему «здание, составленное из песчинок», да и они, по его словам, «приобретаются частными людьми случайно или мимоходом, между другими занятиями или по особенной наклонности, каждое порознь». Литке сетовал на то, что в России, «представляющей богатейшее поле для исследования», научными изысканиями «чрезвычайно мало занимались», тогда как их результаты могли бы «принести пользу самому правительству, коему нередко подробные географические сведения бывают необходимы». Потому

хина М.А. Великий князь Константин Николаевич как покровитель отечественной науки. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

⁴ Остен-Сакен Ф.Р. Указ. соч. С. 7; Сухова Н.Г. Об основании... С. 71.

⁵ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1892, л. 20. См. также: Броссе Л.М. Списки членам-учредителям, почётным членам и должностным лицам императорского Русского географического общества, со временем основания общества 6-го августа 1845 г. по 13 января 1871 г. // Двадцатипятилетие Императорского Русского географического общества... С. 243–260.

⁶ История полувековой деятельности... Ч. 1. С. 1–3.

⁷ Сухова Н.Г. Об основании...

⁸ Переписка Карла Бэра по проблемам географии. В 3 т. / Публ. Т.А. Лукиной. Т. 1. Л., 1970. С. 70.

главной задачей Общества должно было стать «изучение Отечества» и распространение «вместе с основательными географическим сведениями вкуса и любви к географии, статистике и этнографии»⁹.

Однако было очевидно, что обществу для действий подобных, которые находились бы «в какой-нибудь соразмерности с обширностью и важностью предмета, и сколько-нибудь отвечали достоинству империи, необходимы способы, кои оно может почерпнуть только из одного источника — милости монаршей». Литке осознавал, что «никакое начинание, клоняющееся к благому просвещению, не оставалось у нас без покровительства... все пользуются милостивым вспомоществованием от казны». Действительно, только из царского Кабинета Вольному экономическому обществу, соединённому с Российским обществом лесоводства, ежегодно выделялось свыше 3428 руб. серебром; Минералогическому обществу в Санкт-Петербурге и двум московским обществам (испытателей природы и улучшения овцеводства) — по 2857 руб. серебром каждому; Обществу истории и древностей в Москве — более 1428 руб. серебром. Российскому обществу любителей садоводства ежегодные субсидии не предусматривались, но при открытии оно получило «в подарок от императора имение»¹⁰.

Эти же идеи развивались на страницах первой книжки «Записок» РГО, где указывалось, что «необходимость иметь сведения о России в географическом и статистическом отношении давно уже ощущается как правительством, так и частными лицами», вследствие чего отдельными исследователями и целями учреждениями (включая Топографическое депо Главного штаба, Гидрографический департамент морского ведомства, Императорскую Академию наук и др.) «собиралось много различных сведений и с большими пожертвованиями, но это делалось без единства цели, и собственно наука не была предметом исключительного внимания». Поэтому, оставаясь «без разработки правильным учёным образом, они не приносили той пользы, какой следовало бы ожидать, и познание России, как в отечестве, так и за границею, распространялось крайне медленно». Между тем «для отстранения подобных недостатков во многих образованных государствах были учреждены географические общества»: в Париже — в 1819 г., во Флоренции — в 1828 г., в Лондоне — в 1830 г. Их пример не мог не привлекать «любителей отечественной географии, статистики и этнографии, кои сходились иногда, чтоб в свободной беседе пользоваться разменом познаний». В итоге 17 человек, в основном — военные и статские генералы, адмиралы и академики, «решились просить о дозволении учредить в Санкт-Петербурге» РГО¹¹.

В речи, произнесённой Литке (уже занявшим пост вице-председателя РГО) на первом общем собрании, торжественном открывшемся 7 октября 1845 г. в «Большой конференц-зале» Академии наук, провозглашалось, что «главным предметом Русского географического общества должно быть возделывание географии России, принимая название географии в обширнейшем его значении». Но если в Западной Европе в аналогичных структурах изучалась преимущественно «география общая», тогда как «домашняя география остаётся для них предметом как бы второстепенным», то в России приоритеты следовало рас-

⁹ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1892, л. 2–3, 5 об.–6.

¹⁰ Там же, л. 25–27.

¹¹ Основание в С[анкт]-Петербурге Русского географического общества и занятия его с сентября 1845 по май 1846 г. // Записки Русского географического общества. Кн. I. СПб., 1846. С. 25–27.

ставить иначе: «Наше отечество, простираясь от южнейшего пункта Закавказья до северного края Таймурской земли... представляет нам само по себе особую часть света, — заявлял Литке, — со всеми свойственными такому огромному протяжению различиями в климатах, отношениях геогностических, явлениях органической природы и проч., с многочисленными племенами, разнообразием в языках, нравах, отношениях гражданских и т.д. и, прибавим, часть света, сравнительно ещё весьма мало исследованную». Кроме того, учитывалось и то, «сколь важно для России исследование в географическом отношении земель, с нею сопредельных» (Турция, Персия, Хива, Туркестан, Китай, Япония, владения США и Гудзоновой компании, «не говоря уже о европейских»)¹².

Географию Литке относил «преимущественно к разряду наук естественных и отчасти к наукам историческим», связывая воедино природное и социальное. В этом подходе к осмыслению географического пространства чувствовалось влияние концепций И.Г. Гёрдера, Ф. Шеллинга, К. Риттера и А. фон Гумбольдта. Фактически Литке ратовал за превращение географии из науки, «ощупывавшей» объекты при помощи их внешнего «описания», в дисциплину, способную не только фиксировать явления, но и раскрывать их внутренние структуры на различных уровнях: этнографическом, сырьевом, политическом, культурном. Тем самым изучение пространства империи становилось важнейшим и органичным условием понимания её природы, а российская география превращалась в поле и своего рода источник для моделирования николаевской имперской парадигмы.

По словам Литке, «ограниченная в средствах своих и в числе сотрудников обязанностью преследовать в одно время все отрасли наук, Академия не имела возможности сделать для географии всего», соответственно ему представлялось, что «с учёной точки зрения, Географическое общество, впрочем совершенно самостоятельное, есть как бы распространение Академии для некоторой специальной цели». Вместе с тем, «имея одним из главных предметов обработывание статистики России», оно принадлежало к ведению МВД и опиралось на его ресурсы¹³. Во «Временном уставе» РГО предполагалось, что «общество представит собою средоточие, к коему будут стекаться со всех сторон сведения, преимущественно о России, но также и о других землях, в рукописных сочинениях, книгах, картах, этнографических предметах, древностях». Основным же методом работы признавались «рассуждения и размен мыслей и сведений»¹⁴. Но очень скоро обществу стало тесно в рамках, намеченных учредителями. Причём оно сразу же оказалось в центре общественного внимания. Любители и энтузиасты по всей стране искали рукописи, присыпали копии найденных документов, появились члены-соревнователи, купечество жертвовало деньги на исследование внутренних областей России, центров ярмарочной торговли и рыболовства, на издание книг и пополнение библиотеки.

«Пробуждение русского народного чувства», подталкивавшее, как считают историки, к созданию РГО, — явление многослойное и противоречивое. По сути, создание РГО вписывалось его организаторами не столько в сугубо

¹² Там же. С. 29–30.

¹³ Там же. С. 33. См. также: История полувековой деятельности... С. XVII–XVIII.

¹⁴ Временный устав Русского географического общества. СПб., 1845. С. 1, 2. О редактировании и принятии Устава РГО см.: Копелев Д.Н., Лоскутова М.В. Русское географическое общество в 1840-е годы: «битвы» за устав // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XLIII. 2024. Вып. 4. М., 2024. С. 36–55.

академические дискуссии, сколько в те поиски народной самобытности, которые активно велись в николаевскую эпоху как в общественных, так и в правительственные кругах¹⁵. Программа изучения России, предложенная Литке, была во многом созвучна идеям, ещё в 1830-е гг. излагавшимся в записке «О народном образовании», подготовленной для императора А.С. Пушкиным, и воплощавшимся в политике С.С. Уварова на посту руководителя учебного ведомства и Академии наук¹⁶. Собственно, и создателей РГО интересовала прежде всего практическая часть их будущей деятельности, которая не должна была ограничиваться обсуждением отвлечённых научных проблем и зачастую локальных сюжетов. Выявление географических и национальных особенностей России превращало Общество в своего рода «правительственную лабораторию» по решению управлеченческих и логистических задач¹⁷, связанных в том числе и с необозримым пространством. Характерно, что в мае 1829 г. А. фон Гумбольдт, путешествовавший по приглашению русского правительства по России, иронично упомянул про империю, которая «равна по пространству Луне», и Николай I, поддерживая шутку, ответил: «Если бы она была на три четверти менее, то управлялась бы более разумно»¹⁸.

Российские публицисты 1830–1840-х гг., размышлявшие о глубинных различиях между Россией и Западной Европой и оживлённо спорившие об уникальности национальной культуры и цивилизации, не раз обращали внимание на особенности географии. Как утверждал П.Я. Чаадаев, «есть один факт, который властно господствует над нашим многовековым историческим движением, который проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю её философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический»¹⁹.

¹⁵ Подробнее см.: Полиевктов М.Л. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918; Цимбаев Н.И. «Под бременем познанья и сомненья...» (идейныеисследования 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989; Зорин А.Л. Идеология «Православия – Самодержавия – Народности». Опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 71–104; Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001; Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2004; Живов В.М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114–140.

¹⁶ Шевченко М.М. Сергей Семёнович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997. С. 95–136; Шевченко М.М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89–104; Шевченко М.М. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 68–72. См. также: Гайды Ф.А. Идея нации в триаде графа С.С. Уварова // Вопросы национализма. 2021. № 1(33). С. 155–161; Ильин А.А. Идейные источники теории официальной народности: историографический аспект // Вестник Государственного университета просвещения. Сер. История и политические науки. 2022. № 3. С. 113–120.

¹⁷ Подробнее см.: Лоскутова М.В., Копелев Д.Н. Государственная власть и тематическая картография России 1840-х годов // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4(44). С. 66–78.

¹⁸ «Отвеченено со вкусом», – прокомментировал реплику императора Гумбольдт (Гумбольдт А. Экспедиция в Россию: от Невы до Алтая / Публ. О. Любриха, Е.Г. Неклюдова, Д.А. Сдвижкова. М., 2023. С. 22).

¹⁹ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего (1837) // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма / Отв. ред. З.А. Каминский. Т. 1. М., 1991. С. 538.

Через несколько лет он заявлял: «Чем более размышляешь о географическом развитии нашей России, тем более в том убеждаешься, что с первых дней её существования уже таилось в душе её что-то такое, которое обещало ей это огромное, это беспримерное развитие; какой-то здравый смысл, какой-то ум в понятиях гражданских чудно отмечает наших предков»²⁰.

Подобные представления о существенной связи между климатом, территорией, страной и народом постепенно стали «общим местом» в дискуссиях 1830–1840-х гг. В них ощущалось влияние идей Ж. Бодена, барона Ш.Л. де Монтецкого и других приверженцев «климатического детерминизма», а также И.Г. Гёрдера²¹. Всё это сочеталось с ростом общественного интереса ко всему, что касалось «древностей российских», к славянству, культурному и этническому своеобразию. Его популяризации и углублению способствовали самые разные центры и кружки. Один из них группировался вокруг так называемой Румянцевской академии и самого гр. Н.П. Румянцева — мецената и филантропа, жертвовавшего крупные суммы на поиски старинных рукописей и морские экспедиции. В его окружение входили известнейшие учёные Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский, К.Ф. Калайдович, П.М. Строев, труды которых дали мощнейший импульс развитию русской словесности, истории, кодикологии и палеографии²². В университетах наступало время «уваровцев»: в Петербурге — Н.Г. Устрялова, в Москве — С.П. Шевырёва и М.П. Погодина, печатавшего на страницах журнала «Москвитянин» русские переводы работ Риттера и Гумбольдта. Разные стороны уклада народной жизни освещались И.П. Сахаровым, А.Н. Терещенко, И.М. Снегирёвым, А.Н. Афанасьевым и др.

Издатель «Московского телеграфа» Н.А. Полевой, говоря в те годы о «народности», полагал, что «двойная бывает она и в поэзии, и в общественном образовании. Все народы испытывают первую — не все достигают до второй. Первая народность та, которую можно назвать детским возрастом каждого народа. Климат, местность, происхождение, обстоятельства придают особенную физиономию самому дикому и первобытному обществу, и по ним создаются его нравы, законы, язык и поэзия, которая напевает уже свою песню, качая колыбель общества-младенца». Вторая же, высшая — «государственность», создаваемая «трудами правительства и нашею историей»²³.

В этом контексте слова Литке о приоритете для РГО «домашней географии» не вызывали удивления. Учредители Общества фактически включались

²⁰ Чадаев П.Я. Ответ на статью А.С. Хомякова «О сельских условиях» (1843) // Чадаев П.Я. Полное собрание сочинений... С. 539.

²¹ Гёрдер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Публ. А.В. Михайлова. М., 1977. С. 181, 182.

²² Куник А.А. Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории // Журнал Министерства народного просвещения. 1850. № 1. С. 16, 17; Ивановский А. Государственный канцлер граф Н.П. Румянцев. СПб., 1871; Корши Е.Ф. Очерк нравственной характеристики Румянцева // Румянцов — собиратель книжных пособий. Сборник материалов для истории Румянцевского музея, изданной ко дню юбилея музея. Вып. 1. М., 1882; Барсов Е.В. Государственный канцлер граф Н.П. Румянцев // Древняя и новая Россия. 1877. № 5. С. 5–22; Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М., 1981; Сараскина Л.И. Граф Н.П. Румянцев и его время. М., 2003; Молчанов В.Ф. Книжная культура России XIX века: эпоха, судьба, наследие Н.П. Румянцева. М., 2006; Аксёнова Г.В. Государственный канцлер Н.П. Румянцев — организатор русской науки // Преподаватель: XXI век. 2010. № 3. С. 245–253; Bekasova A. Voyaging towards the future: the brig Rurik in the North Pacific and the emerging science of the sea // British Journal for the History of Science. Vol. 53. 2020. № 4. Р. 469–495.

²³ Полевой Н. Очерки русской литературы. Ч. II. СПб., 1839. С. 483, 484.

в злободневные споры современников о феномене России и путях её дальнейшего развития. При этом они выступали представителями «священного союза, соединяющего практическую жизнь с науками», как ещё в 1831 г. выразился будущий председатель Отдела этнографии РГО, а тогда — профессор Московского университета и издатель журнала «Телескоп» Н.И. Надеждин²⁴.

Но и тут успех во многом зависел от власти. «Усердная ревность, — писал Надеждин, — отзывается на попечительные призымы правительства: и биение жизни открывается во всём организме исполинской Державы Русской. С благодарностью должно признаться, что развитие и образование их в стройные аккорды принадлежит опять средоточной силе правительства, коей держится всё бытие нашего отечества. Оно вводит в живое соприкосновение с собой каждое движение народной жизни и лелеет его со всею отеческою нежностью»²⁵. Любопытно, кстати, что мнения Надеждина и Полевого, обычно оппонировавших друг другу, о роли высших властей полностью совпадали. Живое участие высокопоставленные чиновники принимали и в создании РГО, что иногда стушёвывается в историографии. Впрочем, реконструировать детали происходившего в середине 1840-х гг. уже в конце XIX в. было весьма непросто. К очередному юбилею РГО Чихачёв в качестве «последнего из ещё живых учредителей общества» попытался по просьбе Семёнова-Тян-Шанского припомнить «всё, что... известно по делу учреждения Общества». Но поскольку никаких письменных данных у него не сохранилось, он с сожалением констатировал: «Доверять же одной памяти кажется мне при моих преклонных летах и отдалённости самого события довольно опасным»²⁶. Неудивительно, что при создавшейся путанице в списки основателей не попали, например, Н.И. Надеждин, Н.А. Милютин, А.П. Заблоцкий-Десятовский.

По-разному указывалось и конкретное место, где впервые заговорили об организации РГО. Нижегородский чиновник и писатель П.И. Мельников (А. Печерский), тесно общавшийся с Далем, управлявшим в 1840-е гг. Особенной канцелярией министра внутренних дел Перовского, вспоминал, что в служебной квартире на четвёртом этаже здания МВД у Александринского театра «по четвергам собирался у Владимира Ивановича кружок близких людей: тут бывали академики, профессора, литераторы, художники, музыканты, моряки, артиллеристы, военные инженеры, офицеры Генерального штаба, всё люди мысли, слова и искусства. Здесь-то, на этих четвергах, зародилась и выработалась мысль об учреждении Русского географического общества, которое бы находилось в ведении министра внутренних дел»²⁷.

Двумя этажами ниже проживал и сам министр — человек просвещённый, требовательный администратор («гроза губернаторов»), но тонкий психолог и придворный. Боевой офицер 1812 г., Лев Алексеевич многим был обязан

²⁴ Надеждин Н. Современное направление просвещения // Телескоп. 1831. Ч. 1. С. 17. О Надеждине см.: Ростиславов Д.И. Записки. О Надеждине. (К биографии) // Русская старина. 1894. № 6. С. 95–119; Козмин Н.К. Н.И. Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб., 1912; Каменский З.А. Н.И. Надеждин. Очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836). М., 1984; Николай Иванович Надеждин (1804–1856): материалы к библиографии / Сост. М.А. Бирюкова, А.Н. Стрижёв // Литературоведческий журнал. 2018. № 43. С. 156–309.

²⁵ Надеждин Н. Современное направление просвещения. С. 42.

²⁶ Чихачёв П.А. Автобиография. С. 3.

²⁷ Мельников-Печерский П.И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // В.И. Даль и Общество любителей российской словесности. Сборник / Отв. ред. В.П. Нерознак. Сост. Р.Н. Клеймёнова. СПб., 2002. С. 37.

кн. П.М. Волконскому, при котором состоял адъютантом в 1813–1815 гг. Когда в 1826 г. князь вступил в должность министра императорского двора иделов, Перовский сразу же вернулся из длительного отпуска на службу, стал членом Департамента уделов, а с 1828 г. являлся уже его вице-президентом. В 1840–1852 гг. он оставался товарищем министра уделов, даже будучи членом Государственного совета, а с 1841 г. и главой МВД, пока не сменил скончавшегося Петра Михайловича в уделном ведомстве. Перовский мыслил со стратегическим размахом и умело проявлял инициативу, чутко улавливая пожелания Зимнего дворца²⁸. Он превратил МВД в интеллектуальный штаб незаурядных и ещё достаточно молодых чиновников, как правило, с лицейским или университетским образованием, рассматривавших географию, статистику, этнографию и словесность как важнейшие сферы знания, необходимые для анализа состояния империи и управления ею²⁹. К их числу принадлежали и Даль, и Надеждин, и известный статистик-практик, будущий член Совета РГО Н.А. Милютин³⁰, которых Перовский приблизил с самого начала управления министерством, и др.

Одним из наиболее авторитетных исследователей, служивших в МВД, являлся бывший профессор Санкт-Петербургского университета академик Арсеньев, возглавлявший Статистический комитет и преподававший статистику, географию и историю цесаревичу вел. кн. Александру Николаевичу. Статистика в те годы оказалась настолько тесно связана с географией, что обе дисциплины подчас не разделялись. Статистические описания включали в себя сведения о специфике природы, особенностях ландшафта, ресурсах и этнографии. Многие статистики писали солидные труды по географии. Неформальные встречи учёных, занятых подобными исследованиями, начались в октябре 1843 г. на квартире ординарного академика Кёппена, проживавшего в знаменитом академическом доме на углу 7-й линии Васильевского острова и набережной Большой Невы. Сам хозяин иронично называл эти собрания, проходившие раз в две недели, «вечерними посиделками статистиков и путешественников» («Die Abend-Versammlungen der Statistiken und Reisenden»). Помимо Надеждина и Милютина на них приходили редактор «Журнала Министерства государственных имуществ» статистик Заблоцкий-Десятовский, историк и этнограф А.П. Шёгрен, чиновники и экономисты Г.П. Небольсин, Ю.А. Гагемайстер и А.К. Мейендорф³¹.

Сам Кёппен, в молодости принадлежавший к кружку гр. Румянцева и встречавшийся в Берлине с Риттером, постоянно сочетал научные изыскания в Ака-

²⁸ См.: Шкерин В.А. «Поединок на шпионах»: Дело петрашевцев и политическая провокация в России. М.; Екатеринбург, 2019. С. 17–47; Шилов Д.Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. В 3 т. Т. 2. СПб., 2024. С. 224–229.

²⁹ О значении статистики при создании РГО см. подробнее: Скрыдлов А.Ю. Из истории создания Отделения статистики Русского географического общества – первого научного объединения статистиков в России // Социология науки и технологий. Т. 10. 2019. № 2. С. 21.

³⁰ По свидетельству служившего под его началом К.С. Веселовского, для молодого и энергичного Милютина РГО стало «любимым детищем» и быстро превратилось в «сборное место всей интеллигенции столицы» (Веселовский К. С. Отголоски старой памяти: воспоминания и записки непременного секретаря Императорской Академии наук / Сост. Е.Ю. Басаргина. СПб., 2018. С. 68).

³¹ Вальская Б.А. Собрания статистиков и путешественников в Санкт-Петербурге в 40-х годах XIX в. // Известия Русского географического общества. Т. 124. 1992. Вып. 2. С. 115–123. Протоколы этих встреч, которые вёл сам Кёппен, см.: СПбФ АРАН, ф. 30, оп. 1, д. 174.

демии наук с государственной службой: в конце 1830-х – начале 1840-х гг. он возглавлял второе отделение III департамента Министерства государственных имуществ и входил в Учёный комитет этого ведомства³², а в октябре 1843 г., как раз в тот момент, когда стал устраивать домашние «посиделки», был включён вместе с Бэром в состав временного статистического комитета МВД, созданного Перовским для разработки программы развития отечественной статистики³³. Таким образом, собрания на квартире Кёппена оказались теснейшим образом связаны с масштабными правительственные замыслами. Собственно и последующее создание Русского Географического общества может рассматриваться как составная часть поисков правительством механизмов изучения имперского пространства и управления им.

Пригласил Перовский на службу и профессоров Московского университета – юриста П.Г. Редкина и знатока политической экономии и статистики А.И. Чивилёва. В МВД служили бывший президент Московской медико-хирургической академии А.А. Рихтер, известный успешной борьбой с эпидемией холеры, директор Нижегородской городской ярмарки и историк Церкви гр. Д.Н. Толстой и его племянник, уже известный своими историческими исследованиями гр. Д.А. Толстой, выдающийся организатор сыска И.П. Липранди, подававшие надежды графы А.К. Толстой, А.С. Уваров и В.А. Соллогуб, И.С. Тургенев, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, Н.А. Жеребцов, археолог и нумизмат кн. А.А. Сибирский, этнографы И.П. Сахаров и А.В. Терещенко и многие другие.

В Особенной канцелярии при Перовском служил также А.В. Головнин – сын выдающегося мореплавателя и будущий секретарь РГО, а затем – его председателя вел. кн. Константина Николаевича. Как вспоминал Александр Васильевич, «многие лица, которые занимались науками географическими, сходились весьма часто у воспитателя великого князя Ф.П. Литке для обмена мыслей, сообщения друг другу географических новостей, получения один от другого необходимых сведений, взаимного пособия и проч. В этих собраниях родилась мысль соединиться с дозволениями правительства в общество, которое имело бы целью своей деятельности изучение России»³⁴. О том, что РГО задумывали именно в Зимнем дворце, говорил и Семёнов-Тян-Шанский. В 1892 г. в речи по случаю кончины вел. кн. Константина Николаевича он утверждал, что мысль об образовании РГО впервые прозвучала в начале 1845 г. в велико-княжеском кабинете³⁵. Через четыре года Пётр Петрович уже заявлял, что «толки и совещания об учреждении Русского географического общества проходили в течение 1844 года отчасти в Зимнем дворце в покоях высказывавшего горячее сочувствие этому делу великого князя Константина Николаевича и притом нередко в его присутствии»³⁶.

³² Подробнее см.: Сухова Н.Г., Красникова О.А. К биографии П.И. Кёппена (1793–1864 гг.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 1. СПб., 2000. С. 31–61; Лоскутова М.В. П.И. Кёппен, прикладная наука и государственная политика в области изучения природных ресурсов Российской империи второй четверти XIX в. // Российско-украинские связи в истории естествознания и техники. М., 2012. С. 145–155.

³³ СПбФ АРАН, ф. 30, оп. 1, д. 175, л. 94–121.

³⁴ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича / Сост. Б.Д. Гальперина и Б.П. Миловидов. СПб., 2006. С. 43.

³⁵ Семёнов П.П. Речь вице-председателя в годовом собрании И.Р.Г.О. 5-го февраля 1892 г. // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 28. СПб., 1892. С. III.

³⁶ История полувековой деятельности... С. 4.

25 апреля 1845 г. на квартире вице-адмирала в Зимнем дворце, согласно свидетельствам Литке, Кёппена и Бэра, собрались будущие «учредители» РГО, включая их самих, Берга, Врангеля, Гельмерсена, Даля, Струве и Чихачёва. Тогда же, как полагает Сухова, эта инициативная группа, обсудив необходимость создания временного устава, по совету Даля обратилась к Перовскому с просьбой представить соответствующий доклад императору³⁷. После этого всё, по-видимому, уже согласованное в высших инстанциях, пошло быстро.

5 мая во время «вечерних посиделок» у Кёппена 16 учредителей подписали временный устав³⁸. 2 июля Перовский подал Николаю I записку «Об учреждении Географического Статистического общества», а 16 июля внёс в Комитет министров новый доклад, в котором речь шла уже про «Русское географическое общество». После его обсуждения и одобрения император 6 августа утвердил в Петергофе временный устав РГО, распорядившись ежегодно выделять на его нужды из казны 10 тыс. руб.³⁹ Кроме того, ему разрешалось иметь собственную гербовую печать и предоставлялось право бесплатной пересылки корреспонденции. 19 сентября на квартире Даля состоялось учредительное собрание, избравшее первых членов Общества и его Совет. При этом участники заседания (Арсеньев, Врангель, Гельмерсен, Даляр, Кёппен, Муравьёв, Струве, Рикорд и секретарь Головин) выразили «искреннюю признательность виновнику своего существования» – Перовскому⁴⁰. Однако торжественное открытие РГО состоялось на следующем, общем, заседании 7 октября в Большой конференц-зале Академии наук. На нём присутствовали уже вернувшиеся из поездки по югу страны вел. кн. Константин Николаевич и его наставник Литке, ставшие соответственно председателем и вице-председателем новой организации.

Патерналистский ракурс: императорская семья. Ещё 2 июля Перовский высказал в своей записке мысль о том, чтобы именно 17-летний генерал-адмирал Русского флота вел. кн. Константин Николаевич, который «известен своей любовью к точным наукам», был «дарован» Обществу в качестве председателя⁴¹. Скорее всего, «учредители» изначально рассчитывали установить таким образом прямую связь между Императорской фамилией и своим детищем, что заметно повышало его престиж и статус. 15 августа Перовский сообщил Литке, совершившему со своим воспитанником плавание по Чёрному морю, о «высочайшем соизволении» на то, чтобы царский сын возглавил Общество. 30 августа Литке ответил из Севастополя, уведомив, что, хотя «юный председатель был несколько сконфужен, получа неожиданное предложение, оно было ему, однако же, приятно». Между тем великий князь, по словам вице-адмирала, вполне осознавал свою будущую роль и сетовал лишь о том, что «не может быть столько полезен, как бы того желал, обществу, которого его высочество постигает всю важность и успехам которого готов содействовать всеми зависящими от него средствами»⁴². Разумеется, в тот момент, будучи совсем молодым человеком, великий князь находился под сильным влиянием своего окружения.

³⁷ Сухова Н.Г. Об основании ... С. 72.

³⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1892, л. 20. Среди подписавших временный устав по неизвестной причине отсутствовал Даляр. Однако 16 июля в докладе Перовского его фамилия указана среди 17 «учредителей».

³⁹ ПСЗ-П. Т. 20. Отд. I. СПб., 1846. № 19259. С. 586–590.

⁴⁰ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1892, л. 59.

⁴¹ Там же, л. 22.

⁴² Там же, л. 56, 57.

ния, не принимал самостоятельных решений и слабо ориентировался в сложных дворцовых интригах.

Крестив в 1827 г. второго сына в честь равноапостольного императора Константина, Николай I недвусмысленно проявлял внимание к своему старшему брату Константину Павловичу, уступившему ему престол. Тот же, родившийся в 1779 г., был наречён Екатериной II, увлечённо обсуждавшей тогда с венским двором свой «греческий проект», который предусматривал изгнание турок из Европы и образование православной империи со столицей на Босфоре, где царствовал бы её второй внук и его наследники⁴³.

В жизни вел. кн. Константина Николаевича Греция занимала особое место: в детстве он бредил героями гомеровского эпоса, мечтал о подвигах Одиссея, с восторгом погружался в описания сказочной Аркадии, представлял фризы Парфенона и читал речи, приписываемые Фукидидом Периклу, в которых Афины изображались столь же идеальным местом, как «государство» Платона. По мере взросления античные идеалы в воображении великого князя начинали сосуществовать с образами византийского Ближнего Востока, прямой противоположности западному христианскому миру, в подростковых мечтах оживали походы Олега и Святослава и возникал вопрос: «Доживу ли я до того, что это повторится, что гордый Истамбул снова падёт под ударами русских перунов?»⁴⁴.

Летом 1845 г. юноша наконец посетил город своей мечты: побывал в бухте Золотой Рог, увидел дворцы султана Топкапы и Бейлер-Бей, Софийский собор, бродил в окрестностях устья легендарного Скамандра, взволнованно поднимаясь на курганы, скрывавшие, согласно старинным преданиям, могилы Патрокла и Ахилла, осматривал руины Скейских ворот, возле которых обрёл вечный покой Гектор. Между тем, если верить официозному обзору, составленному И.Н. Березиным, «православному народонаселению это посещение осталось навсегда памятно. Много надежд и радостных предположений соединили православные с приездом сына русского императора – сына, носящего славное в греческой памяти имя Константина!»⁴⁵.

Идея покорения «Царя-града», захватившая царевича, пришла не по душе Николаю I, так как противоречила его политике того времени, и 2 июня он предостерёг сына: «Надеюсь, что ты не сообщаешь другим те впечатления, которые производить должно унижение христианства, но держи их про себя, сколь они ни натуральны. Богу предоставить надо определить, когда кресту восторжествовать над луной, тебе же избегать всего, что иное значение придать может твоему там появлению, чем то, которое действительно тебя туда привлекло; надеюсь, что ты меня понял и будешь осторожен»⁴⁶. Сдержанности требовал от него отец и в 1846 г. во время визитов в Гибралтар, Тулон и Алжир: «Надеюсь, ты будешь себя вести крайне осторожно, учитыво, не болтливо, и помнить, что ты в краю, где каждое слово, каждое твоё движение не уйдёт от наблюдения и строгой критики; веди себя так, чтобы никто ни к чему не мог придраться, смотри, замечай, при чужих молчи, а дома говори и записывай. В особливо будь осторожен в Алжире»⁴⁷.

⁴³ Подробнее см.: Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: формирование русско-австрийского союза. 1780–1790. М., 2011. С. 179–255.

⁴⁴ Цит. по: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство...». С. 151, 152.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ РГА ВМФ, ф. 224, оп. 1, д. 377, л. 12.

⁴⁷ Там же, л. 14.

К будущей государственной деятельности своего сына император относился со всей серьёзностью. «Гардемарин Романов» должен был усвоить все премудрости морской службы, на собственном опыте поняв, как тяжело складывается жизнь на корабле, и овладев всеми «изысками» военно-морского дела: научиться проводить астрономические вычисления, брать рифы, крепить паруса, вести артиллерийский огонь и т.д. Для руководства его обучением и наблюдения за успехами к великому князю с четырёх лет приставили выдающегося мореплавателя и учёного Литке⁴⁸.

Данная миссия совсем не радовала Фёдора Петровича, писавшего 14 марта 1833 г. своему другу барону Врангелю: «Я должен отказаться от всех старых связей, привычек, занятий, от всего, что называется наслаждением жизни, посвятить всю свою деятельность, физическую и моральную, одному предмету и одному лицу... и всё это на пятнадцать лет без всякой возможности сделать и шаг назад»⁴⁹. Врангель же, находясь в Ситке, смотрел на случившееся несколько иначе: «Что сказать о твоём новом назначении? Воспитать генерал-адмирала, дать всему флоту России залог его будущего величия! Какая высокая честь, какое предприятие историческое, какие последствия неисчислимые! Какая ответственность, но и слава как велика тому избранному моряку, которому дело сие вверено попечительнейшим, лучшим из монархов! Я благодарю судьбу, благодаря с чувством патриотической преданности к России, что выбор пал на тебя. Дай Бог тебе силы телесной — за душевною дело не станет»⁵⁰. Впрочем, и он не мог «скрыть чувства недостойного сына отечества» и грусти о том, что теперь придётся «расстаться с тобою надолго и довольствоваться одними воспоминаниями о прошедшем времени, когда ты был ещё наш»⁵¹.

Много лет спустя Литке признался академику В.П. Безобразову, что в самом начале пребывания на «педагогической фабрике»⁵² возле воспитанника получил специальные указания от императора, заявившего: «Сыну моему Александру, когда ему достанется престол, трудно будет справиться с тяжким временем правления государством. Константин будет должен быть ему помощником; я желаю поэтому, чтобы воспитание его подготовило к этой важной обязанности»⁵³. Поэтому Литке со своими помощниками всячески старались расширять кругозор великого князя. Географию ему преподавали Арсеньев и историк И.П. Шульгин. Со своей стороны, Фёдор Петрович даже в письмах всегда сообщал августейшему ученику различные сведения о тех местах, которые посещал, прививая ему интерес к наукам о земле. «Сегодня ровно неделя, что мы расстались, мой милый Константин Николаевич, — писал он, проезжая в 1839 г. через Германию, — и я уже добрался до Гамбурга, который Вам известен теперь уже не потому только, что из него отправился в свой путь Робинзон Крузо. Я Вам признаюсь, что если Вам по отъезде моём было

⁴⁸ О воспитании великого князя подробнее см.: Воронин В.Е. «Путешествие есть лучшее средство»... О его отношениях с Литке см.: Копелев Д.Н. Великий князь Константин Николаевич и назначение Ф.П. Литке президентом Академии наук в 1864 г. // Константиновские чтения — 2013. Константиновичи — государственная деятельность и традиции благотворительности. К 400-летию Дома Романовых. Сборник материалов научной конференции. СПб., 2013. С. 152–161.

⁴⁹ Eesti Ajalooarhiiv (Tartu), f. 2057, n. 1, s. 452, l. 65.

⁵⁰ Ibid., f. 2097, n. 1, s. 444, l. 56.

⁵¹ Ibid.

⁵² Так в переписке с Жуковским Литке шутливо называл своё положение при великом князе.

⁵³ Веселовский К.С. Отголоски старой памяти... С. 95.

скучно, то мне без Вас и до сих пор чего-то не достаёт. Семилетняя свычка делается второю натурою». Добравшись до Лондона, где не был более десяти лет, Литке вспомнил «время, когда я ещё был в полной силе здоровья; вместо чего теперь похожу я на корабль, идущий в док для тимберовки». Британская столица напоминала моряку «необъятное муравьиное гнездо». Он бродил по *Zoological Gardens*, разглядывал прекрасного жирафа и огромного слона, а затем побывал в *«Tunnel»* под Темзой, который связал берега реки и стал прообразом городской подземки, проложенной с использованием проходческих тоннельных щитов. Литке спустился под землю и во время прогулки «выпачкался с ног до головы в грязи», но выяснил: «Им остаётся пройти только 30 фут, чтобы поравняться с той чертой дна Темзы, которая при малой воде осуихает; а так двигаются они по 6 дюймов в день»⁵⁴.

Однако новые технологии промышленного века меркли перед сокровищами античности. Зная, что великий князь увлечён древней историей и культурой, Литке посещал Британский музей и с восхищением описывал свои впечатления от «мраморов Эльджина»: древнегреческих рельефов и скульптур, вывезенных в 1802–1812 гг. британским дипломатом из Афин. На обратном пути, «плывя по Рейну от Кобленца», контр-адмирал сообщал своему подопечному 16 июля 1839 г., что «думал о Вас, милый Константин Николаевич, и воображал себе, как бы Вы восхищались руинами, встречающимися тут на каждом почти шагу, этими остатками двух важнейших эпох исторических, десятью веками разделённых – римской, Вам уже известной, и феодальной, которую Вы скоро узнаете»⁵⁵.

Своё понимание стоявшей перед ним педагогической задачи Литке изложил в споре с другим воспитателем великих князей – поэтом и переводчиком В.А. Жуковским⁵⁶, почитателем географии⁵⁷, приверженцем идей Гёдера и Ж.Л.Л. Бюффона и собеседником Гумбольдта. 17(29) октября 1841 г. Фёдор Петрович писал ему: «Опасение Ваше, почтенный друг, чтобы специальное образование *моряка* не помешало общему образованию *принца*, – я не разделяю. Во-первых, не понимаю я, каким бы образом можно было, стремясь к общему образованию, избежать специальностей. Если принц не должен быть специально моряком, то не должен быть специально и воином, столь же мало как камералистом, дипломатом, судьёю, учёным, художником; чем же он будет? Неужто всем понемногу и в одинаковой степени? Но это значило бы не быть ничем. Вы, может быть, скажете: «Он должен быть принцем». Но что значит быть принцем? Неужто заниматься всем и ничем? – «Государственным чело-

⁵⁴ РГА ВМФ, ф. 224, оп. 1, д. 368, л. 15, 15 об.

⁵⁵ Там же, л. 14 об., 15.

⁵⁶ О педагогической деятельности Жуковского см.: *Киселёва Л. Жуковский – преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту. Т. 3. Тарту, 2004. С. 198–228; Rebecchini D. Reading with maps, prints and commonplace books, or How the poet V.A. Zhukovski taught Alexander II to read Russia (1825–1838) // Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930 / Ed. by D. Rebecchini and R. Vassena. Milano, 2014. Р. 99–116.*

⁵⁷ О взглядах Жуковского см.: *Видуширите И. Гоголь и географическое воображение романтизма*. М., 2019. С. 86–92. В личной библиотеке Жуковского находились собрания карт, книги о путешествиях, в том числе труды самого Литке, а также многочисленные работы по географии, среди которых – сочинения И.К. Кириллова, П.С. Палласа, И.П. Шульгина, П.И. Кёппена, Ф. Познякова, В.М. Севергина, К. Риттера и А. фон Гумбольдта. См.: Библиотека В.А. Жуковского (описание) / Сост. В.В. Лобанов. Томск, 1981. С. 34, 39, 52, 57, 267, 344 и др.

веком?”. Он им должен быть; но какой специальный рецепт для составления государственного человека? Всякий гос[ударственный] чел[овек] был сначала чем-нибудь специально. Прежде ему должно быть *человеком* – это главное – и об этом стараемся мы всеми средствами... Что же составляет наше специальное образование? Науки морские? Навигация, астрономия и т.д. – это никому не мешает. Наши морские вояжи? Право, здоровье для души и тела. Молодой человек привыкает к порядку, к лишениям и к подчинению себя долгу. Немножко морского духу, морской прямоты для принца не лишнее. Видеть свет со всех сторон – тоже не дурно. А между тем, плавая, мы не перестаём работать головой»⁵⁸.

Жуковский также пытался влиять на взгляды юного генерал-адмирала, ведя с ним в 1840-е гг. оживлённую переписку. Так, в ноябре 1842 г. он предупреждал юношу о приступах острой русофобии в европейских столицах: «В публичных листах известий о России искать нельзя. Они врут без памяти; но одни врут с целью, а другие, принимая враньё за чистые деньги, повторяют его с недоброжелательством. Эта ненависть к России, без особенной причины, есть замечательный феномен нашего времени. Я говорю здесь о ненависти тех, кои хотят управлять общим мнением и употребляют на то книгопечатание. Это бешенство, с каким некоторые газетчики на нас клевещут, означает только то, что Россия есть для них самый твёрдый и потому самый ненавистный представитель того порядка, который они, представители так называемого движения, опрокинуть стараются»⁵⁹.

В другом послании, написанном в октябре 1845 г., Василий Андреевич предостерегал великого князя от geopolитических увлечений, напоминая: «Ваш сон о щите Олеговом имеет своё поэтическое достоинство; в практическом отношении он просто сон, и желаю, чтоб он навсегда остался сном несбыившимся». Как утверждал Жуковский, «эта Византия – роковой город. Ею решилось падение Рима... Уже и Петербург (из которого на отдалённой завоёванной границе царства могучая рука Петра прорубила нам окно в Европу) сделал то, что Россия стала одною огромною пристройкою северной, полугерманской торговой пристани и что отечественная Москва, со всем прошедшим исторической Руси, теперь отброшена в глубину её, как будто пренебреженная. С тех пор, заглядываясь в это окно, перед которым Европа показывает нам свои китайские тени, мы забываем смотреть на существенную, могучую, полную собственной жизни Россию». Он был убеждён в том, что «России для её блага, для её истинного величия, не нужно внешнего ослепительного великолепия; ей нужно внутреннее, не блестательное, но строго-постоянное, национальное развитие... Лучше тех границ, которые теперь имеет Россия, и выдумать ей невозможно (хотя, впрочем, и теперь уже есть для неё бедственные излишки); но горе, если мы захотим распространяться... Источники её богатства (не все ещё открытые и разработанные) неистощимы; в ней есть довольно места для тройного народонаселения, и на троне русском самодержавие, т.е. неограниченная власть действовать для блага... все завоевания для России уже вполне совершились»⁶⁰.

⁵⁸ Цит. по: Реморова Н.Б. Письма Ф.П. Литке к В.А. Жуковскому // Вестник Томского государственного университета. 1999. № 268. С. 81.

⁵⁹ Письма В.А. Жуковского к его имп[ераторскому] выс[очеству] великому князю Константи-ну Николаевичу / Публ. кн. П.А. Вяземского // Русский архив. 1867. Кн. 11. Стб. 1406.

⁶⁰ Там же. Стб. 1412–1414.

Рассуждения Николая I, Литке, Жуковского, по сути, дополняли друг друга, и в них проявлялись контуры нового взгляда на будущее империи, согласно которому ей следовало развернуться к себе самой, к своим рекам, лесам, равнинам и морям, отказавшись от мечтаний о византийском Царьграде, заморских колониях и американских берегах⁶¹. Этот новый подход вызревал практически одновременно в мыслях императора, великого поэта и знаменитого мореплавателя, разделявших одни и те же тревоги, переживания, опасения, надежды.

Создание РГО очевидным образом перекликалось с формированием подобных представлений. Оно стало результатом взаимодействия и переплетения научных кружков, редакций журналов, правительственные кабинетов и университетских аудиторий. Зачастую тесные связи между ними появлялись spontанно, но они основывались на общем видении дальнейшего развития империи и институционализации научно-профессионального этоса. В итоге РГО объединило при посредничестве и под эгидой императорской власти чиновников, учёных, путешественников, мореплавателей, литераторов, педагогов, как правило, молодого и среднего возраста, успешно делавших служебную карьеру, но ещё далеко не достигших своего пика, что естественно подпитывало их инициативность.

⁶¹ Об отказе России от активной колониальной политики см.: Копелев Д.Н. От мыса Головнина к Земле Александра I: российские кругосветные экспедиции в первой половине XIX века. М., 2021.

Прения о всесоюзном статусе Российской академии наук (1925)

Анна Цыпкина

Debate on the All-Union status of the Russian Academy of Sciences (1925)

Anna Tsypkina

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24060143, EDN: RLMGTC

После установления советской власти встал вопрос об институционализации Российской академии наук (РАН; до 1917 г. — Петербургской/Императорской Академии наук) в новой общественно-политической системе. В 1924—1925 гг. руководство Академии ходатайствовало о разрешении празднования её 200-летнего юбилея с приглашением иностранных учёных, в связи с чем возникла необходимость в срочном порядке утвердить устав организации и решить вопрос о её ведомственной принадлежности.

В литературе практически не уделялось внимания процессу принятия ЦИК и СНК СССР решения о признании за академией всесоюзного статуса, а ход обсуждения этого вопроса и аргументы сторон подробно не рассматривались. В кратком историческом очерке «Академия наук СССР» этому событию посвящён только один абзац¹. То же — в сборнике исторических очерков «Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII—XX вв.»², но уже с дополнением, что всесоюзности академии противились представители Украины³. В статье А.Л. Худобородова и В.А. Заровнятных повторён единственный абзац про постановление ЦИК и СНК, но с неправильной датой⁴.

Чуть подробнее обзор предыстории этого постановления рассмотрен В.С. Соболевым в тезисах конференции «Наука и техника: вопросы истории и теории»⁵, однако непосредственно хода его разработки, в частности обсуждения этой темы на заседании фракции РКП(б) во время III сессии ЦИК СССР в Тифлисе (март 1925 г.), никто из историков не касался. С позиций профес-

© 2024 г. А.Г. Цыпкина

¹ Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семёнов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М., 1974. С. 277.

² Колчинский Э.И. Союз науки и труда: неравноправный брак по расчёту // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII—XX вв. СПб., 2003. С. 418.

³ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922—1991. Т. 1. 1922—1952. М., 2000. С. 38. То же см.: Документы по истории Академии наук СССР: 1917—1925 гг. / Отв. ред. Б.В. Левшин, сост. В.А. Тряскина. Л., 1986. С. 323; Соболев В.С. Нести священное бремя прошедшего... Российская академия наук: национальное культурное и научное наследие. 1880—1930 гг. СПб., 2012. С. 132—133.

⁴ Худобородов А.Л., Заровнятных В.А. Реорганизация Академии наук в советском государстве в 20-е годы XX в. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Т. 13. 2013. № 2. С. 74—76.

⁵ Соболев В.С. Признание Российской академии наук высшим всесоюзным учёным учреждением // Наука и техника: вопросы истории и теории. Вып. XXXVIII. Материалы XLIII Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российской национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук. СПб., 2022. С. 49—56.

ционального юриста комплекс документов, касающихся прений о всесоюзном статусе академии, рассмотрен в статье О.Д. Максимовой. Она отметила, что этот вопрос увязывался «с федеративным устройством Советского государства, и его решение вытекало из предметов ведения союзных и республиканских органов по Конституции СССР 1924 г.»⁶. Автор привела основные аргументы заседавших в прениях, но некоторые важные документы и детали исторического контекста остались за рамками её статьи.

Одним из главных действующих лиц этой истории стал видный деятель партии большевиков А.И. Рыков. Ещё 11 мая 1922 г. в записке члена Политбюро ЦК РКП(б) Л.Б. Каменева говорилось, что ему поручено наблюдение за тем, чтобы «существование таких учреждений, как Академия наук и Публичная библиотека, было обеспечено, хотя бы в минимальной степени, с тем, однако, чтобы их низшие просветительные ячейки не были уничтожены, но чтобы сокращение пало главным образом на театр, искусство и пр[оч].»⁷. Рыков находился в тесном контакте с непременным секретарём РАН востоковедом С.Ф. Ольденбургом и вице-президентом Академии математиком В.А. Стекловым.

О закреплении за РАН всесоюзного статуса и о её возможном переподчинении общесоюзным ведомствам имелись разные мнения. 27 января 1925 г. на имя Рыкова, ставшего к тому времени председателем Совнаркома СССР, пришла срочная докладная записка от наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского и заведующего Главным управлением научными, научно-художественными и музеинными учреждениями Наркомата просвещения Ф.Н. Петрова. В ней указывалось, что «на территории Союза ССР в настоящее время функционируют две Академии наук: Российская в Ленинграде и Украинская в Киеве»⁸, а также объяснялись основные различия РАН и УАН. Последняя, созданная лишь в ноябре 1918 г., не имела такой разветвлённой сети учреждений, как российская с 200-летним опытом существования, и ориентировалась в первую очередь на исследования национальной культуры и науки.

Перечислив заслуги и отметив общесоюзный характер деятельности РАН, авторы записки, тем не менее, сообщали: «Народный комиссариат по просвещению... считает нужным резко подчеркнуть необходимость оставить Российскую академию наук в ведении и на бюджете Наркомпроса РСФСР, ибо [она] является учреждением, в котором живы ещё старые традиции, старая идеология», и «не может ещё полностью воспринять идеологию Рабоче-крестьянского государства, а в вопросах марксизма и материализма многие академики стоят на прямо противоположной позиции. Поэтому требуется непрерывный идеологический контроль и руководство над деятельностью, планом и содержанием научных работ Академии наук со стороны органа, тесно связанного с научной и исследовательской деятельностью страны. Таким органом, несомненно, является только Наркомпрос РСФСР, на территории которого находится РАН, и объединяющий в своём составе крупнейшие научно-исследовательские учреждения СССР, с которыми Российской академия наук находится в тесной, часто непрерывной связи. Таким образом, Наркомпрос считает целесообраз-

⁶ Максимова О.Д. О признании Российской Академии наук высшим учёным учреждением Союза ССР в 1924–1925 гг. // Роль государства в развитии науки: историко-правовой аспект. Сборник статей Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием (Москва, 9 ноября 2021 г.). М., 2021. С. 92.

⁷ Академия наук в решениях Политбюро... Т. 1. С. 27.

⁸ ГА РФ, ф. Р-8429, оп. 1, д. 54, л. 12.

ным в ознаменование двухсотлетия существования Российской академии наук придать ей значение всесоюзного органа, но по соображениям идеологическим, плановым и организационным и в целях избежания ущерба единства научно-исследовательской деятельности в СССР считает, что объявлению [её] органом, имеющим всесоюзное значение, должно сопутствовать и постановление об оставлении Академии в сети учреждений НКП РСФСР, аналогично тому, как это имело место с признанием Публичной библиотеки имени Ленина общесоюзной с оставлением её в ведении НКП РСФСР»⁹.

13 февраля того же года СНК СССР постановил «признать целесообразным дополнить порядок дня 3–1 сессии ЦИК Союза ССР вопросом о создании общесоюзной академии наук и поручить т.т. Рыкову и Енукидзе А.С. согласовать этот вопрос»¹⁰, о чём из протокола заседания сделали выписку для Президиума ЦИК. 18 февраля Стеклов составил доклад о необходимости всесоюзного статуса для РАН¹¹. 19 февраля в Кремле для управляющего делами СНК СССР Н.П. Горбунова была составлена справка: «Тов. Стеклов передал по телефону из Ленинграда следующее: «Приехал Халтурин¹² и сообщил, что завтра в СНК СССР предполагается рассмотрение Устава Российской академии наук. Представитель академии не был вызван, и мы совершенно случайно об этом узнали. Между тем вопрос этот имеет общесоюзный характер и, как вчера передал Н.П. Горбунов, вопрос об общесоюзности Академии наук стоит на повестке Сессии ЦИКа в Тифлисе. Записка, которую поручил составить Н.П. Горбунов, с соображениями всесоюзности Академии наук, готова и завтра будет послана»»¹³.

20 февраля Стеклов представил в СНК «Записку Академии наук о всесоюзном характере её работы»¹⁴. В ней излагалось противоположное позиции Луначарского представление о том, какому органу власти должна подчиняться РАН. Отмечалось, что она «уже по мысли её основателя Петра И... была поставлена в совершенно исключительное положение среди всех других учёных и научных учреждений страны. Это положение она сохраняла в течение 200 лет неизменным даже в самые реакционные периоды царского самодержавия... Министерство народного просвещения было лишь передаточным органом, передававшим все заявления Академии наук на рассмотрение органов высшей власти, причём сношения Академии с последней по её Уставу совершались непосредственно через её президента, вице-президента и непременного секретаря. Даже попытка министра Кассо подчинить себе Академию, основанная на букве закона, говорившего, что Академия состоит в ведомстве Министерства народного просвещения, окончилась полной неудачей... Признание всесоюзности Академии наук ни в какой мере не сопряжено с вопросом о каких-либо административных функциях по отношению к другим учёным учреждениям Союза или каким-либо обязательным воздействием Академии на эти учреждения,

⁹ Там же, л. 11.

¹⁰ Там же, л. 1.

¹¹ Сообщение о выступлении академика В.А. Стеклова // Известия РАН. Сер. VI. Т. 19. Л., 1925. С. 903–904.

¹² Д.Е. Халтурин – управляющий делами Академии наук (Козлов В.В., Павлов В.П., Сергеев А.Г. Владимир Андреевич Стеклов (1863–1926) // Труды Математического института имени В.А. Стеклова. 2015. Т. 289. С. 7–16).

¹³ ГА РФ, ф. Р-8429, оп. 1, д. 54, л. 2.

¹⁴ Там же, л. 8. Впервые записка опубликована в 1968 г. со значительными пропусками и без рассмотрения контекста, в котором она готовилась (Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925). Сборник документов / Отв. ред. К.В. Островитянов. Л., 1968. С. 199–202).

[она] останется, как и была, исключительно учёным, рабочим учреждением. Плодотворная дальнейшая работа... при масштабе деятельности, проникающей в интересы первостепенной важности всех республик Союза, возможна без напрасных помех только в том случае, если Российская академия наук не только будет признана теоретически учреждением всесоюзным, но и практически будет поставлена в положение, формально связанное с каким-либо высшим государственным всесоюзным органом». Свои доводы Стеклов резюмировал предложением сделать её «учёным учреждением, состоящим при СНК СССР, через который удобно было бы проводить смету Академии. Присоединять... к ЦИК'у СССР едва ли было бы целесообразно, так как этот высший орган советской власти работает сессионно и занят важнейшими вопросами внутренней и внешней политики более общего характера».

Рыков вынес этот вопрос на обсуждение фракции РКП(б), собравшейся во время III сессии ЦИК СССР в Тифлисе, «предлагая наметить принципиальное решение и определить, где должна быть Академия: при СНК или при ЦИК Союза»¹⁵. На заседании 5 марта помимо него присутствовали М.И. Калинин (председатель), секретарь ЦК КП(б) Украины В.П. Затонский, председатель Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровский, ответственный работник Наркомпроса РСФСР И.И. Ходоровский, начальник одного из управлений Наркомпроса ЗСФСР М.П. Орахелашвили, председатель СНК Грузинской ССР Ш.З. Элиава, секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе, нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин, председатель Госплана УССР Г.Ф. Гринько, председатель ЦИК БССР А.Г. Червяков и др. Изначально на этом заседании рассматривался вопрос об утверждении устава Академии и, как отметил Рыков, «мы... должны сказать, является ли она союзной Академией или Академией РСФСР», потому что «мы тут получили наследство, которое трудно передать одной части Союза», и «делить эти богатства по душам и нациям значит рушить их»¹⁶.

По поводу целесообразности присвоения общесоюзного статуса Академии заявились высказаться 14 ораторов, из них 10 – от Украинской ССР. Во время прений несколько раз указывалось на отмеченный Стекловым факт, что «по самому содержанию работ Академия была до сих пор общесоюзной». Исходя из этого Орахелашвили обратила внимание собравшихся на то, что речь идёт не о создании общесоюзной Академии наук, а о формальном признании фактически общесоюзной деятельности РАН. Против всесоюзной Академии выступили представители УССР. Гринько заявил, что РАН «проводила русификацию», поэтому объявление её общесоюзной будет расценено молодёжью в его республике как «возврат к известной мажоризации РСФСР со стороны России»¹⁷. Затонскому не понравилось, что общесоюзным органом будет руководить Наркомпрос только одной республики – РСФСР. При этом отрыв Академии от Наркомпроса он считал ненужным – это будет означать отрыв науки от преподавания¹⁸.

Червяков немного смягчил слова своего украинского коллеги: «Мы хотели бы, чтобы Союз своей мощью, всеми своими средствами помог нам, не имеющим возможностей, ни материальной, ни всякой другой, поставить у себя развитие науки на должную высоту», чтобы в таком случае республики могли бы

¹⁵ ГА РФ, ф. Р-8429, оп. 1, д. 54, л. 51 (нумерация листов этого дела идёт в обратном порядке).

¹⁶ Там же, л. 40.

¹⁷ Там же, л. 22–21.

¹⁸ Там же, л. 36.

«не бояться» создания учреждения, объединяющего научную мысль в масштабе всего Союза¹⁹. Петровский попросил позволить «и нам сделать такими же выдающимися несколько своих национальных украинских, кавказских и других лиц»²⁰. Элиава возразил: «Постановлением ЦИК какой-нибудь республики авторитеты не создаются»²¹. Действительно, создание Академии наук и наработка ею научного потенциала требовали времени. Стеклов писал об этом так: «Не могут иметь всемирного и всесоюзного авторитета недавно созданные другие академии, как, например, молодая ещё Всеукраинская академия в Киеве. Им нужно ещё прожить и проработать немало лет, создав “научные институты с долголетней практикой”, пока они достигнут того положения в науке, которое уже признано всем миром за Российской академией наук»²².

Чичерин высказался за то, чтобы в общественных науках «исключить возможность создания общесоюзной академии», потому что «должны быть академии у групп национальностей»²³. Калинин возразил, что Академия занимается не только и не столько общественностью, и отметил появляющуюся тенденцию: из органа отвлечённой науки РАН превращается в орган научного руководства, так как промышленность будет попадать под влияние науки всё больше²⁴. Далее он сообщил, что поставил вопрос «чисто принципиально: нужна ли нам союзная академия и союзная наука». Рыкову «хотелось, чтобы фракция выразила своё принципиальное отношение к возможности объявления Ленинградской академии наук общесоюзной и установила условия этой возможности с тем, чтобы она никаких административных прав не имела... и чтобы интересы научного исследования отдельных частей Союза, в особенности наиболее отсталых, были обеспечены всеми способами»²⁵. Интересно, что в его речи отчётливо прозвучали мотивы аргументации, представленной в записке Стеклова.

В результате решение о переименовании РАН в общесоюзную приняли большинством голосов (точное количество присутствовавших на заседании по доступным на данный момент в архивах фрагментам установить не удалось), против высказались 33 человека. Однако вопрос о том, при каком органе государственной власти должна находиться академия – ЦИК или СНК СССР, – не рассматривался.

В ходе обсуждения вместо «создания» всесоюзной академии решили «признать» за РАН статус общесоюзной. Тем не менее в протоколе заседания ошибочно отмечено: «Доклад А.И. Рыкова об образовании общесоюзной Академии наук на 3–2 сессии ЦИК Союза СССР не ставить». Этот пункт подписал секретарь заседания Енукидзе²⁶. 23 мая Горбунов по поручению Рыкова направил ему письмо под грифом «совершенно секретно», в котором запросил о присылке постановлений фракции РКП(б) на сессии и стенограммы прений по этому вопросу. В письме имеется приписка: «Нужно изменить организацию Академии наук применительно к новым условиям»²⁷.

¹⁹ Там же, л. 20–19.

²⁰ Там же, л. 32.

²¹ Там же, л. 26.

²² Там же, л. 6 об.

²³ Там же, л. 24.

²⁴ Там же, л. 24–23, 29.

²⁵ Там же, л. 17–16.

²⁶ Там же, ф. Р-3316, оп. 16, д. 181, л. 2.

²⁷ Там же, ф. Р-8429, оп. 1, д. 54, л. 15.

В соответствии с решением фракции Рыков внёс на рассмотрение Политбюро ЦК РКП(б) вопрос о признании РАН всесоюзным учреждением и о последующей передаче её ведения из Наркомпроса РСФСР в СНК СССР. 20 июня он направил в ЦК записку, в которой подчеркнул, что «по самому содержанию своих работ Ленинградская академия была и есть общесоюзной. Она ведёт работу для всех частей Союза. В ней сосредоточены накопленные в течение 200 лет исключительные богатства (всякого рода музеи, библиотека, насчитывающая более 3000 000 томов), раздать которые по частям Союза едва ли правильно – это значит разрушить их». Далее он информировал о состоявшемся в Тифлисе обсуждении проблемы: «В виду приближения 200-летнего юбилея Академии наук и необходимости к этому моменту утвердить Устав Академии я предлагал обменяться на фракции мнениями по этому вопросу, наметить принципиальное решение его, предопределить, что Всесоюзная академия будет учреждена при ЦИКе или СНК Союза, не будет иметь никаких административных прав и что интересы научных исследований отдельных частей Союза, в особенности наиболее отсталых, будут полностью обеспечены... В общем было принято мое предложение и постановлено просить ЦК партии подготовить этот вопрос и поставить его на следующей сессии ЦИКа». В завершение говорилось: «Ввиду того, что дата празднования юбилея (первые числа сентября) приближается, крайне неудобно оставить Академию наук без Устава. Потому прошу срочно поставить на обсуждение вопрос о признании за Академией наук всесоюзного значения и передачи её из Народного комиссариата просвещения РСФСР в Совет народных комиссаров или Центральный исполнительный комитет Союза ССР, без чего не представляется возможным утвердить Устав»²⁸.

По получении принципиального согласия руководства страны события разворачивались стремительно. 27 июля постановление ЦИК и СНК СССР признавало Академию учреждением Союза, состоящим при СНК. 28 июля это решение опубликовала газета «Известия» (№ 170)²⁹. 30 июля из РАН на имя Рыкова пришла телеграмма с благодарностью, на которую 1 августа председатель СНК ответил: «Уверен, что Академия наук Союза Советских Социалистических Республик сумеет принести всю ту пользу, на которую рассчитывают рвущиеся к культуре и знаниям народы СССР»³⁰.

Однако предстояло ещё утвердить Устав Всесоюзной академии, и здесь ситуация оказалась сложнее, чем ожидалось. 24 октября Стеклов и Ольденбург написали Рыкову письмо по поводу проекта Устава, предложенного комиссией СНК РСФСР: «Вопрос о всесоюзности Российской академии наук снят с повестки ЦИКа, но вчера мы были вызваны на совещание Комиссии т. Раевича по вопросу о рассмотрении проекта Устава Росс[ийской] академ[ии] наук. Проект считаем во всех отношениях неудовлетворительным и с конструктивной точки зрения, и по существу, § 3-й может только вызвать смех во всём учёном мире, а § 6 этого проекта ставит выборы Президиума и “академиков” по

²⁸ Академия наук в решениях Политбюро... Т. 1. С. 38.

²⁹ Документы по истории Академии наук СССР... С. 323; Максимова О.Д. О признании Российской Академии наук... С. 92.

³⁰ ГА РФ, ф. Р-8429, оп. 1, д. 54, л. 50. Черновик послания немного иной: «Приветствую Академию наук Союза Советских Социалистических республик. Шлю ей свои пожелания и выражаю уверенность в том, что деятельность Всесоюзной академии наук принесёт огромную пользу нашему Союзу. Счастье всего человечества возможно только на основе союза трудящихся и науки» (Там же, л. 49).

пункту а) практически в крайне сложную процедуру, которая сделает выборы почти невозможными и затормозит всю полезную работу³¹. Разведётся недопустимая бюрократическая волокита и целый ряд более тяжёлых, быть может, политических и национальных недоразумений. При таких условиях... лучше всего задержать дело о прохождении устава, чтобы поспешностью, непродуманностью не испортить всё дело. Лучше всего было бы обсудить вопрос в особой Комиссии под Вашим председательством. Только тогда можно рассчитывать на рациональное решение этого важного вопроса... Не откажите сделать соответствующее распоряжение тов. Н.П. Горбунову и В.А. Смольянинову». Просьбу эту выполнили, о чём свидетельствует резолюция на документе: «Т.т. Горбунову, Смольянинову. По распоряжению А.И. Рыкова вопрос об уставе снять с повестки Комиссии до возвращения т. Рыкова»³².

В результате в правительственном проекте Устава АН СССР за 1925 г. появилась следующая формулировка: «В ознаменование двухсотлетней научной деятельности Российской академии наук и принимая во внимание, что [она] является научным учреждением, ведущим научно-исследовательскую деятельность на территории всего Союза... [и] учёно-консультативным органом, обслуживающим учреждения, имеющие всесоюзное значение, признать [РАН] учёным учреждением, имеющим всесоюзное значение»³³.

В том же документе объяснялось, чем будут отличаться Российская и Украинская академии наук: последняя должна стать учёным учреждением, изучающим природные богатства Украины и украинскую историю³⁴. Необходимость учитывать пожелания республик в развитии национальных академий подчёркивалась также на заседании Политбюро 8 июля: «Ввиду того, что Академия наук обслуживала до сих пор только Великороссию³⁵, и для того, чтобы сделать её орудием науки и культуры всех, особенно отсталых наций, признать необходимость переименования её во Всесоюзную, обеспечив в ней сотрудничество всех национальных республик». Для продвижения такой деятельности было решено организовать Комиссию по просвещению всех союзных республик под руководством Рыкова³⁶. Республики, во избежание ущемления их прав, приглашались участвовать в правке проектов Устава (интересно отметить, что, согласно «Заключению союзных республик по проекту Устава Всесоюзной академии наук», больше всего основополагающих замечаний поступило от РСФСР³⁷).

³¹ В фонде А.В. Стеклова СПбФ АРАН сохранился проект устава АН (ноябрь 1925 г.), утверждённый комиссией под председательством Раевича. В нём под пунктом 3б записано: «Президент, вице-президент и непременный секретарь академии, а также действительные члены её по научным дисциплинам, поименованные в п[ункте] “а”, утверждались бы Совнаркомом РСФСР, по представлению Наркомпроса РСФСР, по согласованию с наркомпросами союзных республик». В пункте За значилось: «В числе научных дисциплин, являющихся предметом деятельности Академии наук СССР, имелись бы Украинская, Белорусская, Армянская, Грузинская, Айзербаджанская, Узбекинская и Туркменская (так в тексте. — А.Ц.) история, философия и литература» (СПбФ АРАН, ф. 162, оп. 3, д. 6, л. 11). Остаётся выяснить, изменился ли этот абзац с конца октября или оставался прежним.

³² ГА РФ, ф. Р-8429, оп. 1, д. 54, л. 14.

³³ Там же, л. 10.

³⁴ Там же, ф. Р-3316, оп. 1, д. 54, л. 12.

³⁵ Хотя и Рыков, и Горбунов получили подготовленные РАН записки об общесоюзной деятельности Академии, победила именно политическая точка зрения.

³⁶ Академия наук в решениях Политбюро... Т. 1. С. 39; Летопись Академии наук СССР (1901–1934) / Отв. ред. Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. Т. 4. СПб., 2007. С. 514.

³⁷ СПбФ АРАН, ф. 162, оп. 3, д. 1, л. 103–106.

6 сентября, в день 200-летнего юбилея Академии наук, состоялось торжественное заседание. На нём Калинин ещё раз озвучил тезис о необходимости помочи республикам: «Моё первое пожелание юбиляру – теснее связаться с революционными массами народа... Моё второе пожелание: так как по решению правительства Российской академия наук преобразуется во Всесоюзную академию, я бы хотел, чтобы она пришла на помочь союзным и автономным республикам и областям в развитии их языка и культуры»³⁸. О том же говорили и другие представители власти (Калинин, Енукидзе, Каменев как заместитель председателя СНК СССР): «Правительство Союза ставит одной из первых своих задач... приобщение к научной работе тех десятков национальностей, которые после долгих лет угнетения впервые в условиях Советского государства получили возможность широкого культурного и хозяйственного развития»³⁹.

В то же время указывалось и на достижения Академии в этой сфере. М.И. Яворский, выступавший от имени СНК УССР, выразил пожелание, чтобы АН СССР «действительно стала международным объединением научных работников» и чтобы она работала «не только для русской культуры, но и для культуры наций», которые были, с его точки зрения, «до сих пор подавлены». Вместе с тем он отметил заслуги Академии в деле «свободного развития украинской культуры», прежде всего создание в 1905 г. комиссии по рассмотрению вопроса о малорусском слове под председательством академика Ф.Е. Корша⁴⁰. Луначарский обратил внимание присутствовавших на то, что АН «уже до того, как ей дали высокое название Академия СССР, мощным образом содействовала нашей работе по поднятию отсталых национальностей, ибо без её знания языков почти всех народов, населяющих нашу страну, мы не смогли бы сделать того, что сделано, т.е. создать впервые грамоту для целого ряда народностей, которые не имели никакой письменности»⁴¹.

В докладе о научно-культурных итогах празднования юбилея Академии Ольденбург отметил важность её роли при советской власти: «Новый строй ставит себе задачей наиболее рациональную организацию всей жизни, и в этом деле первое слово совета и указания принадлежит науке. С самого начала существования... одной из главных задач [Академии] было всестороннее изучение страны»⁴², чем она и продолжит заниматься в ближайшие к описанным событиям годы.

Документы свидетельствуют о реальности перспективы создания академий наук союзных республик без единого координационного и курирующего центра – Всесоюзной академии. Только усилиями руководства РАН, поддержанного Рыковым и Калининым (которые последовательно и логически, с помощью аргументов, представленных авторитетными учёными, доказывали необходимость такого общесоюзного научного учреждения), научный центр СССР удалось сохранить и наделить соответствующим его значению юридическим статусом, обусловленным столетиями плодотворной работы. Основные ожидания большевиков от Академии наук были озвучены на праздновании 200-летнего юбилея АН.

³⁸ Там же, ф. 12, оп. 1, д. 29, л. 8–10.

³⁹ Там же, л. 14.

⁴⁰ Там же, л. 137.

⁴¹ Там же, л. 31.

⁴² Документы по истории Академии наук СССР... С. 339.

Народы и пространства

«Областничество крепко засело в Вятке»: региональные конфликты и революционная законность в 1919 г.

Анастасия Позднякова

«*Oblastnichestvo is firmly entrenched in Vyatka*»:
regional conflicts and the revolutionary legality in 1919

Anastasia Pozdnyakova

(*Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev*)

DOI: 10.31857/S2949124X24060152, EDN: RLLYET

Революция 1917 г. и Гражданская война в России вызвали серьёзные миграционные потоки. Кто-то уезжал из страны навсегда, другие меняли место жительства, убегая от большевиков или белогвардейцев, третьи переезжали в другие регионы по служебной необходимости или же, напротив, лишившись привычных занятий, искали источник постоянного дохода. Оставленные противнику белыми или красными города покидали служащие, опасавшиеся репрессий со стороны новых властей. В частности, занятие белыми Урала привело в августе и декабре 1918 г. к двум волнам переселения в Вятку членов РКП(б) и сотрудников Уральской областной ЧК.

К началу 1919 г. в городе собралось немало видных партийцев и чекистов, что порождало конфликты самого разного толка, отражавшие особенности становления большевистской диктатуры на Севере России. В советской историографии в приезде уральцев усматривалось исключительно усиление слабой вятской партийной ячейки¹, которой требовалось пройти своего рода «школу» у более опытных товарищей. Не упоминал о возникавших при этом трениях и В.И. Бакулин, много писавший в конце XX – начале XXI в. о положении Вятской губ. в годы Гражданской войны и воспринимавший уральцев как организационную силу, способную остановить наступление А.В. Колчака². Ю.Н. Тимкин указал на ряд конфликтных ситуаций 1918 г., но осветил их лишь фрагментарно³. Сравнительно редко исследовались эти сюжеты и в последующие годы⁴. Чем

© 2024 г. А.С. Позднякова

¹ Октябрь и Гражданская война в Вятской губернии. Сборник статей и материалов. Вятка, 1927; Урал в годы Гражданской войны (1918–1920). Сборник научных трудов. Свердловск, 1986.

² Бакулин В.И. Деятельность Вятской ГубЧК в «красном» тылу Восточного фронта (1918 – середина 1919 г.) // Листая историю страницы: Вятский край и вся Россия в XX веке. Киров, 2006. С. 69–79; Бакулин В.И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008; Бакулин В.И. Организация тыла в прифронтовой полосе: Вятская губерния зимой–летом 1919 г. // Отечественная история. 1997. № 4. С. 147–159.

³ Тимкин Ю.Н. Вятская губернская чрезвычайная комиссия в 1918–1920 гг. // Из истории вятских спецслужб. Киров, 1997. С. 63–76.

⁴ См., в частности: Позднякова А.С. Вятская губерния в годы Гражданской войны: чрезвычайные органы власти. Киров, 2018; Измозик В.С. Интересное исследование регионального аспекта истории Гражданской войны (Рец. на кн.: Позднякова А.С. Вятская губерния в годы Граждан-

же объяснялись многочисленные внутрипартийные споры и склоки⁵ в губернии в 1918–1919 гг.?

Характерно, что среди наиболее конфликтных работников выделялись прежде всего уральские чекисты, причастные к убийству царской семьи. Одним из первых уральцев, прибывших в Вятку после занятия Екатеринбурга белогвардейцами, оказался Михаил Александрович Медведев-Кудрин (1891–1964), примкнувший к большевикам ещё в 1912 г. С июня 1918 г. он входил в коллегию Уральской областной ЧК, а в начале июля был направлен во внутреннюю охрану «Дома особого назначения» в Екатеринбурге. В ночь на 17 июля Медведев непосредственно участвовал в расстреле Романовых и тех, кто разделял с ними заключение. В том же месяце его эвакуировали в Вятку, где он претендовал на единоличную власть в губернии и вступил в борьбу с только что созданным Чрезвычайным военно-революционным штабом. В противостояние пришлось вмешаться представителям ВЧК и Уральской областной ЧК⁶. На поведение уральца жаловались в Москву, и в августе председатель ВЦИК Я.М. Свердлов телеграфировал в Вятку: «Товарищ Медведев оказался крайне нетактичным, создавшим ряд конфликтов с вятскими товарищами, приведших к невозможности с ним работать. Его необходимо оттуда убрать в интересах работы»⁷. Но тогда же Вятскую губернскую ЧК расформировали, в городе начала работу Уральская областная ЧК. Получив неограниченную власть в Вятке, она приступила к реализации декрета о красном терроре. В дни расправы над местной «буржуазией и её наймитами» Медведев состоял членом коллегии (помощником заведующего по борьбе с контрреволюцией), а с декабря 1918 г. по январь 1919 г. – председателем воссозданной Вятской губернской ЧК.

В условиях Гражданской войны чекисты постепенно заняли, независимое от местных советов и их исполнкомов положение, став, по сути, «государством в государстве». Их безнаказанность способствовала эскалации террора, что вызывало озабоченность в других органах власти⁸. Зимой 1918–1919 гг. в Вятке случился серьёзный конфликт между Медведевым и заведующим отделом

ской войны: чрезвычайные органы власти) // Социогуманитарные коммуникации. 2024. № 2(8). С. 136–141; Пученков А.С. Рождённые революцией // Известия лаборатории древних технологий. Т. 20. 2024. № 1(50). С. 176–179.

⁵ Слоками тогда называли конфликты между коммунистами, не имевшие идеологического содержания. См.: Шабалин В.В. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. 2013. № 2(22). С. 159–166.

⁶ Тимкин Ю.Н. Вятская губернская чрезвычайная комиссия... С. 68.

⁷ ВЧК. Главные документы истории / Сост. В. Долматов. М., 2017. С. 184.

⁸ Подобные ситуации возникали в разных регионах страны. К примеру, острые разногласия вспыхивали между ВЧК и Московским губернским исполнительным комитетом (Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2016. С. 223–226). При этом лишь после повсеместного создания чрезвычайных комиссий, существовавших наряду с центральной, можно говорить о том, что ВЧК «реально становилась всероссийским чрезвычайным органом» (Ратьковский И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 63, 66). Как отмечает Ратьковский, в период красного террора осенью 1918 г. контроль партийных органов над ЧК усилился, резко возросло количество чекистов-коммунистов, и «тем самым террор приобретал партийный характер, и его направленность и масштабы в значительной степени определяло местное коммунистическое руководство». Тогда же, по его словам, «постепенно происходит усиление партийного контроля над чрезвычайными комиссиями со стороны советских исполнительных органов власти», а «партийный контроль представлялся важным и самим чекистам» (См.: Ратьковский И.С. Красный террор... С. 178–179). Однако свои выводы автор делает преимущественно на основе анализа деятельности Петроградской губернской ЧК, и едва ли они репрезентативны для всей страны.

юстиции губисполкома Иваном Михеевичем Зыряновым (1894–1975), уроженцем Слободского уезда губернии, возглавлявшим Вятскую ЧК летом 1918 г.⁹ В начале декабря чекисты расстреляли десять «врагов трудового народа», среди которых оказались священники, тюремные надзиратели, чины полиции¹⁰. В отделе юстиции сочли, что после того, как в ноябре 1918 г. официально свернули «массовый красный террор», расстрел — слишком суворое наказание при недоказанных обвинениях. К тому же расправу произвели в центре города, казнённых добивали прикладами, их трупы сбрасывали в реку, а имущество поделили между членами расстрельной команды. Для расследования данного инцидента Зырянов создал при исполнитете контрольно-следственную комиссию, отправив жалобу на действия чекистов в ВЧК, НКВД и НКЮ. Его обращение пришлось весьма кстати, поскольку тогда шла ожесточённая борьба за пересмотр полномочий ВЧК¹¹. Наркомат юстиции постоянно указывал на злоупотребления чрезвычаек, игнорировавших законы. О том же свидетельствовало и произошедшее в Вятке, куда для выяснения ситуации отправились представители НКЮ, НКВД и ВЧК.

Между тем после сдачи Перми в конце декабря Вятку «наводнили» эвакуированные с Урала опытные партийные работники, вставшие на защиту Медведева. Новый заведующий отделом юстиции Н.С. Пятков так же всегда поддерживал уральцев и ЧК. Фактически наблюдалось не столько противостояние между ЧК и юстицией (ревтрибуналом), сколько соперничество между местными и приехавшими с Урала большевиками. Судя по возбуждённым в губернии следственным делам, конфронтация между ними длилась более полугода и привела к серии арестов, усугубляя существовавшее взаимное недоверие между чекистами и ревтрибуналом.

С осени 1918 г. в Уральской губернской ЧК велось дело И.А. Сизова, который 18 октября «случайно выпил спирту» с агентом ЧК Гробовским и сообщил ему о том, что застрял в Вятке, возвращаясь в Москву из Нытвы, откуда вёз золотые вещи и револьверы некоего Воробьёва. Узнав об этом от Гробовского, другой агент ЧК — М.Б. Юнговский предложил Сизову продать револьверы, но тот отказался, сославшись на то, что «в Москве они стоят дороже»¹². Тогда в ноябре 1918 г. его арестовали, обвинив в спекуляции. 10 декабря его допросил В.В. Фортунатов — бывший диакон сельской церкви, 20 лет от роду, сложивший в ноябре сан и ставший следователем губернской ЧК. Согласно протоколу допроса, 60-летний Сизов работал истопником в доме Воробьёва и «продавать вещи не собирался». В заключении по делу Фортунатов констатировал: «Сизов — типичный дворецкий времён крепостного права. Сознание своего ничтожества, вседовольство и уважение перед господами. Он исполнял поручение господина Воробьёва»¹³. Вынести приговор предстояло губернскому

⁹ Подробнее см.: Позднякова А.С. Конфликт между ВЧК и НКЮ в региональном измерении (Вятская губерния, 1918–1919 гг.) // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катализмов. Материалы II всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти историка отечественных спецслужб Александра Михайловича Плеханова и 105-летию образования ВЧК. Омск, 2022. С. 186–192.

¹⁰ ГА РФ, ф. Р-1005, оп. 1а, д. 116, л. 233.

¹¹ Подробнее см.: Новосёлов Д.С. Кризис ВЧК в конце 1918 — начале 1919 годов // Отечественная история. № 6. 2005. С. 66–76.

¹² Центральный государственный архив Кировской области (далее — ЦГА КО), ф. Р-1322, оп. 1а, д. 1515, л. 3.

¹³ Там же, л. 8.

революционному трибуналу, но следственная комиссия 19 декабря допросила в качестве свидетеля Юнговского, который показал, что при аресте обнаружил у Сизова золотые вещи и револьверы. Следователь ревтрибунала Е.А. Оше тут же вызвал арестованного, заявившего, что «при обыске в губЧК длинный еврей стал избивать, не предъявляя мне вопроса или обвинения», в результате чего «выбито три зуба». На это обстоятельство следственная комиссия ревтрибунала внимания не обратила, и 23 декабря приняла дело Сизова к своему производству¹⁴. Однако в тот же день она изменила своё решение, освободив Сизова из-под стражи ввиду отсутствия состава преступления¹⁵.

Вероятно, это было связано с работой контрольно-следственной комиссии губисполкома, которая в то время занималась делом Медведева и освидетельствовала избитых чекистами людей. Состояла она как раз из только что назначенного председателя Вятского губернского революционного трибунала И.А. Фарафонова (в прошлом – местный крестьянин¹⁶) и председателя его следственной комиссии Г.Я. Кипста, прибывшего в Вятку из Москвы в августе по решению ЦК РКП(б). На допросах чекисты свою вину отрицали, по словам Медведева, «всё шло обычным порядком»¹⁷. 24 декабря губисполком рекомендовал губкому РКП(б) передать дело в Верховный трибунал при ВЦИК и реорганизовать ЧК, заменив её руководство¹⁸. Однако 3 января Вятский губком, обсудив данную инициативу, не принял никакого решения. В свою очередь чекисты 4 января отправили телеграмму во ВЦИК, критикуя действия исполнкома, наносящие «вред работе при настоящих особо тяжёлых условиях»¹⁹. В тот же день следственная комиссия ревтрибунала вернулась к показаниям Сизова и возобновила допрос свидетелей. Так, работница гостиницы, где он останавливался, сообщила, что «во время уборки после пребывания в номере Сизова она увидела кровь на матраце, на полу, на окне»²⁰.

9 января следственная комиссия ревтрибунала постановила привлечь Юнговского к ответственности за побои Сизова, которого вновь допросили, установив, что агент избил его «в номерах до потери сознания», «по голове бил в ЧК»²¹. Кучер и дворник губернской ЧК вспомнили на допросе, что видели избитого Сизова. 10 января 37-летний коммунист Юнговский, признав себя виновным, заявил: «Бил его в ЧК или нет, не помню, был возбуждённый, было много дел»²². Свои действия он объяснял тем, что Сизов будто бы неоднократно возил имущество бывших хозяев. 17 января с агента взяли подписку о невыезде.

Тем временем, 13 января прибывшая в Вятку из Москвы межведомственная комиссия из представителей ВЧК, НКЮ и НКВД решила арестовать до

¹⁴ Там же, л. 13–15.

¹⁵ Там же, л. 18.

¹⁶ В апреле 1917 г. служивший на Юго-Западном фронте Фарафонов вступил в ряды большевиков и в октябре стал делегатом съезда солдатских депутатов и членом 5-го армейского ревкома. В апреле 1918 г., вернувшись в Вятку, был избран членом губисполкома и комиссаром юстиции, с декабря – председатель ревтрибунала.

¹⁷ ГА РФ, ф. Р-1005, оп. 1а, д. 116, л. 133.

¹⁸ ЦГА КО, ф. Р-875, оп. 1, д. 52, л. 480. См. также: Тимкин Ю.Н. Вятская губернская чрезвычайная комиссия... С. 68.

¹⁹ ГА РФ, ф. Р-1235, оп. 94, д. 270, л. 169.

²⁰ ЦГА КО, ф. Р-1322, оп. 1а, д. 1515, л. 19.

²¹ Там же, л. 32, 33 об.

²² Там же, л. 34.

окончания следствия 11 сотрудников местной ЧК²³. Но этому помешали председатель Уральского областного исполкома А.Г. Белобородов и его заместитель Г.И. Сафаров. Когда представители комиссии с отрядом солдат пришли в здание ЧК, Белобородов, пользуясь авторитетом старого большевика (с 1907 г.) и председателя Вятского губернского революционного комитета, лично подписал поручительство за чекистов. Впоследствии в своём отчёте представитель Наркомата юстиции И.П. Ройзман отметил: «Белобородов... смотрит на вмешательство центра в местные дела как на покушение на их личные prerогативы. Они считают местные дела “своими делами” и относятся неприязненно к контролю из центра». Члены межведомственной комиссии из вятских учреждений (вероятно, Зырянов и Фарафонов), по словам Ройзмана, «допускают, что могут быть арестованы и даже расстреляны ЧК». Оставалось лишь констатировать, что «не только лояльные по отношению к советской власти граждане, но даже советские служащие и коммунисты не уверены в завтрашнем дне, так как борьба с контрреволюцией в Вятке выражается в сведении личных счётов членов ЧК и его агентов»²⁴. Больше других опасался за жизнь Зырянов. Белобородов убеждал прибывшего 5 января из Глазова в Вятку Ф.Э. Дзержинского, что Иван Михеевич, будучи правым эсером, специально компрометировал ЧК. Дзержинский попытался уговорить Ройзмана закрыть дело Медведева и его подручных, но тот отказался и в конце января доложил о ситуации в Вятке на коллегии НКЮ²⁵.

Медведева в конце января всё же отстранили от работы в ЧК и направили готовить подпольщиков на Пермских заводах. Возбуждённое против него дело прекратили 11 марта после обращения во ВЦИК всего Уральского областного комитета РКП(б). Но и Зырянову пришлось уйти со своего поста, в январе его заменил уралец Пятков, большевик с 1913 г. Однако состав отдела юстиции при губисполкоме остался прежним, а в ревтрибунале, как и раньше, заседали Фарафонов и Кипст.

Между тем с севера на Вятскую губ. наступали интервенты, планировавшие взять Котлас и соединиться с армией Колчака, который 4 марта начал наступление по всей линии Восточного фронта. 18 марта в Москве открылся VIII съезд РКП(б), в котором активное участие принял Белобородов (избранный в конце месяца членом ЦК и Оргбюро). В тот же день Вятский ревтрибунал под председательством Фарафонова, пользуясь отъездом «главного уральца», приговорил Юнговского к лишению свободы и 10 годам общественных работ при Вятском исправительном рабочем доме. Столь суровый приговор для судебной практики тех лет²⁶ трибунал мотивировал тем, что Юнговский дал повод для распространения врагами советской власти ложных слухов о деятельности ЧК²⁷.

«Ответом» стало обвинение Вятской губернской ЧК Зырянова, ставшего к весне помощником управляющего делами совнархоза, в изготовлении поддельных документов и взяточничестве. Первый допрос ему устроили уже

²³ ГА РФ, ф. Р-1005, оп. 1а, д. 116, л. 34.

²⁴ Там же, ф. А-353, оп. 2, д. 441, л. 78 об.

²⁵ Позднякова А.С. Конфликт между ВЧК и НКЮ... С. 190.

²⁶ Подробнее см.: Позднякова А.С. Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов в 1918–1919 гг. (по материалам Вятского губернского революционного трибунала) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4(5). С. 79–84.

²⁷ ЦГА КО, ф. Р-1322, оп. 1а, д. 1515, л. 71.

20 марта. Основанием для этого послужили бланки с печатью отдела юстиции Вятского губисполкома, обнаруженные ещё в январе у крестьянина Е.А. Иванцова. В следственном деле сохранился документ, подписанный заведующим отделом юстиции Зыряновым, о том, что член следственной комиссии ревтрибунала Иванцов командирован в Уржумский уезд. Согласно другой бумаге член следственной комиссии по общеуголовным делам Иванцов направлялся в Котельнич. Кроме того, имелись и чистые бланки с печатями отдела юстиции. Иванцов на допросах рассказал, что получил их у Ельчугина – бывшего делопроизводителя Зырянова, являвшегося в январе 1919 г. секретарём ревтрибунала. Зырянов настаивал на том, что «не выдавал никаких бумаг Иванцову, его не знаю, документ не мог выдать, поскольку подобные документы выдаёт революционный трибунал»²⁸. Тем не менее после допроса губернская ЧК его арестовала и, учитывая важность и секретность дела, поместила в одиночную камеру в Вятском исправительном рабочем доме²⁹. Оснований для этого не имелось, поскольку в феврале следствие установило, что Иванцов приехал в Вятку в январе 1919 г. ходатайствовать о делах своего друга и обратился за помощью к Ельчугину, которого просил заодно выдать ему бумагу, предоставляющую право на поездки, так как уездные власти подозревали его в спекуляции. «Мы пришли на другой день, – сообщил Иванцов, – и Ельчугин дал мне бланк, что я командирован как член ревтрибунала в Уржум, дал мне 5 чистых [бланков]». По пути в деревню военком, проверявший документы Иванцова, не увидел номера и, заподозрив подлог, арестовал и отправил крестьянина в ЧК³⁰.

Ельчугин на допросе в ЧК отрицал знакомство с Иванцовым и уверял, что «до канцелярии у него доступа не было», и никаких бланков он не выдавал. Секретарь отдела юстиции Васильев показал, что печать хранилась в его столе под замком, но иногда Зырянов, работая ночью, оставлял её у себя³¹. 23 марта Зырянов направил в ЧК заявление о том, что ему «никакого обвинения не предъявлено, да и не может быть предъявлено». При этом он напомнил, что оставил свою прежнюю должность «в связи с конфликтом комиссариата юстиции с губернской ЧК по поводу зверских расстрелов ею граждан Республики». Иван Михеевич просил обратить на это внимание, повторяя: «Арест меня, я заключаю, произведен без всяких оснований»³². Зырянов писал: «Очевидно, имелась в виду другая личная сторона, хотя я не утверждаю, но меня наводит на сомнение именно это обстоятельство, бывшего серьёзного конфликта с губернской чрезвычайной комиссией, иначе я никак не могу представить свой арест. Такое положение подтверждается тем, что меня... поместили в душную одиночную камеру, как самого злейшего преступника». Требуя назначить для расследования комиссию из «следователей специалистов, следователей революционного трибунала», он завершил своё обращение упрёком: «Горько, тяжело и обидно, даже стыдно за товарищей, которые чинят такие поступки по отношению к своим же честным советским работникам»³³.

25 марта на очной ставке с Иванцовым Ельчугин первоначально отрицал вину, но затем признал: «Бланки дал без подписей, не думал, что они имеют

²⁸ Там же, д. 1602, л. 82.

²⁹ Там же, л. 84–85.

³⁰ Там же, л. 74–74 об.

³¹ Там же, л. 87.

³² Там же, л. 114.

³³ Там же, л. 115, 116

силу»³⁴. Также состоялась очная ставка Иванцова и Зырянова, на которой оба подтвердили, что никогда друг друга не видели. После этого Зырянова должны были уже отпустить, но 27 марта его перевели из одиночной камеры в общую³⁵.

В те же дни чекисты пытались добиться освобождения Юнговского. Этот «боец за революцию» (как он сам себя характеризовал) одновременно просился на фронт и жаловался на слабое здоровье³⁶. За него вступился работавший после эвакуации в вятских «Известиях» Ф.Н. Лукоянов, состоявший в РСДРП с 1913 г., в марте 1918 г. возглавлявший Пермский окружной Чрезвычайный комитет по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, а затем – Уральскую областную ЧК. «Товарища Юнговского, – утверждал он, – знаю ещё с Перми... Он зарекомендовал себя незаурядным работником. Он получил репутацию незаменимого работника, способного блестяще сделать любую работу. После эвакуации уральской облЧК в Вятку, в комиссии была введена официальная классификация агентов. Товарищ Юнговский был зачислен в агенты первого разряда с высшим окладом и с честью оправдал доверие. Когда его здоровье пошатнулось (туберкулэз, нервность), коллегия ЧК вынуждена была отказать ему в отпуске. Но ни улучшение питания, ни уменьшение работы не могло пресечь развитие болезни (кровохарканье). Он ни разу не пользовался отпуском. Зная т. Юнговского как выдержанного и хладнокровного человека и вежливого, я был страшно удивлён его поведением у Сизова. Страшная болезнь и издёрганность – причины этой случайности. Это не преступление – это проступок. Он не преступник, а большой издёрганный человек, хороший коммунист, принёсший во имя идеи свою жизнь на службе Советской России»³⁷.

29 марта при непосредственном участии Пяткова, также ходатайствовавшего об освобождении Юнговского, состоялось медицинское освидетельствование бывшего агента ЧК, в ходе которого выяснилось, что он «к физическому труду не способен, нуждается в покое, питании, чистом воздухе»³⁸. Во ВЦИК отправили кассационную жалобу³⁹. И в тот же день губернская ЧК освободила Зырянова под подписку поручителей из президиума губсовнархоза⁴⁰. После данного инцидента Иван Михеевич покинул губернию и в 1920 г. перешёл в систему военной юстиции⁴¹. Ельчугина осудили на 10 лет лишения свободы в Вятском исправительном рабочем доме, но уже

³⁴ Там же, л. 92–93.

³⁵ Там же, л. 107–108.

³⁶ Там же, д. 1505, л. 80.

³⁷ Там же, л. 82–82 об.

³⁸ Там же, л. 92.

³⁹ Рассмотрев её, Кассационный трибунал ВЦИК пришёл к выводу, что оснований для кассации нет и следует «приговор оставить в силе». Соответствующее постановление подписал Н.В. Крыленко (Там же, л. 99).

⁴⁰ Там же, л. 120.

⁴¹ Окончив юридическую школу и институт Красной профессуры, он уже в январе 1923 г. (и с ноября 1941 по январь 1942 г.) председательствовал в военном трибунале Приволжского военного округа, в 1936–1938 и 1945–1954 гг. состоял членом Военной коллегии Верховного суда СССР, с апреля 1942 по август 1945 г. являлся начальником Военно-юридической академии Красной армии, а в 1945–1954 гг. возглавлял Отдел военных трибуналов войск МВД Военной коллегии Верховного суда СССР. Ему довелось побывать судьёй на Токийском процессе над японскими военными преступниками, но в июне 1955 г. его лишили генеральского звания и исключили из партии «за допущение и грубое нарушение социалистической законности во время работы в Военной коллегии Верховного суда СССР».

в октябре условно-досрочно освободили⁴². Экспертиза установила, что он подделал подпись Зырянова⁴³.

В апреле 1919 г. ситуация на Восточном фронте продолжала обостряться. 7 апреля Колчак взял Песковский завод, в 200 км от Вятки, куда 3 апреля прибыл В.К. Блюхер, которому предстояло возглавить Вятско-Слободской укреплённый район. Началась эвакуация партийных и советских учреждений из губернского города. Блюхер освободил из Вятского исправительного рабочего дома многих коммунистов, включая Юнговского⁴⁴.

Однако наступление Колчака на Вятку не остановило череду конфликтов, главным зачинщиком которых теперь стал Пятков. На заседании пленума губисполкома 23 апреля он потребовал реорганизовать работу местного ревтрибунала, поскольку «самого председателя в Вятке нет, он работает в Слободском по эвакуации, не уведомив отдел юстиции, куда и зачем его командируют»⁴⁵. Пятков добился смещения Фарафонова, спешно уехавшего на фронт, и утверждения нового состава коллегии трибунала. Теперь там заседали «уральцы» с опытом работы в ЧК – бывший заместитель Пяткова Н.П. Сушков (член РСДРП с 1908 г.) и Р.К. Лепсис.

Из бывших сослуживцев Зырянова на своей должности оставался лишь его заместитель И.А. Чернышёв, заведовавший карательным отделом. Именно он отвечал за пенитенциарную систему в губернии и инициировал расследование дела Медведева. После устронения Фарафонова Пятков «принялся» за Чернышёва и без согласования с ним назначил Т.В. Кобелева заместителем начальника в Вятский исправительный рабочий дом. Неудивительно, что тот, как впоследствии выразился Чернышёв, «игнорировал» и его, и своё непосредственное начальство⁴⁶. А Чернышёв начал собирать жалобы осуждённых. И уже 4 мая в Вятскую губернскую ЧК поступил донос от коммунистов, заключённых в камере № 12: «По распространившимся слухам по тюрьме товарищ Кобелев взял одну женщину из заключённых и с ней пошёл в баню, где держал около 4 часов»⁴⁷. 9 мая Кобелева арестовали по подозрению в превышении должностных полномочий из-за любовной связи со шпионкой Л.П. Аспиринской⁴⁸. Выступая свидетелем, Чернышёв охотно дал показания: «Назначение Кобелева было неожиданностью, он не подходит для этой должности, не знаком с тюремным делом, не грамотен. Но это было решение от партии. Сразу же посыпалась недовольства, особенно от сидевших коммунистов»⁴⁹. Затем на совещании с представителями делегации ВЦИК и ЦК РКП(б) во главе с уполномоченным Ю.М. Стекловым Чернышёв заявил о бездеятельности следственного аппарата Особого отдела, после чего 19 мая чекисты арестовали его как бывшего земского начальника и черносотенца, подозреваемого в сочувствии к контрреволюции. На допросах Чернышёв утверждал, что его арест – дело рук следователя Особого отдела ВЧК З.Б. Кацнельсона и Пяткова, который сумел освободить Кобелева.

⁴² ЦГА КО, ф. Р-1322, оп. 1а, д. 1602, л. 24.

⁴³ Там же, л. 183.

⁴⁴ Там же, д. 1505, л. 102.

⁴⁵ Там же, ф. Р-875, оп. 1, д. 56, л. 116.

⁴⁶ Там же, ф. Р-1322, оп. 1а, д. 917, л. 62.

⁴⁷ Там же, л. 1.

⁴⁸ Позднякова А.С. Дело «белогвардейской шпионки» Лидофирии Аспиринской: по материалам Вятской ГубЧК // Новейшая история России. 2024. № 2. С. 307–320.

⁴⁹ ЦГА КО, ф. Р-1322, оп. 1а, д. 917, л. 62 об.

22 мая Чернышёв обратился с жалобой к Стеклову, который ещё находился в Вятке: «С момента взятия Перми и эвакуации в г. Вятку советских работников начала применяться политика выживания прежних работников с их мест. Губернскому отделу юстиции тоже пришлось сделаться жертвой интриг. Уход бывшего заведующего отделом юстиции тов. Зырянова был вынужденный. Зырянов заявил, что больше служить не может, так как против него начинается травля областников». Сменивший его Пятков будто бы угрожал Чернышёву расстрелом, советовал оставить должность, желая поставить «своего человека». Чернышёв утверждал, что «областничество крепко засело в Вятке и упорно придерживается порядка вести дело так, как ему хочется, а не так, как требуют интересы дела и разума»⁵⁰.

Стеклов вступился за Чернышёва, и того выпустили на свободу, однако вскоре ревтрибунал возбудил против него новое дело. Не обнаружив никаких улик, следствие передало его в Москву, так как им заинтересовался Дзержинский. Со своей стороны, Чернышёв просил разобраться в ситуации председателя ВЦИК М.И. Калинина и наркома юстиции Д.И. Курского⁵¹. В результате в конце июля дело закрыли, но Чернышёв остался в Москве и уже не вернулся в Вятку. Тогда же покинул её и Пятков.

После освобождения от белых Перми, а затем и всего Урала уральцы стали постепенно возвращаться домой, и летом 1919 г. в Вятке разразился невиданный «кадровый голод».

Так или иначе, нельзя не отметить, что в период весеннего наступления Колчака объединения коммунистов в тылу Восточного фронта не наблюдалось. Уральцы пренебрежительно относились к местным кадрам из вчерашних крестьян (как Фарафонов и Зырянов), не имевших политического опыта и партийного стажа. Сами же уральцы, особенно после июльских событий 1918 г., ощущали себя силой, способной игнорировать указания не только вятских советских и партийных работников, но и столичных инстанций. В мае 1919 г. Пятков открыто заявлял, что «Центр это одно, а власть на местах – это другое»⁵². Неудивительно, что, контролируя ВЧК, они не останавливались перед нарушением закона. На это, в частности, обратил внимание уполномоченный ВЦИК и РКП(б) Стеклов. Выступая в июне 1919 г. на объединённом заседании представителей советских органов в Вятке, он риторически спрашивал у слушателей: «Кто из вас не знает о том терроре, который существует у вас в Вятской губернии? Метод революционного действия вполне совместим с революционной законностью. До тех пор, пока мы не установим революционной законности, мы не можем проводить задач советской власти»⁵³. Вместе с тем конфликты между уральскими и вятскими большевиками выявили отсутствие у них административного опыта и культуры управления, слабое взаимодействие между структурами разных ведомств, произвол и насилие при решении возникавших проблем. Совокупность этих факторов отнюдь не укрепляла положение нового режима и не способствовала его популярности в стране, что, впрочем, не помешало ему победить.

⁵⁰ ГА РФ, ф. Р-1240, оп. 1, д. 125, л. 1 об.–2.

⁵¹ Там же, ф. Р-1235, оп. 94, д. 268, л. 352.

⁵² Там же, ф. Р-1240, оп. 1, д. 125, л. 3.

⁵³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 5, д. 17, л. 21.

К 100-летию «полосы признания» СССР

Дипломатическое признание СССР: приоритеты и итоги

Ирина Хормач

Diplomatic recognition of the USSR: priorities and results

Irina Khormach

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24060166, EDN: RLKCTW

«Полоса признания» — понятие условное, принятое для обозначения процесса юридического признания СССР западными и восточными державами с 1924 г. до начала Второй мировой войны. На деле эта «полоса» началась раньше, с признания ещё Советской России (РСФСР): в 1920 г. — Литвой (12 июля), Латвией (11 августа), Финляндией (14 октября); в 1921 г. — Ираном (26 февраля), Афганистаном (28 февраля), Турцией (16 марта), Польшей (18 марта), Монголией (5 ноября); в 1922 г. — Германией (16 апреля). В 1924 г. открылась уже «широкая полоса признания» Советского Союза, где первыми были Великобритания и Италия. Далее в течение 1924 г. СССР признали ещё 10 стран: Норвегия, Австрия, Греция, Швеция, Дания, Албания, Китай, Мексика, Хиджаз, Франция. В 1925 г. — Япония; в 1926 г. — Саудовская Аравия, Исландия, Уругвай. Затем после некоторого перерыва — в 1933 г. — Испания и США; в 1934 г. — Венгрия, Румыния, Чехословакия и Болгария; в 1935 г. — Бельгия и Люксембург и в 1940 г. — Югославия.

Для Советской России юридическое признание было чрезвычайно важно, так как означало окончательный прорыв блокады, возможность заключения политических и военных соглашений, развитие торговли. Надо отметить, что до того, как стала очевидной готовность большинства европейских стран признать легитимность правительства в Москве, в советской прессе и с высоких трибун постоянно повторялось, что это признание нужно государству главным образом для развития экономических отношений, а о политических, военных, культурных и т.д. речи не шло. «Сожительство» с капиталистическими странами СССР представлялось кратковременным. Однако в течение 1924 г., по мере осознания неизбежности длительного мирового революционного процесса и расширения международных контактов Москвы, всё чаще стала звучать оценка этого акта как крупнейшего шага в развитии всесторонних связей с капиталистическими странами.

Установление дипломатических отношений способствовало заключению советским правительством целой серии торговых и экономических договоров, а также соглашений о мореплавании и использовании морских ресурсов. Как правило, все экономические акты согласовывались во время переговоров об установлении дипломатических отношений, основывались на признании монополии внешней торговли СССР и установлении режима наибольшего бла-

гоприятствования. Правда, были ситуации, когда заключение экономического договора откладывалось «на потом». Примером оптимального использования переговоров о юридическом признании может служить Договор о торговле и мореплавании, заключённый с Италией одновременно с признанием Советского Союза *de jure*. А вот торговый договор с Великобританией готовился уже после установления дипломатических отношений двух стран и не устоял при смене британского правительства.

На процессе признания сказывались особенности отношений дореволюционной России и СССР с конкретными странами, специфика их экономики, политики, социальных и революционных процессов, особенности банковской системы, наличие или отсутствие сырьевой базы, идеологические конфликты, территориальные и материальные споры. Существенное влияние на решение того или иного правительства оказывало отношение к России различных социальных слоёв общества, правящих партий и оппозиции, принадлежность стран к различным военно-политическим блокам (Антант и Тройственному союзу) и многие другие факторы. На характер отношений Советского государства с капиталистическими странами существенно влиял уровень торговых связей, но для Москвы путь их расширения за счёт принципиальных уступок политического характера был неприемлем.

Проблеме установления дипломатических отношений СССР с Великобританией и Италией посвящено немало исследований как отечественных, так и зарубежных историков¹. Но несомненный научный интерес представляет сопоставление результатов первых признаний советского правительства. Многочисленные архивные и опубликованные документы позволяют рассмотреть их особенности, отразить прочность складывавшихся отношений и их продуктивность.

1 февраля 1924 г. Великобритания первой из держав Антанты заявила о юридическом признании правительства СССР на территориях бывшей Российской империи. Одновременно она предложила Москве прислать в Лондон своих представителей «для выработки предварительной основы окончательного

¹ История внешней политики СССР. В 2 т. Т. 1. М., 1989; История дипломатии. В 5 т. Т. 3. М., 1965; Советская внешняя политика. 1917–1945. М., 1992; История Второй мировой войны. В 12 т. Т. 2. М., 1974; Волков Ф.Д. Англо-советские отношения. 1924–1929. М., 1958; Выгодский С.Я. Внешняя политика СССР 1924–1929 гг. М., 1963; Никонова С.В. Антисоветская внешняя политика английских консерваторов, 1924–1927. М., 1963; Остоя-Овсяный И.Д. К истории установления дипломатических отношений между СССР и Италией // Ленинская дипломатия мира и сотрудничества (Установление дипломатических отношений между СССР и капиталистическими странами 1924–1925 гг.). М., 1965; Филатов Г.С. Советско-итальянские дипломатические отношения в 1924–1934 гг. // Проблемы итальянской истории. 1982. М., 1983; Шишкин В.А. «Полоса признаний» и внешнеэкономическая политика СССР (1924–1928 гг.). Л., 1983; Шишкин В.А. Цена признания. СССР и страны Запада в поисках компромисса (1924–1929 гг.). СПб., 1991; Демидов С.В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами // Очерки истории Великобритании XVII–XX вв. М., 2002. С. 158–207; Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения. 1918–1924 гг. От интервенции к признанию. СПб., 2019; Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией. 1917–1924 гг. М., 1993; Хормач И.А. СССР–Италия. 1924–1939 гг. (дипломатические и экономические отношения). М., 1995; Хормач И.А. Заключение советско-итальянского договора о торговле и мореплавании 7 февраля 1924 г. // Италия и Европа. М., 1990. С. 160–185; Carr E. International Relations between the two World Wars 1919–1939. N.Y., 1947; Carocci G. La politica estera dell'Italia fascista (1925–1928). Bari, 1969; De Felice R. L'Italia fra tedeschi e alleati. La politica estera fascista e la seconda guerra mondiale. Bologna, 1973; Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana. Le relazioni italo-sovietici. 1917–1925. Roma; Bari, 1982; Carley M.J. Behind Stalin's Moustache: Pragmatism in Early Soviet Foreign Policy, 1917–1941 // Diplomacy and Statecraft. Vol. XII. 2001. № 3. Р. 159–174.

договора, решающего все имеющиеся между обеими странами вопросы». Однако в качестве дипломатического представителя Англия назначила не посла, а поверенного в делах (Р.М. Ходжсона)². На следующий день II съезд Советов СССР принял резолюцию, в которой приветствовал этот акт и заявил, что «сотрудничество народов Великобритании и СССР неизменно останется одной из первых забот союзного советского правительства». Съезд поручил СНК принять все необходимые шаги, вытекающие из факта этого признания английским правительством³.

Невзирая на идеологические расхождения, установление всесторонних отношений с Лондоном было признано приоритетным направлением внешней политики СССР. Великобритания обладала самым мощным военно-морским и торговым флотом, колониями и доминионами, богатыми запасами полезных ископаемых, высокоразвитой промышленностью. Это давало возможность Советскому государству закупать в Англии оборудование и товары, необходимые для развития народного хозяйства, а продавать, как и раньше, сырьё – лес, пушнину, продукты питания. Большие надежды возлагались на получение необходимых крупных кредитов в банках Сити. От позиций Британии зависел политический климат в Европе и Азии, она занимала также ведущие позиции в Лиге наций.

Потенциальное взаимодействие с влиятельной лейбористской партией давало Москве возможность воздействовать через её лидеров и органы печати на правительенную политику и общественное мнение в Великобритании. Не упускалась из виду и перспектива оказывать революционизирующее влияние на рабочих через исключительно сильные английские профсоюзы. Учитывая эти обстоятельства, советское правительство с удовлетворением приняло известие о британском признании *de jure* и в ноте премьер-министру Р. Макдональду 8 февраля 1924 г. выразило готовность обсудить имеющиеся вопросы. До аккредитования в Лондон посла поверенным в делах был направлен Х.Г. Раковский⁴. Народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин предложил английской стороне назначить послов до, а не после достижения основного соглашения по нерешённым вопросам⁵. Однако Лондон не согласился, а Макдональд сообщил, что поручает руководство переговорами заместителю министра иностранных дел А. Понсонби⁶, который 11 февраля вручил Раковскому письмо с обзором вопросов для рассмотрения Англо-русской комиссией⁷.

Вскоре начались длительные переговоры, наглядно показавшие, что отношения с Великобританией развиваются не так, как ожидала Москва. Хотя на разных уровнях с удовлетворением подчёркивалось, что британское признание советского правительства было «безусловным», не обременённым никакими требованиями, это не было положительным моментом. Оно не сопровождалось обычными в таких случаях документами, прежде всего торговым договором, который создавал экономическую платформу для развития связей.

Не менее важным являлось предварительное решение принципиальных политических вопросов, продление или аннулирование части соглашений

² Документы внешней политики СССР. Т. 7. М., 1963. С. 53–54.

³ Там же. С. 58–59.

⁴ Там же. С. 54–55.

⁵ Там же. С. 98–99 (Письмо 13 февраля 1924 г.).

⁶ АВП РФ, ф. 04, оп. 4, д. 370, п. 26, л. 18–19.

⁷ Там же, д. 380, п. 27, л. 1–4; Документы внешней политики СССР. Т. 7. С. 109.

и договоров, урегулирование взаимных претензий. Отклонение требований выполнять финансовые обязательства Российской империи вызывало недоверие к Москве всех основных партий Великобритании и значительной части её населения. Следствием стал отказ главных английских банков предоставлять СССР крупные займы и кредиты без обязательств возвращения долгов. Существенную роль играли также традиционные столкновения интересов двух стран на Востоке, усугублённые критическими изменениями в Британской империи и национальной политикой новой России. Кроме того, мощная советская пропаганда была направлена на подъём антиправительственного движения не только в метрополии, но и в колониях и зависимых территориях. Немалое значение имело и негативное отношение к советскому режиму самого лейбористского правительства Макдональда, хотя оно пришло к власти 12 января 1924 г., использовав на выборах в качестве одного из лозунгов обещание установить дипломатические отношения с Советским Союзом.

Всё это отразилось на работе Смешанной англо-советской комиссии. Переговоры начались 14 апреля 1924 г. и проходили напряжённо из-за нежелания сторон идти на уступки по основным проблемам⁸. Наиболее сложными были вопросы российских долгов, статуса торгового представительства и прекращения антигосударственной пропаганды. Однако после трёхмесячных дебатов и взаимных уступок комиссия согласовала Общий (политический) договор⁹ и Договор о торговле и мореплавании¹⁰, подписанные 8 августа 1924 г. Британия признала монополию внешней торговли в СССР, экстерриториальность служебных помещений некоторых сотрудников торгпредства, пообещала заём. Москва, со своей стороны, согласилась на ряд уступок в вопросе возмещения ущерба, выразив готовность компенсировать довоенные долги частным лицам и частично возместить стоимость национализированных предприятий концессиями. Удалось даже оформить запрещение ведения враждебной пропаганды. Но всё это допускалось только в том случае, если Советский Союз получит значительные кредиты и заём, дававшие возможность восстановить хозяйство страны. В результате рассмотрение наиболее сложных разногласий пришлось отложить. Например, вопрос о займе мог быть поставлен только после решения проблемы об удовлетворении претензий¹¹.

Советско-английские документы уже в этом виде содержали основные положения, которые должны были содействовать нормализации отношений между двумя странами, хотя советские представители не смогли добиться согласия партнёров установить контакты по главным вопросам мировой политики¹². В сообщении НКИД СССР от 10 августа 1924 г. указывалось, что заключение этих договоров явилось «одним из крупнейших событий в истории отношений Советской республики с окружающим капиталистическим миром»¹³.

⁸ АВП РФ, ф. 04, оп. 4, д. 377, п. 27, л. 18–20; д. 399, п. 28, л. 4; Документы внешней политики СССР. Т. 7. С. 218–220.

⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 7. С. 609–623. В Общем договоре рассматривались вопросы применения или аннулирования ранее подписанных договоров и соглашений; территориального регулирования рыбной ловли в водах, смежных с северными берегами территории СССР; процедура удовлетворения финансовых претензий.

¹⁰ Там же. С. 624–636.

¹¹ Там же.

¹² АВП РФ, ф. 04, оп. 4, д. 387, п. 27, л. 1–5.

¹³ Документы внешней политики СССР. Т. 7. С. 414–415.

Однако договоры не вступили в силу. В октябре 1924 г. лейбористское правительство пало, а за четыре дня до выборов нового парламента было опубликовано подложное письмо Г.Е. Зиновьева в ЦК КП Великобритании с призывами свергнуть капиталистический строй¹⁴. Громкий скандал имел политический резонанс. К власти пришло правительство консерваторов и отказалось передать договоры на ратификацию парламента. В результате отношения двух стран остались напряжёнными, обострилась пропагандистская война, началось сокращение торговли.

1925 и 1926 гг. стали периодом регресса в советско-английских отношениях. Прежние противоречия двух стран пополнились новыми, связанными с формированием системы политических и экономических блоков, прежде всего Локарнскими соглашениями (гарантийными договорами, направленными, в частности, против СССР). Мотивов же для укрепления связей не появлялось, хотя Москва многоократно поднимала вопрос о расширении отношений. Это был заколдованный круг: Советский Союз хотел покупать станки, оборудование, текстиль, но не мог из-за отсутствия кредитов, а нерешённость вопроса о долгах и претензиях перекрывала ему путь к получению займов. Осложняла ситуацию деятельность Коминтерна, поддержавшего антианглийскую Шанхайскую забастовку 1925 г.¹⁵ и выступления шахтёров в самой Британии в 1926 г.¹⁶ В течение полугода большинство фирм воздерживались от контактов с советскими организациями, а английские профсоюзы полностью поддерживали позицию правительства.

Таким образом, признание Великобританией СССР *de jure* не обеспечило развития полноценных политических и экономических отношений. Без договоров оно было лишь проявлением намерения к развитию связей, и вскоре хрупкая конструкция рухнула.

12 мая 1927 г. британская полиция произвела провокационный налёт на помещения советской торговой делегации в Лондоне и английского общества Аркос, которое осуществляло коммерческие операции между двумя странами. Предлогом стала борьба с подрывной деятельностью СССР в британских колониях и поддержка советскими профсоюзами всеобщей стачки и стачки горняков в Англии¹⁷. 24 мая премьер-министр С. Болдуин потребовал расторгнуть Временное торговое соглашение 1921 г. и отзывать миссии¹⁸, а 27 мая советское руководство получило ноту о прекращении Великобританией дипломатических отношений с СССР и аннулировании Временного торгового соглашения¹⁹. Коммерческие связи отныне могли продолжаться только через Аркос. СССР принял ответные меры²⁰. Это был удар по промышленным заказам и торговле. Всё вернулось к положению, существовавшему в 1919 г.

Только после того, как в 1928 г. разразился мировой экономический кризис, Лондон почувствовал необходимость налаживать связи с СССР. Дипломатические отношения между двумя странами возобновились в 1929 г., после того как к власти вновь пришло правительство лейбористов. Для признания *de jure* оно потребовало от советского правительства предварительно принять ряд

¹⁴ См. подробнее: Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане... С. 507–529, 804–806.

¹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1963. С. 360.

¹⁶ См.: Волков Ф.Д. Англо-советские отношения. 1924–1929. М., 1958. С. 218.

¹⁷ Там же. С. 295–297.

¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 10. М., 1965. С. 636, примеч. 50.

¹⁹ АВП РФ, ф. 064, оп. 11, д. 9, п. 30, л. 110–112.

²⁰ Там же, ф. 04, оп. 4, д. 547, п. 40, л. 9–11.

условий. Однако Москве удалось добиться безусловного признания, и 3 октября 1929 г. было решено сначала восстановить отношения, а потом урегулировать уже известные проблемы. Состоялся обмен верительными грамотами и нотами о невмешательстве во внутренние дела друг друга²¹. С этого момента начался новый этап построения отношений двух стран, но, к сожалению, со старыми проблемами, принявшими уже другие формы.

Осложнение международной обстановки в 1929–1933 гг., рост экономики и военной мощи СССР, перспектива его вступления в Лигу наций усилили интерес британской политической и финансово-экономической элиты к сотрудничеству с Москвой. Главной задачей стало заключение Общего политического и Торгового договоров для урегулирования политических вопросов и установления полномасштабных экономических и финансовых связей. Предполагался перевод товарообмена от спорадических сделок между английскими торговыми фирмами и советскими промышленно-торговыми объединениями на платформу плановых закупок и продаж на базе монополии внешней торговли СССР и крупных займов, гарантированных государством. Основой могли стать нератифицированные договоры 1924 г., но Лондон предложил упростить Общий договор, составить отдельные соглашения по главам и обсуждать частями, причём претензии и долги следовало сделать объектом самостоятельного соглашения. Вместо торгового договора предполагалось выработать *modus vivendi* для временного регулирования торговых отношений между двумя странами. Не ожидавшее такого шага, советское правительство тем не менее согласилось вести переговоры по отдельным пунктам²².

16 апреля 1930 г. СССР и Великобритания подписали Временное торговое соглашение (должно было действовать до заключения Договора о торговле и мореплавании)²³, а 22 мая 1930 г. – Временное соглашение о рыболовстве с уступками Москвы по ряду непринципиальных вопросов²⁴. По поводу Общего договора стороны не пришли к согласию, однако решение сложного вопроса о возвращении долгов удалось временно нейтрализовать. Английские политические, финансовые и общественные круги понимали, что Советский Союз становится одним из серьёзных субъектов на международной арене и в данном вопросе не уступит. Поэтому рассмотрение проблемы долгов, как и надеялись в Москве, откладывалось на будущее, чтобы не заблокировать развитие торговых отношений.

Временное торговое соглашение 1930 г. позволяло укрепить экономические связи двух стран, но на планируемый уровень они не вышли, а через два с половиной года оно было разорвано по инициативе Великобритании²⁵. Только 16 февраля 1934 г. стороны подписали новое, но тоже временное торговое соглашение, а Постоянный торговый договор откладывался на неопределённое время до полного решения вопроса о долгах и так и не был заключен²⁶.

Своего апогея сотрудничество СССР и Великобритании достигло в 1934–1935 гг., когда СССР вступил в Лигу наций на правах великой державы. В это время международная ситуация в Европе и на Дальнем Востоке резко обостри-

²¹ Документы внешней политики СССР. Т. 12. М., 1967. С. 537–538, 766, примеч. 118.

²² Там же. Т. 13. М., 1967. С. 46–48.

²³ Там же. С. 213–219.

²⁴ Там же. С. 285–287.

²⁵ АВП РФ, ф. 54к, оп. 1, д. 95, п. 7, л. 36.

²⁶ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. Вып. VIII. М., 1935. С. 103–113.

лась, стала реальной угроза войны, и у правительства двух стран появилась острая необходимость в политическом, экономическом и военном взаимодействии.

* * *

Второй в «полосе широкого признания» стала Италия, признавшая СССР 7 февраля 1924 г. Однако она первой из держав Антанты вступила в переговоры с советским правительством об установлении полноценных дипломатических отношений и заключении постоянного Договора о торговле и мореплавании.

Для итальянского правительства укрепление всесторонних связей с СССР являлось важным и по политическим, и по экономическим мотивам. А для Москвы отношения с Италией не являлись приоритетным направлением, поскольку как политический партнёр она была гораздо слабее таких стран, как Великобритания и Франция. Да и торговля с Италией не могла покрыть потребностей Советского государства в необходимых ему товарах: машинах, оборудовании, станках, железнодорожных вагонах, локомотивах и т.д. Но зато Италия стала надёжным партнёром в реализации советского сырья (прежде всего нефтепродуктов, леса, зерна) и обладала собственным морским транспортом для его перевозок.

Кроме того, учитывалось, что оба государства оказались в лагере, оппозиционном победителям в войне, и имели определённое совпадение политических интересов по ряду вопросов, касавшихся послевоенного устройства мира²⁷. К этому времени советское правительство уже определило основные задачи своей внешней политики, официально зафиксированные в решениях XIV съезда ВКП(б). Помимо борьбы против новых войн, расширения товарооборота с внешним миром и «работы по линии смычки с зависимыми и колониальными странами», выдвигалось требование «вести работу по линии сближения с победёнными в империалистической войне странами», которые находятся в оппозиции к господствующему союзу великих держав²⁸.

Италия не относилась к победённым странам, но считала себя обделённой и нуждалась в СССР как партнёре в борьбе за пересмотр статей Версальского договора и Лозаннской конвенции 1923 г., в деле ослабления Лиги наций и создания противовеса Англии и Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе²⁹. Итальянские торгово-промышленные круги были заинтересованы в расширении экономических связей с СССР, а работавшая уже несколько лет в Италии советская делегация хорошо проявила себя при реализации Временного торгового соглашения 1921 г. Кроме того, в Риме открылось представительство Экспортхлеба, шли переговоры о создании итальянского транспортного общества с правом транзита товаров через Советский Союз, завершалось обсуждение условий получения концессии нефтеносного района в Ширакской степи сроком на 30 лет и т.д. Большое значение имело участие делегации из Италии во Всероссийской сельскохозяйственной выставке, открывшейся в Москве в августе 1923 г. Итальянские промышленники заключили на ней крупные сделки и планировали расширять сотрудничество с СССР³⁰.

²⁷ Pizzigallo M. *Mediterraneo e Russia nella politica italiana (1922–1924)*. Milano, 1983. P. 118–119.

²⁸ XIV съезд Всероссийской Коммунистической партии (большевиков) 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчёт. М.; Л., 1926. С. 26–27.

²⁹ См. подробнее: Хормач И.А. СССР – Италия... С. 6–10.

³⁰ Правда. 1923. 7 сентября; Известия ЦИК. 1923. 27 сентября; Экономическая жизнь. 1923. 16 сентября.

Кабинет Б. Муссолини уже в середине 1923 г. обсуждал возможность юридически признать советское правительство, а для успешного развития торговли и получения концессий постановил добиваться скорейшего заключения Договора о торговле и мореплавании. Деловые круги приветствовали решение о сближении с Россией, свою роль сыграло и движение итальянских рабочих в поддержку признания СССР и расширения всестороннего сотрудничества между двумя странами.

К тому времени между Москвой и Римом не было ни значительных материальных и финансовых претензий, ни серьёзных идеологических конфликтов. Фашистский режим также не служил помехой для развития отношений двух стран, хотя, разумеется, осуждался в СССР, да и нападки со стороны Италии на большевизм тоже имели место. Но, как отмечал Чичерин, Советский Союз руководствовался реальными интересами, поддерживая дружественные отношения с государствами другой социально-экономической системы³¹.

Для ускорения переговоров Москва решила предоставить Италии ряд особых льгот в качестве «премии за смелость», если она будет первой из держав Антанты, установившей дипломатические отношения с СССР, стимулируя и другие правительства к аналогичным действиям. Поэтому Рим ещё до начала переговоров заявил о готовности одновременно подписать Договор о торговле и мореплавании и установить дипломатические отношения. Именно торговля должна была стать прочной базой для развития всесторонних связей двух стран, оказывая благотворное влияние на развитие политических контактов.

17 октября 1923 г. в Риме началась работа русско-итальянской конференции по заключению договора³². Переговоры шли успешно, но итальянцы их затягивали, добиваясь всё новых уступок в вопросе о статусе советского торгпредства, установления обязательного контингента закупаемых в Италии товаров, получения льгот, предоставляемых только государствам-лимитрофам, а также особо выгодной концессии. Советская сторона предупредила, что если Англия первой признает СССР, то уже согласованные уступки будут отменены³³. Но Муссолини не мог остановиться и выдвигал всё новые требования, хотя 31 января заявил о готовности объявить, что признание СССР состоялось. 1 января 1924 г. Англия первой признала советское правительство, и полагавшиеся Италии бонусы автоматически должны были быть аннулированы.

Только 7 февраля 1924 г., после того как накануне народный комиссар внешней торговли Л.Б. Красин сделал заявление для печати об экономическом значении признания СССР Англией³⁴, состоялось дипломатическое признание Италией и подписан уже готовый Договор о торговле и мореплавании³⁵. Это был первый равноправный взаимовыгодный договор СССР с одной из держав Антанты, создавший реальные условия для развития экономических связей и взятый в качестве образца для заключения аналогичных договоров с другими странами. В нём в развернутой форме излагались основные положения советской внешней политики: принцип полного равенства, признание монополии внешней торговли, особого положения торгпредства и предоставление ему дипломатических привилегий, фиксировался принцип наибольшего благоприятствования и т.д.

³¹ Цит. по: История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1986. С. 189–190.

³² Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией... С. 147–148.

³³ Там же. С. 150–152.

³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 7. С. 62–65.

³⁵ Там же. С. 91–92, 68–85.

Чтобы получить оговоренные льготы, Муссолини настаивал на первенстве Италии в признании СССР, ссылаясь на своё заявление 31 января. Несмотря на явный приоритет Великобритании, советское правительство решило пойти ему навстречу, учитывая заинтересованность в нормализации отношений с Римом.

В качестве «премии за смелость» к договору прилагались Протокол о представлении Италии концессий на транспортные операции и разработку полезных ископаемых в СССР, а также Таможенная конвенция, предусматривавшая ряд взаимных пошлинных льгот. Итальянским судам на два года предоставлялось право малого каботажа вдоль берегов Чёрного моря³⁶. В результате интересы обеих стран были удовлетворены. С одной стороны, укрепилось политическое и экономическое положение СССР, с другой – для Италии открылся огромный рынок и появился реальный партнёр в решении ряда политических проблем. Уже за 9 месяцев 1924 г. экспорт СССР в Италию увеличился на 68%, а импорт – на 22%. В Милане был образован Экономический институт для связей с Россией, а основной организацией по торговым связям с СССР стало общество «ЧИЧЕ» – компания итальянских промышленных обществ для внешней торговли³⁷.

Экономическая база способствовала установлению политических контактов и совместных действий на международной арене. В этом вопросе СССР был более заинтересованной стороной, подчёркивая совпадение взглядов правительства обеих стран на Лигу наций. Заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов отмечал, что совместная работа по разрушению этой организации может привести к взаимной поддержке при решении важных вопросов, прежде всего в Турции, Афганистане, Персии, на Балканах³⁸. Определённые совместные действия предпринимались в вопросе о пересмотре режима Черноморских проливов, установленного Лозаннской конференцией 1923 г. В течение 1924 г. готовился даже проект двустороннего соглашения о ненападении, но заключить его в тот момент Муссолини не решился, так как Италия была связана важными для неё обязательствами с Англией и Францией.

С 1925 г., когда Муссолини стал проводить «новый курс» и изменилась ориентация внешней политики Италии, на отношениях двух стран начали скazyваться идеологические расхождения. Особенно сильно на них отразилась ратификация Италией Бессарабского протокола в марте 1927 г. Однако связи двух стран, основанные на взаимных интересах, продолжали развиваться. Так, в 1927 г. СССР обеспечивал 30% импорта нефти Италии³⁹, а после разрыва англо-советских отношений весной 1927 г. Рим перехватил часть соглашений, заключённых ранее Москвой и Лондоном⁴⁰.

По мере укрепления международного положения Советского Союза и нарастания мирового экономического кризиса Италия стала проявлять заинтересованность в расширении всесторонних отношений с Москвой. Поднимался вопрос о заключении политического договора, налаживались связи между военными ведомствами, а в 1929 г. произошёл обмен визитами эскадрилий самолётов и миноносцев. Сближению стран способствовали такие события, как спасение советскими моряками в 1928 г. полярной экспедиции У. Ноби-

³⁶ Там же. С. 85–90.

³⁷ Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией... С. 159–161.

³⁸ Инструктивное письмо М.М. Литвинова полпреду в Италии от 29 февраля и 8 октября 1924 г. См.: Хормач И.А. СССР – Италия... С. 20–21.

³⁹ Внешняя торговля Союза ССР за X лет. Сборник материалов. М., 1928. С. 67–68.

⁴⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 9. М., 1964. С. 537–538.

ле и тёплый приём героев во время их визита в Италию в 1929 г. Полпред в Риме Д.И. Курский писал Литвинову, что приезд советских спасателей даже способствовал расширению контактов с официальными лицами Италии⁴¹.

В этот же период удалось достичь нового уровня в торговых связях. Итальянское правительство согласилось на обеспечение государственной гарантией частных кредитов, и 2 августа 1930 г. было подписано соглашение о крупных заказах СССР на суда, машины, оборудование и самолёты⁴². Торговля между двумя странами действительно стала интенсивной и взаимовыгодной. Сумма советских закупок в Италии и фрахт её судов в течение года увеличились более чем вдвое. В Италию были переданы некоторые заказы из других стран. Кроме того, СССР значительно увеличил продажу нефтепродуктов, доведя свою долю до 40% потребности Италии. Планировалось дальнейшее расширение торговли, и в апреле 1931 г. было подписано новое соглашение о гарантировании итальянским правительством советских кредитов, причём их сумма выросла в полтора раза, а сроки значительно увеличились. Товарооборот достиг своего пика, чему не могла помешать даже международная кампания против «русского демпинга». В условиях экономического кризиса Италия решила не участвовать в идеологических походах против СССР и в 1931 г. содействовала его приглашению в комиссию по созданию «Пан-Европы»⁴³.

Однако в 1932 г. возникли сложности в торговле и противоречия политического характера. Раньше Москва и Рим сотрудничали на конференции по разоружению, обменивались мнениями перед ответственными мероприятиями. Теперь же, под влиянием изменений в международной обстановке и в связи с формированием новых внешнеполитических концепций обеих стран всё меньше оставалось точек соприкосновения их интересов. В апреле 1932 г. Большой фашистский совет заявил, что Италия будет бороться за ликвидацию долгов и репараций, а также за пересмотр мирных договоров. Муссолини считал, что страна достаточно сильна для возрождения Великой Римской империи, и решил выдвигать свои требования, пользуясь поддержкой Германии. Советский Союз, со своей стороны, стал расширять систему двусторонних пактов о ненападении, заключил договор с Францией и её союзниками. С переходом СССР на сторону антиревизионистских государств Италия лишилась его поддержки в целом ряде вопросов.

Разновекторность политики Рима существенно осложняла его отношения с Москвой. Усугубила взаимное недоверие инициатива Муссолини по созданию директории Италии, Франции, Англии и Германии в качестве верховного органа в Европе («Пакт четырёх»)⁴⁴. Чтобы смягчить негативную реакцию Москвы, дуче предложил заключить новое торговое соглашение и договор о ненападении. 6 мая 1933 г. был подписан пакет экономических и финансовых документов, который решал самые болезненные вопросы и давал толчок развитию политических связей двух стран⁴⁵. Начались переговоры о Советско-итальянском договоре о ненападении.

15 июня 1933 г. Италия заключила с Германией, Англией и Францией Пакт о согласии и сотрудничестве, а 2 сентября был подписан «Договор СССР

⁴¹ Там же. Т. 12. С. 100–101.

⁴² Там же. Т. 13. С. 439–441, 811, примеч. 122.

⁴³ Там же. С. 686, 774–777.

⁴⁴ Сборник документов по международной политике. Вып. VI. М., 1934. С. 67–92.

⁴⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 16. М., 1970. С. 284–287.

и Италии о дружбе, ненападении и нейтралитете»⁴⁶, который Муссолини называл продолжением «Пакта четырёх». Страны выражали намерение закрепить дружественные отношения и не участвовать во враждебных друг другу международных соглашениях. Договор имел определённое значение для повышения международного авторитета обоих государств, хотя и не вносил ничего нового в их отношения. Но стабильность связей ценилась и в Риме, и в Москве. 29 декабря 1933 г. на сессии ЦИК Литвинов особо подчеркнул значение многолетних ровных отношений СССР с Италией на фоне неустойчивых контактов с рядом других государств⁴⁷. Однако вскоре положение изменилось.

1935–1939 гг. оказались самым сложным периодом в советско-итальянских отношениях. Шло разрушение достигнутых результатов в соответствии с реалиями международной обстановки. Во время Итало-эфиопской войны 1935–1936 гг. Советский Союз наряду с другими членами Лиги наций признал Италию агрессором и принял участие в экономических санкциях против неё. Однако в рамках постановлений Лиги их торговые связи частично сохранились и впоследствии могли быть восстановлены. После завершения войны в Эфиопии Москва ожидала улучшения отношений с Римом, чего, однако, не произошло. В 1936 г. Италия и Германия развернули интервенцию в Испании, что коренным образом изменило советско-итальянские отношения. Произошло открытое столкновение двух идеологий. Хотя экономические связи СССР и Италии сохранялись до начала Второй мировой войны, отношения двух стран постепенно сходили на «нет» и завершились военным противостоянием.

* * *

Таким образом, отношения СССР с двумя государствами, первыми признавшими советское правительство *de jure* в 1924 г., за 15 лет претерпели кардинальные перемены. Наиболее важное для Москвы установление отношений с Великобританией, опередившей Италию на 6 дней, осталось недолговечным формальным актом, который не позволил развить регулярные экономические связи и политические контакты. Этот пример наглядно демонстрирует, что без наличия серьёзных экономических и политических предпосылок, стремления обоих партнёров к взаимодействию и хотя бы некоторого взаимного доверия никакой формальный акт не решит назревших проблем и не станет стимулом к плодотворному сотрудничеству. Идеологические конфликты и геополитические разногласия могут быть преодолены только при появлении общей цели, в данном случае – необходимости борьбы с угрозой войны.

Между тем политическое признание Италии, подкреплённое солидной экономической базой, на десять лет стало позитивным моментом во внешней политике СССР. Однако пример развития советско-итальянских отношений убедительно доказывает, что даже самые успешные экономические связи и совпадение ряда политических целей не могут обеспечить долгосрочных отношений двух государств, имеющих принципиально разные направления своих политических и международных устремлений. Их союз возможен только на короткий срок, а при изменении политической ситуации пути разойдутся.

История этих двух признаний и соперничества Великобритании и Италии представляет несомненный интерес, учитывая их последующие результаты, использованные и утраченные возможности.

⁴⁶ Там же. С. 494–496.

⁴⁷ Там же. С. 788.

Несостоявшаяся реформа: предложения о пересмотре административно- территориального деления СССР (1948)

Владимир Круглов

The abortive reform: proposals for the revision
of the administrative-territorial division of the USSR (1948)

Vladimir Kruglov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24060173, EDN: RLGTJX

Административно-территориальное деление (АТД) СССР в послевоенные годы, помимо процесса оформления новоприобретённых территорий, определения межгосударственных границ и немногочисленных случаев создания и упразднения новых единиц, характеризовалось высоким уровнем стабильности. Если в предыдущие десятилетия изменения, охватывавшие пространство всей страны, происходили регулярно, с периодичностью примерно раз в пять лет, то теперь установилось затишье. В научной литературе этот факт так или иначе констатируется¹, но не объясняется.

Однако при изучении АТД тех лет следует рассматривать не только осуществлённые меры, но и проекты таковых, которые, к сожалению, редко привлекают внимание историков. В частности, территории нескольких союзных республик затронули инициативы различных, как правило высокопоставленных, партийно-государственных функционеров, чьи предложения поступили в Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) в 1948 г. Их содержание демонстрирует, что АТД по-прежнему находилось в поле зрения властей и отнюдь не рассматривалось как нечто устоявшееся и неприкосновенное. Судьба же этих замыслов, до сих пор не анализировавшихся исследователями, достаточно ярко характеризует процессы в общественно-политической жизни СССР периода позднего сталинизма, механизмы взаимодействия в системе «центр—регионы» и в рамках «вертикали власти» советского периода в целом.

Предложения. В феврале 1948 г. Л.З. Мехлис, возглавлявший Государственную штатную комиссию (ГШК) при Совете министров СССР, направил курировавшему её работу заместителю председателя союзного правительства В.М. Молотову записку «Об укрупнении и упрощении административно-

© 2024 г. В.Н. Круглов

¹ Малышева Е.П. Административно-территориальное устройство Советского государства // Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003. С. 226; Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России в XIII—XX вв. // Логос. 2005. № 1. С. 89; Елизаров С.А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919—1991 гг.). Гомель, 2009. С. 149; Малышева Е.П. Территориальное устройство Советского государства // Территория и власть в новой и новейшей истории Российской государства. М., 2012. С. 167—168; Шульгина О.В., Шульгин П.М. Историческая география России XX века. Административное деление. М., 2020. С. 150.

территориального деления союзных республик». Его подчинённые проанализировали основные показатели АТД СССР и вывели усреднённые характеристики краёв и областей: 28 сельских районов, 460 сельских советов и 572 тыс. избирателей на единицу АТД. Однако в ряде областей – до 30 по всему Союзу – количество сельских районов и населения оказалось «значительно меньше этих средних данных». Между тем в них «советские, хозяйствственные, кооперативные и общественные организации строятся по типу больших областей и районов, что приводит к разбуханию аппарата и содержанию больших штатов при мизерных объёмах работы». Решением проблемы виделось укрупнение областей, которое «позволит высвободить значительное количество руководящих кадров и специалистов для использования их в сельском хозяйстве и промышленности». Их численность достигала «примерно 20 тысяч человек»².

К записке прилагался список «слабых» областей. На территории РСФСР таковыми сочли Астраханскую, Грозненскую, Мурманскую и Томскую; в Украинской ССР – Измаильскую, Николаевскую и Херсонскую; в Белорусской – Бобруйскую, Брестскую, Витебскую, Пинскую и Полесскую; в Казахской – Алма-Атинскую, Гурьевскую, Кзыл-Ординскую, Северо-Казахстанскую, Семипалатинскую и Талды-Кургансскую; в Узбекской – Бухарскую, Кашка-Дарынскую, Наманганскую, Сурхан-Дарынскую, Хорезмскую; в Киргизской – Джалал-Абадскую, Иссык-Кульскую, Таласскую, Тянь-Шаньскую; в Туркменской – Марыйскую и Ташаузскую; наконец, в Таджикской – Гармскую (написания согласно документу. – В.К.). Не все из них, судя по всему, предлагалось упразднить, где-то можно было обойтись укрупнением районов³. Конкретных предложений о перекройке карты республик записка не содержала, представляя собой скорее информацию о размыщлению.

Молотов переслал записку секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову с машинописной пометой «Прошу рассмотреть этот вопрос в ЦК. Членам Бюро Совета Министров». В ЦК документ получили члены секретариата⁴. Наибольшее внимание, очевидно, привлекла Белоруссия – на тот момент она разделялась на 12 областей, и пять из них в ГШК сочли излишними. В республику отправился инспектор ЦК Я.В. Сторожев, который провёл ревизию её устройства и в начале апреля 1948 г. изложил результаты работы в докладе. Он отметил, что образование осенью 1944 г. в БССР новых областей (Бобруйской, Гродненской и Полоцкой⁵) «себя полностью оправдало», однако «в настоящее время, учитывая проделанную работу по восстановлению хозяйства, а также задачу ущемления управленческого аппарата», наличие столь большого количества единиц АТД «не вызывается необходимостью». По числу районов области республики в 2–3 раза меньше соседних областей РСФСР и УССР, по размерам равны бывшим округам, тогда как их управленческий аппарат «теперь в 5–6 раз больше окружного». При этом его работники концентрируются в областных организациях, из-за чего районные ослаблены, кроме того, «аппарат качественно слаб, не укомплектован специалистами и к тому же засорён людьми, не заслуживающими политического доверия, скомпрометировавшими себя в период пребывания немцев». Как писал Сторожев, «не все областные центры БССР отвечают своему назначению и не имеют в ближайшие годы пер-

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 131, д. 40, л. 1–3.

³ Там же, л. 4–8.

⁴ Там же, л. 1, 9.

⁵ Елизаров С.А. Формирование и функционирование системы... С. 140–141.

спективы развития промышленности и жилищно-коммунального хозяйства... Наличие 12 областей... приводит к распылению средств, отпускаемых на благоустройство областных центров»⁶.

Для решения этих проблем, по мнению инспектора, «целесообразно иметь в Белоруссии не более 7–8 областей». Конкретных предложений он не выдвинул, однако отметил, что «также возникает этот вопрос» у руководителей республики – председателя Совета министров П.К. Пономаренко и первого секретаря ЦК КП(б) Н.И. Гусарова. Свою докладную записку («Об административно-территориальном делении БССР») они направили на имя И.В. Сталина чуть позже, в конце апреля. Аргументация в ней, по сути, повторяла написанное Сторожевым, из чего можно заключить, что её содержание заранее согласовали с посланцем центра. Предлагалось «ликвидировать» Бобруйскую, Барановичскую, Полоцкую, Полесскую и Пинскую области, их центры «оставить городами областного подчинения», а районы распределить по оставшимся областям. Утверждалось, что результатом усилий станет «экономия государственных средств... не менее 152 миллионов рублей в год»⁷.

В августе председатель Совета министров РСФСР М.И. Родионов обратился к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову с предложением об «упорядочении» АТД республики⁸. С 1941 г. в ней появилось 17 областей, что потребовало «увеличения административно-управленческого аппарата и расходования значительных государственных средств». При этом многие новые единицы АТД «сравнительно небольшие, а аппарат по своему количеству мало чем отличается» от более крупных. Если в среднем по РСФСР на область приходилось 47 районов, то в новообразованных – от 24 до 29. Предлагалось произвести ревизию решений военных лет об образовании Новгородской, Псковской, Великолукской, Калужской, Костромской и Владимирской областей, вернув районы, из которых они были созданы, прежним «владельцам» (Ленинградской, Калининской, Смоленской, Московской, Орловской, Тульской и другим областям). Кроме того, предлагалось ликвидировать Еврейскую АО, передав её районы в прямое подчинение Хабаровскому краю. «Мы имеем значительные возможности для сокращения штатов, – утверждал Родионов. – Экономия государственных средств от этого может быть значительная. Присоединение районов ликвидируемых областей к старым областям не должно снизить уровень руководства, а наоборот, должно улучшить руководство районами и укрепить последние кадрами за счёт передвижки из областных организаций»⁹.

Наконец, в октябре 1948 г. к другому заместителю председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгину обратился первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома КП(б) Казахстана Х.М. Пазиков. Адресат обращения может показаться неожиданным, однако выглядит по-своему логичным, если учесть, что мотивация в письме в значительной степени основывается на про-

⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 131, д. 40, л. 10–13.

⁷ Там же, л. 14–16.

⁸ Там же, л. 20–25.

⁹ Подробнее о создании областей в годы войны см.: Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления... С. 84, 87–88; Круглов В.Н. Влияние Великой Отечественной войны на административно-территориальное деление РСФСР: причины и последствия // Пути к победе: человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны. Материалы XIII международной научной конференции (Екатеринбург, 21–24 июня 2021 г.). М., 2021. С. 189–198.

блеме излишних трат, а Косыгин в то время занимал также пост министра финансов СССР.

Как бы то ни было, документ, подобно докладу Мехлиса, поступил в ЦК ВКП(б). В нём говорилось, что «в послевоенный период с особой силой диктуется необходимость строжайшего режима экономии, максимального сокращения непроизводительных расходов», а затем указывалось, что управленический аппарат в республике «в результате дробления областей и районов, за последние десять лет, чрезмерно разбух, на содержание его расходуется сотни миллионов рублей». При этом многие новые области невелики по количеству районов (8–10), хозяйств и населения, их административные центры не соответствуют своему статусу, оставаясь не более чем районными городами и сёлами с «крайне неудовлетворительными» жилищно-коммунальными условиями. На том же – районном – уровне и квалификация «некоторых» из ответственных работников, «состав кадров областных организаций чрезвычайно измельчал». Аппаратчик выдвинул идею укрупнения АТД Казахской ССР и даже предложил подробный план, согласно которому численность областей сокращалась с 16 до 9 (их также следовало «назвать по названию городов областного центра»: Алма-Атинская, Актюбинская, Карагандинская, Кустанайская, Усть-Каменогорская, Уральская, Семипалатинская, Петропавловская, Чимкентская). В каждой области затем предполагалось укрупнить сельские районы¹⁰.

Контекст, фон, причины. При рассмотрении перечисленных предложений в первую очередь привлекает внимание феномен разрастания областных структур в ущерб районным, на который указали Сторожев и Родионов. Он не был чем-то новым для советской системы управления, напротив, имел достаточно длительную историю. К примеру, в 1930 г. прошло упразднение округов – среднего уровня АТД, созданного в ходе районирования 1927–1929 гг., который занимал промежуточное положение между областями или краями и районами. Результатом этого решения, принятого в разгар коллективизации, предполагалось «максимальное усиление районных организаций за счёт освободившихся работников окружных организаций с установлением непосредственной связи обкомов (крайкомов, национальных ЦК) с районными организациями»¹¹. На деле, однако, «максимально усилились» организации городов, областей и краёв – аппаратчики всеми способами старались «зацепиться» за более престижную и гораздо лучше обеспеченную городскую работу, вовсе не стремясь попасть в деревню, охваченную многочисленными проявлениями недовольства. Документы конца 1940-х гг. показывают, что задача укрепления районного аппарата власти всё так же сохраняла актуальность.

Далее, любопытна риторика предложений, в которой доминируют соображения сокращения аппарата и экономии средств. Столь пристальное внимание к этим аспектам объяснялось, прежде всего, масштабной кампанией, которая впоследствии затерялась на фоне других, более громких процессов эпохи, однако в те годы играла важную роль – в ней виделся способ повышения качества и оперативности работы органов власти. Стартовала она летом 1946 г. с выходом постановления Совета министров СССР «О запрещении расширения шта-

¹⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 131, д. 40, л. 28–30.

¹¹ Подробнее см.: Ширяев Е.А. Реформирование административно-территориального устройства РСФСР в 1930-е годы // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 26. С. 1–6; Карелин Е.Г. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.). М., 2014. С. 298–299, 309.

тов административно-управленческого аппарата советских, государственных, хозяйственных, кооперативных и общественных организаций», в мае 1947 г. последовало ещё одно постановление – «О сокращении штата центральных учреждений союзных республик». Кампания набирала обороты, и пик её пришёлся как раз на 1948 г.¹²

Надо отметить, что это не первое мероприятие такого рода в советской истории. О том, что «борьба против бюрократизма должна быть поставлена на первый план», ещё в марте 1920 г. писал В.И. Ульянов (Ленин)¹³. Выдержаные в таком духе заявления давно стали привычными в риторике партийных руководителей. Регулярно проводились и ревизии штатных списков¹⁴. В послевоенное время эти действия увязывались с ещё одним важным событием, из поля зрения исследователей не пропадающим, – проведённой в декабре 1947 г. де-нежной реформой. Закрепление её результатов в виде контроля над ростом заработной платы, соблюдения здорового баланса доходов и расходов и в целом поддержания финансовой дисциплины выступало одной из главных задач восстановительного периода в сфере экономики. Как следствие, особое звучание приобрели лозунги экономии и «сокращения непроизводительных расходов»¹⁵.

Можно предположить, что рассмотренные предложения явились ответом нижестоящих аппаратчиков на этот двойной вызов «сверху». Достичь поставленных целей позволяло сокращение либо количества работников, либо численности управленческих единиц (в данном случае – единиц АТД). Первый путь требовал длительной и кропотливой работы, которая, к слову, не гарантировала положительных результатов в условиях послевоенного кадрового голода. Второй позволял быстро продемонстрировать активность в выполнении поставленной задачи, разработав масштабный способ решения проблемы. В то же время он отличался трудоёмкостью осуществления и ставил руководство страны перед необходимостью принимать непростые решения. Фактически бюрократический аппарат таким образом защищался от угрожавших ему инициатив, завуалированно саботируя их.

Если это предположение верно, то бюрократы не прогадали. Как бы ни были насущны соображения оптимизации и повышения эффективности государственного управления, выдвинутые предложения предполагали масштабную перекройку АТД СССР. Активность в этом направлении в обстановке многочисленных внешне- и внутриполитических вызовов в планы «верхушки» явно не входила.

Следует учитывать также, что края и области выполняли важные политические функции. Во-первых, их дробная сетка позволяла «держать» огромную территорию страны, осуществлять на всём её пространстве идеологические,

¹² Подробнее см.: История государственного управления в России. Изд. 2. М., 2002. С. 311–312; Клинова М.А. Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург, 2019. С. 80–88.

¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 40. М., 1974. С. 190.

¹⁴ О сокращениях 1920-х гг. см.: Кузнецова С. «Избыточный штат бумажных паразитов». Как появился особый управленческий спорт // Коммерсантъ История. 2023. 28 мая (URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6011774>); о кампании начала 1940-х гг. см.: Кузнецова С. «Промышленность значительно сокращена, а руководство наркомата увеличилось» // Коммерсантъ Власть. 2011. № 27 (11 июля). С. 56.

¹⁵ Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. Кн. 4. Экономика России в условиях «горячей» и «холодной» войн. М., 2004. С. 368, 379; Шестаков В.А. Социально-экономическая политика Советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006. С. 159–160.

народнохозяйственные и иные мероприятия, разработанные в центре, контролировать движение населения (прежде всего сельского). Во-вторых, с их помощью решалась проблема пополнения и «укрепления» кадрового состава органов управления. Обо всём этом Сталин высказался ещё на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г.: «Партия пришла к тому выводу, что разукрупнение организаций, уменьшение их размеров является наилучшим средством для того, чтобы облегчить партийным органам руководство этими организациями, а само руководство сделать конкретным, живым и оперативным. Разукрупнение шло как по линии наркоматов, так и по линии административно-территориальных организаций, то есть по линии союзных республик, краёв, областей, районов и т.п. В результате принятых мероприятий мы имеем теперь вместо семи союзных республик 11... вместо 70 краёв и областей 110... Нельзя сказать, что разукрупнение организаций уже закончено. Вероятнее всего, что [оно] пойдёт и дальше. Но как бы то ни было, оно уже даёт свои благие результаты как в отношении улучшения повседневного партийного руководства работой, так и в отношении приближения самого руководства к низовой конкретной работе. Я уже не говорю о том, что разукрупнение организаций дало возможность выдвинуть на руководящую работу сотни и тысячи новых людей»¹⁶. Проще говоря, количество единиц АТД все предшествующие годы множили вовсе не для того, чтобы теперь его решительно сокращать.

В то же время отдельные детали, как представляется, не вполне укладываются в описанную простую и понятную схему «бюрократической реакции». Так, Мехлис явно придавал наработкам ГШК особое значение. Напоминая о них в письме Маленкову в ноябре 1948 г., он сетовал: «Несмотря на важность и необходимость проведения указанного мероприятия, этот вопрос не получил разрешения. Мы полагаем, что данное предложение заслуживает рассмотрения»¹⁷. Вряд ли обычная «отписка» потребовала бы повторного обращения к «верхам», да ещё с подчёркиванием значимости идеи. Проект Пазикова можно интерпретировать как саморекламу, желание привлечь внимание центра к инициативному работнику «с идеями», прикрытое удобным предлогом. Но можно, напротив, предположить, что его появление объяснялось искренним стремлением найти путь решения серьёзной проблемы. В противном случае вряд ли уже достаточно опытный партработник, более десяти лет занимавший руководящие должности на региональном уровне и хорошо знакомый с «правилами игры», пошёл бы на такие меры, как сама подача обращения с нарушением при этом субординации.

Родионов же регулярно выдвигал идеи, касавшиеся оптимизации управления Российской Федерацией. В сентябре 1947 г. он обратился к Сталину с запиской, в которой предложил создать бюро ЦК по РСФСР «для предварительного рассмотрения вопросов РСФСР, вносимых в ЦК ВКП(б) и союзное правительство, а также для обсуждения важнейших вопросов хозяйственного и культурного строительства РСФСР, подлежащих рассмотрению Советом министров РСФСР»¹⁸. Год спустя он направил Маленкову новую записку на ту

¹⁶ Сталин И.В. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), 10 марта 1939 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 323–324.

¹⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 131, д. 40, л. 9.

¹⁸ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк [и др.]. М., 2002. С. 246.

же тему¹⁹, уже содержавшую достаточно развёрнутую аргументацию, а Сталина «убедительно», но тщетно просил принять его по этому вопросу²⁰. Укрупнение областей, по его мнению, также позволяло добиться желаемого эффекта. Возможно, что молодой, деятельный работник, недавно назначенный на столь высокий и ответственный пост (на котором он сменил Косыгина), всерьёз озабочился проблемой ускорения прохождения многочисленных хозяйственных вопросов по инстанциям, упрощения процесса принятия решений и т.п.

В пользу такой интерпретации говорит и раздражённая реакция на рассматриваемые инициативы. Отклика на записку Мехлиса — одного из ближайших подручных «вождя» — не последовало. На «белорусской» записке имеется зави- зированная Ждановым машинописная помета от 12 июля 1948 г.: «Этот вопрос докладывался т. Сталину, который не поддерживает сокращения (количества областей. — В.К.) и высказывается за сокращённый вариант структуры и штатов для малых областей»²¹. Записку Пазикова «отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) считает нецелесообразным рассматривать... до решения этого вопроса в ЦК КП(б) Казахстана», — уведомили Маленкова в декабре 1948 г., подчеркнув, что обращение сделано «через голову» вышестоящего органа²² (позднее тот же отдел сообщил, что республиканский ЦК «не поддерживает предложения об укрупнении областей»²³).

По записке Родионова Маленков получил сравнительно подробное заключение отдела парторганов. Перечисленный набор мер, в особенности упразднение единиц АТД, там сочли «неприемлемым», поскольку «существование этих областей себя оправдало», их районы «экономически тяготеют к своим областным центрам, и передача их в состав других областей приведёт к искусственно му расщеплению экономически сложившихся районов». Дополнительно подчёркивалось, что ликвидация областей «принизит значение старинных русских городов Владимира, Новгорода, Пскова, Калуги и Костромы», которые «в прошлом являлись губернскими городами». Последняя фраза звучит необычно — в описываемый период в пропагандистской работе снова возобладала советско-интернационалистическая линия, а русско-патриотические мотивы, широко использовавшиеся в годы войны, отошли на периферию внимания. Но, очевидно, полностью от них не отказывались, а при необходимости — уверенно пускали в ход. Таким образом ещё и бросалась тень на инициатора обращения — получалось, что глава правительства России не понимает ни хозяйственного, ни символического значения «старинных русских городов». В отношении прочих регионов отмечалось, что на территории Великолукской обл. «полностью ещё не решена» задача «ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации», а также «начинается разработка угольных месторождений, что поднимает её промышленное значение». ЕАО решили сохранить, «учитывая специфические особенности как автономной области». В целом заключение было выдержано в таком тоне, что высказанные Родионовым идеи выглядели не просто непродуманными, но политически ошибочными²⁴.

¹⁹ РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 63, л. 10–12.

²⁰ Кузнечевский В.Д. «Ленинградское дело». М., 2016. С. 143.

²¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 131, д. 40, л. 17.

²² Там же, л. 32.

²³ Там же, л. 34.

²⁴ Там же, л. 26–27.

Завершилось рассмотрение вопроса в начале 1949 г. Докладная записка, направленная Маленкову в январе отделом парторганов, обобщила основные положения поданных обращений. В ней отмечалось, что «поставленные вопросы заслуживают внимания», однако «будет неправильным подходить к их разрешению исключительно с позиций упразднения областей», поскольку полученные «предложения основываются только на двух показателях: количество районов и численность населения, и совершенно не учитывают многих других особенностей, присущих каждой области (экономику, разбросанность территории и др.)». Повторялся довод о недопустимости дробления «уже сложившихся в экономическом отношении районов», заключалось, что «вопрос об удешевлении управленческого аппарата следует решать, прежде всего, по линии решительного сокращения штатов и упрощения структуры областных учреждений» (в связи с чем предлагалось поручить ГШК разработать сокращённый вариант структур и штатов руководящих органов «для малых областей»). Подводя итог, аппаратчики констатировали, что «в настоящее время нет необходимости в пересмотре административно-территориального деления СССР»²⁵. В апреле от того же отдела Маленков получил вторую, значительно более краткую справку «О предложениях по изменению административно-территориального деления СССР», в которой говорилось, что «в настоящее время рассматривать эти вопросы нет необходимости»²⁶.

Столь однозначно отрицательный вердикт неудивителен, учитывая не только трудоёмкость и затратность воплощения рассмотренных идей, но и то, что поступили они «со средних этажей» партийно-государственного аппарата. «Вертикаль власти» в СССР предполагала строгое иерархическое подчинение нижестоящих работников вышестоящим, негласный порядок гласил, что инициативы могут исходить только от политической «верхушки» (фактически – «вождя» партии и государства). Как следствие, несанкционированная активность даже представителей самой вертикали, не говоря уже о рядовых членах партии, не приветствовалась, а нередко и прямо осуждалась.

Последствия. В этой связи интересно рассмотреть дальнейшую карьерную траекторию «подателей» рассмотренных предложений. Мехлис сохранил свои посты (председателя ГШК и министра государственного контроля СССР), однако его позиции в том же 1948 г. сильно ослабило «азербайджанское дело»²⁷, а осенью 1950 г. он был оправлен на пенсию после перенесённого инсульта. Тогда же «пал» и Гусаров – в Москве сочли, что он «неудовлетворительно выполняет обязанности первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии»²⁸, и перевели его в ЦК ВКП(б) на должность инспектора. Пазиков руководил обкомом до осени 1952 г., затем возглавил отдел персональных пенсий управления делами Совмина РСФСР. Сторожев работал в отделе парторганов до 1956 г., когда стал главным редактором журнала «Партийная жизнь». Ярче всего (на короткой дистанции) сложилась карьера Пономаренко – уже летом 1948 г. Сталин включил его в состав секретариата ЦК ВКП(б). Вскоре он стал также министром

²⁵ Там же, л. 33–35.

²⁶ Там же, л. 36.

²⁷ Никонорова Т.Н. «Азербайджанское дело»: ревизия Совета министров Азербайджанской ССР в 1948 г. // Новейшая история России. Т. 8. 2018. № 1. С. 116–129.

²⁸ Постановление Политбюро о недостатках ЦК КП(б) Белоруссии в руководстве сельским хозяйством // ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Сост. В.В. Денисов [и др.]. М., 2004. С. 130.

заготовок СССР, затем заместителем председателя союзного Совмина, членом Президиума ЦК КПСС и к 1953 г. считался одним из самых перспективных «новичков» в высшем руководстве страны. То есть никто из перечисленных за свои инициативы не пострадал. Видимо, для них отрицательный вердикт стал лишь напоминанием о правилах игры.

А вот судьбу Родионова ждал трагический финал: весной 1949 г. он был снят с должности и выведен из состава оргбюро ЦК ВКП(б), вскоре арестован и в 1950 г. расстрелян как участник «ленинградской группы». В современной публицистике, посвящённой «ленинградцам», ему приписывается роль «горячего русского патриота», бесстрашно, но неосторожно боровшегося с «затюкиванием» России союзным центром и другими ССР²⁹. Правдоподобнее иное объяснение – получив весной 1946 г. высокое назначение, он слишком рьяно «взялся за гуж», чем вызвал раздражение наверху. К такому выводу приводят исследования кадровой политики периода позднего сталинизма, в частности, деятельности руководителя управления кадров ЦК ВКП(б), секретаря ЦК А.А. Кузнецова, которую также характеризовали «чрезмерная прямолинейность и настойчивость»³⁰. Похоже, стремительно возвысившиеся региональные руководители (Кузнецов перед выдвижением в столицу возглавлял ленинградские обком и горком, Родионов – Горьковский обком) слишком близко к сердцу восприняли оказанное им высокое доверие и волей-неволей начали нарушать негласные требования сталинской системы (в первую очередь отказ от претензий на самостоятельность и несанкционированной «вождём» активности), за что и поплатились. Если это предположение верно, то неудивительно, что разбирательство над ними объединили в рамках одного дела – проблема заключалась не столько в «русском патриотизме» (доказательств которому, несмотря на обилие широковещательных публикаций, до сих пор не представлено), сколько в «самоуправстве».

Интересно отметить, что на должности главы правительства РСФСР Родионова заменил Б.Н. Черноусов, ранее возглавлявший отдел парторганов ЦК, столь строго отвергший все рассмотренные выше предложения, а в подготовке заключения по «ленинградскому делу» участвовал Пономаренко.

Сопутствующие корректиды АТД. Между тем кампания по сокращению штатов всё же сказалась на отдельных союзных республиках. В январе 1947 г. в соответствии с её задачами с политической карты Туркменской ССР исчезли две области: Керкинская, созданная в декабре 1943 г. из юго-восточных районов Чарджоуской, и Красноводская, которая появилась ещё в 1939 г. при введении в республике областного устройства, но теперь вошла в состав Ашхабадской³¹. Впрочем, упразднение Красноводской обл. оказалось поспешным. На её территории с военных лет быстро развивались промыслы, переработка и перевозка нефти и природного газа, а также добывался мирабилит, и поэтому район считался одним из самых перспективных в СССР. Её столица также являлась крупным транспортным центром региона (железнодорожный узел, порт на Каспийском море). Как следствие, формально экономика сто-

²⁹ См.: Кузнечевский В.Д. «Ленинградское дело». С. 137–143, 155–164.

³⁰ Болдовский К.А., Пивоваров Н.Ю. Номенклатурная политика ЦК ВКП(б) в 1939–1948 гг. // Pamięć i sprawiedliwość. 2018. № 2. С. 122.

³¹ Указ Президиума Верховного совета СССР от 23 января 1947 г. «О ликвидации Керкинской и Красноводской областей Туркменской ССР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М., 1956. С. 63.

личного региона сильно укрепилась. В то же время в результате такого объединения он увеличился вдвое, охватив более половины территории республики, управление его «народным хозяйством» усложнилось. Быстрые темпы развития промышленности Красноводска и окрестностей, резкое различие экономического профиля западных и восточных районов Туркмении, отдалённость от столицы — все эти факторы обусловили необходимость пересмотра скоропалильного решения. Область возродилась весной 1952 г. в несколько изменённой территориальной конфигурации³².

В то же время и по тем же соображениям в Таджикской ССР упразднили Курган-Тюбинскую и Ура-Тюбинскую области³³. Первая была образована в 1944 г. из частей Сталинабадской и Кулябской областей, вторая — в 1945 г. из юго-западных земель Ленинабадской. Теперь их районы вернулись прежним «владельцам». Но на этом руководство республики не остановилось и летом 1950 г. обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой санкционировать отмену в ней областного устройства как такового — «в целях ликвидации параллелизма в работе республиканских и областных организаций... укрепления республиканских организаций и повышения ответственности районных организаций перед республиканскими». Предполагалось, что кадры бывших областей «укрепят» штаты районов и ЦК КП(б) Таджикистана (как видим, проблема была актуальна и для среднеазиатского региона). Но в Москве эту идею не поддержали³⁴.

Тогда в Сталинабаде решили «пойти другим путём» и избавиться от областей поодиночке. В апреле 1951 г. удалось добиться разрешения на ликвидацию столичной Сталинабадской обл.³⁵ Однако в конце года основанное на «положительных результатах» этого опыта предложение упразднить Кулябскую оказалось заблокировано³⁶; возможно, последовало и разъяснение неуместности такого рода инициатив. Интересна аргументация отдела парторганов ЦК ВКП(б): «С ликвидацией области в непосредственном подчинении республиканских органов будет находиться более половины всех районов республики, что серьёзно затруднит руководство... политической и хозяйственной жизнью в этих районах. Кулябская область является пограничной... её районы экономически тяготеют к областному центру... Следует также иметь в виду, что ликвидация областных органов значительно ограничивает возможности для подготовки и выращивания руководящих национальных кадров». Здесь в спрессованном виде представлен, по сути, весь набор характеристик, которыми центр наделял единицы АТД, сообщая им не только управленческое, но и политическое значение.

Наконец, в Белорусской ССР в рамках «борьбы за экономию» в 1947–1949 гг. провели анализ экономической состоятельности низшего уровня АТД, выявили 115 «слабых» сельсоветов и разработали проект их укрупнения.

³² Подробнее см.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 801, л. 69–86.

³³ Указ Президиума Верховного совета СССР от 23 января 1947 г. «О ликвидации Курган-Тюбинской и Ура-Тюбинской областей Таджикской ССР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР... С. 61–62.

³⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 131, д. 187, л. 131–132.

³⁵ Там же, оп. 119, д. 303, л. 111–123; Указ Президиума Верховного совета СССР от 10 апреля 1951 г. «О ликвидации Сталинабадской области Таджикской ССР» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного совета СССР... С. 62. Районы области перешли в непосредственное подчинение республиканских органов, а сама она более не возрождалась.

³⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 131, д. 226, л. 132–133.

В 1950 и 1952 гг. руководство республики обращалось в Москву с просьбой санкционировать «изменения в административно-территориальном делении сельсоветов» в видах «укрепления их как низовых органов государственной власти на селе», однако разрешения на это так и не получило³⁷. Впрочем, к тому времени стало ясно, что столь напористо начатая кампания выдохлась, в очередной раз дав результат, обратный запланированному. Уже в 1949 г. о режиме экономии вспоминали значительно реже (возможно, сказалось объявление о достижении довоенного уровня промышленного производства, что понималось как общее восстановление экономики страны), а в феврале 1950 г. ГШК направила Сталину отчёт «О работе по усовершенствованию и удешевлению государственного и хозяйственного аппарата». Из него выяснилось, что общая численность штатов центрального аппарата министерств и ведомств СССР (без министерств вооружённых сил, внутренних дел и государственной безопасности) составляет 101,5 тыс. человек против 87 тыс. в довоенный период, т.е. за 10 лет увеличилась на 17%³⁸. Как следствие, в 1954 г. новому руководству страны пришлось начать очередную кампанию «по улучшению структуры аппарата и сокращению штатов»³⁹.

Добавлю к вышеизложенному ещё несколько штрихов. Прежде всего, представляется, что предложения 1948 г., поданные в основном функционерами республиканского и областного уровней, оказались в числе факторов, мотивировавших центр на активные, хотя и достаточно бессистемные поиски в направлении оптимизации регионального управления. Их этапы — попытка создать в начале 1949 г. бюро ЦК ВКП(б) по макрорегионам СССР (Закавказью, Средней Азии и Дальнему Востоку) и введение областного деления в союзных республиках, не имевших его, в 1951–1952 гг. В обосновании этих мер мотивы улучшения качества управления звучали отчётливо и достаточно красноречиво⁴⁰.

Далее необходимо отметить долгосрочные последствия некоторых из рассмотренных инициатив. Так, в рамках очередной серии корректировок АТД, прошедшей в СССР в начале 1954 г., наиболее серьёзным изменениям подверглось устройство Белорусской ССР. Число её областей сократилось почти вдвое — с 12 до 7, и упразднены оказались именно те, которыми руководители республики предложили пожертвовать шестью годами ранее: Барановичская, Бобруйская, Пинская, Полесская и Полоцкая⁴¹. Летом 1948 г., получив отрицательное заключение Сталина, Жданов переслал их записку Маленкову⁴², очевидно, она сохранилась в архиве последнего и дождалась своего часа в изменившейся политической обстановке.

«Сыграла» и записка Мехлиса: в середине 1950-х гг. с карты тех или иных республик начали исчезать различные упомянутые в ней области, предназначенные к сокращению или укрупнению. Первой оказалась упразднена

³⁷ Елизаров С.А. Формирование и функционирование системы... С. 144–145.

³⁸ История государственного управления в России. С. 312.

³⁹ Шестаков В.А. Социально-экономическая политика... С. 122.

⁴⁰ «В целях усиления связей между ЦК ВКП(б) и парторганизациями отдалённых областей, краёв и республик, обеспечения правильной информации для ЦК ВКП(б) и в целях проверки исполнения решений ЦК ВКП(б) на местах» (Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР... С. 64).

⁴¹ Елизаров С.А. Формирование и функционирование системы... С. 152–155.

⁴² РГАСПИ, ф. 17, оп. 131, д. 40, л. 17.

Измаильская, которая в ходе реформы 1954 г. вошла в состав Одесской обл. УССР. В 1955 г. ликвидировали Гармскую обл. Таджикской ССР, 1956 г. – Таласскую обл. Киргизской ССР, 1959 г. – Джалаал-Абадскую и Иссык-Кульскую области Киргизской ССР и Талды-Кургансскую обл. Казахской ССР, 1960 г. – Кашка-Дарынскую и Наманганскую области Узбекской ССР, 1962 г. – Тянь-Шаньскую обл. Киргизской ССР, наконец, в 1963 г. – Марыйскую и Ташаузскую области Туркменской ССР⁴³. Кроме того, в 1957 г. исчезла Грозненская обл. РСФСР, территория которой составила основу Чечено-Ингушской АССР⁴⁴.

Так что, хотя в 1948 г. реформа АТД не состоялась, многое из предложенного получило воплощение позднее, в годы оттепели. Впрочем, в следующую, брежневскую эпоху почти все упразднённые в Средней Азии области оказались восстановлены (за исключением Гармской и Джалаал-Абадской), более того, союзные республики региона «приросли» новыми областями. Стратегия размельчения территории СССР на более или менее компактные ареалы с целью «приближения аппарата государственного управления к массам рабочих и трудящихся крестьян» в итоге одержала победу.

Подводя итоги, отмечу, что АТД СССР в позднесталинские годы переживало противоречивые процессы. Изменения политической карты страны случались уже редко – во всяком случае, значительно реже, нежели в 1918–1944 гг. С другой стороны, архивы хранят большое число предложений о разного рода новациях: создании новых единиц АТД, их объединении или разделении, перекроике границ и т.д. «Закулисная» составляющая данной проблематики богата и разнообразна, что показывает – территориальное устройство по-прежнему рассматривалось как пространство для новаций. Вместе с тем отношение к нему оставалось во многом инструментальным – при помощи изменений предполагалось содействовать достижению целей тех или иных идеологических кампаний или решению локальных хозяйственных задач. Осуществить проекты намеревались путём механических действий, причём их набор оставался небогатым (укрупнение – разукрупнение, сокращение штатов). Об изменении подходов в сфере пространственной организации страны речи не шло.

Внимание, однако, привлекает деталь, кажущаяся неожиданной, учитывая политические реалии, – предложения, как правило, исходили не от «верхушки», а от более низких этажей управленческой вертикали, в том числе региональной. Очевидно, последние уже не являлись лишь бессловесными исполнителями, имели свои взгляды на эту сферу и интересы в ней и осмеливались о них заявлять. Центр, в свою очередь, придерживался прежнего курса: не находил аргументов в пользу воплощения в жизнь даже локальных проектов, а главное – не желал создавать прецедента благосклонности к мнениям подчинённых, чреватого для выстроенной политической системы непредсказуемыми последствиями, и упускать инициативу в территориальном формотворчестве. Неслучайно дальнейшие крупные изменения в схеме АТД СССР объяснялись именно волей и соображениями Москвы.

⁴³ Заяц Д.В. Изменение административно-территориального деления союзных республик // География. 2001. № 28. С. 27–30.

⁴⁴ Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления... С. 93.

«Поднять уровень руководства сельским хозяйством»: ревизия региональных комитетов ВКП(б) в 1951 г.

Алексей Федоров

«To heighten the level of agricultural management»:
audit of the CPSU regional committees in 1951

Aleksey Fedorov
(Chelyabinsk State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24060184, EDN: RLFFGB

Восстановление и развитие экономики в 1946–1953 гг. были для Советского Союза приоритетными внутриполитическими задачами. Однако если в промышленности тогда добились значительных успехов, то сельское хозяйство в полной мере восстановить не удалось. Основные причины «отставания» аграрного сектора заключались в изъятии из него значительных материальных и трудовых ресурсов, финансировании деревни по остаточному принципу и низкой эффективности колхозно-совхозного производства¹. Недостаток средств, тормозивший укрепление материально-технической базы и кадровое обеспечение сельского хозяйства, а также отказ от корректировки аграрной политики² вынудили высшее руководство после войны пойти по уже проторённому пути: решать проблемы отрасли преимущественно административными методами. Среди них лучше всего изучены хозяйственно-политические кампании, призванные обеспечить мобилизацию управленческой сети и населения страны на решение насущных задач. В аграрном секторе самыми масштабными из них оказались: организационно-хозяйственное укрепление колхозов, стартовавшее осенью 1946 г. и наскоками проводившееся до 1953 г.; создание полезащитных лесонасаждений в 1948–1953 гг.; внедрение травопольных севооборотов; трёхлетний план развития продуктивного животноводства 1949–1951 гг.; и укрупнение колхозов в 1950–1952 гг.³ Все они проходили по единому сценарию. Высшие органы власти принимали решения, которые тиражировались

© 2024 г. А.Н. Федоров

¹ См.: *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву, середина 40-х – начало 60-х гг. М., 1992; *Попов В.П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны, 1946–1953. Изд. 2. М., 2002. С. 72–103; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. С. 127–174; *Томилин В.Н.* Государство и колхозы: 1946–1964 гг. М., 2021. С. 24–130; СССР: аграрная политика и региональные особенности её реализации (1922–1991) / Отв. ред. О.А. Сухова. Пенза, 2022. С. 170–193.

² В послевоенные годы И.В. Сталин отвергал предложения об усилении материального стимулирования колхозников, расширении хозяйственной самостоятельности колхозов, ослаблении налоговой нагрузки на деревню, поступавшие как от его соратников и центральных ведомств, так и от региональных властей и граждан (Андреенков С.Н., Ильиных В.А. Аграрный вопрос в 1950-е годы: выбор модели решения // Экономическая история. 2014. № 2. С. 78–80; Логинов А.И. Личные подсобные хозяйства как фактор борьбы в высших эшелонах власти СССР в 1945–1953 гг. // Вестник Российской университета дружбы народов. Сер. История России. 2007. № 1. С. 100–103).

³ См.: *Кузнецова Н.В.* Восстановление и развитие экономики Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953). Волгоград, 2002. С. 169–266; *Андреенков С.Н.* Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск, 2016. С. 19–57; *Ильиных В.А.* Звезда и смерть сибирского травополя // Крестьяноведение. Т. 1. 2016. № 1.

в прессе и обсуждались в партийных организациях, государственных учреждениях и трудовых коллективах, а местные органы реализовывали спущенный сверху набор мероприятий⁴. Одновременно проводились соревнования всесоюзного, отраслевого, межобластного и внутриобластного масштаба (впрочем, уже в то время в центре обращали внимание на их формализм и скромный эффект)⁵.

Привычным методом управления являлся контроль за ходом основных сельскохозяйственных мероприятий – весеннего сева, подъёма паров, уборки урожая, хлебозаготовок и проч. На заседаниях Секретариата ЦК ВКП(б) обсуждались пятидневные и декадные, а в особо важных случаях – и ежедневные сводки о полевых работах по стране. По итогам обсуждений принимались специальные постановления с анализом ситуации, которые рассыпались во все региональные комитеты партии. В критические периоды, например, в 1946–1947 гг., эти постановления принимались отдельно по всем парторганизациям. Обычно они содержали резкую критику в адрес местных управленцев и предусматривали строгие взыскания в их отношении. В 1948–1952 гг. мишенью таковых становились руководители наиболее проблемных регионов⁶.

При проведении важнейших сельскохозяйственных мероприятий центр прибегал и к такому проверенному средству, как посылка на места своих уполномоченных. Шире всего в рассматриваемый период она применялась осенью 1946 г., когда «для усиления хлебозаготовок» в регионы отправились более 300 сотрудников ЦК ВКП(б) и работников министерств, в том числе высокопоставленные лица: А.А. Андреев, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, Л.З. Мехлис, А.И. Микоян и др.⁷ В последующие годы во время уборки урожая и проведения хлебозаготовок представители ЦК ВКП(б) выезжали только в самые проблемные регионы, причём высокоранговых среди них практически не было⁸.

Ещё один способ мобилизации региональных управленцев – ревизии партийных органов. По распоряжению Секретариата работники ЦК ВКП(б) выезжали в тот или иной регион и проверяли деятельность местного партийного комитета, а его первый секретарь представлял им письменный отчёт. Материалы проверки обсуждались на Секретariate с участием руководства региона, затем специальная комиссия готовила проект постановления, который после доработки утверждало Оргбюро. В нём давалась оценка работе партийцев ока-

С. 93–121; История крестьянства Западного региона России: 1941 – середина 1980-х годов. Калуга, 2017. С. 65–79.

⁴ См., например: Кимерлинг А.С. Борьба за урожай: мобилизационные кампании в деревне в 1946–1953 годах (на примере Молотовской области) // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 4. С. 109–118.

⁵ Прядеин В.С. Роль соревнования в развитии советского и постсоветского общества: проблемы теории (историографический анализ). М., 2009; Савин А.И., Пивоваров Н.Ю. «Два плюс два равно пять?»: социалистическое соревнование как идеологический концепт в послевоенном СССР (1945–1964 годы) // Исторический курьер. 2021. № 6. С. 149–169.

⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 455, л. 61–62; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Сост. В.В. Денисов [и др.]. М., 2004. С. 92–97.

⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 509, л. 46, 69–91, 112–130; д. 510, л. 2–5; Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 г.). Оренбург, 2003. С. 226–228.

⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 385, л. 11; д. 447, л. 2–3; д. 584, л. 3, 43; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 133.

завшихся в центре внимания области или края, озвучивались меры по исправлению недостатков и устанавливались сроки предоставления отчётов об их выполнении (как правило, через полгода или год). Если недостатки признавались «крупными» и «серёзными», то в итоговое решение включали пункт об отставке «несправившихся» руководителей.

Регулярно такие ревизии начали проводить с 1939 г., однако война на некоторое время прервала эту практику. В сентябре 1943 г. проверки возобновились, и до июня 1945 г. ЦК ВКП(б) заслушал отчёты 56 региональных парткомов⁹, причём в половине случаев основное внимание уделялось состоянию сельского хозяйства. После реорганизации аппарата ЦК в 1946 г. и перестановок в его руководстве комплексные проверки проводились эпизодически¹⁰, и лишь после возвращения Маленкова дело приобрело прежний размах. Осенью 1948 г. перед Оргбюро отчитались 10 региональных комитетов, в 1949 г. – 13, в 1950 г. – 16. Вопросы сельского хозяйства поднимались во всех отчётах, но на первом месте они оказались только при рассмотрении работы Рязанского (апрель и ноябрь 1948 г.), Курского (февраль 1950 г.), Курганского (март 1950 г.) обкомов и ЦК КП(б) Белоруссии (май 1950 г.)¹¹.

Максимальное количество ревизий пришлось на 1951 г. В течение этого года Оргбюро заслушало отчёты 23 региональных парторганизаций РСФСР¹², причём в 18 из них основное внимание уделялось вопросам аграрного сектора. Помимо этого, весной Секретариат раскритиковал руководство пяти чернозёмных областей за недостатки в нём, а летом рассмотрел просьбы 13 крайкомов и обкомов по вопросам земледелия и животноводства¹³. Наконец, в мае в Нечерноземье, Поволжье, Сибирь и на Северный Кавказ вновь отправились уполномоченные ЦК, чтобы оказать помощь «по устранению недостатков в руководстве партийно-политической и хозяйственной работой»¹⁴. Всё это показывает, что центр вернулся к испытанной тактике, постаравшись мобилизовать регионы на решение проблем. Ни отечественные, ни зарубежные историки этой масштабной кампании не интересовались, поэтому в данной статье предпринята попытка осветить её причины, ход и результаты. Источниковой базой исследования стала делопроизводственная документация ЦК ВКП(б), в основном представленная постановлениями Секретариата и Оргбюро за 1950–1952 гг. и материалами к ним.

Очевидная причина, побудившая ЦК ВКП(б) проверить треть обкомов на предмет их руководства сельским хозяйством, – итоги четвёртой пятилетки. Согласно официальным данным, озвученным в 1951 г., посевы зерновых

⁹ Хлевнюк О., Горлицкий Й. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М., 2024. С. 72.

¹⁰ В 1946 г. ЦК ВКП(б) проверил работу восьми, а в 1947 г. пяти региональных комитетов, но при этом в 1946 г. заслушал только два отчёта, а в 1947 г. – три.

¹¹ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 128–132, 170–174, 179–180, 244–248; РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 498, л. 2–7.

¹² По 20 отчётом ЦК принял решения в том же году, решения о работе Новгородского, Ростовского и Удмуртского обкомов Оргбюро утвердило в начале января 1952 г.

¹³ В каждом случае создавалась комиссия из 8–17 работников ЦК ВКП(б) и союзных министерств, в течение 3–5 дней готовившая предложения, которые затем направлялись на утверждение в Совет министров СССР (РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 591, л. 4; д. 597, л. 4–5; д. 599, л. 34–35; д. 606, л. 5, 28).

¹⁴ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 133–134; РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 584, л. 2, 3, 43, 45–52, 55.

культур за пятилетку увеличились на 20%, а их урожайность – на 13%, зерна в 1950 г. собрали на 345 млн пудов больше, чем в 1940 г., наконец, оказался «значительно превзойдён» довоенный уровень животноводства¹⁵. Статистика, опубликованная после смерти И. В. Сталина, даёт иную картину. На начало 1951 г. посевные площади немного уступали довоенным. Амбарный, т.е. реально собранный, урожай в 1950 г. составил 81,2 млн т против 95,6 млн т в 1940 г., поголовье крупного рогатого скота – 104% от довоенного (хотя по коровам – 87), лошадей – 65,7%. Также не удалось восстановить производство технических культур и овощей¹⁶.

Аграрный сектор пребывал в кризисе. Несмотря на это приоритет промышленности (в первую очередь добывающей и тяжёлой), а также машиностроения оставался незыблёмым. Это продемонстрировал план на пятую пятилетку (1951–1955), обнародованный на XIX съезде партии (октябрь 1952 г.). Дополнительных и, главное, достаточных ресурсов для развития деревни выделять в обозримом будущем не предполагалось. Оставалось действовать административными методами: с помощью уполномоченных, проверок, взысканий и отставок добиться от регионального руководства более интенсивной деятельности по получению максимальной отдачи от проблемной отрасли.

Ещё одно обстоятельство, обусловившее нажим высшего руководства на региональных управленцев, – неудовлетворительные итоги ряда послевоенных кампаний. Борьба с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели не прекратила захватов колхозных земель и хищений колхозного имущества¹⁷. Под угрозой срыва оказался трёхлетний план развития общественного животноводства, который в 1950 г. выполнили лишь отдельные регионы, причём не по всем показателям¹⁸. Серьёзными просчётами сопровождалось укрупнение колхозов, нацеленное не только на концентрацию производственных ресурсов, но и на усиление контроля над хозяйствами за счёт создания в каждом из них первичной парторганизации¹⁹. Ход этой кампании пришлось корректировать уже в сентябре 1950 г., когда ЦК ВКП(б) обязал крайкомы и обкомы «сосредоточить усилия... на успешное решение задач по организационно-хозяйственному укреплению объединённых колхозов»²⁰. В апреле 1951 г. в парторганизациях страны прошло обсуждение закрытого письма ЦК «О задачах колхозного строительства в связи с укрупнением мелких колхозов», в котором от региональных

¹⁵ Сообщение Госплана СССР и ЦСУ СССР «Об итогах выполнения четвёртого (первого послевоенного) пятилетнего плана СССР на 1946–1950 гг.». М., 1951. С. 10–12.

¹⁶ Народное хозяйство СССР в 1960 году: статистический ежегодник. М., 1961. С. 132, 202, 263.

¹⁷ Борисенко Е.А. Восстановление и развитие колхозного производства Красноярского края в послевоенный период, 1946–1953 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2019. С. 118–154; История крестьянства Западного региона России... С. 65–69; Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства на Урале... С. 273–304.

¹⁸ ГГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 36, л. 1–15; Аврех А.Л. Из истории кризиса советского сельского хозяйства в послевоенный период: животноводческая трёхлетка в Тамбовской области (1949–1951 гг.) // Inetertium. 2012. № 2. С. 7–21; Аргунов О.Н. Партийно-государственная политика восстановления и развития сельского хозяйства Курской области за период с февраля 1943 по 1957 г. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2018. С. 212–216; Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства на Урале... С. 183–190.

¹⁹ Борисенко Е.А. Восстановление и развитие колхозного производства Красноярского края... С. 154–170; 171–194; История крестьянства Западного региона России... С. 68–79, 86–90; Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства на Урале... С. 420–446.

²⁰ ГГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 540, л. 29.

руководителей требовалось устраниить отмеченные недостатки²¹. Выполнение многочисленных указаний требовалось проконтролировать, и комплексные проверки на местах подходили для этого как нельзя лучше.

Нажимать на регионы центр принял в феврале 1951 г. Тогда «для проверки на месте положения дел в сельском хозяйстве» в Воронежскую, Курскую, Орловскую и Тамбовскую области выехали инспекторы ЦК ВКП(б). Они выяснили, что техника и трудовые ресурсы используются плохо, повышению урожайности и увеличению поголовья скота внимания не уделяется, а партийные органы «самоустраниются от решения сложных и важных вопросов». Поэтому в апреле—мае ЦК особыми постановлениями обязал руководителей упомянутых регионов всерьёз заняться отраслью²². В марте—мае Оргбюро заслушало отчёты Бурят-Монгольского, Смоленского, Мордовского и Крымского обкомов, в основном посвящённые состоянию земледелия и животноводства²³. Такая выборка вполне понятна. Бурят-Монгольская АССР справлялась с заготовками хлеба и мяса, но её сельское хозяйство пребывало в упадке²⁴. Смоленщина демонстрировала худшие результаты в Нечерноземье: в 1950 г. посевные площади составляли 73,5% от уровня 1940 г., валовой сбор зерновых — 51,9%. За все мирные годы область ни разу не выполнила хлебозаготовок. Мордовская АССР по земледелию находилась на последнем месте в Центрально-Чернозёмной зоне: в 1950 г. посевы зерновых равнялись 96,5% довоенных, сборы зерновых — 41,3%, а заготовки — 40,1%²⁵. В плачевном состоянии пребывало и сельское хозяйство Крыма, хотя центр неоднократно оказывал ему впечатляющую по тем временам помощь²⁶.

Весенние ревизии, тем не менее, не предвещали масштабной кампании. Она началась только летом, когда выяснилось, что значительную часть страны поразила сильная засуха. Её первые признаки обозначились в мае, а в июне она достигла апогея, охватив юг и юго-восток Украины, Молдавию, северную часть Казахстана, Среднее и Нижнее Поволжье, юго-восток Чернозёмной зоны, восточную часть Северного Кавказа, Урал и Западную Сибирь²⁷. Руководство СССР, видимо, памятуя о событиях 1946 г., решило заранее мобилизовать регионы, не затронутые стихийным бедствием, и смягчить неизбежные потери. В силу близости к центру и относительной налаженности земледелия наиболее подходящими из них казались области Северо-Запада, Центрального

²¹ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк [и др.]. М., 2002. С. 334–339; РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 979, л. 166–179; оп. 119, д. 55, л. 152–171.

²² РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 582, л. 2, 15–29; д. 586, л. 6–18; д. 589, л. 4–5, 19–32.

²³ Там же, д. 570, л. 4–6; д. 582, л. 3–14; д. 586, л. 19–28; д. 589, л. 6–18.

²⁴ Федоров А.Н., Протасов Е.Т. Замена руководства Бурят-Монгольской АССР в 1951 г.: о кардровой политике ЦК ВКП(б) в послевоенный период // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 138–139.

²⁵ РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 112, л. 27–27 об., 29–29 об., 66, 178 об.–179; Кометчиков И.В. Региональная власть и деревня Центрального Нечерноземья в хлебозаготовительных кампаниях 1945–1953 гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 140–141; Учватов П.С. Советы министров Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1937–1991 гг.: опыт советской модернизации государственного управления. Саранск, 2023. С. 94–114, 151–159.

²⁶ Волобуев О.В. Сельское хозяйство Крыма в послевоенные (1944–1953) годы: динамика и тенденции развития // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2016. № 4. С. 92–96.

²⁷ Национальный доклад «Глобальный климат и почвенный покров России: проявления засухи, меры предупреждения, борьбы, ликвидация последствий и адаптивные меры (сельское и лесное хозяйство)». Т. 3. М., 2021. С. 54.

Нечерноземья и Верхнего Поволжья. На них приходилось около 15% зернового производства РСФСР²⁸ и при умелой мобилизации они вполне могли компенсировать недобор зерна.

В июне ЦК оперативно проверил Великолукский, Владимирский, Калининградский, Калининский, Орловский и Псковский обкомы и обсудил их работу за предыдущие годы, уделив особое внимание состоянию земледелия²⁹. На июль планировались отчёты Калужского и Дагестанского обкомов, в августе – Иркутского, Чувашского, Удмуртского, Ростовского, в сентябре – Кабардинского и Коми, в октябре – Новгородского и Чкаловского³⁰. Эти сроки не всегда выдерживались, сдвигались на месяц-полтора, тем не менее летом–осенью все перечисленные комитеты (за исключением Чкаловского³¹) перед ЦК отчитались. Внепланово, после тревожных сообщений от уполномоченных по уборке урожая, заслушали отчёты Горьковского (июль), Ярославского (август) и Марийского (сентябрь) обкомов³². В итоге менее чем за полгода ревизиями охватили 4 из 6 областей Северо-Запада, 7 из 11 областей Центрального Нечерноземья, отдельные регионы Северного Кавказа, Поволжья и Урала. При этом проверки затронули даже те обкомы, отчёты которых уже заслушивались³³.

Поскольку ревизия проводилась интенсивно и касалась в основном аграрных регионов, бюрократические процедуры скорректировали. Если в обычной ситуации весь процесс – от указания о проверке регионального комитета до принятия окончательного решения – занимал 2–4 месяца, то летом–осенью 1951 г. успевали обернуться за 1–2 месяца. Подготовку проектов решений могли поручить не только секретарю ЦК (П.К. Пономаренко или М.А. Суслову), но и заведующему отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов С.Д. Игнатьеву. В состав рабочих комиссий включали работников, занимавшихся вопросами аграрного сектора. Среди них – заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК А.И. Козлов, его заместители В.С. Якушев и Я.Е. Пензин, министр сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиков, его заместители П.П. Лобанов и Ф.С. Крестьянинов, министр совхозов СССР Н.А. Скворцов, начальник отдела управления сельским хозяйством Госплана СССР С.Ф. Демидов. Также их членами иногда становились председатель Совета министров РСФСР Б.Н. Черноусов и его заместитель М.М. Бессонов.

За решением ЦК о работе того или иного обкома обычно следовало постановление Совета министров СССР об оказании помощи сельскому хозяйству соответствующего региона³⁴. Сверх плана выделялись трактора, комбайны и автомобили, горюче-смазочные и строительные материалы, оборудование для МТС и животноводческих ферм, сортовые семена и племенной скот, на-

²⁸ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1960 году... С. 210.

²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 588, л. 2; д. 593, л. 1–32; д. 604, л. 36–67.

³⁰ Там же, оп. 119, д. 437, л. 13.

³¹ Материалы проверки Чкаловского обкома Секретариат ЦК рассмотрел 10 октября. Но ввиду того, что область успешно справилась с хлебозаготовками, заслушивать отчёт обкома не стали и лишь обязали его обсудить на пленуме текущие проблемы аграрного сектора (Там же, оп. 116, д. 623, л. 7; оп. 119, д. 592, л. 14–28).

³² Там же, оп. 116, д. 599, л. 23; д. 600, л. 2; д. 606, л. 76; д. 611, л. 20–28; д. 617, л. 1–8.

³³ Кабардинский, Калининградский и Калининский обкомы отчитывались в 1948 г., Горьковский и Псковский – в 1949 г.

³⁴ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 81, д. 2024, 2055, 2067, 2093, 2171, 4157, 4159, 4181, 4187, 4344, 4379, 4967; оп. 86, д. 4274.

правлялось некоторое количество агрономов, ветеринаров и прочих специалистов. Однако этих ресурсов едва хватало для покрытия даже текущих потребностей. Показательно постановление Совета министров СССР от 20 июля 1951 г. «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Новгородской области», согласно которому уровень механизации полевых работ в течение года следовало увеличить в полтора раза. Под это выделялось 515 тракторов, хотя в области тогда их имелось 3037. Половина новой техники пошла на замену изношенной, эксплуатируемой с довоенных времён, поэтому тракторный парк увеличился лишь на 8,4%, чего явно не хватало для выполнения задания. Передача области 5 тыс. лошадей тоже не решила проблему — потребность колхозов в живой тяговой силе превышала эту цифру в несколько раз³⁵.

Содержание постановлений стандартно. В констатирующей части перечислялись «серьёзные недостатки и ошибки» в партийной, кадровой и идеологической работе, руководстве экономикой. Таковые можно было обнаружить в деятельности любого регионального комитета. Специфика заключалась в особом внимании к изъянам в руководстве сельским хозяйством: затягиванию полевых работ (вдвое–втрое дольше рекомендованных сроков), медленному внедрению севооборотов (менее 10% от запланированного), недостаточному применению удобрений (10–30% от плана), нехватке кормов (30–50% от потребностей), значительному падежу скота (5–15% поголовья), невыработке колхозниками минимума трудодней (10–20% всех трудоспособных), нерациональному использованию техники. Всё это, по мнению ЦК, негативно сказывалось на урожайности зерновых культур, продуктивности скота и, главное, выполнении заготовок.

В резолютивной части от обкомов требовалось в первую очередь обеспечить «быстрейшее преодоление отставания» сельского хозяйства. Подробно описывались способы достижения этой цели: «значительно повысить урожайность» за счёт проведения полевых работ в оптимальные сроки, лучше обрабатывать почву, проводить узкорядный и перекрёстный сев, применять удобрения, орошать землю. В Чернозёмной зоне и на Северном Кавказе рекомендовалось увеличить защитные лесополосы, в Поволжье — довести посевы пшеницы до довоенного уровня и ликвидировать сев вручную³⁶. Добиться подъёма животноводства планировалось путём заготовки в необходимых объемах кормов, расчистки пастбищ, полной механизации животноводческих ферм, разведения племенного скота.

Предусматривались и меры, которые сами по себе свидетельствовали о плачевном состоянии отрасли. Так, Архангельский обком обязали устраниТЬ подворное содержание скота, а Бурят-Монгольский — отказаться от тёбенёвки (зимней пастьбы скота). К этим мерам на местах прибегали из-за отсутствия животноводческих помещений и хронической нехватки кормов³⁷. Предписывалось навести порядок и в работе МТС, в частности, обеспечить своевременный ремонт техники, устраниТЬ простой тракторов и комбайнов, укомплектовать штаты опытными механизаторами. Калужскому и Чувашскому обкомам, помимо прочего, рекомендовалось повысить механизацию полевых работ. Однако такой «совет» можно было адресовать и остальным: к 1950 г. вспашку паров

³⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 609, л. 41–44; РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 112, л. 127, 210 об.

³⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 586, л. 14; д. 620, л. 5.

³⁷ Там же, д. 565, л. 16; д. 570, л. 5–6.

по стране удалось механизировать на 94%, весенний сев — на 70%, а уборку зерновых — только на 59%³⁸.

Особое значение придавалось улучшению деятельности колхозов. Указывалось на необходимость выдвигать председателями людей с агрономическим образованием, причём первые секретари обкомов должны были лично заниматься подбором кадров³⁹. Органам власти предписывалось помогать колхозам «в налаживании трудовой дисциплины», т.е. добиваться выработки минимума трудодней всеми трудоспособными колхозниками. Не забывал ЦК и о материальном поощрении, требуя повышения оплаты трудодней. Правда, единственных советов, как это сделать, центр не давал, а лишь призывал увеличивать сборы зерновых, развивать садоводство, огородничество и пчеловодство⁴⁰, учитывать размер оплаты трудодня при оценке работы райкомов и райисполкомов, а также «расследовать» все случаи, когда за трудодни выдавали мизерное количество продуктов и денег. При этом Москва выступала против того, чтобы колхозы распределяли на трудодни все свои скромные доходы. Подобное «вредное стремление» полагалось пресекать и добиваться того, чтобы большая часть средств расходовалась на развитие инфраструктуры, создание семенных, фуражных и страховых фондов, закупку техники⁴¹.

Реализовать указания центра, возможно, удалось бы при условии выделения значительных материальных и кадровых ресурсов. Вместо этого обкомам фактически предложили изыскать «внутренние резервы» и активнее задействовать административные рычаги. Помимо этого от секретарей потребовали изменить привычный для них, но «неправильный» с точки зрения центра стиль руководства. Им следовало придерживаться коллегиальности (принимать решения совместно с подчинёнными и при участии специалистов), «развивать критику и самокритику» (прислушиваться к мнению партийного актива), выбраться из кабинетов и лично «наладить живую связь» с райкомами, райисполкомами и колхозами, а не перекладывать решение этой задачи на второстепенных работников. Также рекомендовалось контролировать работу местных партийных и советских органов в течение всего года, а не только во время посевной и уборочной; больше заниматься отстающими районами, не потворствуя при этом их «иждивенческим настроениям», и, конечно, «усилить массово-политическую работу», т.е. ещё активнее призывать трудящихся к выполнению производственных планов⁴².

Нетипичным в постановлениях 1951 г. оказалось то, что в них озвучивались не только текущие задачи (проведение весеннего сева в сжатые сроки, выполнение хлебозаготовок и т.п.), но и среднесрочные цели, которые обычно формулировались в пятилетних планах и других важнейших решениях партии и правительства. В частности, почти всем проверенным обкомам предписывалось за 2–3 года добиться высоких показателей в сельском хозяйстве (см. табл.). Эти задания оказались не просто значительными, но, с учётом положения дел и наличных ресурсов, фантастическими. Регионы, которые в течение

³⁸ Народное хозяйство РСФСР: статистический сборник. М., 1957. С. 152.

³⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 620, л. 11.

⁴⁰ Закупочные цены на продукцию данных отраслей сельского хозяйства были выше, чем на зерно и мясо.

⁴¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 586, л. 8, 16; д. 589, л. 9, 16, 20; д. 604, л. 45–46.

⁴² Там же, д. 586, л. 24–25; д. 612, л. 11–12; д. 620, л. 8–10; д. 626, л. 5–6.

многих лет финансировались по остаточному принципу⁴³, не могли достичь таких результатов за столь малый срок и без резкого увеличения снабжения. Но Москва, по всей видимости, рассчитывала, что заведомо недосягаемая планка подстегнёт мобилизацию сил и на местах добываются больших результатов, нежели при обычном нажиме.

Таблица

**Основные показатели развития сельского хозяйства
в европейской части РСФСР в 1950-е гг.**

Регион	Показатель	1950 г.	Задание ЦК ВКП(б) на 1953— 1954 гг.	1953 г.	1958 г.
Северо-Запад	урожайность зерновые (ц/га)	6,0*	9,3—12,4**	4,8	6,7
	урожайность картофеля (ц/га)	86*	150—170	95	92
	годовой убой молока с одной коровы (кг)	1457	2 500—3 000	1 429	2 213
Центральное Нечерноземье	урожайность зерновые (ц/га)	5,3*	9,9—11,2**	3,6	7,2
	урожайность картофеля (ц/га)	92*	140—180	95	96
	годовой убой молока с одной коровы (кг)	1 390	2 500—3 500	1 275	2 237
Черноземье	урожайность зерновые (ц/га)	6,6*	9,9—12,4**	6,2	11,9
	урожайность картофеля (ц/га)	98*	160—170	100	106
	годовой убой молока с одной коровы (кг)	1 195	2 500—3 600	1 084	2 308

Составлено по: Сельское хозяйство СССР: статистический сборник. М., 1960. С. 214, 239, 371, 374; РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 565, 582, 586, 589, 591, 604, 611, 616, 618, 622, 625. Данные приведены за 1950 г. как наиболее результативный в четвёртой пятилетке и за 1958 г., оказавшийся самым урожайным за всё десятилетие.

* указана средняя урожайность за 1949—1952 гг.

** видовая урожайность, указанная в постановлениях ЦК ВКП(б), пересчитана на амбарную. В 1949—1953 гг. амбарный урожай зерновых (собранное зерно) в среднем составлял 62% от видового урожая (зерна до начала его уборки). См.: *Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Урожайность хлебов в России. 1795—2007. М., 2009. С. 38—41.*

Мобилизационный характер проверок 1951 г. выразился не только в резкой критике со стороны центра и завышенных заданиях, но и в кадровых перестановках. ЦК признал неудовлетворительной работу 11 из 23 отчитавшихся обкомов⁴⁴, упрекнув их первых секретарей в недостаточном внимании к сель-

⁴³ Показательная реплика первого секретаря Горьковского обкома Д.Г. Смирнова о причинах отставания сельского хозяйства области: «У нас механизация не такая, как в Краснодаре или Ставропольском крае, как в Калинградской области» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 466, л. 30).

⁴⁴ В их числе оказались Бурят-Монгольский, Владимирский, Горьковский, Калининградский, Калининский, Калужский, Кемеровский, Новгородский, Ростовский, Смоленский и Ярославский обкомы.

скому хозяйству, ошибках в подборе кадров и даже «иждивенчестве»⁴⁵. Более того, у них обнаружили изъяны, на которые в обычной обстановке смотрели сквозь пальцы: кабинетный стиль руководства, отсутствие инициативы, неумение наладить работу аппарата и нетерпимость к критике. Вполне ожидаемо они лишились своих постов⁴⁶. Шестерых сместили во время отчётов в столице⁴⁷, а четверых – чуть позже, когда пленумы обкомов обсудили постановления ЦК и единогласно проголосовали за отставку своих руководителей⁴⁸. И только первого секретаря Мордовского обкома И.А. Пиксина заменили спустя четыре месяца, когда выяснилось, что он не внял предупреждениям центра и преследовал подчинённых за критику даже после решения ЦК⁴⁹. Также по итогам ревизий постов лишились семеро вторых и девять рядовых секретарей обкомов, семь председателей облисполкомов и советов министров АССР⁵⁰.

В ряде регионов кадровые перестановки переросли в чистки. В Великих Луках, Владимире и Новгороде одновременно или с небольшим временным интервалом заменили первого секретаря, одного из рядовых секретарей обкома и председателя облисполкома, в Смоленске – первого секретаря и двух «простых» секретарей. Больше всего обновилось руководство Бурят-Монгольской АССР. В марте–мае 1951 г. здесь сменились четверо из пяти секретарей обкома, председатель Совета министров и председатель президиума Верховного совета. Впрочем, за плохую работу освободили только первого секретаря обкома и председателя правительства, остальные перемещения объяснялись спецификой кадровой политики центра в национальных республиках⁵¹. Наконец, в феврале 1952 г. в Ростове лишились постов три секретаря обкома, включая первого и второго, председатель облисполкома и все секретари горкома⁵². Все чистки прошли в щадящем режиме: провинившихся (за исключением первого секретаря Смоленского обкома В.П. Фронтасьева, навсегда выбывшего из номенклатуры ЦК) лишь понизили на одну–две позиции или направили на учёбу. Вскоре некоторые из них вновь получили значительные посты⁵³. Тем не менее, таких масштабных кадровых перестановок не наблюдалось с 1949 г., и на самих региональных руководителей они произвели сильное впечатление.

Образовавшиеся ваканции заполнили в соответствии с кадровыми практиками послевоенных лет. Новых «первых» в основном набрали из работников ЦК ВКП(б), двоих перебросили из других регионов и лишь ещё двоих подо-

⁴⁵ Иждивенчеством работники ЦК называли стремление региональных руководителей «побольше получить льгот и всевозможных ресурсов для области» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 466, л. 31).

⁴⁶ Всего в 1951 г. сменилось 18 первых секретарей обкомов (*Федоров А.Н. Ротация первых секретарей региональных комитетов ВКП(б) в 1946–1952 гг.: масштабы, причины, механизмы // Pamięć i sprawiedliwość. 2018. № 2. С. 128*).

⁴⁷ П.Н. Алфёров (Владимир), Г.И. Кондратьев (Мари), З.Ф. Слайковский (Великие Луки), М.Н. Тупицын (Новгород), Г.Н. Шубин (Псков), В.В. Щербаков (Калининград).

⁴⁸ Е.Ф. Колышев (Кемерово), Н.С. Коновалов (Калинин), А.И. Кудрявцев (Бурят-Монголия), В.П. Фронтасьев (Смоленск).

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 490, л. 92–106; д. 525, л. 168–171; Мордовия в послевоенный период. 1945–1953 гг. В 2 т. Т. 1. Саранск, 2012. С. 172, 191–194.

⁵⁰ Из числа руководителей советских органов постов лишились С.М. Айдинбеков (Дагестан), Г.Р. Брант (Владимир), В.М. Виноградов (Ярославль), К.Н. Гришин (Великие Луки), С.М. Иванов (Бурят-Монголия), И.М. Казмахов (Кабарда), А.Д. Фёдоров (Новгород).

⁵¹ *Федоров А.Н., Протасов Е.Т. Замена руководства Бурят-Монгольской АССР... С. 140.*

⁵² РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 642, л. 22; д. 644, л. 25.

⁵³ Слайковский через полгода после отставки возглавил Калининградский облисполком, Алфёров через два года – Ульяновский.

брали на местах. По формальным признакам (образование, партийный стаж, опыт руководящей работы) они подходили для выдвижения, но по уровню професионализма мало чем отличались от предшественников. Более того, вскоре выяснилось, что некоторые из новичков не обладали необходимыми управленческими навыками⁵⁴. Советских руководителей, наоборот, в основном назначали из местных работников — рядовых секретарей обкомов, заместителей председателей облисполкомов и президиумов Верховных советов автономий. Они хорошо знали специфику региона и могли помочь первому секретарю быстрее войти в курс дела. Их общим недостатком можно считать то, что они впервые заняли посты такого уровня.

Центр, скорее всего, рассчитывал на эффект «новой метлы», полагая, что новоприбывшие смогут добиться от подчинённых большей отдачи (хотя бы на какое-то время). Однако энергичность присланных секретарей нередко порождала в региональном руководстве конфликты⁵⁵ и не всегда приводила к значительной активизации аппарата, и без того функционировавшего на пределе возможностей. Из-за постоянного сокращения административных расходов штаты обкомов за первые послевоенные годы уменьшились на треть, горкомов и райкомов — на 10–25%, а бесконечные реорганизации не столько оптимизировали, сколько осложняли деятельность парторганов⁵⁶. Негативно сказывались значительная текучка кадров и некомплект штатов, слабое взаимодействие между разными структурами и подразделениями, непродуманная организация повседневной работы. Профессионализм местных управленцев, о котором можно судить по уровню образования и стажу работы по специальности, по сравнению с серединой 1940-х гг. заметно вырос, но всё равно оставался невысоким. В свете всего этого для проведения хозяйственно-политических кампаний оставался лишь метод аврала. Приходилось привлекать не только весь партийный и комсомольский актив, но и внештатных работников, что приводило к расточительной трате людских и материальных ресурсов, но не гарантировало результата⁵⁷.

Как следствие, очередные задания центра принимались выполнять при помощи «штурмовщины», проигнорировав требования об изменении стиля руководства. Это ярко видно на примере деятельности Смоленского обкома. Его

⁵⁴ Первый секретарь Кемеровского обкома В.М. Мокрушин через год после назначения получил следующую характеристику: «Опыта работы в масштабе области не имеет, достаточными организационными способностями не обладает, в силу чего вопросы решает медленно и не находит главного звена в руководстве областной парторганизацией» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 273, л. 123).

⁵⁵ Хлевнюк О., Горлицкий Й. Секретари... С. 83–84, 89, 134–135, 151–152.

⁵⁶ Зеленов М.В., Пивоваров Н.Ю. Аппарат ЦК ВКП(б): структура, функции, кадры. 10 июля 1948 — 5 октября 1952. Справочник. М.; СПб., 2018. С. 25–128; Федоров А.Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 63–84; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 25–35.

⁵⁷ См.: Белоногов Ю.Г. К вопросу о функциях и властных полномочиях внештатных инструкторов в городских комитетах ВКП(б) в 1930–1940-е годы // *APRIORI*. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 3–14; Головинова Ю.В. Формирование партийной элиты Алтайского края в контексте истории Советского государства 1930–1950-х гг. Барнаул, 2015. С. 91–111; Кометчиков И.В. «Институт уполномоченных» на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940-х — начале 1960-х годов // Вестник Пермского университета. История. 2014. Вып. 4. С. 125–139; Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006. С. 301–359; Федоров А.Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала... С. 80–83, 139–147, 158–165.

первым мероприятием по подъёму сельского хозяйства стало обсуждение постановления ЦК во всех парторганизациях области, которое растянулось на 2,5 месяца. Пленумы, активы и собрания прошли в мае–июле, но не привнесли ничего нового в повседневную работу, зато порядком отвлекли от полевых работ. Далее обком провёл кадровые перестановки: заменил ряд работников, отвечавших за отрасль, освободил от должностей руководителей отстающих районов, подобрал 90 агрономов и зоотехников на должности председателей колхозов (таковых в области насчитывалось 1625). Для «оказания помощи» в проведении сева, уборки и хлебозаготовок в сельские районы командировали всех членов бюро обкома, облисполкома, руководителей иных учреждений и более сотни управленцев рангом пониже. Благодаря этому на пару месяцев «улучшилась живая связь» с местными партийными организациями.

Но одновременно из-за отсутствия начальства оказалась надолго парализована деятельность областных органов. Агитационная работа, практическая польза от которой неочевидна, но о которой можно эффектно доложить наверх, проводилась наспех. За месяц в обкоме набрали 350 внештатных докладчиков и отправили во все районы пропагандистские группы по 4–5 человек. Заодно разослали 100 тыс. лозунгов и 70 тыс. бланков «боевых листков» и устроили в колхозах и МТС 5432 собрания по обсуждению социалистического соревнования, которые охватили 232 тыс. человек. Повышенные обязательства трудящихся дополнили повышенными заданиями от обкома. Сельские районы обязали в срочном порядке построить десятки животноводческих помещений (причём лесоматериалы для них колхозам предстояло заготовить самостоительно), а МТС – взвести сверх плана 15 мастерских, оборудование для которых ещё предстояло запросить в республиканском правительстве. Также для смягчения дефицита рабочей силы организовали переезд колхозников из одних районов в другие. Однако переселение провели под самый конец уборочной, что не позволило решить проблему⁵⁸.

Описанные и другие мероприятия часто не давали даже минимального эффекта, поскольку осуществлялись без надлежащей подготовки. Так, распоряжение Кемеровского обкома о начале сева на полторы–две недели раньше привычного срока МТС не выполнили из-за отсутствия топлива, которое и прежде завозилось с большим опозданием. Перекрёстным способом, обеспечивавшим более высокий урожай, удалось засеять лишь 20% площадей, так как руководство области не запросило у Совмина РСФСР необходимого количества семян, а собственных запасов колхозы не имели. По этой же причине сортовые посевы составили менее 80%⁵⁹. В Архангельской обл. весенний сев вместо запланированных 15–20 дней в очередной раз растянулся на 50–60 – не хватало трактористов, поэтому и без того дефицитные трактора работали в одну смену. Не удалось выполнить и указание ЦК о прекращении содержания общественного скота на личных подворьях: из-за отсутствия помощи колхозы смогли за лето своими силами взвесить помещения для содержания лишь 2,7% лошадей, 9,4% коров и 24,2% свиней⁶⁰.

С помощью очередного аврала, усиленного вмешательством центра, большинству обкомов удалось решить основную задачу – выполнить хлебозаго-

⁵⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 351, л. 80–87.

⁵⁹ Там же, д. 273, л. 84–87.

⁶⁰ Там же, д. 570, л. 64–68.

товки. 11 из 13 областей Центрального Нечерноземья сдали государству положенное количество зерна, в то время как в 1950 г. этого добилась только Брянская обл.⁶¹ Также с хлебозаготовками справились Крымская, Новгородская и Псковская области, Кабардинская, Марийская и Мордовская АССР⁶². Благодаря этому удалось компенсировать недобор зерна в ведущих аграрных регионах, пострадавших от засухи⁶³.

Однако положение в сельском хозяйстве указанных регионов почти не изменилось. Посевные площади увеличились лишь на несколько процентов, а механизация полевых работ осталась на прежнем уровне. Урожайность по сравнению с предыдущим годом снизилась, валовые сборы зерна выросли незначительно, трёхлетний план по животноводству не выполнил никто. Трудовая дисциплина по-прежнему оставляла желать лучшего: 18–20% трудоспособных колхозников не выработали минимума трудодней. Выдача зерна на трудодень в областях Нечерноземья оказалась существенно ниже, чем в других регионах РСФСР (0,42–0,69 кг и 1,42 кг соответственно), а оплата составила от 7 до 30 коп. при среднем показателе по СССР 1 руб. 49 коп.⁶⁴ Поэтому некоторые региональные руководители признали, что «обеспечить того перелома в работе, который предусматривался постановлением ЦК ВКП(б)», не удалось. Им вторили работники ЦК, побывавшие на местах, которые отмечали, что «заметных улучшений в сельском хозяйстве... до сих пор не произошло, а по ряду показателей положение даже ухудшилось»⁶⁵.

В Москве понимали, что одних усилий регионов недостаточно, поэтому к решению амбициозной задачи подключили центральные органы. 11 апреля 1952 г. Совет министров СССР принял постановление «О мерах по расширению посевных площадей и повышению урожайности яровой и озимой пшеницы в колхозах и совхозах Нечернозёмной зоны». Дюжину союзных министерств обязали помочь партийно-советским структурам 22 регионов РСФСР совершить прорыв в аграрной сфере. К 1955 г. планировалось достичь урожайности, озвученной в решениях ЦК по отчётом обкомов, и за три года увеличить валовые сборы пшеницы на 60%. Для этого наметили на треть расширить посевные площади, уже в 1953 г. перейти на сплошные сортовые посевы, в 2,5 раза увеличить внесение минеральных удобрений, довести уровень механизации сева до 90–95%, а уборки – до 65–85%⁶⁶. Таким образом, центр не только выделил значительные материальные ресурсы, но и снял с «регионалов» львиную долю ответственности за его выполнение.

В связи с этим кампания по проверке региональных комитетов пошла на спад. Весной 1952 г. ЦК заслушал отчёты лишь шести крайкомов и обкомов, и только в трёх из них вопросы сельского хозяйства стояли на первом месте. Освободив от работы руководителей Кировской обл. и предупредив руководство Пензенской обл. и Красноярского края, высший партийный орган потребовал «устранить ошибки и недостатки» и уже в 1952 г. добиться повышения

⁶¹ Кометчиков И. В. Региональная власть и деревня Центрального Нечерноземья... С. 140–142.

⁶² РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 377, л. 140–154; д. 431, л. 13–23, 25–53; д. 550, л. 38–60; д. 600, л. 76–80; д. 609, л. 63–75.

⁶³ Мотревич В. П. «Новый курс» в сельском хозяйстве СССР (к 60-летию аграрной реформы 1953 г.) // Аграрный вестник Урала. 2013. № 8. С. 36.

⁶⁴ РГАЭ, ф. 1562, оп. 33, д. 804, л. 62–71.

⁶⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 273, л. 88; д. 570, л. 66.

⁶⁶ РГАНИ, ф. 3, оп. 30, д. 356, л. 1–10 об.

урожайности и роста поголовья скота. Более масштабные задачи уже не ставились⁶⁷. Вместе с тем Москву мало заботило то, как исполняются прошлогодние постановления. Все письменные отчёты, представленные через полгода и год после ревизии, довели до Маленкова, но на обсуждение Секретариата и тем более Оргбюро они не выносились. Санкции за нерадивое выполнение прежних указаний постигли первых секретарей Калужского, Кемеровского, Смоленского и Ярославского обкомов, отправленных в отставку в августе–сентябре 1952 г. Впрочем, эти отставки прошли дежурно – в рамках профилактических кадровых передвижек накануне XIX съезда партии, без оглашения и тем более публичного обсуждения их причин⁶⁸.

Отсутствие намерения продолжить кампанию по подъёму сельского хозяйства путём «встряски» региональных комитетов подтверждают и другие факты. Все вопросы посевной, уборочной и заготовительных кампаний в 1952 г. решались наименее затратным способом – принятием декларативных совместных постановлений ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР. Почти не применялись такие меры, как принятие решений по отдельным регионам, посылка уполномоченных и комплексные проверки. Даже засуха, вновь охватившая Украину, Молдавию и Казахстан, степной пояс европейской части России, Подонье и Поволжье, Урал и Западную Сибирь⁶⁹, не сподвигла центр на решительные шаги. Чтобы не омрачать картину благополучия накануне «судьбоносного» съезда, руководство страны просто снизило план хлебозаготовок, благодаря чему его смогли выполнить даже регионы, пострадавшие от природной стихии. На самом же съезде и вовсе пошли на подлог, объявив, что собранный в 1952 г. урожай составил 8 млрд пудов – на 48% больше, чем в 1940 г. В реальности он оказался меньше довоенного – всего 4,9 млрд пудов⁷⁰.

Для наращивания производства сельскохозяйственной продукции требовалось скорректировать аграрную политику, проводившуюся с 1930-х гг. Некоторые её ключевые принципы пересмотрели только в сентябре 1953 г., когда пленум ЦК КПСС постановил снизить налоги на деревню, списать имеющуюся у колхозов задолженность, повысить заготовительные и закупочные цены. Но усиление экономического стимулирования отнюдь не повлекло за собой отказа от традиционных методов управления отраслью. Тот же пленум призвал «поднять уровень политической и организаторской работы в деревне, мобилизовать творческую активность коммунистов, комсомольцев, всех колхозников, работников МТС и совхозов» и «повысить ответственность наших кадров»⁷¹. Более того, требуя от региональных руководителей «изменить методы руководства сельским хозяйством», сам ЦК продолжал действовать административным нажимом. Так, в декабре 1953 г. и январе 1954 г. он заслушал отчёты более десятка обкомов партии и освободил их первых секретарей от должности «как

⁶⁷ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 259–265; РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 652, л. 2, 4–13; д. 659, л. 2, 8–19.

⁶⁸ Федоров А.Н. Ротация первых секретарей региональных комитетов ВКП(б)... С. 137–138.

⁶⁹ Круглов В.Н. «Последний сталинский голод»: кризис продовольственного обеспечения в СССР начала 1950-х гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2013. М., 2014. С. 407–408; Национальный доклад «Глобальный климат и почвенный покров России... С. 39–40.

⁷⁰ Маленков Г.М. Отчётный доклад Центрального Комитета ВКП(б) XIX съезду партии // Правда. 1952. 6 октября. С. 5; РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 112, л. 18.

⁷¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Изд. 9. Т. 8. 1946–1955. М., 1985. С. 336.

не справившихся с работой», т.е. не способных обеспечить быстрого подъёма сельского хозяйства⁷².

В послевоенные годы в условиях дефицита материальных и людских ресурсов руководство СССР для решения проблем сельского хозяйства активно прибегало к административным методам управления. Наиболее часто применялись повседневный контроль и рассылка уполномоченных. Ещё один метод – комплексные проверки региональных комитетов партии – требовал немалого времени и поэтому применялся избирательно. За весь период «позднего сталинизма» такие ревизии в массовом порядке провели только в 1951 г., когда центр попытался улучшить ситуацию в отрасли и смягчить последствия засухи. Проверки, в ряде случаев закончившиеся кадровыми перестановками, мобилизовали региональное руководство проблемных регионов и позволили достичь краткосрочных целей (выполнения хлебозаготовок). Однако они не могли компенсировать острого дефицита материальных, людских и управлеченческих ресурсов и обеспечить подъём аграрной сферы. Для этого требовалась более тщательная организационная работа, а главное – существенная корректировка политического курса.

⁷² Хлевнюк О., Горлицкий Й. Секретари... С. 194–195.

А.Н. Верещагин.

**Кассационный Сенат (1866–1917).
Очерки устройства и деятельности верховного суда
Российской империи**

В наше время трудно писать о реформах. После десятилетий мучительных и зачастую бестолковых экспериментов они вызывают уже не завышенные и заведомо несбыточные ожидания, как прежде, а скорее настороженность и предубеждённость. Может даже показаться, что удавшихся преобразований и вовсе не бывает, а есть только недостаточно изученные...

Тем не менее судебную реформу 1864 г. в историографии традиционно признают одной из наиболее успешных. Она создала суд, конечно, далеко не идеальный, но значительно более совершенный, нежели тот, что существовал в России до середины 1860-х гг. или после 1917 г. Это был удивительно удачный опыт, но как ни странно, он сравнительно редко привлекает к себе внимание исследователей. Во многом тут сказываются объективные препятствия: историкам, как правило, не хватает юридической подготовки, а юристы обычно плохо знают исторический контекст споров вокруг той или иной нормы, да и не чувствуют преемственности правовых систем прежней империи и современной федерации.

Поэтому новая книга А.Н. Верещагина – кандидата исторических наук, защитившего диссертацию в МГУ им. М.В. Ломоносова в 1997 г., и доктора права, получившего степень в Эссекском университете Великобритании, а ныне являющегося главным редактором журнала «Закон», – представляет исключительный интерес¹. Она посвящена организации и работе одного из ключевых институтов, созданных реформой 1864 г., – кассационных департаментов Правительствующего Сената (вслед за современниками автор именует их для краткости «Кассационным Сенатом»). Прослеживая историю этих подразделений, наделённых властью «верховного кассационного суда, ... один для уголовных, другой для гражданских дел» (ст. 114 Учреждения судебных установлений), автор характеризует всю систему осуществления правосудия в пореформенной России, как в её общих чертах и первоначальном замысле, так и в деталях и повседневной практике. При этом юридические нормы и институты возникают и меняются в книге не сами по себе или по некоей одному исследователю ведомой логике, но развиваются в напряжённой борьбе идей и людей, то сближавшихся, то резко расходившихся друг с другом, и под влиянием тех или иных конкретных проблем, возникавших при столкновении мысли законодателя или толкователя закона с реалиями империи. Жанр очерков позволяет автору в каждом конкретном случае выстраивать особую драматургию событий, а читателю – следовать за захватывающими интригами разногласий, колебаний и решительных поступков, выливающихся в итоге в очередной нормотворчес-

¹ Верещагин А.Н. Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи. М.: Издательская группа «Закон», 2022. 616 с., ил.

ский прецедент, из которых постепенно складывается пёстрая, но отнюдь не мрачная картина правового пространства царской России.

Нельзя не отметить и то, что книга написана ярким, образным, местами даже хлестким языком, и стилистически напоминает лучшие образцы дореволюционной публицистики и мемуарной прозы, что отнюдь не снижает её научных достоинств. Напротив, она показывает, что гуманитарная наука – не мёртвое каталогизированное знание, пригодное лишь для постмодернистских игр в деконструкцию и гипертексты, а живое и необходимое для жизни осмысление опыта других людей, умевших широко мыслить и глубоко чувствовать и потому собственно и оставивших нам память и памятники высокой правовой, законодательной, административной, интеллектуальной, художественной и иной культуры. Времена Российской империи ушли давно и безвозвратно, условия не раз изменились, некогда разрушенные структуры не подлежат реставрации и не нуждаются в пародийном копировании. Но её прошлое по-прежнему будет ум примерами смелого и самобытного государственного и общественного творчества, диалогическое обращение к которым возвращает их в нашу действительность, делая её гораздо богаче и восстанавливая рвущуюся нить исторической преемственности независимо от каких бы то ни было политических форм.

Очерки Верещагина, погружающие читателя в, казалось бы, совершенно неактуальные нюансы минувшего, написаны с болью за настоящее и с заботой о будущем. Его эмоциональные выпады, по-видимому, сознательно провоцируют полемику, которая привлекла бы дополнительное внимание к работе и её проблематике. Хочется надеяться, что книга придаст новый импульс изучению судебной реформы 1864 г., созданных ею учреждений, связанных с ними людей и политической системы преобразованной России в целом.

В обсуждении труда А.Н. Верещагина приняли участие доктора исторических наук Д.А. Андреев, Е.А. Крестьянников и А.С. Минаков, а также кандидаты исторических наук Т.Ю. Борисова, И.И. Верняев и А.В. Мамонов.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

Андрей Минаков: Правовые ценности императорской России в зеркале Правительствующего Сената

*Andrey Minakov (Moscow State Pedagogical University, Russia;
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow);
The legal values of Imperial Russia in the mirror of the Governing Senate*

DOI: 10.31857/S2949124X24060196, EDN: RKZQVI

Несмотря на неоднократное изменение своих полномочий и функций, Правительствующий Сенат вплоть до крушения царской России занимал особое положение среди её высших политических институтов. Согласно Своду законов, это было «верховное место, которому в гражданском порядке суда, управления и исполнения подчинены все вообще места и установления в империи»². Неудивительно, что его устройство и деятельность не раз освещались в историографии – как в специальных монографиях, так и в обобщающих тру-.

² Свод законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1832. Ст. 253. С. 65.

дах, среди которых, конечно, выделяется пятитомная «История Правительствующего Сената за двести лет», изданная в 1911 г. Вместе с тем роль Сената в формировании правосознания русского общества в пореформенный период всё ещё нуждается в изучении. И весьма важным шагом на этом пути является выход книги историка и юриста А.Н. Верещагина, посвящённой кассационной деятельности сенаторов.

Историю Сената автор делит на три периода: «начальный» (1711–1763 гг.), «средний» (1763–1864 гг.) и «зрелый» (1864–1917 гг.). Со времён Петра I самодержцы выражали желание управлять страной, уважая дарованные подданным права и действующие законы. Оптимизация судебной системы неизменно являлась одним из приоритетов правительственной политики даже в условиях стремительных перемен и в отсутствие кодифицированного законодательства и профессиональных юристов.

Хотя Верещагин видит в Сенате преемника Боярской думы (с. 7–8), упоминание о которой к 1704–1707 гг. исчезает из документов, скорее к нему перешли дела Расправной палаты и Ближней канцелярии, превратившейся в центр распорядительной, законотворческой, судебной власти при царе и затем трансформированной в делопроизводственную часть Сената. Учреждая его, Пётр I создавал не собрание советников, а постоянный орган с широкими полномочиями и строгой отчётностью, обеспечивавший текущее управление государством во время бесконечных походов и отъездов монарха³. При Александре I и Николае I подготовка кодификации неизбежно вела к переменам в судебной системе (с. 19). И если ранее включение в Полное собрание законов судебных решений объяснялось вынужденными исключениями или даже ошибками составителей⁴, то Верещагин усматривает в этом признание подобных прецедентов одним из источников права (с. 26–27).

В эпоху Великих реформ преобразование суда оказалось наиболее завершённым, несмотря на незрелость культурно-образовательной среды (с. 106–108) и недостаток юристов, остро ощущавшийся в первые пореформенные десятилетия. Сказывались и внутрикорпоративные противоречия, например, соперничество воспитанников Александровского лицея и Училища правоведения с выпускниками юридических факультетов университетов (с. 90), к концу XIX в. численно преобладавшими среди чиновников судебного ведомства над «лицеистами» и «правоведами», но не имевшими их привилегий. Между тем наполнить штаты разраставшейся судебной сети и удовлетворить постоянно увеличивавшийся спрос на адвокатов могли только университеты. По подсчётам А.Е. Иванова, в последние 20 лет существования империи именно юристы превалировали среди российских студентов. За 1896–1916 гг. их было выпущено около 34,5 тыс., тогда как лицеистов и правоведов в тот же период насчитывалось менее 2 тыс.⁵

³ История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 1. СПб., 1911. С. 56–59; Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 451–452; Реформы в России с древнейших времён до конца XX в. Т. 1. М., 2016. С. 331–334; Т. 2. М., 2016. С. 30–31.

⁴ Майков П.М. О Своде законов Российской империи. М., 2006. С. 7–8; Ерошкин Н.П. Полное собрание законов Российской империи // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968. Ст. 280–282.

⁵ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 318–319, 323.

На страницах книги часто встречаются яркие образы министров, сенаторов, судей, прокуроров, губернаторов, присяжных поверенных, учёных. В исследовании Верещагина тонкий психологизм сочетается с масштабным социокультурным анализом сенаторского корпуса. В приложениях приводятся ценные данные о личном составе Гражданского и Уголовного кассационных департаментов. По мнению Верещагина, должность сенатора не была синекурой, а её обладатели ответственно относились к служебным обязанностям и благодаря своим профессиональным и личным качествам внесли реальный вклад в утверждение принципа верховенства права и развитие правовой культуры русского общества (с. 132). Как правило, в кассационные департаменты назначали дипломированных юристов с опытом службы в судебных учреждениях. Однако чистота сенаторских рядов нарушалась, например, назначением бывших губернаторов (с. 173, 287). Правда, ещё П.А. Зайончковский подметил, что в кассационных департаментах это случалось редко, но в других практиковалось весьма активно⁶, бросая тень на весь Сенат, который становился предметом язвительного обсуждения как в бюрократических кругах, так и в прессе.

На заре реформ герценовский «Колокол» писал: «У нас мода, как скоро губернатор или какой высший чиновник оказывается таким мошенником, что уже из рук вон плохо, его делают сенатором... Конечно, губернаторы, назначаемые в сенаторы, недовольны своим назначением, потому что сенаторское звание не так доходно, как губернаторское место; но всё же сенаторское звание не ничтожно, всё же звание почётно»⁷. А.А. Половцов 16 декабря 1891 г. сетовал в дневнике на то, что «есть приказание государя о назначении сенаторами трёх губернаторов, негодность коих сделалась очевидной при борьбе с голодом»⁸.

Конечно, каждый такой эпизод следует внимательно разбирать, однако пополнение Сената вчерашними губернаторами объяснялось не только желанием обеспечить им комфортное продолжение карьеры. В атмосфере радикализации общества со второй половины 1860-х гг. самодержавие мирилось с независимостью и несменяемостью судей, включая сенаторов (с. 182–188), но старалось увеличивать среди них долю и влияние опытных и надёжных администраторов.

К началу XX в. нормы Свода законов по-прежнему сосуществовали в России с миром обычаев и своеобразным пониманием принципов справедливости во всех слоях общества. Идеи правового регулирования с трудом проникали в народные массы, встречая там недоверие и скепсис. Складывалась ситуация, когда, по меткому выражению крупного государствоведа тех лет Э.Н. Беренданца, «уважение к закону легко делается исключительно внешним подчинением, как норме временной или прихоти начальства»⁹. К тому же возможности новой судебной системы «плохо сочетались с традиционными схемами самодержавного мышления и умонастроений»¹⁰. Несмотря на вполне «европейскую» оболочку, она всегда функционировала с оглядкой на традиционные порядки, что с особой резкостью проявилось в годы Первой русской революции (с. 209–210).

⁶ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 203–204.

⁷ Колокол. 1857. 1 июля. № 1. С. 7–8.

⁸ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. М., 1966. С. 400.

⁹ Беренданц Э.Н. Связь судебной реформы с другими реформами императора Александра II и влияние её на государственный и общественный быт России. М., 2016. С. 121–122.

¹⁰ Уортман Р.С. Власти и судьи: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 456.

Верещагин полагает, что судебная реформа 1864 г. ограничила прерогативы монарха в важной области управления, а кассационная деятельность Сената свидетельствовала о росте правосознания в России и обостряла противоречия внутри самодержавного строя. Способствовала этому и адвокатская корпорация, представители которой порою воспринимали свой труд как исполнение некоей миссии (с. 105).

Автор справедливо указывает на то, что «после введения Судебных уставов не на словах, а на деле было достигнуто равенство перед законом» (с. 83). Однако парадокс социального развития заключался в том, что оно насаждалось при сохранении крайнего неравенства в других сферах жизни. И тут Россия не отличалась от других империй, которые «поощряли определённое равенство на фоне различных видов неравенства»¹¹.

Благодаря исследованию Верещагина Сенат и судейский мир станут понятнее для читателей. Их эволюция являлась своеобразным мерилом готовности политической системы к модернизации, публичности и конкурентности. Сохранив верность букве закона даже в прокрустовом ложе неограниченной монархии, сенаторы установили высокую планку политico-правовых требований к государству. Её несоответствие характеру общественных отношений, проявившееся в начале XX в., являлось красноречивым предупреждением самодержавию, которому история оставляла катастрофически мало времени для обновления.

Татьяна Борисова: Правительствующий Сенат после судебной реформы 1864 г.¹²

Tatiana Borisova (European University at Saint Petersburg, Russia; HSE University, Saint Petersburg, Russia): The Governing Senate after the judicial reform of 1864

DOI: 10.31857/S2949124X24060208, EDN: RKYFVN

В июне 1891 г., узнав о назначении А.Ф. Кони сенатором, В.П. Буренин припомнил в ёдкой эпиграмме, как в Древнем Риме «в Сенат коня Калигула привёл». Анатолий Фёдорович будто бы ответил на этот выпад, обыгryвая басню Ж. Лафонтена «Осёл, одетый в шкуру Льва»: «Ведь то прогресс, что нынче Кони, / Где раньше были лишь ослы»¹³. К тому времени прошло уже более шести лет, как он служил в должности обер-прокурора Уголовного кассационного департамента (УКД) Сената. Ради неё Кони оставил председательское кресло в гражданском отделении Санкт-Петербургской судебной палаты, пожертвовав правом несменяемости и рискуя увольнением за строптивый характер. Полгода спустя он с энтузиазмом делился с П.Д. Боборыкиным своими чувствами: «Дело интересное, живое и наполняет моё время всецело. Старая петровская закваска ещё живёт в Сенате и делает это учреждение одним из “государственных тел”, которое при некоторой энергии может благотворно влиять на порядочливое от-

¹¹ Кирмзе Ш.Б. Империя законности. Юридические перемены и культурное разнообразие в позднеимперской России. М., 2023. С. 26.

¹² Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)».

¹³ Смолярчук В.И. Анатолий Фёдорович Кони (1844–1927). М., 1981. С. 121.

правление правосудия и правильное толкование закона»¹⁴. Однако усталость от изнурительного труда быстро нарастила и вынудила его, ввиду намечавшейся замены министра, самому просить об отставке, которая и была ему дана вместе с производством в тайные советники и повелением присутствовать в Сенате уже в качестве полноправного члена¹⁵. Правда, в 1892–1896 гг. Кони вновь пришлось вернуться к исполнению обер-прокурорских обязанностей, наряду с сенаторскими, в том же УКД¹⁶. Так или иначе, опыт Кони явно не соответствовал расхожему представлению о сенаторах как почтенных и не всегда компетентных стариках в красно-золотых мундирах при звёздах и лентах. А книга А.Н. Верещагина и вовсе разрушает данный историографический стереотип.

В своей обширной монографии известный историк и правовед прослеживает утверждение самостоятельной судебной власти в последние полвека существования Российской империи, уделяя основное внимание трансформации роли Сената, получившего значение высшей кассационной инстанции, и профессионализации правосудия во второй половине XIX – начале XX в. В чём-то опираясь на юбилейный труд 1911 г. и монографию У. Вагнера о Гражданском кассационном департаменте (ГКД) Сената¹⁷, Верещагин выходит за рамки собственно истории государственного учреждения, освещая как отдельные эпизоды, так и общие черты, характерные для судебной практики, правительской политики и общественной мысли пореформенного времени. При этом он широко использует сами сенатские решения, законодательные акты, делопроизводственные материалы, мемуаристику и публикации в периодической (и прежде всего юридической) печати. Большим достоинством фундаментальной работы Верещагина является то, что российские реалии трансформации судебных учреждений рассматриваются в ней в сравнении с синхронными процессами и порядками в европейских государствах.

Монография существенно дополняет историю судебной реформы, раскрывая её через призму «яркой полувековой биографии» Кассационного Сената (с. 4). Действительно, высший судебный орган так или иначе затрагивал все стороны эволюции пореформенного правосудия. Основной тезис, который автор вполне убедительно развивает в своём труде, состоит в том, что после реформы 1864 г. принцип верховенства права и независимости судей существенно ограничил самодержавие императора в сфере судопроизводства. Показательно, что «за всё время применения Судебных уставов не было ни единого случая, чтобы решение суда, вынесенное по этим уставам, было отменено или изменено на основании высочайшего повеления» (с. 189).

В отличие от тех современных историков, которые исследуют явления и тенденции, проходящие сквозь такие разрывы и развики отечественной истории, как петровские преобразования, Великие реформы 1860–1870-х гг. и революции начала XX в.¹⁸, Верещагин, напротив, пишет о радикальной но-

¹⁴ Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. Т. 8 / Под ред. В.Н. Баскакова. М., 1969. С. 81.

¹⁵ Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов 1711–1917 гг. Материалы для биографий / Публ. Д.Н. Шилова. СПб., 2011. С. 215.

¹⁶ Кони А.Ф. Триумвиры // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 т. Т. 2 / Под ред. С.С. Волка. М., 1966. С. 316–328.

¹⁷ История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711–1911 гг. Т. 1–5. СПб., 1911; Wagner W.G. Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994.

¹⁸ См., в частности: Акельев Е. Режимы публичности и верховная власть в Московском царстве и Российской империи // Cahiers du monde russe. Vol. 62. 2021. № 4. Р. 785–814, Borisova T.,

визне Судебных уставов 1864 г. (с. 33) и о «катастрофе» 1917 г., когда накопленный Сенатом «опыт судебного строительства и судебного нормотворчества был разом перечёркнут и в целом забыт» (с. 529). Говоря об институтах, возникших при Александре II, исследователь считает, что, «в сущности, само слово “реформа” можно применить к произошедшему только условно: настоящая реформа предполагает *преобразование* существующего, тогда как революция означает его *разрушение*. Здесь же не было ни того, ни другого: существующее здание не подвергалось ни разрушению, ни перестройке, а было аккуратно разобрано и тут же, без пыли и шума, заменено абсолютно другим» (с. 33).

Не случайно, следя за источниками, автор часто прибегает к метафоре «воздевения» новых государственных структур. Но ведь функционирование государства по-своему передают и другие образы, например, «машины», «архива» или «процесса движения бумаг»¹⁹. Историки и антропологи всё чаще размышляют о том, с какой целью документировалась работа государства, кому и что показывали производимые чиновниками тексты, зачем они хранились. Верещагин далёк от этой проблематики. Вместе с героями своей монографии он воссоздаёт «строение» пореформенного Сената, доказывая, что каждодневная работа кассационных департаментов свидетельствовала о высоком потенциале российской юриспруденции и последовательном утверждении без каких-либо «контрреформ» власти профессиональных юристов. Тем самым автор оспаривает распространённые представления о критическом дефиците в России правового сознания и необходимой для его развития институциональной базы²⁰. Однако хотелось бы знать, как соотносится изображённая им картина, например, с плачевным состоянием административной юстиции²¹?

Эмоциональность отдельных высказываний и оценок, присущая книге Верещагина и переходящая порою в раздражение и несдержанную полемику с коллегами, к сожалению, мешают осмыслению авторских наблюдений. Между тем очевидно, что критического отношения заслуживают не только исследовательские предрассудки и клише, наверное, неизбежные, но и свидетельства самих исторических деятелей, не исключая юристов, которые в пылу политической борьбы не раз выступали пристрастными оппонентами органов власти, особенно в период Думской монархии²².

В целом же, монография А.Н. Верещагина — серьёзный труд, в котором историки найдут неизбитые свидетельства источников, глубокий анализ судебной практики и законодательства, а также обильную пищу для размышлений о праве и его роли в России — как в прошлом, так и в настоящем.

Burbank J. Russia's Legal Trajectories // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 19. 2018. № 3. P. 469–508.

¹⁹ Stollberg-Rilinger B. *Der Staat als Maschine. Zur politischen Metaphorik des absoluten Fürststaats*. Berlin, 1986; Stoler A.L. Colonial archives and the arts of governance // *Archival science*. 2002. Vol. 2. P. 87–109; Hull M. *Government of Paper: The Materiality of Bureaucracy in Urban Pakistan*. Berkeley, 2012.

²⁰ Энгельштейн Л. «Комбинированная» неразвитость: дисциплина и право в царской и советской России // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 31–49.

²¹ Подробнее см.: Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.). СПб., 2000.

²² Борисова Т.Ю. Свод законов Российской империи в 1905–1917 гг.: политическая борьба вокруг кодификации. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.

Игорь Верниев: Организация и правотворчество кассационных департаментов Правительствующего Сената²³

Igor Verniaev (Saint Petersburg State University, Russia; HSE University, Moscow, Russia): Organization and law-making of cassation departments of the Governing Senate

DOI: 10.31857/S2949124X24060213, EDN: RKSAQM

В последние десятилетия в историографии существенно корректируются пессимистические оценки судебной системы преформенной России и её способности обеспечить правовой порядок и сформировать общее нормативное пространство, гибко реагируя на происходящие социальные изменения. Исследователи всё чаще отказываются от крайностей концепции правового дуализма, представлений о чуждости государственных законов и судебных учреждений для широких масс населения и несовместимости преформенной юстиции с разнообразием сообществ и окраин империи²⁴.

В этом историографическом контексте появление основательной монографии А.Н. Верещагина о кассационных департаментах Сената вполне своевременно. Убедительна и его критика существующих исследований по кассационной сенатской деятельности за недостаточную аналитичность и преимущественно обзорно-фактографический характер²⁵. Со своей стороны, Вере-

²³ Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», реализуемый на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

²⁴ Wagner W. The Civil Cassation Department of the Senate as an Instrument of Progressive Reform in Post-Emancipation Russia: The Case of Property and Inheritance Law // Slavic Review. Vol. 42. 1983. № 1. P. 36–59; Wagner W. Family law, the rule of law, and liberalism in late imperial Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1995. H. 4. S. 519–535; Wagner W. Civil Law, Individual Rights, and Judicial Activism in Late Imperial Russia // Reforming Justice in Russia, 1864–1996: power, culture, and the limits of legal order / Ed. by P. Solomon. N.Y., 1997. P. 29–44; Kirmse S. The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia. Cambridge, 2019; Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington, 2004; Burbank J. An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 7. 2006. № 3. P. 397–431; Gaudin C. Ruling Peasants: Village and State in Late Imperial Russia. DeKalb, 2007; Neuberger J. Popular Legal Cultures: The St. Petersburg *Mirovoi Sud* // Russia's Great Reforms, 1855–1881 / Ed. by B. Eklof, J. Bushnell, L. Zakharova. Bloomington, 1994. P. 231–246; Neuberger J. When the Word Was the Deed: Workers vs. Employers Before the Justices of the Peace // Workers and the *Intelligentsia* in Late Imperial Russia: Realities, Representations, Reflections / Ed. by R.E. Zelnik. Berkeley, 1999. P. 292–308; Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб., 2015. С. 9–165; Горская Н.И. Земство и мировой суд в России: законодательство и практика второй половины XIX века (конец 50-х – конец 80-х гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; Попп И.А. Мировой суд в Пермской губернии. Екатеринбург, 2011; Верниев И.И. Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. № 4; Верниев И.И. Историческая динамика судебно-правовой интеграции Российской империи. СПб., 2021; Верниев И.И. Регионализация, адаптация и укоренение преформенной юстиции на окраинах Российской империи // Уральский исторический вестник. 2024. № 1(82). С. 33–42.

²⁵ Особняком стоят исследования У. Вагнера (Wagner W. Op. cit.). Проведённый им анализ нормотворчества Сената в сфере семейно-брачного и наследственного права показал, что Гражданский кассационный департамент (ГКД) смог адаптировать действовавшее законодательство к менявшимся потребностям и условиям жизни российского общества. При этом полномочия Сената в области судебного правотворчества, по мнению Вагнера, были уникальны и для России, и для континентальной Европы. Верещагин во многом разделяет и развивает эти наблюдения.

щагин рассматривает организацию и решения Сената с учётом особенностей функционирования и изменения судебной системы в пореформенное время. Полемизируя с критически настроенными публицистами и историками, автор констатирует, что новым судам в целом удалось обеспечить принцип равенства перед законом, и они реально оказались востребованными разными слоями общества, доказав свою эффективность. Верещагин опровергает широко распространённое мнение о том, что громадное большинство жителей России (прежде всего крестьяне) не имели возможности прибегать к нормам Свода законов и обращаться в действовавшие в соответствии с ними учреждения. Напротив, судя по приведённой в книге статистике постановлений ГКД за 1900 г., в около 20% решённых им дел хотя бы одной из сторон выступали крестьяне. Крестьянские поземельные тяжбы в изобилии велись в окружных судах (с. 84). Учитывая это важное наблюдение, исследователям ещё предстоит изучить динамику состава участников кассационных процессов и выявить степень вовлечённости в них тех или иных социальных слоёв.

Как отмечает автор, в пореформенной России суды разного уровня стали центром всей юридической жизни, к которому институционально были привязаны прокуратура, адвокатура (присяжные и частные поверенные), нотариат, судебные следователи, приставы. Вместе с тем, отчасти вследствие дефицита человеческих и материальных ресурсов, полноценные в профессиональном отношении органы юстиции приходилось дополнять упрощёнными, но при этом более массовыми (общие и мировые суды, присяжные и частные поверенные, старшие и младшие нотариусы и т.п.) (с. 105–107). Коллегиальный характер принятия решений существенно ограничивал попытки министерства воздействовать на отдельных судей при помощи поощрений и замечаний и обеспечивал их самостоятельность и независимость (с. 96–97).

Мимоходом автор упоминает и об этноконфессиональном составе судебного ведомства, который заслуживает, конечно, отдельного освещения. Как пишет Верещагин, «кассационных сенаторов польского происхождения было немало» (с. 116). Полякам не доверяли вершить суд лишь в губерниях Западного края и Царства Польского. В то же время «лиц иудейского вероисповедания... на судебные должности действительно не назначали» (с. 117). Однако «проявления антисемитизма» на процессах «Сенат решительно пресекал» (с. 119–120). Своя специфика, связанная со службой местных уроженцев, существовала в округе Кавказской судебной палаты; ряд конфессиональных ограничений применялся в Прибалтике. В целом же картина была сложной, меняющейся и различающейся в зависимости от условий той или иной окраины²⁶.

Во многом позитивно в монографии оценивается судебная реформа 1889 г. (обычно именуемая в историографии «контрреформой»), которая способствовала сближению крестьянских волостных судов с общегражданскими. Волостная юстиция постепенно двигалась в направлении всё более широкого использования норм Свода законов, а не обычного права. Нельзя признать контрреформаторской мерой и перераспределение реформой 1889 г. подсудности в пользу волости. Приговоры волостных судов теперь могли быть обжалованы в уездных и губернских смешанных судебно-административных учрежде-

²⁶ Подробнее см.: Верняев И.И. Адаптация мировой юстиции...; Верняев И.И. Динамика кадрового состава имперской мировой юстиции в Прибалтийском крае, 1889–1913 гг.: русификация *vs* коренизация, элитарность *vs* демократизация // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2023. № 1(45). С. 61–93.

ниях, а также в Соединённом присутствии Первого и одного из кассационных департаментов Сената (с. 233–235). Было бы интересно проследить динамику численности и характера сенатских дел, приходивших из волостей, но этот сюжет ещё нуждается в изучении.

Как показал Верещагин, основным фактором изменений в устройстве кассационных департаментов Сената являлся постоянный рост числа поступающих дел. Причину этого исследователь видит в том, что сенатская практика не в полной мере соответствовала модели, заложенной в Судебных уставах 1864 г. Сенат в значительной степени превратился в ещё одну апелляционную инстанцию, в том числе для мировых судов, которые и порождали большую часть дел, поданных на кассацию. И в мировых съездах, и в судебных палатах, а зачастую и в Сенате практиковалась полная апелляция, и проходило новое словесное состязание сторон вместо судебного доклада. При слабой проработанности процессуальных форм недовольные апелляционным решением надеялись на его пересмотр в высшей инстанции. Именно это порождало большой поток кассационных жалоб и отчасти превращало Сенат в «суд справедливости» (с. 308–315). В итоге «прогнозировать исход кассационного обжалования стало весьма затруднительно», поскольку «никакая форма и, соответственно, никакое её нарушение не были существенны сами по себе (*per se*), а всё зависело от взглядов кассационного суда, от его оценки». Более того, «отсутствие обязательных форм судопроизводства во многом стирало различие между государственным (коронным) судом и судом третейским» (с. 314). Между тем Дж. Нойбергер, анализируя эволюцию мировой юстиции, напротив, указывала на всё большую её формализацию со временем даже на этом, низовом уровне нового суда²⁷. Высказывая не звучавшие ранее идеи по дискуссионному вопросу, автору стоило бы подробнее изложить встречающиеся в научной литературе разногласия.

Необходимо отметить и то, что увеличение нагрузки свидетельствовало не только об изъянах судопроизводства, недостатке нормирования или непонимании участниками процессов смысла кассации, но и о росте востребованности пореформенных судов. Впрочем, для лучшего понимания наметившихся тогда тенденций необходим детальный анализ судебной активности, включая расчёт на единицу населения по империи в целом и по отдельным регионам.

Рост нагрузки и сложности многих кассационных дел требовал внутренней специализации в устройстве Сената (региональной и по сферам права), но при этом следовало обеспечить единство кассации, т.е. единообразное толкование и применение правовых норм. Это противоречие представляло, по мнению автора, главный «нерв» в деятельности кассационных департаментов, которым приходилось идти на институциональные компромиссы, что отчётливо проявилось в ходе четырёх реформ Сената (1877, 1889, 1901 и 1913 гг.) и соответственно на протяжении пяти примерно 12-летних циклов его эволюции (с. 175–176, 268–273, 294–295, 308).

Характерно, что на Кавказе, в Сибири и Туркестане кассационные функции выполняли Тифлисская, Омская, Иркутская, Ташкентская судебные палаты, снимавшие тем самым с Сената часть его бремени (в последние годы существования империи они рассматривали более 4 тыс. дел в год) (с. 144–145). К сожалению, в монографии не показано, в какой мере это нарушало единство

²⁷ Neuberger J. Op. cit.

кассации, какова была специфика нормотворчества отдельных палат, насколько они ориентировались в своих решениях на толкования Сената, наблюдались ли (и как широко) различия в применении и интерпретации законов? Для выяснения этого требуется детальный анализ кассационной деятельности судебных палат, ещё не проведённый историками.

Судебная реформа 1889 г., ликвидировав большую часть мировых судов во внутренних губерниях (а в начале XX в. и в Северо-западном крае) и создав кассационные инстанции губернского уровня, также не способствовала единству правоприменительной практики, но вместе с тем существенно, хотя и временно, сократила загруженность Сената. Так или иначе, число сенаторов неоднократно приходилось увеличивать, что Верещагин считает вполне прагматичным и эффективным способом, ненадолго снимавшим остроту проблемы.

Кроме того, с 1877 г. осуществлялось разделение кассационных дел на отдельные (сравнительно простые и типовые, которые рассматривало присутствие из 3–4 сенаторов), и департаментские (более сложные и требовавшие толкования или дополнения действующих норм, для чего в департаменте собирались не менее 7 человек). Это сопровождалось также радикальным сокращением публикации решений. Постепенно сенаторы начинали специализироваться на делах определённого типа (с. 296–297, 319–320).

Сенат получил право разъяснять законы не только при рассмотрении дел, но и во внесудебном порядке, что опять же могло способствовать сокращению числа кассационных процессов благодаря обобщению судебной практики. Однако автор привёл очень мало примеров таких внесудебных разъяснений и отказался от их подробной типологии и анализа. В то же время, по его словам, необходимость сокращения нагрузки вела к введению кассационного залога, вызвала усиление полномочий канцелярии и смещение центра тяжести при принятии решений на обер-прокуроров, заставляла использовать сокращённый порядок рассмотрения дел, не связанных с новым толкованием закона, и т.д. (с. 137–141, 155–158, 177).

О вынужденном размывании принципа единства кассации из-за роста специализации и судебной нагрузки свидетельствовало и проведение общих совещаний, призванных сохранить единство единства деятельности Сената и результатов толкования и применения им законов. На них при участии сенаторов, обер-прокуроров и приглашённых экспертов-практиков обсуждались спорные правовые коллизии, от прояснения которых зависело затем решение того или иного конкретного дела на заседании кассационного департамента. Впоследствии эти неформальные совещания частично легализовали (с. 325–334).

В целом, убедительно обосновав тезис о нараставшей загруженности Сената в условиях всё большей специализации правовых сфер и необходимости сохранения единства кассации и интеграции правового поля империи, автор уклонился от подробного анализа кассационных дел – распределения их по типам, по регионам, откуда они поступали, по социальному и этноконфессиональному составу участников, по принятым решениям. Всё это совершенно необходимо для лучшего понимания собственно деятельности Сената, а не только его «кухни». Так, исследователь указывает на преобладание дел из Западного края и, в частности, из Виленской губ., но его наблюдение носит скорее оценочный характер и не опирается на систематическое исследование

особенностей судебной активности в различных губерниях. Неудивительно, что объяснять его приходится выдержкой из юбилейной статьи о сенаторе В.Л. Исаченко (с. 243–244), которой явно недостаточно.

Говоря о формальных и неформальных методах работы Сената, Верещагин не забывает и о личностях сенаторов. В книге содержится немало их ярких портретов и характеристик, отражающих черты государственного, социального, культурного облика и человеческих качеств. В совокупности они предстают как высокопрофессиональное, исключительно трудолюбивое и преданное закону сообщество. Особо отмечены содержательные и стилистические достоинства сенаторских заключений. Многие из них являлись масштабными аналитическими трудами, опиравшимися на исторические, технологические, экономические и иные изыскания. Сенаторы нередко становились настоящими экспертами в самых различных сферах.

Не игнорирует Верещагин и околосенаторскую среду, будь то обер-прокуроры, на которых лежала подготовка решений Сената, или канцеляристы и помощники разного статуса и функционала. В частности, описан режим их повседневной службы, упомянуто о появлении женщин на канцелярских должностях (с. 137–142). Интерес к этим сюжетам вполне соответствует тенденциям в современной историографии и юридической антропологии.

Анализируя место и миссию Сената в системе управления и вообще в жизни поздней империи, автор отмечает ощущавшийся в стране в конце XIX – начале XX в. «регулятивный голод». Именно потребностью в правовых разъяснениях и прецедентах он объясняет частые обращения к Сенату, который был «решительным правотворцем» (с. 447).

Причём основным средством развития права для сенаторов, как утверждает Верещагин, всегда оставался прецедент, т.е. решение по конкретному делу, призванное служить образцом при рассмотрении других подобных случаев. Во-преки мнениям иных историков, автор настаивает на том, что прецедентное право получило в России достаточно широкое распространение (с. 317).

Для демонстрации «кухни» Сената в монографии избраны и детально разобраны четыре эпизода в различных правовых сферах: определение понятия «эксплуатация» применительно к железным дорогам (с. 448–464); создание конструкта крестьянского «двора», дворовой семейной собственности и модели её наследования (с. 465–482); установление и разграничение категорий клеветы и диффамации (опозорения) (с. 483–508); регулирование приобретения церковных земель на основании давности владения (с. 509–523). Каждый из этих сюжетов изложен мастерски, но всё же не хватает общего систематического обзора областей сенатского нормотворчества и характеристики ключевых прецедентов. Верещагин констатирует, что существовали «целые группы правоотношений, не нормированных законодательной властью», и многие из них разрабатывались Сенатом. Но что именно становилось актуальным в те или иные периоды, какие регионы, социальные круги и сферы жизни преимущественно привлекали к себе внимание?

Имперское измерение кассационной деятельности Сената и её влияние на развитие региональных правовых систем в книге, по сути, не освещается. К примеру, о бессарабском праве автор пишет исключительно для демонстрации использования сенаторами римско-византийских источников при толковании региональных норм (с. 415–417). Упоминается также, что дела прибалтийских губерний в ГКД были сосредоточены в руках товарища

обер-прокурора, заведовавшего шестым столом. В присутствии, которому он представлял свои заключения, обычно заседали одни и те же сенаторы, хорошо знавшие юридические особенности Остзейского края (с. 319). Но тематического анализа судебных дел и их динамики не представлено. Между тем немаловажно, в какой мере Сенат осуществлял интеграционную функцию по отношению к правовому пространству империи, и как часто прецеденты, порождённые определённым региональным контекстом, становились нормой для других частей государства. Насколько успешно и какие именно люди и сообщества в разных губерниях пытались при помощи Сената разрешить местные конфликты? Для понимания этого необходимо системное исследование связи хозяйственных, этноконфессиональных, сословных, культурно-правовых условий окраин с типологией и объёмом поступавших оттуда кассационных дел.

Верещагин указывает на то, что сенатские решения в практике судов во многом заменяли законодательство, существенно влияя на жизнь. Но, к сожалению, конкретные примеры он приводит довольно скромно. Так, отмечено увеличение числа товариществ по вере после того, как Сенат в 1909 г. объявил, что подобное объединение не отвечает своим имуществом за личные долги учредителя (с. 368).

Уставы 1864 г. наделили Сенат в том числе и функцией надзора за нижестоящими учреждениями и должностными лицами судебного ведомства. Однако в книге о ней лишь бегло упоминается, как и о её реализации в ходе сенаторских ревизий (с. 145). Возможно, раскрыть данный аспект сенатской деятельности помогут отчёты о ревизиях мировых съездов, собранные комиссией Н. В. Муравьёва. К примеру, в отчёте Ф. А. Винка отмечалось, что в Киевской губ. кассационная практика Сената «несомненно оказывает огромное влияние на мировых судей и съезды в смысле правильного понимания и применения законов»²⁸. Статистика и география уваженных и отклонённых кассационных жалоб отражена в отчётах председателей мировых съездов за 1895 г., находящихся в материалах той же комиссии²⁹.

В целом нельзя не признать, что монография А. Н. Верещагина — значимое явление в историографии. Она вносит существенный вклад в старые споры о статусе Сената и открывает новые сюжеты, предлагая оригинальную концепцию нормотворческой деятельности сенаторов и эволюции пореформенной судебной системы.

Обозначив жанр своей книги как очерки, автор сознательно лишь намечает многие сюжетные линии, не раскрывая их в полной мере. И это вполне оправданно, поскольку их систематическая разработка ещё впереди. А. Н. Верещагин не спешит подводить итоги, делать окончательные выводы и оценки. Но, опираясь на его монографию, изучать роль Сената в империи будет значительно проще.

²⁸ РГИА, ф. 1405, оп. 515, д. 43.

²⁹ Там же, д. 36.

Евгений Крестьянников: Сенат и женщины-юристы³⁰

Evgenii Krestiannikov (HSE University, Moscow, Russia): The Senate and women-lawyers

DOI: 10.31857/S2949124X24060223, EDN: RKPSTE

Монография А.Н. Верещагина вносит существенный вклад в изучение эпохи Великих реформ и характерной для неё эмансипации самых разных сторон общественной жизни. В то время идеи свободы и равноправия занимали умы как мужчин, так и женщин. Именно тогда зарождалось отечественное феминистское движение³¹, а россиянки стали проявлять большой интерес к правосудию. Во всяком случае, современники отмечали их возраставшее желание судиться, особенно в близких к населению мировых судах³².

Верещагин пишет об этом совсем немного. Однако стремление женщин попробовать свои силы в адвокатуре заставляло Сенат реагировать. Судебные уставы 1864 г. требовали от присяжных поверенных и их помощников наличия юридического образования, но не оговаривали их пол, поскольку в 1860-е гг. окончить университетский курс (не говоря уже о закрытых лицеях) могли только мужчины³³.

Между тем 25 мая 1874 г. был учреждён институт частных поверенных, отныне мировые съезды, окружные суды и судебные палаты выдавали «свидетельства о праве ходатайствовать по чужим делам», в том числе и лицам без диплома о высшем образовании³⁴. Этим попробовала воспользоваться Е.Ф. Козьмина (но не «Кузьмина», как в книге), обучавшаяся в Казани медицине, но увлекавшаяся и юриспруденцией³⁵. Её поддержал прокурор Казанского окружного суда А.Ф. Кони, принявший девушку на службу в свою канцелярию³⁶. Под его влиянием она, по собственному признанию, «не на шутку принялась подготавливать себя к адвокатской деятельности»³⁷. Ей удалось устроиться письмоводителем к мировому судье Н.Б. Бестужеву. Работа, как писала Козьмина Кони, приносила «только гроши, но зато практически знакомила с делом». Понемногу Елизавета Федосьевна заслужила хорошую репутацию, выигрывала дела и не имела отбоя от клиентов. В феврале 1875 г. Нижегородский окружной суд после прохождения необходимых процедур вручил ей свидетельство частного поверенного³⁸. Однако министр юстиции гр. К.И. Пален счёл это решение

³⁰ Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

³¹ *Iukina I. First-wave Women's Movement: Result and Factor of Civil Society Formation in Russia // Women and Transformation in Russia / Ed. A. Saarinen, K. Ekonen, V. Uspenskaia. L.; N.Y., 2014. P. 31–43.*

³² *Соколовский Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа. (Юридические заметки) // Женский вестник. 1867. № 9. С. 64.*

³³ Подробнее о допуске россиянок к адвокатскому труду см.: *Krestiannikov E.A. Политические сигналы женской адвокатуры в поздней Российской империи // Cahiers du Monde russe. Vol. 64. 2023. № 3–4. P. 619–644.*

³⁴ ПСЗ-II. Т. 49. Отд. I. СПб., 1876. № 53573.

³⁵ *Свенцицкий В. Забытая // Женское дело. 1911. № 16. С. 4.*

³⁶ Первая русская женщина-адвокат // Женское дело. 1899. № 9. С. 138–139; Первый женский календарь на 1899 г. / Под ред. П.Н. Ариян. СПб., 1899. С. 138; *Полянский А. Русская женщина на государственной и общественной службе. М., 1901. С. 235.*

³⁷ ГА РФ, ф. 564, оп. 1, д. 2141, л. 1.

³⁸ Там же; *Свенцицкий В. Указ. соч. С. 4–5; Первый женский календарь на 1899 г. С. 138; Первая русская женщина-адвокат. С. 139.*

опрометчивым и недопустимым³⁹. 6 сентября Козьмина подала жалобу в Сенат, который, встав на сторону женщины, по сути, признал министерское предписание незаконным⁴⁰. Граф обратился к Александру II, и в результате 7 января 1876 г. появился упомянутый Верещагиным закон «О применении к лицам женского пола Правил 25 мая 1874 г. о частных поверенных», запретивший россиянкам заниматься частной адвокатской практикой (с. 374)⁴¹.

Тем не менее впоследствии Сенат вновь принял постановление в пользу стремившейся в адвокатуру женщины. Домашняя учительница В.Л. Кичеева помогала своим «клиентам» в Иркутской и Енисейской губерниях до введения в Сибири Судебных уставов, поскольку дороформенные нормы никак не регулировали такую работу. К примеру, в 1889 г. Енисейский губернский суд запретил защитницам выступать в губернии на уголовных процессах, но допустил их участие в гражданских делах. Однако от Кичеевой в феврале 1893 г. Иркутский губернский суд потребовал прекратить всякую адвокатскую деятельность⁴².

Пытаясь восстановить справедливость, она обратилась в Сенат, на заседании которого присутствовала лично. Приведённые ею доводы убедили сенаторов, и те предписали Иркутскому губернскому совету (административному органу с судебными функциями) немедленно рассмотреть жалобу Кичеевой на решение губернского суда⁴³. К сожалению, чем это закончилось, неизвестно⁴⁴. Во всяком случае, сибирячка по-прежнему продолжала свою практику. В 1900 г. Иркутский окружной суд приговорил учительницу к 12 годам ссылки в Якутскую обл. за недобросовестно оказанные юридические услуги, но затем судебная палата её оправдала⁴⁵. Примерно в то же время Кичеева вместе с купцом А.М. Пескиным подала иск к Управлению по постройке Забайкальской железной дороги. После неудачи в иркутских судебных инстанциях истцы направили кассационную жалобу в Сенат, но она не принесла желаемого результата⁴⁶.

В начале ХХ в. стали появляться россиянки с аттестатами о высшем юридическом образовании, причём их количество быстро увеличивалось⁴⁷. Поскольку раньше право выступать в роли защитника законодательно ограничивало только отсутствие университетского диплома, они обращались с ходатайствами в советы присяжных поверенных, и те, как правило, принимали их в ряды адвокатов. Первыми прошли этим путём в 1908 г. москвички Я.С. Подгурская,

³⁹ Циркуляр министра юстиции председателям судебных палат, окружных судов и съездов мировых судей (30 апреля 1875 г., № 4953) // Судебный вестник. 1875. 14 мая.

⁴⁰ Первый женский календарь на 1899 г. С. 138; Флейшиц Е.А. О женской адвокатуре // Право. 1910. 17 января; ГА РФ, ф. 564, оп. 1, д. 2141, л. 1 об.

⁴¹ ПСЗ-П. Т. 51. Отд. I. СПб., 1878. № 55455. Подробнее о попытке Козьминой стать адвокатом см.: Крестьянников Е.А. Из истории женской адвокатуры в Российской империи: вокруг случая Е.Ф. Козьминой (1870-е гг.) // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 118–128.

⁴² Государственный архив Красноярского края, ф. 42, оп. 1, д. 85, л. 28–29 об.; Судебная хроника // Восточное обозрение (Иркутск). 1893. 7 марта.

⁴³ Н.Г. Разъяснение Сената о праве женщин заниматься адвокатской практикой // Судебная газета. 1893. 5 декабря.

⁴⁴ Павлов-Сильванский Н. О праве женщин быть адвокатами // Русское богатство. 1905. № 5. С. 20.

⁴⁵ Судебная хроника. Дело Мейеровича и Кичеевых // Восточное обозрение. 1900. 22 марта; Иркутская хроника // Там же. 1901. 1 сентября.

⁴⁶ РГИА, ф. 1364, оп. 4, д. 1150, л. 1–47 об.

⁴⁷ К 1912 г. их было чуть более 50, к 1916 г. – около 400. См.: Крестьянников Е.А. Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2(79). С. 69.

М.М. Гиршман и Л.А. Бубнова⁴⁸, но уже 20 октября того же года Московская судебная палата предписала местному совету присяжных поверенных отменить постановления относительно их приёма в адвокатуру⁴⁹.

Следующий инцидент произошёл в 1909 г. в Санкт-Петербурге, и его скандальный финал освещён в книге Верещагина (с. 543). Е.А. Флейшиц, которую современники знали под именами Гитли, Гита, Гитель, окончила Парижский и Санкт-Петербургский университеты⁵⁰ и 20 октября 1909 г. была зачислена на стоячным советом в помощники присяжного поверенного⁵¹. 6 ноября ей предстояло выступить на процессе, начинавшемся в Петербургском окружном суде. Председательствовавший Н.Н. Таганцев (сын известного юриста Н.С. Таганцева) предложил товарищу прокурора Г.И. Ненарокову, представлявшему обвинение, высказать своё мнение о праве женщин вести уголовную защиту, и тот заявил, что в России закон этого не позволяет. Со своей стороны, Флейшиц настаивала на том, что закон разрешает делать всё, что не запрещено⁵². Члены суда, посовещавшись, разрешили женщине защищать обвиняемых, а выведенный из себя обвинитель покинул заседание⁵³.

Случившееся наделало немало шума. «Если не ошибаемся, — писал В.Д. Набоков, — такой “срыв” судебного заседания прокурором — первый случай за всё время существования нового русского суда»⁵⁴. 13 ноября под давлением министра юстиции И.Г. Щегловитова⁵⁵ Соединённое присутствие Первого и кассационных департаментов Сената признало решение Санкт-Петербургского окружного суда о допуске Флейшиц к защите подсудимых неправильным и предписало его отменить на основании ст. 389 Учреждения судебных установлений, согласно которой женщина могла ходатайствовать по делам, лишь будучи матерью, женой и дочерью тяжущегося. Из этого исключения делался вывод, что прочим такое право не предоставлено⁵⁶. Определение 13 ноября 1909 г. закрыло для лиц женского пола доступ к адвокатской профессии. Впредь, если их принимали советы присяжных поверенных, ставившие под сомнение обоснованность сенатского постановления, то прокуроры требовали отмены таких решений, ссылаясь на дело Флейшиц, как это произошло в 1911–1913 гг. в Саратове с И.Г. Пшеничной⁵⁷, в Омске — с Л.П. Рушковской⁵⁸, а в Казани — с Л.А. Богородицкой, О.А. Вегер и М.А. Илговской.

⁴⁸ ЦГА Москвы, ф. 1697, оп. 1, д. 42, л. 258 об., 315 об.–316, 368 об.–369, 371 об., 411 об.–412; РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 2–6.

⁴⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 7–8.

⁵⁰ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 15, д. 2157, л. 2; Сёстры Флейшиц // Утро России. 1909. 15 ноября.

⁵¹ Отчёт совета присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате за сорок четвёртый год. СПб., 1910. С. 10–12.

⁵² Суд // Россия. 1909. 7 ноября.

⁵³ См., например: Энгер К. Первое выступление женщины-адвоката // Биржевые ведомости. 1909. 7 ноября; Бецкий К. Первое выступление женщины-адвоката в Петербурге // Речь. 1909. 7 ноября; Первый дебют женщины-адвоката. (По телефону от нашего петербургского корреспондента) // Русское слово. 1909. 7 ноября; Фёдорович Н. Борьба за право // Союз женщин. 1909. № 11. С. 1–2.

⁵⁴ Набоков В.Д. Может ли женщина вести защиту перед уголовным судом? // Право. 1909. 15 ноября.

⁵⁵ Флейшиц Е.А. Из прошлого // Советская юстиция. 1958. № 3. С. 28.

⁵⁶ Циркулярные распоряжения по Министерству юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 10. С. 45–48.

⁵⁷ Исторический очерк деятельности совета присяжных поверенных округа Саратовской судебной палаты в период 1905–1914 гг. Саратов, 1914. С. 125–127.

⁵⁸ Государственный исторический архив Омской области, ф. 190, оп. 1, д. 188, л. 37–50.

Причём казанский совет за своё упорство в конце концов даже подвергся дисциплинарному наказанию⁵⁹.

Разумеется, это возмущало феминисток. М.И. Покровская, лидер Женской прогрессивной партии, требовавшей допустить россиянок в судьи, адвокаты и присяжные заседатели⁶⁰, обвиняла сановников в пристрастности⁶¹. В 1911 г. Российская лига равноправия женщин разослала депутатам Государственной думы воззвание, в котором сенатский вердикт назывался «одним из самых несправедливых ограничений женских прав»⁶². Впрочем, оспаривали логику сенаторов и юристы.

Верещагин относит определение 13 ноября 1909 г. вместе с другим, касавшимся женщины-адвоката Е.А. Гинзбург, к числу «наиболее сенсационных» (с. 285). Дело Гинзбург развивалось по иному сценарию. В 1909 г. в Киеве, где отсутствовал совет присяжных поверенных, приёмом в адвокатуру занимался окружной суд. После окончания Харьковского университета Лея Гинзбург обратилась в Киевский окружной суд с прошением о зачислении её в помощники присяжного поверенного, но 3 октября получила отказ. Тогда она обратилась в судебную палату, но и та 5 декабря, несмотря на долгие прения, отклонила её прошение (большинством всего в один голос). Не питая особых надежд, юристка обратилась в Сенат⁶³. 30 сентября 1910 г. в принятом по её делу сенатском определении говорилось, что женщины «не имеют по закону права на вступление в сословие присяжных поверенных и принятие звания присяжного поверенного и помощника присяжного поверенного», даже если «они окончили курс юридических наук в императорских российских университетах или других высших учебных заведениях или выдержали экзамены в испытательных юридических комиссиях по всем предметам юридического факультета»⁶⁴.

В скользь упоминает Верещагин и про скандал, вызванный решением Соединённого присутствия Сената о возбуждении дисциплинарного производства против некоего мирового судьи (с. 385–386). Соответствующий сенатский указ появился 14 января 1915 г. из-за того, что 18 и 29 мая 1913 г. мировой судья Сущёвского участка Москвы С.А. Зилов разрешил О.Е. Коновицер выступить в роли защитницы кн. А.Н. Барятинской. 7 декабря 1913 г. по предложению прокурора окружного суда общее собрание Московского съезда мировых судей обсудило допущенное «нарушение». Однако Зилов объяснялся убедительно, настаивая на том, что сенатское постановление по делу Флейшиц не распространяется на мировые учреждения, поскольку относится исключительно к окружным судам, и к тому же не было официально опубликовано в надлежащем порядке. Съезд поддержал судью⁶⁵, но затем, как писали в журнале «Женское дело», того ожидала «незавидная судьба»⁶⁶. Соединённое присутствие

⁵⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 190, л. 488–509.

⁶⁰ Программа Женской прогрессивной партии // Российские партии, союзы и лиги. СПб., 1906. С. 138.

⁶¹ Покровская М.И. Предрассудки в суде // Женский вестник. 1909. № 12. С. 261–263.

⁶² Отчёт о деятельности Российской лиги равноправия женщин за 1911 г. СПб., 1912. С. 14.

⁶³ Гальперин-Гинзбург Е.А. Под знаменем права. Сборник статей. Берлин, 1923. С. 41; РГИА, ф. 1276, оп. 5, д. 115, л. 56–56 об.

⁶⁴ Сборник определений Соединённого присутствия Общего собрания Первого и кассационных департаментов (1902–1912 гг.) и Высшего дисциплинарного присутствия (1885–1912 гг.) Правительствующего Сената по надзору за судебными установлениями. СПб., 1913. С. 143–144.

⁶⁵ РГИА, ф. 1354, оп. 1, д. 4316, л. 6–9.

⁶⁶ Противоречия // Женское дело. 1915. № 7. С. 3.

привлекло Зилова к дисциплинарной ответственности, а съезду сделало «замечание»⁶⁷. По словам П.И. Люблинского, это определение «невольно ошеломило каждого юриста, желавшего применить к нему критерий закона»: замечание выносилось Присутствием в нарушение нормы, позволявшей это делать лишь кассационным департаментам Сената, а к официальному опубликованию постановлений фактически приравнивалось их частное издание⁶⁸.

Таким образом, Правительствующий Сенат как минимум пять раз обсуждал возможность адвокатской деятельности женщин, и сначала дважды признал её допустимость, а затем трижды наложил на неё запрет, несмотря на протест юридического сообщества. В 1917 г. Временное правительство решило проблему кардинально: 1 июня оно, не прибегая к помощи сенаторов, открыло россиянкам путь в адвокатуру⁶⁹.

Дмитрий Андреев: Судебная власть и вызовы модернизации в пореформенной России

*Dmitry Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Judicial power and challenges of modernization in post-reform Russia*

DOI: 10.31857/S2949124X24060236, EDN: RKJKHE

Очерки А.Н. Верещагина восполняют обширную лакуну в истории государственного управления Российской империи. Столь обстоятельно организация, деятельность и роль кассационных департаментов Правительствующего Сената ещё не рассматривались ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Однако автор, будучи одновременно профессиональным историком и юристом, отнюдь не ограничивает себя решением сугубо академических, научно-исследовательских задач, но стремится «вернуть Кассационному Сенату то внимание общественности, прежде всего юридической, которое он заслужил своей яркой полувековой биографией» (с. 4). Тем самым Верещагин не только указывает на «глубину разрыва, учинённого большевицким (именно так, в экспрессивной бунинской орфографии. – Д.А.) режимом, который насилиственной рукой отрезал нас от прежней России и её реалий» (с. 2), но и по-своему пытается его преодолеть «хотя бы в области верховного правосудия» (с. 3–4). Собственно, это и является «главной целью» (с. 4) автора книги. Не случайно, несколько модернизируя историческую реальность и терминологию, он имеет кассационные департаменты Сената «верховным судом Российской империи» и явно желал бы именно в них видеть «юридического предка» аналогичного ныне действующего института, до сих пор официально отсчитывающего свою историю от «создания Верховного суда ленинско-сталинской РСФСР» в 1923 г. (с. 2).

Впрочем, «по здравом размышлении» Верещагин вынужден «безоговорочно» признать, что «это вполне соответствует исторической правде», поскольку «Верховный суд РФ точно так же не имеет никакого отношения к Кассационному Сенату, как судебная система РФ не имеет отношения к судебным

⁶⁷ Указ Правительствующего Сената Московскому мировому съезду о женщинах-адвокатах // Вестник права. 1915. № 10. С. 316–317.

⁶⁸ Люблинский П.И. Борьба с женской адвокатурой и уроки законности // Право. 1915. 24 мая.

⁶⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 13(26) июня.

установлениям Российской империи, а сама РФ — к тысячелетней российской государственности, будучи целиком и полностью юридическим и фактическим продолжателем СССР — идеократического государства, созданного партией большевиков ради борьбы с капитализмом, торжества коммунизма в мировом масштабе и ввиду таких целей открыто и категорически порвавшего со всей предшествовавшей российской государственностью» (с. 3). При этом, размышляя про «современное положение дел в сфере государственной и судебно-правовой преемственности» (с. 3), автор как юрист игнорирует положения ныне действующей Конституции, согласно которой «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей», даже формально не только является «правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР», но и сохраняет «память предков» и «преемственность в развитии Российского государства» (ст. 67.1). А как историк он забывает упомянуть о том, что большевизм, как бы к нему ни относиться, возник и утвердился именно на российской почве и представлял собой не случайное и мимолётное явление, а результат многочисленных социальных и политических конфликтов, сложившихся в пореформенное время и оказавшихся неразрешимыми для правительственной власти. Если же не сводить Россию как сложную историко-культурную общность к тем или иным времененным и меняющимся государственно-правовым формам, то окажется, что царский, советский и постсоветский периоды, при всех зияющих между ними разрывах, являются этапами единого диалектического развития, до сих пор ещё не исчерпавшего своего потенциала. И только поэтому опыт имперской государственности с её реформами, надеждами, достижениями и провалами, а также их анализ Верещагиным остаются по-прежнему актуальны и для научных изысканий, и для общественного самосознания, независимо от того, когда судьям высших инстанций угодно отметить тот или иной юбилей.

Несмотря на то, что книга Верещагина посвящена кассационным департаментам, созданным в середине 1860-х гг., в ней кратко очерчена и предшествующая история Сената с момента его учреждения в 1711 г. как органа, призванного не просто содействовать монарху «в деле суда, законодательства и администрации» (с. 7), но и отчасти заменять его в условиях войны. В состоянии этого «первоначального синкретизма» (с. 7) Сенат оставался более полувека, хотя его функции и вес в политической системе за эти годы неоднократно менялись. В следующие сто лет, начиная с екатерининской реформы 1763 г., Сенат, разделённый на несколько судебных и административных департаментов, неуклонно терял былое значение, тогда как позиции фактически руководившего им генерал-прокурора, напротив, скорее усиливались, во всяком случае, до образования в 1802 г. министерств. Характерно, что именно по мере укрепления министерской системы в проектах сперва М.М. Сперанского (почему-то даже не упомянутых в тексте⁷⁰), а затем М.А. Балутьянского (с. 31–33) возникает идея выделения «Судебного Сената» и его превращения в «верховный суд» по образцу французского Кассационного суда. Наконец, «после судебной реформы 1864 г. ... роль Сената выросла вновь, поскольку он получил функции кассационного суда, следящего за единообразием судебного толкования во всей империи, а значение судебной власти чрезвычайно укрепилось по сравнению с дореформенным временем» (с. 8).

⁷⁰ Сперанский М.М. Проекты и записки / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1961. С. 198–201, 222, 227–228.

Глубоко погружаясь в сферу, требующую специальных юридических знаний, Верещагин вместе с тем сохраняет критическое отношение к исследуемой теме. И это особенно важно, так как ещё в дореволюционной либеральной историографии сложилась традиция апологетического восприятия судебной реформы 1864 г. как наиболее успешного и завершённого из преобразований Александра II. Со своей стороны, Верещагин указывает как достоинства, так и недостатки введённых тогда институтов и применявшейся ими практики. В частности, «скандальное решение» присяжных, оправдавших в 1878 г. В.И. Засулич, справедливо названо автором «проявлением очевидной зависимости суда... от общественных настроений» (с. 197). Нечто подобное повторилось затем накануне Первой мировой войны, когда уже не присяжные, а непосредственно сенаторы, рассматривавшие дело профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ, продемонстрировали, что и они «не были вполне независимы от влияний внешней среды, от своего круга» (с. 214–216). А фактически – от оппозиционно настроенной общественности. Как констатирует Верещагин, в по-реформенные десятилетия «источником давления на суд было не только и даже не столько правительство, сколько общественное мнение, находившееся под обаянием радикальных и прогрессистских идей» (с. 223).

В этих условиях власть, естественно, пытлась ослабить воздействие общества на судебные инстанции. Правда, Верещагин не склонен считать упразднение мирового суда в империи (за исключением столиц и нескольких городов) однозначно реакционной мерой. По его мнению, «так называемая контрреформа 1889 г.» (с. 81) привела лишь к тому, что местное судоустройство «стало слишком сложным и пёстрым, а главное – раздробленным» (с. 241). Но Россия «принадлежала к типу сложных унитарных государств, для которых разнообразие форм судебного устройства совершенно естественно», а «нежелание правительства навязывать всем единый стандарт» вполне обоснованно (с. 81).

Гораздо более важно то, что в результате реформы 1864 г. «не на словах, а на деле было достигнуто равенство перед законом, невзирая на лица». Теперь даже представители царской династии несколько раз проигрывали тяжбы в судах (с. 83). Поэтому историк предельно жёстко отзыается о радикальных либералах и левых публицистах, пренебрежительно относившихся к успехам нового судопроизводства в конце XIX – начале XX в. Даже весьма умеренную «веховскую» статью Б.А. Кистяковского «В защиту права (интеллигенция и правосознание)» Верещагин критикует за предвзятость к судейскому корпусу и недооценку его профессиональных качеств (с. 85–86). Неспособность адекватно оценить масштаб изменений, произошедших в правовой культуре в по-реформенные десятилетия, свидетельствовала о том, что «русское общество было политически очень незрелым» (с. 111)⁷¹. И это, к сожалению, совсем не компенсировалось тем, что «сверхчувствительность и совестливость... вовсе не были редкостью среди представителей образованного слоя того времени» (с. 121).

Верещагин соглашается со словами американского русиста Дж. Дейли о том, что «после 20 ноября 1864 г. Россия перестала быть самодержавной, то есть абсолютной, монархией в полном смысле этого слова» (с. 179). С этого момента судебная власть монарха ограничивалась принципом несменяемости

⁷¹ См.: Barberowski J. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a/M, 1996.

судей и запрещением обжаловать кассационные решения Сената (с. 179–180), что представляется автору книги вполне сопоставимым с наделением Государственной думы и Государственного совета законодательными полномочиями в 1905–1906 гг. (с. 181). В этом исследователя убеждают случаи, когда императоры, вопреки собственным желаниям, соглашались с судебными решениями, а также неудачные попытки пересмотра норм Судебных уставов Александра II в 1880–1890-е гг.

Однако следует отметить, что, в отличие от 1905 г., утверждение в 1864 г. Судебных уставов не потребовало какой-либо корректировки Основных законов, определявших объём и характер верховной власти. А правила, регулировавшие с тех пор её осуществление в судебном ведомстве, напоминали скорее ту формализацию, которая была внесена в законотворческую деятельность при преобразовании Государственного совета в 1810 г. Не стоит забывать и о том, что уставы 1864 г. вводились в различных регионах страны постепенно, а их действие дополнялось наличием «политической юстиции» (с. 191).

Кроме того, установление принципа несменяемости судей, как и других положений Судебных уставов, очевидно, не имело необратимого характера. Императоры полагали, что могут в любой момент отменить или изменить их по собственному усмотрению, необходимо только запустить соответствующий процесс. На деле же это оказывалось не так просто. Вписанное в сложную бюрократическую машину всевластие самодержца зачастую оказывалось иллюзорным. Верещагин показывает, каких усилий стоило Александру III провести через Государственный совет законопроект о возможности по инициативе министра юстиции закрывать для публики двери любых судебных заседаний, кроме сенатских (с. 247–248). Неторопливый, но и неотвратимый процесс демонтажа самодержавия набирал обороты. Во всяком случае, в судебной сфере, не связанной с «конституционными» раздражителями, демаршам «законников» ничего не мешало.

Весьма выразительна судьба возникшего при Александре III проекта учреждения Верховного совместного суда (с. 250–261). Верещагин не склонен искать в нём «возвращение к деспотизму, самодержавному произволу», к тому же гражданские споры, для которых задумывался этот орган, «не имели политического измерения и по отдельности не представляли какой-либо государственной важности». Между тем «идея особого суда, корректирующего юридический формализм и крючкотворство, импонировала грубоватой, но прямой и не терпящей лукавства натуре царствующего императора, который предпочитал смотреть на вопросы с точки зрения “высшей правды” и справедливости, поверх формальных ограничений» (с. 254). По сути, этот проект, не будучи даже палиативным, попросту изначально профанировал саму идею некоего небюрократического царского суда «по совести», что неизбежно должно было вызвать в ответ дальнейшее бюрократическое и нормотворческое обволакивание верховной власти.

В книге также прослеживается влияние судебной реформы на судьбу структуры, которая «распоряжалась» в империи «царской милостью», – Комиссии прошений и сменившей её в 1884 г. Канцелярии е.и.в. по принятию прошений (с. 197–200)⁷². Как ни странно, проблемы, возникавшие в её деятельности

⁷² Ремнёв А.В. Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. 1997. Омск, 1998. С. 17–35.

в конце XIX – начале XX в., автор объясняет исключительно её неэффективностью как своего рода кассационной инстанции, не обращая внимание на неадекватность данного института сложившейся ведомственной системе и алгоритмам её функционирования. Не случайно в 1898 г. инициативы возглавлявшего её тогда Д.С. Сипягина вызвали у министров консолидированное неприятие⁷³.

В целом же кризис политической системы империи усугублялся не столько бюрократизацией под видом нормативности, сколько неудачными попытками монархов, ощущавших собственное ослабление, предпринять те или иные контратаки. Каждая из них порождала в правительственные кругах очередную партию несогласных, всё более убеждавшихся в желательности перехода к конституционным формам, и разочарование приверженцев самодержавия как оптимального для России государственного строя.

Андрей Мамонов: Самодержавие и юстиция в реформируемой империи
Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Autocracy and justice in the reforming Empire

DOI: 10.31857/S2949124X24060248, EDN: RKDYGS

Книга А.Н. Верещагина о «кассационном Сенате», несомненно, оставит глубокий след в историографии. Она в равной мере научна, публицистична, полемична, концептуальна, тенденциозна, наконец, просто увлекательна (особенно в той части, где речь идёт об отдельных эпизодах сенатской практики). В иные времена всё это гарантировало бы если не успех, то уже точно громкий резонанс и жаркие дебаты. Но очерки вышли почти два с половиной года назад, тираж давно разошёлся, был допечатан и вновь раскуплен – своего читателя книга явно нашла и без внимания не осталась. 160-летие судебной реформы Александра II также, казалось бы, располагало к ревизии сложившихся представлений о характере и значении связанных с ней изменений. На деле же состоялся ряд рекламных презентаций, появился развёрнутый ответ задетого в тексте профессора К.П. Krakovskого (с. 191–194)⁷⁴, и это едва ли не всё.

Наше научное сообщество, похоже, устало от дискуссий и не видит в них проку. Да и кому захочется тратить время и силы на пререкания, если привести они могут лишь к тому, что потрудившегося ещё и обругают при очередном переиздании? Ведь, к сожалению, тот же Верещагин нередко критикует оппонентов (особенно тех, кого он считает «неосоветскими») в стилистике, больше всего напоминающей выпады нелюбимого им Н.А. Троицкого. Поэтому споров ожидать, скорее всего, не приходится.

Однако для будущих исследователей пореформенного суда очерки Верещагина окажутся весьма полезны и удобны. Автор затронул в них массу сюжетов, из которых без малого все заслуживают дальнейшего изучения. Намеченных им тем хватило бы, пожалуй, на несколько поколений учёных. Увы, на сегодня

⁷³ Андреев Д.А. Дмитрий Сергеевич Сипягин // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 38–42.

⁷⁴ Krakovskий К.П. Размышления о судьбах кассационного суда в пореформенной России, спровоцированные книгой А.Н. Верещагина «Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи» (М.: Издательская группа «Закон», 2022. 616 с.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 146–159.

няшний день нет даже обстоятельных биографий ни Н.И. Стояновского или С.И. Зарудного, ни Н.В. Муравьёва и И.Г. Щегловитова, не говоря уже о фигурах, возможно, не менее крупных, но оставивших не столь обширное наследие. Поразительно, но о террористах у нас до сих пор пишут охотнее и больше, чем о сенаторах и прокурорах. На этом фоне труд Верещагина выглядит, конечно, как откровенная апология судебных учреждений и деятелей Российской империи. В кои-то веки о них сказано доброе слово (в целом вполне заслуженное). Но неудивительно, если столь страстная защита вызовет затем зеркальную реакцию обличителей.

Впрочем, в каких-то случаях Верещагин охотно следует за историографией, как дореволюционной, так и советской. Так, освещая ход разработки Уставов 1864 г., он выделяет в нём «блудовский период», «оказавшийся не слишком плодотворным» и закончившийся тем, что в конце 1861 г. «дело подготовки реформы было передано из Второго отделения [Собственной е.и.в. канцелярии] в Государственную канцелярию, то есть от графа Блудова к государственному секретарю В.П. Буткову и его ближайшему сотруднику С.И. Зарудному» (с. 36). Здесь автор, по сути, воспроизводит схему, предложенную М.Г. Коротких, по мнению которого, в октябре 1861 г. «граф Д.Н. Блудов сам предлагал передать подготовку судебной реформы из II отделения с.е.и.в. канцелярии в Государственную канцелярию, т.е. отстранить его от преобразования правосудия», что будто бы «объяснялось преобладанием в правительстенных кругах настроений, несозвучных блудовским, чьё руководство судебной реформой завело её в тупик». Соответственно, совершившийся тогда «переход дела судебной реформы... явился переломным моментом в её подготовке и свидетельствовал об окончательной потере влияния курса графа Д.Н. Блудова»⁷⁵. Ссылаясь на книгу Коротких, Б.В. Виленский и О.И. Чистяков утверждали, будто составление проектов нового судоустройства и судопроизводства забрали из II отделения потому, что гр. Блудов препятствовал их радикализации, из-за чего после крестьянской реформы «создавалась определённая кризисная ситуация», и надо было «как-то выйти из положения»⁷⁶.

Между тем случившееся имело гораздо более простое и в то же время – прямо противоположное объяснение. Достаточно вспомнить, что осенью 1861 г. гр. Блудов покидал II отделение Собственной е.и.в. канцелярии, которым руководил более 20 лет. 6 декабря его заменил на этом посту барон М.А. Корф. Сам же граф Дмитрий Николаевич находился тогда на пике своей карьеры и авторитета в правительстенных кругах, являясь с 8 января 1861 г. председателем Государственного совета и Комитета министров. Поэтому, предлагая в октябре 1861 г. сосредоточить работу по завершению судебной реформы в Государственной канцелярии, он не отказывался от руководства ею, а напротив, добивался оставления её под его контролем, теперь уже в новом ведомстве. В чём и преуспел. Бутков же в тот момент был по должности непосредственным подчинённым графа и его основным помощником, вследствие чего и возглавил комиссию, готовившую Уставы. Тем самым он рассчитывал проложить себе путь к посту министра юстиции. «Блудовский период», правда, действительно заканчивался, но вследствие потери не влияния, а здоровья: с марта 1862 г.

⁷⁵ Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989. С. 92–93.

⁷⁶ Виленский Б.В., Чистяков О.И. Введение // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 8 / Отв. ред. Б.В. Виленский. М., 1991. С. 10.

граф часто болел, слабел, подолгу лечился за границей и 19 февраля 1864 г. скончался. Всё это время Бутков фактически действовал от его имени.

Данный эпизод лишний раз свидетельствует о том, насколько неполно и неточно освещены в научной литературе даже «переломные» моменты предыстории реформы 1864 г. Её изучение не просто далеко от завершения, но пока ещё только намечено. И проведённый Верещагиным вдумчивый детальный анализ разногласий между Н.А. Буцковским и С.И. Зарудным, касавшихся устройства и принципов деятельности кассационного суда (с. 47–68), представляется исключительно важным шагом в этом направлении. Но по мере того как автор раскрывает их позиции, нельзя не почувствовать, как не хватает столь же подробного исследования других споров, происходивших в Бутковской комиссии, и всех аспектов её деятельности. В частности, напрашивается её сравнение с Редакционными комиссиями, готовившими в 1859–1860 гг. будущие Положения 19 февраля 1861 г. Причём бросаются в глаза как общие черты и довольно схожий почерк этих интеллектуальных штабов либеральной бюрократии, так и разительные отличия, связанные и с их составом (включая и степень его корпоративного единства), и с ролью председателя, и с местом в правительственном аппарате и политической борьбе. Как ни странно, историки до сих пор практически не уделяли этому внимания⁷⁷.

Подобное состояние историографии, разумеется, располагает к выдвижению самых смелых гипотез и концепций. В частности, Верещагин утверждает, что хотя «в пореформенной России самодержавие формально сохранялось, но в некоторых важных отношениях официальный абсолютизм был практически парализован» (с. 197) после того, как в 1864 г. «самодержец отказался от своего права решать судебные по своему характеру дела» и запретил обжаловать решения кассационных департаментов Сената (с. 179). По сути, автор соглашается со словами известного американского русиста профессора Дж. Дейли о том, что «после 20 ноября 1864 г. Россия перестала быть самодержавной» (с. 179). Как показано в книге, схожих взглядов придерживался и С.В. Завадский (заседавший в Сенате с января 1917 г., а летом 1918 г. ставший державным секретарём при гетмане П.П. Скоропадском). Во всяком случае, в своих эмигрантских мемуарах он «неоднократно» возвращался «к теме ограничения верховной власти независимым судом», заявляя, что в данной сфере Александр II сохранил за монархом лишь право помилования. Верещагин почему-то полагает, что из этого «видно, сколь твёрдым было соответствующее убеждение у юристов, составлявших ядро русской администрации» (с. 181).

Однако о твёрдости и особенно распространённости таких представлений проще было бы рассуждать, сравнивая мнения более или менее широкого круга лиц, принадлежавших к различным идеальным течениям внутри самого судебного ведомства. Не стоило игнорировать и то, как характеризовались «права им-

⁷⁷ А ведь и те материалы, которые уже изучались и цитировались, нуждаются порою в новом прочтении и перепроверке. Так, Верещагин с явным недоумением отмечает, что кн. П.П. Гагарин в дневнике почему-то именовал монарха «господином» (с. 45). При этом записи цитируются по той же книге Коротких (и, к сожалению, с неверным указанием страницы – с. 69 вместо с. 122). В оригинале же князь использовал выражение *le maître* (ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2197, ч. 10, л. 36 об.), что с учётом словоупотребления XIX в. следовало бы перевести скорее как «повелитель», «владыка» (или даже «хозяин», но тут уже возникнут аллюзии более позднего времени). Полностью фраза могла звучать как *auguste maître* (ср.: Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 2. М., 1961. С. 49, 367), но в памятной книжке сокращалась.

ператора в области суда» и принципы Уставов 1864 г. в курсах государственного права, хорошо известных Верещагину. Теперь же у читателя непременно должно остаться впечатление, будто экзотическая точка зрения Завадского, подкреплённая авторитетом Дейли и усиленная частым повторением на разные лады, являлась общепринятой и устоявшейся. О том, что звучали и иные голоса, сказано мимоходом в связи с полемикой между М.Н. Катковым, глумившимся над «конституционными» вожделениями, которые публицист приписывал судейским чиновникам, и «Русским ведомостям», защищавшими учреждения, созданные в 1864 г. «актом самодержавной воли, укрепляющей существующие начала государственного строя» (с. 202). Очевидно, обе позиции имели своих приверженцев, и их сосуществование отражало реальные проблемы, вызревавшие в политической системе пореформенной России. Но едва ли их масштаб и особенности можно раскрыть, акцентируя одни оценки и стушёвывая другие.

Учитывая то, что Уставы 1864 г. вводились в империи постепенно, Верещагин отмечает «странный дуализм», который образовался «в результате отказа императора Александра II от судебной власти»: где-то монарх её «лишился», где-то продолжал осуществлять, а где-то и вовсе наделял почти неограниченными полномочиями генерал-губернаторов (с. 191). Затем временное Положение 14 августа 1881 г., упорядочив нормы конца 1870-х гг., оформило особые правовые режимы «усиленной» и «чрезвычайной» охраны, при необходимости вводившиеся с санкции царя в разных местностях (с. 195). Несмотря на это, в повелениях, данных Александром III весной 1882 г., автор видит уже «атализм вмешательства верховной власти в независимое отправление судом его функций» (с. 191). Наставая на том, что «на основной территории страны, где суды были несменяемы, русский монарх утратил судебную власть», Верещагин всё же не признаёт эту ситуацию «бесповоротной» и указывает на осторожные попытки правительства её изменить (с. 201–212).

В своих рассуждениях исследователь исходит из того, что «ограничение верховной власти происходит тогда, когда в государственную систему вводится принцип разделения властей» (с. 181). Но само по себе то или иное распределение функций между различными институтами вполне возможно и при диктатуре, хоть авторитарной (как в наполеоновской Франции), хоть партийной (как в советской России). Если «разделение властей» не опирается на наличие в обществе самостоятельных и уравновешивающих друг друга политических сил, то при безусловном доминировании одной из них оно останется номинальным и в лучшем случае выразится в её самоограничении, зависящем исключительно от соображений целесообразности. Что собственно и наблюдалось в Российской империи, где царскую власть попросту некому было уравновешивать и ей приходилось «ограничиваться» самостоятельно.

Верещагин уверяет, что «ограничение власти монарха в России происходило во многом по английскому образцу, путём прецедентов конституционного значения, важнейшим из которых явилось дело Любощинского» (с. 182). Не случайно этот довольно известный эпизод изложен в книге так обстоятельно, как никогда ещё не делалось в историографии, причём автор опирается как на свидетельства наиболее осведомлённых современников и участников этого события, так и на подлинные архивные документы, ранее учёными не использовавшиеся (с. 182–186).

«Дело» же заключалось в том, что в январе 1867 г. сенатор Гражданского кассационного департамента (ГКД) Сената М.Н. Любощинский оказался

среди участников петербургского губернского земского собрания, принявших резолюцию, порицавшую действия правительства (а именно – закон 21 ноября 1866 г., резко урезавший возможности предоставленного земству самообложения). Александр II, рассердившись, приказал министру юстиции уволить сенатора, пользовавшегося правом несменяемости, со службы. Как установил Верещагин, соответствующий указ «был уже составлен в министерстве и подписан императором, но ещё не напечатан» (с. 185).

Тогда сенатор обратился за помощью к министру внутренних дел П.А. Валуеву и шефу жандармов гр. П.А. Шувалову и подал царю прошение о снисхождении. В нём Марк Николаевич, разумеется, не отстаивал свои «права», а наоборот, оправдывался, ссылаясь на рассеянность из-за болезни жены и сына, на обманувшую его торопливость баллотировки (тогда как он сочувствовал изданному закону, а не его критикам), ему хотелось добиться отпуска и тщательного расследования чистоты своих намерений, причём выражалась готовность понести сугубое наказание, если бы их сочли предосудительными. Министр юстиции Д.Н. Замятнин поддержал просьбу, указав опять же не на особый статус, а на безукоризненность прежней службы сенатора и его образа мыслей⁷⁸. Сентиментального и отходчивого Александра II буквально разжалобили и уговорили 21 января написать на прошении: «Так и быть. Надеюсь, что это послужит ему уроком. Указ уничтожить» (с. 185). Верещагин заключает: «Все эти секретные бумаги остались неизвестны посторонним, отчего и сложилось мнение, будто своим спасением Любощинский был всецело обязан принципу несменяемости. Мы не решаемся признать его неверным, поскольку общественное, историческое значение precedента, его место в человеческой памяти вовсе не зависят от мотивов лиц, его создавших, и несомненным фактом является то, что никогда впоследствии судей не увольняли по высочайшему повелению» (с. 185–186).

Однако этот факт может объясняться и тем, что «инцидент Любощинского» (с. 186) послужил «уроком» не для него одного. Во всяком случае, первоначальный резонанс данного «дела» заметно отличался от его позднейших трактовок. 23 января 1867 г. служивший тогда в сенатской канцелярии А.А. Половцов записал в дневнике рассказ обер-прокурора ГКД Д.Г. фон Дервиза о том, как Марк Николаевич случайно попал на земское собрание и запутался при голосовании (просидев, когда нужно было встать). В результате «о Любощинском подписан указ, повелевавший уволить его от службы. Подписанный указ несколько дней пролежал в Министерстве юстиции, в это время Любощинский написал письмо государю (через Шувалова), и государь написал на письме, что на этот раз прощает виновного. А высочайше утверждённые 20 ноября 1864 г. Уставы говорят, что суды несменяемы»⁷⁹. Таким образом, поначалу «инцидент» вовсе не рассматривался в обществе и в самом Сенате как торжество «несменяемости», а, скорее, напротив.

Для полноты картины нужно учесть и контекст происходивших событий. С лета 1866 г. Валуев и гр. Шувалов, к которым обратился сенатор, вели борьбу с судебным ведомством, добившись к 1867 г. замены товарища министра

⁷⁸ А.Н. Куломзин, зять Замятнина, позднее писал, будто министр перед составлением указа обмолвился о том, что «члены судов пользуются правом несменяемости», и услышал от Александра II в ответ: «Но не для меня» (с. 184).

⁷⁹ Половцов А.А. Дневник. 1859–1882. В 2 т. / Сост. О.Ю. Голечкова, С.В. Куликов, К.А. Соловьёв. Т. 1. М., 2022. С. 365.

юстиции Столяновского своим ставленником гр. К.И. Паленом. Объявляя о его назначении Замятнину, Александр II пояснил: «Мне нужно человека, который помирил бы оба министерства»⁸⁰. Ождалось, что вскоре уйдёт и Замятнин, его требовалось только подтолкнуть.

В связи с этим весьма своеобразное звучание приобретает и то, что в 1881 г. рассказывал гр. Шувалов государственному секретарю Е.А. Перетцу о своём участии в судьбе Любощинского: «Его величество, будучи рассержен, хотел уволить его от службы. Тогда я доложил, что этого сделать нельзя, так как Любощинский – сенатор Кассационного департамента, а потому пользуется правом несменяемости наравне со всеми членами новых судебных мест. Государя это чрезвычайно поразило, и он сначала не хотел мне верить. Оказалось, что в своё время вопрос о несменяемости не был в точности разъяснён его величеству. Государь предполагал, что новый закон будет ограждать судей только от произвола министра, но ничуть не ограничит собственных его прав. Когда истинное значение закона было вполне разъяснено, государь приказал оставить без последствий первоначальное его намерение об увольнении Любощинского» (с. 183–184). Вероятно, граф хотел выглядеть в глазах собеседника (некогда заседавшего в комиссии Буткова) поборником законности. Но Верещагин убедительно показал, что для «спасения» сенатора использовалась совсем иная аргументация. Тогда как скользкая тема царских прерогатив как нельзя лучше подходила для компрометации Замятнина, якобы обманувшего в своё время монарха. Возможно, именно поэтому Александр II не стал дожидаться, когда гр. Пален согласится принять ведомство, и в апреле 1867 г. назначил управляющим Министерством юстиции кн. С.Н. Урусова, который возглавлял его всего полгода.

Кстати, как известно, после инсульта, прервавшего в ноябре 1866 г. государственную деятельность Н.А. Милютина, Валуев и гр. Шувалов стремились к ревизии политики, проводившейся им в Царстве Польском. И тут опытный юрист Любощинский – католик из ополяченной белорусской шляхты – мог оказаться весьма полезным союзником. Неудивительно, что в конце всё того же 1867 г. он стал председателем комитета, готовившего преобразование судебной части в Варшавском генерал-губернаторстве. В 1872 г. его перевели в I департамент Сената, не дававший иллюзорной «несменяемости», но игравший в правительственные делах наиболее значимую роль.

Таков был, по словам самого автора книги, «важнейший» (!) из «прецедентов конституционного значения» (!!), будто бы свидетельствовавших об ограниченности самодержавной власти в России. Но действительно ли несменяемость судей ограничивала императора или хотя бы казалась современникам чем-то потенциально пригодным для этого? Пожалуй, больше и ярче всех на сей счёт написал в «Воспоминаниях о деле Веры Засулич» А.Ф. Кони. Автор упоминает их в книге лишь дважды (с. 197, 535), явно рассчитывая, что читатель и без того с ними знаком. Тем не менее рассуждения мемуариста совсем не согласуются с концепцией Верещагина.

Как известно, после скандального оправдания присяжными террористки, покушавшейся на столичного градоначальника Ф.Ф. Трепова, поведение Кони на посту председателя петербургского окружного суда вызвало жёсткую критику в консервативной печати и в правящих кругах. Через несколько дней его

⁸⁰ Там же. С. 361.

пригласил к себе для объяснений министр юстиции гр. Пален, ожидавший, что император в любой момент может потребовать от него подготовки указа об увольнении «несменяемого» судьи. Причём если графу такой поворот событий представлялся вероятным, то сам Кони под влиянием доходивших до него слухов не сомневался в том, что всё уже «решено в принципе». Считая это «нарушением закона, которое никому не запишется в счёт заслуг», он также отчётливо понимал, что хуже будет только для закона, а вовсе не для его нарушителей: «Указ Сенату с увольнением без прошения составил бы самую печальную и беспримерную доселе страницу в истории судебной реформы. Одним этим указом фактически и бесповоротно уничтожалась бы несменяемость. Статьи Учреждения [судебных установлений], говорящие о ней, звучали бы насмешкой». Поэтому «надо было сделать всё возможное для избежания такого указа, для устранения такого опасного, разворачивающего precedента». Но делать было положительно нечего, и просить о помощи некого, как бы ни смущала «мысль о том, что беззаботный насчёт судебных уставов государь способен, действительно, подписать поднесённый трепещущим Паленом указ и тем нанести жесточайший нравственный удар в самое сердце судебного ведомства»⁸¹.

Стоит ли удивляться тому, что Кони, попав в затруднительную ситуацию, ни разу не ссылался на «важнейший» precedент Любопытного? Не упоминал о нём и гр. Пален, хотя он настойчиво рекомендовал судье нечто весьма схожее: признать вину, подать царю добровольное прошение об отставке и рассчитывать на его доброту. Кони, сперва не желавший подавать деморализующий пример для независимых и несменяемых «череповецких и изюмских судей», по здравом размышлении признал, что увольнение председателя столичного суда без прошения обескуражит их ещё сильнее. В итоге он отправил «ничтожному министру» письмо, в котором соглашался «оставить службу лишь в том случае, когда Пален от имени государя как статс-секретарь объявит мне высочайшее повеление о том, чтобы я подал в отставку»⁸². Необходимость изыскивать такого рода уловки, вероятно, свидетельствовала о том, что «беззаботный» монарх, указа так и не потребовавший, был сильно ограничен принципом несменяемости... Описывая свои страдания, Кони мимоходом коснулся ещё одного «precedента» в решении подобных дел: в марте 1868 г., через полгода после вступления на министерский пост, гр. Пален перевёл без прошения (и даже «против воли») первого председателя петербургского окружного суда Г.Н. Мотовилова на должность прокурора московской судебной палаты, просто сославшись потом на то, что «не так понял» намерения «несменяемого» чиновника⁸³.

Кони придавал исключительное значение принципу несменяемости. Ему казалось, что это «лучшая гарантia, лучшее украшение судейского звания», и «благодаря ей легко переносится и скучное вознаграждение, и тяжкая работа судей», обретающих «доверие к своим силам в столкновениях со всякою неправдою». Иными словами, она рассматривалась как существенная и по-своему уникальная корпоративная привилегия внутри правительенного аппарата

⁸¹ Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Кони А.Ф. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2 / Под ред. В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. М., 1966. С. 193–194, 206–208.

⁸² Там же. С. 202–209.

⁸³ Там же. С. 207. В некрологе, посвящённом Мотовилову, Кони, похоже, умышленно стушевал эти обстоятельства (Кони А.Ф. Отцы и дети Судебной реформы: к пятидесятилетию Судебных уставов. М., 2003. С. 209–210).

и самого судебного ведомства, резко повышавшая социальный статус и авторитет тех, кто ею обладал. Но даже Кони не видел в ней средства ограничить верховную власть. Бравируя своей независимостью и опираясь на неё, он мог дерзко пререкаться с министром (которому совсем недавно ещё подчинялся как вице-директор Департамента юстиции), но оставался абсолютно одинок и беспомощен перед решительно заявленной царской волей⁸⁴. В каких-то случаях её могли даже игнорировать в судебных решениях, рассчитывая на «беспечность», уступчивость или доверие монарха к своим юристам, но ей нечего было противопоставить, кроме попыток переубеждения.

Между тем самодержцу ничто не мешало при необходимости ограничивать якобы стеснявшую его несменяемость. Это отчётливо проявилось в чрезвычайном законодательстве 1879–1880 гг., когда сначала в значительной части страны «все местные гражданские управления» были подчинены временным генерал-губернаторам, получившим полномочия, какими пользовались главнокомандующие в военное время, включая неограниченное право задержания и административной высылки, а затем «все ведомства» империи «по делам об охранении государственного порядка и общественного спокойствия» оказались в подчинении главного начальника Верховной распорядительной комиссии. Ему дозволялось «принимать вообще все меры, которые он признает необходимыми», и «определять меры взыскания за неисполнение или несоблюдение сих распоряжений и мер, а также порядок наложения этих взысканий», причём особо оговаривалось, что «принимаемые им меры должны подлежать безусловному исполнению всеми и каждым и могут быть отменены только им самим или особым повелением». Никаких изъятий ни для мировых, ни даже для коронных судей, независимых и несменяемых, при этом не делалось⁸⁵.

Положение 14 августа 1881 г. предусматривало, что «главноначальствующий» в той местности, где вводился режим чрезвычайной охраны, мог «устроить от должности... чиновников всех ведомств», за исключением лиц первых трёх классов⁸⁶. Тем самым данная норма распространялась и на судей (кроме сенаторов), поскольку все они числились в V или IV классе (с. 94). В 1906 г. её применение сломало карьеру председателю томского окружного суда А. В. Витте, который сперва был отстранён генерал-губернатором от должности, а потом и вовсе уволен без прошения по докладу министра юстиции⁸⁷. Верещагин отмечает, что это был «исключительный» и «едва ли не единственный случай открытого нарушения принципа несменяемости» (с. 205), но почему-то не видит в нём «прецедента», отражающего не только обстановку революционных потрясений, но и отношение самодержцев к попыткам ограничить их власть в тех случаях, когда они сами того не желали. Так или иначе, но сама практика установления чрезвычайного положения по усмотрению императора наглядно демонстрировала сохранение им всей полноты суверенитета (самодержавия), в том числе и в судебной сфере.

Но почему же монархи, обычно ревниво оберегавшие свои прерогативы и способные одним указом или даже карандашной резолюцией упразднить

⁸⁴ Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. С. 193–209.

⁸⁵ ПСЗ-II. Т. 54. Отд. I. СПб., 1881. № 59476. С. 298–299; Отд. II. СПб., 1881. № 60492. С. 450–451.

⁸⁶ ПСЗ-III. Т. 1. СПб., 1885. № 550. С. 265.

⁸⁷ Подробнее см.: Крестьянников Е.А. Предварительное следствие по делу о томском погроме 1905 г. и сибирская юстиция // Российская история. 2023. № 2. С. 88, 93–98.

и трансформировать государственные институты, санкционировали и сохранили Уставы, наделявшие судей независимостью и несменяемостью? Почему даже в 1880–1890-е гг., несмотря на нападки борцов за незыблемость самодержавия, контрреформы, практически разрушившие мировой суд, почти не коснулись коронных судебных учреждений? Книга Верещагина убедительно отвечает на эти вопросы.

Прежде всего, конечно, сказывалась искренняя и сознательная приверженность как царей, так и просвещённой бюрократии (численность и доля которой в XIX в. неуклонно росла) идеи законности. Так, «различие между самодержавием и деспотизмом гр. Блудов объяснял императору Николаю тем, что самодержец может по своему произволу изменять законы, но до изменения или отмены их должен им сам повиноваться». То же повторял он и Александру II⁸⁸. Это, на первый взгляд, отвлечённое правило имело ключевое значение для упорядочивания и направления работы государственного аппарата.

Кроме того, не стоит забывать, что исходной точкой подготовки реформы 1864 г. являлись не некие «объективные потребности» и «последствия» чего-либо, а острое ощущение беспомощности (если не ужаса), пережитое Николаем I в конце 1840-х гг. при осознании тщетности десятилетних усилий по наведению порядка в судебном ведомстве. Тогда, находясь на пике могущества, он почти с отчаянием спрашивал гр. Блудова: «Не уж ли невозможно улучшить нашего судопроизводства?» (с. 34). Вот тут-то и проступало настоящее, а не формальное «ограничение» самодержавия. На таком фоне конструкция, созданная в середине 1860-х гг., выглядела почти чудом, и обращаться с ней стоило бережно и аккуратно. Решение же проблемы во многом зависело от радикального изменения личного состава и статуса судейской корпорации, а именно – от превращения её из наиболее приниженных и коррумпированных в одну из самых престижных, профессиональных и авторитетных. Собственно «независимость», «несменяемость» и проч. требовались как раз для этого, и они дали нужный эффект. Пренебречь ими с риском вернуться к «разбитому корыту» середины XIX в. не могло не показаться слишком опрометчивым.

Для понимания того, какие дела доходили до императора через Сенат и Государственный совет в дореформенный период, достаточно хотя бы бегло ознакомиться, например, со скандальным расследованием покушения кн. Л. В. Коцубея на своего бывшего управляющего И. Зальцмана. Оно долго тянулось, запутывалось, разваливалось, возобновлялось возмущёнными сановниками, вызвало у Александра II решимость «проявить справедливость», но дошло до него в таком виде, что всё равно кончилось, по сути, ничем⁸⁹. Личное рассмотрение таких казусов отнюдь не расширяло власть царя (который критически зависел от труда докладчиков и канцелярий), но ставило его в непростое положение перед своими советниками и высшим обществом, т.е. скорее дискредитировало, чем усиливало. Наконец, именно в судебных делах, как ни в каких иных, монархи чаще всего сталкивались с тем, чего опасались едва ли не больше всего, – с угрозой оказаться объектом манипуляций собственного окружения. Особенно выпукло данная тенденция проступала в деятельности руководителей Комиссии по принятию прошений и пришедших ей на смену

⁸⁸ Дневник П.А. Валуева... Т. 1. М., 1961. С. 77, 314.

⁸⁹ Половцов А.А. Дневник. 1859–1882. Т. 1. С. 79–87; Русские уголовные процессы / Изд. А. Любавского. Т. 1. СПб., 1866. С. 334–364.

канцелярий (с. 188, 197–200), и не случайно их попытки «развернуться» всякий раз встречали общее сопротивление бюрократии и ни к чему не вели.

По мере усложнения системы государственного управления и всё большей институциализации монархии нагрузка, ложившаяся на императоров (как содержательная, так и сугубо делопроизводственная), постоянно и довольно значительно увеличивалась и усложнялась. Российские самодержцы с тревогой наблюдали за тем, как неумолимая логика политического процесса делала их одним из элементов правительственной машины. Пытаясь этого избежать, они всё сильнее дорожили элементами частной жизни и личного пространства.

Тем временем успех судебной реформы вызвал обвальный рост тяжб и процессов. Положения Свода законов всё глубже проникали в жизнь тех слоёв населения, которые раньше руководствовались лишь патриархальными правами и обычаями. Медленно образовывалось общее правосознание. Ценой этого являлась крайняя перегруженность судебной системы, включая и сенатские департаменты, что прекрасно показано Верещагиным (с. 53–178, 238–244, 308–315). Но если бы даже малая часть производств, завершившихся после 1864 г. в Сенате, доходила апелляционным путём до императора, это похоронило бы самодержавие под ворохом бумаг надёжнее и быстрее, чем делегирование полномочий и большей самостоятельности высокопоставленным чиновникам.

Могла ли судебная корпорация, пользуясь таким положением, со временем стать политической силой, способной претендовать на собственную власть и диктовать условия самодержавию? Катков пугал чем-то подобным читателей, приписывая служащим Министерства юстиции конституционные амбиции (с. 201–202). В действительности же они, как пишет Верещагин, были слишком разобщены и перегружены текущими делами, что нередко дополнялось вовлечённостью в местную общественную жизнь. Какие-либо влиятельные внеправительственные центры, сплачивающие корпорацию и руководящие ею, отсутствовали. Профессиональная юридическая печать до начала XX в. властила весьма скромное существование, испытывая недостаток подписчиков (с. 109–110). Последующий её непродолжительный взлёт во многом обеспечили кадетские издания (с. 110–111). Однако это не помогало консолидации юридического сообщества империи, а скорее углубляло его раскол на «правых» («щегловитовскую юстицию») и «кадетствующих».

Сенаторы, склонные к политической деятельности, чаще включались в борьбу правительственные группировок, нежели стремились играть собственную роль. Весьма характерно, что первоприсутствующий Уголовного кассационного департамента Сената М. Е. Ковалевский (одно из высших лиц в судейской иерархии) в 1880 г. вошёл в состав Верховной распорядительной комиссии и подчинялся её главному начальнику гр. М. Т. Лорис-Меликову. Вскоре сенатор занял видное место в его ближайшем окружении, принял активное участие в интриге против председателя Комитета министров гр. Валуева, стал членом Государственного совета и уже готовился возглавить Министерство юстиции. Трудно представить его (как, впрочем, и подавляющее большинство сенаторов) в какой-либо оппозиции, противостоящей верховной власти. Напротив, после свёртывания «либеральной системы» гр. Лорис-Меликова Михаил Евграфович понемногу «правел» вместе с правительенным курсом.

При чтении книги Верещагина остаётся впечатление, что императорам следовало опасаться не ограничения своей власти чинами судебного ведомства, не имевшими для этого никаких рычагов, а влияния на суды со сторо-

ны подвижных и незрелых общественных настроений (с. 197). «Источником давления на суд, — отмечает автор, — было не только и даже не столько правительство, сколько общественное мнение, находившееся под обаянием радикальных и прогрессистских идей. Судьи принадлежали в то время сразу двум мирам: правительенному и общественному, которые не были отделены друг от друга непроходимой стеною, а, напротив, связаны тысячей нитей» (с. 223). Публичность изначально рассматривалась как одно из средств оздоровления атмосферы в судах. Резонансность судебных решений меняла правосознание общества. Но она же делала неизбежным и обратное воздействие. Судьи становились не просто частью двух миров, но и слугами двух господ...

В сочетании с независимостью это порою вызывало у судей стремление занять позицию арбитра между правительством и обществом, а то и встать над схваткой между государством, чьё существование они были призваны защищать, и революционерами, которых по долгу службы и присяги им надлежало преследовать. В итоге суды попадали в фальшивое положение и вызывали недовольство у всех — и в правящих кругах, и у фронтирующей общественности. Оставалось утешаться принципами «верховенства права», убеждая себя в том, что право — не один из инструментов власти, а некая трансцендентная сущность, требующая псевдорелигиозного поклонения. А.Н. Верещагин с сочувствием пишет о дореволюционной «религии права» и веровавших в неё юристах. Однако наивная вера в то, что «правовой строй» и государственные институты существуют не благодаря, а вопреки неограниченной авторитарной власти, выстраивающей сложный баланс законности и чрезвычайных мер, насилия и гуманности, дорого стоила Российской империи. Успешная борьба с «рецидивами деспотизма» завершилась крахом «правомерного самодержавия» и десятилетиями беззакония, глумливо прикрытою конституционными формами и «правами».

Дмитрий Лисейцев

Империя и её рождение*

Dmitry Liseitsev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow;
HSE University, Moscow, Russia)

The Empire and its birth

DOI: 10.31857/S2949124X24060253, EDN: RJKHF

История, как и любая иная сфера научных знаний, описывает предмет своего изучения в том числе посредством ряда специальных понятий. Клио, впрочем, в силу присущей ей гостеприимности и щедрости, позволяет пользоваться своим языком учёным из смежных областей – правоведам, политологам и социологам, порой снабжающим позаимствованные у историков термины собственными дефинициями. Понятия эти, в силу «интуитивной доступности», пребывают в активном употреблении далёких от науки людей, вследствие этого зачастую теряя изначальное наполнение и приобретая эмоциональную (часто негативную) окраску. В качестве примера назову такие термины, как «оккупация» (в изначальном смысле обозначающий занятие территории в ходе военных действий, в обиходном же – исключительно временные успехи неприятеля, сопровождающиеся насилием над мирным населением), или «политический режим» (понятие, общепринятое в политологии, но в публицистике часто употребляемое как синоним «хунты»).

К числу терминов, чьё восприятие осложняется присутствием в об-

щественном сознании эмоционально окрашенных коннотаций, принадлежит «империя». Ситуацию осложняет то, что окраска эта у обладателей разных научных и политических взглядов может быть крайне контрастной – вплоть до диаметрально противоположной, демонстрируя широчайший спектр от ненависти («империя зла») до восхищения («великая империя») со множеством промежуточных оттенков: иронией – «Римская империя времени упадка сохраняла видимость твёрдого порядка» (Б. Окуджава) или осторожной отстранённостью – «Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря» (И. Бродский).

К рассуждениям об особенностях восприятия империи подталкивает читателя название, данное переводчиком недавно изданной в Санкт-Петербурге обобщающей работы замечательного американского учёного, крупного специалиста по истории России XVI–XVII вв. Нэнси Шилдс Коллманн, хорошо известной российским исследователям прежде всего по изданным на русском языке монографиям о России XV–XVIII вв.¹ Опубликованный в 2017 г. на родном

* Коллманн Н.Ш. Россия и её империя. 1450–1801 / Пер. с англ. В. Петрова. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 783 с. (Сер. Современная западная русистика).

Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

языке автора, этот труд, возможно, подобных размышлений не вызвал бы — его титул украшает суховатая в своей академичности формулировка «*The Russian Empire 1450–1801*»². Даже не знающий английского языка российский читатель с лёгкостью переведёт название книги как «Российская империя 1450–1801 гг.». Тем сильнее окажется его удивление, когда он обнаружит, что сделавший перевод для издательства «Academic Studies Press. Библиороссика» переводчик В. Петров подошёл к переводу названия книги творчески, наделив её именем «Россия и её империя. 1450–1801», вызывая в первую очередь ассоциации с творчеством советского детского писателя А.П. Гайдара. Соответственно, читатель вместо традиционного «Что хотел сказать автор?» задаётся вопросом: «Что хотел выразить переводчик?». И, должен признать, перевод названия книги вызывает некоторое недоумение, как если бы на упаковке с продуктами вместо привычной обнаружилась надпись: «Сибирь и её пельмени». Может быть, по замыслу Петрова название книги должно привести читателя к мысли,озвучной словам Е. Евтушенко («Я Родину свою люблю, но ненавижу государство»), заставить задуматься о том, что Россия не тождественна образовавшейся на её территории империи?

Вряд ли, однако, кто-то всерьёз стал бы отрицать последний тезис, поставив знак равенства между страной как этнической, социально-культурной, политической общностью и формой её государственного строя. Во всяком случае, автор анализирующей книги этого не делает, не разделяя изучаемого ею предмета на «Россию и её империю», но и не настаивая на полном растворении одного в другом. Строго говоря, выражение «Россия и её империя» читатель, помимо обложки, встретит лишь дважды —

в первой фразе предисловия к русскому изданию («Для меня большая честь представить российским читателям свой труд по истории России и её империи в раннее Новое время») (с. 5) и в заключении («французские просветители считали Россию и её империю “нецивилизованными”») (с. 751). Последний пассаж присутствует и в исходной версии книги³. Во всех остальных случаях и автор, и вслед за ним переводчик, употребляют вполне привычный российскому читателю оборот «Российская империя» («*the Russian empire*»).

В основу труда профессора Коллманн легла концепция «империи различий», чьей отличительной чертой, по её мнению, был отказ от тотальной универсализации, выражавшийся в сохранении в провинциях этнического и религиозного разнообразия (с. 5). Россия в этом отношении никаким образом не уникальна — в одном ряду с нею стоят Османская, Сефевидская, Китайская и Могольская империи, которые «управлялись из единого центра, но на языки, этническую принадлежность и верований покорённых народов никто не покушался — в них видели залог социальной стабильности». Корни такой терпимости исследовательница видит в империи, созданной Чингисидами, и все перечисленные государства в той или иной мере были её наследниками (с. 9). Мысль, безусловно, интересная, хотя, думается, такое соседство покоробит немалую часть российских читателей, привыкших ставить свою страну в один ряд с европейскими державами (даже довольствуясь статусом их «младшей сестры»), либо вовсе настаивать на абсолютной уникальности исторического пути и политической эволюции России. Между тем отрицать некоторую типологическую близость Московского государства и Османской империи,

по крайней мере на уровне идеологии власти, было бы не вполне справедливо. Достаточно вспомнить, чьим примером на заре формирования имперской идеи в России вдохновлялся автор «Большой челобитной» Ивана Пересветова: «Магмет-салтан, турской царь, взявші Царьград, да уставил правду и праведный суд, что Бог любит, во всем царстве своем, и утешил Бога сердечною радостию. За то ему Бог помогает: многия царства обладал Божиєю помощью. А он великою правду во царство свое ввел»⁴.

Признавая перспективность компартиативного рассмотрения политических практик Османской империи и Московского государства, отмечу, тем не менее, спорность тезиса о генетическом родстве этих двух «империй различий» через «общего предка» — державу Чингисидов. Описанные Коллманн и её предшественниками черты «империи различий» обнаруживаются, например, у западного соседа России — Польско-Литовского государства (Речи Посполитой), где по меньшей мере до конца XVI в. недурно уживались поляки, литовцы, русские, белорусы, украинцы, евреи, немцы, татары; православные, католики, протестанты разных толков, мусульмане и иудеи. Подозревать причастность потомков Чингисхана к формированию социально-политических практик государства Ягеллонов явно не приходится. Более того, продвигаясь по карте Европы раннего Нового времени на запад, невозможно не заметить занимающую её центр Священную Римскую империю германской нации, имевшую, вопреки названию, очень пёстрый национальный, а с начала XVI в. — и конфессиональный состав населения. Безусловно, до определённого момента взаимоотношения между приверженцами разных направлений в христианстве здесь были крайне сложными и даже конфликтными, но

и религиозная толерантность русских царей и османских султанов имела свои пределы. Не отрицая, таким образом, права автора причислять Россию XV—XVIII вв. к «империям различий» и рассматривать её историю именно в этом ключе, отмечу, что описываемый Коллманн тип государства универсален и характерен для социумов со сложным национальным и конфессиональным составом, и искать истоки феномена «империи различий» исключительно в степях Монголии вряд ли правильно.

Нижней хронологической границей своего исследования Коллманн обозначила 1450 г., и, разумеется, следует осознавать условность выбранной даты. Действительно, угадать в Великом княжестве Московском 1450 г. империю сложно. Процесс «собирания русских земель» на тот момент был ещё далёк от завершения: Москве не подчинялись тогда ни Великий Новгород, ни Псков; сохраняли самостоятельность Ростов, Ярославль, Тверь и Рязань. Таким образом, московские князья уверенно контролировали на тот момент земли в радиусе 150—200 вёрст от своего столичного города. Междоусобица в велиокняжеском доме едва достигла перелома — Дмитрий Шемяка уже изгнан ослеплённым Василием Тёмным из Москвы, но пока ещё находит убежище в Новгороде. Только что провозглашена автокефалия Русской православной церкви, а светская власть не могла ещё гордиться полным суверенитетом, продолжая выплачивать дань — «ордынский выход» — владыкам Большой Орды. Поэтому сложно принять утверждение автора о том, что Московское государство стало превращаться в «государство раннего Нового времени» около 1450 г. Во всяком случае, для доказательства этого тезиса недостаточно констатировать, что «Москва

уже управляла империей — многонациональной и многоконфессиональной страной, — поскольку подданные великого князя около 1450 года относились к восточнославянским, финно-угорским и тюркским народностям, исповедавшим православие, ислам и анимизм» (с. 73–74). Напомню, что финно-угорские народы были заметной частью этнической карты Древнерусского государства с самого начала его существования (и даже, согласно летописной легенде, участвовали в «призвании варягов»), а тюркоязычные торки и берендеи в статусе «своих поганых» находились на службе киевских князей в X–XII вв. Нужно ли, следуя за логикой Коллманн, считать «империей различий» Древнерусское государство?

Не стану останавливаться на тезисе о том, что «История первых веков существования русской империи — приблизительно с середины XVI до конца XVII века — поразительна для стороннего наблюдателя: сильнейший напор плюс почти полное отсутствие идеологии, описывающей имперский проект и проникнутой саморефлексией» (с. 95) — об этом уже сказано в рецензии моего коллеги (к слову, его перевод процитированного выше пассажа представляется более точным, по крайней мере, в передаче выражения *«sheer energy»* как «исключительной энергии», а не «сильнейшего напора»; наблюдатель же в переводе Петрова отчего-то стал «сторонним»)⁵. Отмечу лишь, что одним из показателей рождения империи — если не как факта, то в качестве претензии — является, на мой взгляд, именно возникновение имперской идеологии, настаивающей на уникальности места данного социума в мире и одновременно претендующей на универсальность и роль знамени, указывающего путь заблудшим. В России XVI в. таким идейным конструктом стал «Третий Рим», чьё по-

явление обозначило приближающееся завершение «пренатального периода» в формировании империи.

Не буду подробно разбирать и позицию Коллманн, отказывающей эпохе Петра I в праве считаться временем революционных перемен. Эта точка зрения не является авторским открытием, перекликаясь с мнением другого американского историка — Д. Островски, также относящего конец московского периода российской истории к рубежу XVIII–XIX вв., а начало — к 1450 г.⁶ Ряд российских историков в последние десятилетия также стали отходить от господствовавшего в историографии взгляда на эпоху Петра как на время цивилизационного разлома, подчёркивая эволюционную связь многих институтов и явлений XVIII столетия с предшествующим периодом. Но отказывать эпохе в революционности лишь на том основании, что при Петре I «сохранялась преемственность в базовых аспектах государственного строительства (имперская экспансия, институты управления, мобилизация ресурсов, терпимость к различиям)» (с. 18) мне не представляется справедливым. Собственно, почти всё из перечисленного Коллманн Российской империя пронесла и через XIX в. Скажу больше: Советский Союз тоже не отринул ни экспансивности, ни принципов мобилизационной экономики, ни известного интернационализма, но вряд ли этого будет достаточно, чтобы отрицать революционность событий 1917–1922 гг.

Наиболее интересным для анализа мне представляются не первые сто лет из избранного Коллманн временного отрезка, когда Русь, очевидно, империей *ещё* не была, равно как и последнее — XVIII столетие, когда Россия *уже* имела имперский статус, закреплённый в том числе и юридически. Важнее, кажется, сосредоточить

ся на рассмотрении той части текста, что посвящена второй половине XVI–XVII вв., тем более что и автор книги, и рецензент специализируются на изучении именно Московского царства.

Российскую империю исследовательница, следуя за длительной историографической традицией, как российской, так и интернациональной, считает наследницей сразу двух империй – Римской (точнее, Византийской) и Монгольской. Последней отводится особая роль: Коллманн утверждает, что «Принимая титул царя в 1547 году, московский великий князь подчёркивал, что его легитимность происходит от чингизидов – в монгольских источниках слово “царь” обозначало и местных ханов, и византийских императоров» (с. 220). Откровенно говоря, я не имею ответа на вопрос, в каких именно «монгольских источниках» употреблялось слово «царь», тем более в отношении византийских василевсов. В русских же источниках последних, как и ордынских ханов, действительно именовали «царями» (как, впрочем, и библейских правителей Иудеи, и даже центральную фигуру христианского вероучения). Оставим, однако, приоритетное право спорить о том, строили ли в Москве XVI–XVII вв. «Третий Рим» или же «Второй Сарай», евразийцам.

Автор книги не склонна ни идеализировать, ни демонизировать изучаемую ею империю, отмечая, что «создание и сохранение империи осуществлялись за счёт насилиственных завоеваний, жесточайшего крепостничества, нищеты и несвободы основной массы населения». Между тем она верно указывает, что подобное не было исключительным проклятием России: «Данное утверждение можно отнести к любой стране мира в тот период – к Америке с её рабством, к европейским колониальным империям, основанным на рабовладении, к Ос-

манской империи... – но от этого оно не становится менее верным» (с. 765).

Профессор Коллманн далека от того, чтобы характеризовать власть русских государей как деспотическую. Неограниченная «в теории», на практике она ограничивалась «имперским воображаемым», т.е. идеальным образом должного поведения монарха: от него ждали набожности, правосудия и защиты народа от различных угроз. Как ей представляется, «именно это ожидание, в отсутствие конституционных гарантий или права на сопротивление, служило оправданием для народных низов, поднимавших мятеж против правителя, который не выполнял своих обязанностей. Лишь в редких случаях московские правители вели себя единовластно и деспотично, и поэтому зверства Ивана Грозного вызвали такое потрясение» (с. 261). Вынужден, однако, заметить, что упомянутое автором «потрясение от зверств» в годы царствования Ивана Грозного не вылилось в мятежи и восстания, а власть, не имеющую никаких внешних ограничений (кроме удавки и табакерки, вышедших на историческую авансцену российской истории в самом конце рассматриваемого периода), всё-таки следует признать неограниченной (что, разумеется, не синонимично деспотичности).

Что же касается мятежей как реакции на не соответствующее ожиданиям поведение монарха и его окружения, то они стали нередким явлением лишь в XVII в., когда страна прошла через длившуюся полтора десятка лет гражданскую войну – Смуту. Смутному времени в истории Московского государства принадлежит особое место, но развёрнутого анализа этой эпохи в книге Коллманн, к сожалению, нет. Периодически отмечая перемены, принесённые этим кризисом в жизнь страны, исследовательница, однако, ограничилась лишь конспек-

тивным изложением основных вех того периода, так и не определившись с его хронологическими границами: в ряде случаев она пишет о начале Смуты в 1598 г. (с. 23, 52), иногда относит его к 1605 г. (с. 120, 252). Лишь завершение кризиса в книге датируется всегда одинаково — 1613-м годом (тогда как современная российская историография склонна относить завершение этой гражданской войны к 1618–1619 гг.). Библиография Смутного времени, приведённая в книге, отчасти объясняет некоторую «внитажность» взглядов американской коллеги. Из российских исследований она упоминает классический, фундаментальный, но написанный более 120 лет назад труд С.Ф. Платонова, хотя, не сомневаюсь, новейшие исследования Б.Н. Флори, В.Д. Назарова, И.О. Тюменцева, В.Н. Козлякова, не говоря уж о книгах Р.Г. Скрынникова, профессору Коллманн хорошо известны. Англоязычная историография Смутного времени, указанная в библиографии, более молода, но и здесь последняя по времени выхода работа относится к 2006 г. (с. 266).

Заслуживают внимания и рассуждения Коллманн о политических институтах верховной власти Московского государства — Боярской думе и земских соборах. Вопреки мнению большинства российских историков, исследовательница не склонна отводить им значительного места в политической системе страны (напомню, именно наличие Боярской думы с лёгкой руки В.И. Ленина стало для советских историков поводом считать самодержавие XVII в. ограниченным⁷, а земские соборы традиционно считаются основным доказательством пребывания Московского государства XVI–XVII вв. в статусе сословно-представительной монархии)⁸. Не попавшая под обаяние российской и советской историографической тра-

диции, профессор Коллманн, на мой взгляд, очень близка к истине, когда пишет: «Позднейшие историки сделали из этой системы консультаций целый институт — Боярскую думу, словно речь шла о постоянном протопарламентском учреждении. В таком виде она являлась скорее воплощением фантазии историков: совещания с боярами устраивались постоянно, но разговор с каждым вёлся по отдельности, и часы таких встреч были чётко установлены только в конце XVII века» (с. 232). Столь же скептичен её взгляд на земские соборы, определённые как «бесформенные собрания представителей различных сословий», которые «не обладали ни одним из признаков парламентов раннего Нового времени (установленные сроки созыва, разделение на палаты, где заседали делегаты от разных социальных групп, выборный и/или представительный членский состав, законодательное разделение сфер компетенций, финансовые, законодательные и прочие полномочия, ограничивающие права исполнительной власти)». Смысль созыва земских соборов Коллманн видит в том, что те «давали властям дополнительную легитимацию при наступлении политических кризисов или важных событий», приписывая им также функцию «коммуникации между властью и обществом, и особенно — между центром и окраинами». Отмечу, что с последней задачей очень неплохо справлялся другой, реально существовавший и действовавший институт, а именно практика подачи челобитных (с. 233).

Высокую оценку профессор Коллманн дала приказным служащим Московского государства. Как отмечено в книге, «несмотря на структурное и функциональное разнобразие, московская бюрократия была высокопрофессиональной благодаря серьёзной подготовке, эффективно-

му надзору и более или менее адекватному вознаграждению. Приказные люди в Москве обязательно проходили, один за другим, все установленные этапы карьеры, каждый из которых мог длиться несколько лет» (с. 294). В целом эта картина верна, но считаю, что необходимо отметить ряд частностей. Не буду оспаривать применимость к приказным людям XVI–XVII вв. термина «бюрократия», тем более что наиболее авторитетный специалист в данной области Н.Ф. Демидова полагала его вполне адекватным обобщающим определением дьяков и подьячих Московского государства⁹. Относительно же «более или менее адекватного вознаграждения» возможны споры: при годовом прожиточном минимуме в 3,5–4 руб. значительная часть приказных подьячих имели очень небольшой оклад. Из 45 человек, служивших в 1633/34 г. в одном из наиболее важных ведомств страны – Разрядном приказе – более трети (18) получали 10 руб. и меньше (в том числе девять подьячих служили за жалованье в 3–4 руб.)¹⁰. Адекватным такое вознаграждение назвать очень трудно, и неудивительно, что ради выживания своего семейства подьячим приходилось прибегать к неадекватным способам обогащения, что с неизбежностью порождало коррупцию. Не совсем точно утверждение об обязательном прохождении приказными служащими всех этапов карьеры. Чаще всего именно так и было, но известно немалое количество случаев, когда человек (особенно выходец из торговой среды) становился дьяком без предварительной службы в подьячих. Относительно численности приказных служащих приведённые Коллманн данные вызывают удивление: в 1626 г., по её сведениям, в московских приказах служили 656 дьяков и 575 подьячих, в 1698 г. – дьяков 2 762, подьячих – 2 648. Во-первых, из

этого следует, что на протяжении всего XVII в. далеко не каждый дьяк имел в подчинении хотя бы одного подьячего; во-вторых, такого количества дьяков в России никогда не было – даже на исходе XVII столетия в приказах их одновременно числилось менее 100 человек. Впрочем, природа этой ошибки в подсчётах вполне понятна: данные о численности приказных служащих взяты из таблицы в книге Демидовой. И если данные о количестве подьячих позаимствованы корректно, то астрономическая численность дьяков появилась из последней строки таблицы, где указано общее число приказных служащих (судей, думных дьяков, дьяков и подьячих)¹¹.

Отдельному рассмотрению подверглась экономика Московского государства. В соответствии с подходом к периоду как к истории империи, взгляд американской исследовательницы оказывается сфокусированным на потребностях государства: «Российская экономика в раннее Новое время держалась преимущественно на прямых и непрямых налогах, взимаемых с горожан и крестьян, занимавшихся преимущественно сельскохозяйственным трудом. Именно они обеспечивали основную часть поступлений в государственный бюджет» (с. 333). Не стану изрекать прописных истин о том, что экономика не равна бюджету – очевидно, что речь здесь идёт именно о последнем. Отмечу лишь, что доля прямых налогов в России по меньшей мере до середины XVII в. была относительно невелика, и казна не менее чем на $\frac{2}{3}$ пополнялась за счёт поступления косвенных налогов, главным образом кабацких и таможенных денег. Характеризуя фискальную политику российского правительства XVI–XVII вв. как «бездумную», автор приводит цифры, способные повергнуть в ужас неподготовленного читателя: «В 1610–1620-е годы ставка

поднялась опять, в связи с войнами Смутного времени и необходимостью восстановления хозяйства после них – до 1200–1600 рублей за сохи. В 1630-е годы она уменьшилась до 500–560 рублей, но к середине столетия взлетела до 1700 рублей, при том что инфляция была сравнительно небольшой» (с. 336). О каком именно налоге (или их совокупности) здесь идёт речь, в книге не поясняется, но цифры, действительно, пугают. Впрочем, источники показывают иную картину: наиболее крупная прямая подать – стрелецкие деньги – вскоре по завершении Смуты взималась по ставке 90 руб. с сохи; в 1630-х гг., вопреки обозначенной Коллманн тенденции, этот налог вырос (на короткое время в максимуме до 240 руб.), чтобы к 1640-м гг. стабилизироваться на отметке в 168 руб.

Уделено внимание и сбору косвенных налогов – таможенных и кабацких денег, причём читатель узнаёт, что продавать алкоголь «разрешалось только в лавках, принадлежавших государству или откупщикам» (с. 336). «Лавки» для торговли алкоголем в России XVII в. это, разумеется, терминологический курьёз, копирайт на который принадлежит автору, не сориентировавшемуся в экономических реалиях Московского царства, и переводчику, не обязанному знать, что ни в каких лавках хмельным питьём тогда не торговали – этим занимались исключительно кабаки (с середины XVII в. – кружечные дворы), причём они ни в коем случае не могли принадлежать откупщикам. Кабаки являлись исключительно государственными, откупщики здесь могли быть лишь арендаторами. Крайне обобщёнными и далёкими от реальности приходится признать и представления автора о системе откупов: «Откупа чаще встречались в центре страны и в степном приграничье, чем на севере (где органы

местного самоуправления назначали лиц, ответственных за сбор налогов). Гости – богатейшие купцы, имевшие право торговать с другими городами и странами, – обладали возможностью приобретать самые выгодные откупы (например, винные откупа в Москве)» (с. 336–337). Сохранившиеся документы первой половины XVII в. показывают, что географической зависимости в распределении откупов не наблюдалось. Откупщики нередко встречались и в городах Русского Севера, даже в таких крупных, как Новгород, Псков и Вологда, поскольку слабое в экономическом отношении посадское население не могло противостоять интервенции обладателей крупных капиталов и их влиятельных покровителей. Что же касается гостей, то их откупа обыкновенно не привлекали, поскольку заставляли сосредоточиться на экономической эксплуатации одного города и уезда, лишаясь возможности лично контролировать торговые операции в гораздо более широких предпринимательских горизонтах. Намного чаще, чем откупщиками, гости бывали таможенными и кабацкими головами в крупных экономических центрах масштаба Архангельска, Ярославля, Казани и Астрахани. Но эта функция являлась для них разновидностью государственной службы, и от неё при возможности представители богатейших торговых фамилий старались уклониться.

Наконец, отдельного разговора заслуживает территориальный рост Московской державы. Ведь именно во второй половине XVI – XVII в. произошло небывалое – шестикратное – увеличение занимаемого ею пространства, причём страна приблизилась к контурам своих нынешних географических границ. Как примирить факт столь быстрого расширения, собственно и подарившего стране черты, приписываемые автором книги «импе-

риям различий» (многонациональный и поликонфессиональный состав населения) с афоризмом классика исторической науки Ф. Броделя («Расстояние – враг империй»), повторённым профессором Коллманн на страницах её книги трижды (с. 7, 113, 301)?

В XVI–XVII вв. основные векторы распространения власти русских монархов были направлены на восток (в Сибирь) и на юг (Великая Степь). Освоение земель на обоих направлениях описано автором с позиций, которые вряд ли примет большинство российских учёных, воспитанных в историографических традициях «добровольного вхождения» и «прогрессивной роли». В частности, по мнению Коллманн, «продвижение русских по Сибири оказалось быстрым, так как было безжалостным». Вымогательство и истребление беззащитных сибирских народов являлось основным фоном покорения Зауральских земель: «Ватаги казаков прочёсывали всю Сибирь, наскоро возводя деревянные остроги, убивая и обращая в рабство местных жителей, оказывавших сопротивление, вымогая дань... Обладая огнестрельным оружием, казаки уничтожали коренное население, располагавшее лишь луками и стрелами; сибирские племена были слишком небольшими и обитали слишком далеко друг от друга, чтобы эффективно сопротивляться этому» (с. 107). Доказательством жестокости россиян в отношении коренного населения исследовательница полагает скромную демографическую динамику: если на начало XVII в. в Сибири жили 227 тыс. человек, то в 1795 г. – всего 360 тыс. (с. 109). Насилие, по мнению автора, сопровождало и строительство городов-крепостей на южных рубежах страны: сюда против их воли переселяли людей из других регионов, в частности дворцовых крестьян из под Рязани и татар со Средней Вол-

ги (с. 117); крестьян насильственно переводили на Белгородскую черту – в один лишь Царёв-Алексеев в 1647 г. отправили свыше тысячи человек (с. 273). Вынужден отметить, что реальная картина была иной – гарнизоны крепостей по «чертё» составлялись в первую очередь из служилых людей – городовых казаков, стрельцов, пушкарей и зatinщиков; переводили в пограничные города и детей боярских из соседних уездов. Массово переселять туда крестьян в условиях обострившейся борьбы за рабочие руки, вылившейся в итоге в 1649 г. в окончательное юридическое оформление крепостного права, было и нерационально, и невозможно.

Но, повторюсь, как же быть с «врагом империй»? Почему развитию России как империи, пришедшему на вторую половину XVI и XVII столетия, не помешал стремительный рост территории страны? И здесь я рискну возразить Броделю: расстояние выступает в роли врага империи не всегда. Огромные пространства, слабо связанные между собой неразвитой транспортной системой, разумеется, препятствуют быстрому доведению воли центра до населения провинций. Однако они способствуют поддержанию идеализированного образа носителя верховной власти – «доброго царя» при неизменно «лихих боярах», одновременно замедляя формирование способных требовать и бороться за свои права социальных групп, осознающих своё единство в масштабах целого государства. Не от того ли и социальное недовольство в «бунташном» XVII столетии стало лишь чередой локальных городских бунтов, так и не слившихся в единое движение? Не потому ли и в восстании С. Разина, самом значительном по площади, охваченной мятежами, ядро повстанческих сил составили мобильные казачьи отряды, а крестьяне,

как правило, старались не покидать пределы своих волостей? Не гасила ли копящееся недовольство возможность уйти за пределы досягаемости царской администрации и крепостнического строя в далёкую Сибирь, вместо того чтобы противостоять растущему социальному и налоговому гнёту в родных краях? Думаю, что огромные расстояния и пространства, составившие в XVI–XVII вв. «тело» Московского государства, помогли ему обрести имперскую «душу». Петру I оставалось лишь одеть империю в мундир европейского покроя и выписать соответствующее её статусу удостоверение личности.

Книга, совершенно очевидно, не лишена неточностей и даже ошибок. Отчасти причиной их появления является обобщающий характер и огромная – в три с половиной века – хронология труда. Искажения здесь неизбежны, и вряд ли российский американист оказался бы в лучшем положении, возьмись он писать историю Америки от «Мейфлауэра» до Р. Никсона. Но, думается, в большей степени уязвимости текста Коллманн способствовала декларированная ею в самом начале книги сознательная ориентация преимущественно на труды своих соотечественников. Это не означает отказа от привлечения наиболее значимых с точки зрения автора работ российских учёных. Из наших современников наиболее активно в книге цитируются Я.Е. Водарский, В.М. Живов, В.М. Кабузан, А.Б. Каменский, Б.Н. Миронов и Б.А. Успенский, однако их именами историография российской истории XV–XVIII вв. не исчерпывается. Но в библиографию Коллманн включила «преимущественно англоязычные труды как самые доступные для наших читателей» (с. 17). И это замечание наилучшим образом определяет адресную направленность исследований

– книга предназначена в первую очередь англоязычному читателю.

Означает ли это, что работа Н.Ш. Коллманн бесполезна или неинтересна российскому историку? Отнюдь нет, и резонов прочитать труд американской исследовательницы у него как минимум два. Во-первых, книга содержит массу полезных отсылок к современной англоязычной литературе по истории России, помогая исследователю расширить свой кругозор ознакомлением с сочинениями, о существовании которых он мог и не знать. Во-вторых, обобщённый взгляд на российскую историю «со стороны» способен если не изменить исследовательскую оптику российского историка, то, по крайней мере, дать возможность рассмотреть некоторые темы и сюжеты под новым углом. Ведь увидеть предмет своих штудий глазами коллеги – небеспристрастного, но в меньшей степени растворившегося в объекте наблюдения – всегда полезно.

Примечания

¹ Коллманн Н.Ш. Соединённые честью. Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001; Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016.

² Kollmann N. Sh. The Russian Empire 1450–1801. Oxford; N.Y., 2017. Книга получила высокую оценку в зарубежной исторической науке и охарактеризована как «подарок, сделанный учёным, наиболее тесно знакомым с источниками и наукой, всему спектру людей, интересующихся русской историей, – от широкой публики до специалистов» (Beilinson O. Review of «The Russian Empire 1450–1801» // Reviews in History. 2017. № 1). Работа встречена благосклонно и отечественной наукой: книга Коллманн, не дав чёткого ответа на вопрос о времени превращения России в империю, тем не менее «предлагает богатый систематизированный материал для размышлений на данную тему, за что мы вполне можем быть благодарны автору» (Кром М.М. Рец. на: Nancy Shields Kollmann, The Russian Empire 1450–1801 (Oxford and New York:

Oxford University Press, 2017). 497 pp., ills. Index // *Ab imperio*. 2017. № 4. С. 302).

³ «Writers of the French Enlightenment were coming to regard Russia and its empire as “uncivilized”» (Kollmann N. Sh. *The Russian Empire...* P. 451).

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб., 2006. С. 446.

⁵ Кром М.М. Рец. на: Nancy Shields Kollmann... С. 295–296. Ср.: Kollmann N. Sh. *The Russian Empire...* P. 55.

⁶ Ostrowski D. The End of Muscovy: The Case for Circa 1800 // *Slavic Review*. Vol. 69. 2010. № 2. P. 427–438.

⁷ Ленин В.И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Ленин В.И. ПСС. Т. 17. М., 1968. С. 346.

⁸ Юшков С.В. К вопросу о сословно-представительной монархии в России // *Советское государство и право*. 1950. № 10. С. 39–51.

⁹ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

¹⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 6ж, кн. 286, л. 208 об.–209.

¹¹ Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 23.

Николай Минников

Рец. на: Южный и юго-восточный фронтier России в XVI–XVIII веках: очерки истории. Коллективная монография. Ростов н/Д: Альтаир, 2024. 864 с., ил., карты

Nikolay Mininkov

(Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)

Rec. ad op.: Yuzhnyi i yugo-vostochnyi frontier Rossii v XVI–XVIII vekah: ocherki istorii. Kollectivnaia monografia. Rostov-on-Don, 2024

DOI: 10.31857/S2949124X24060261, EDN: RJWNVI

Монография, созданная группой известных историков из Тамбова, Воронежа, Ельца, Белгорода, Самары, Саранска и Уфы, посвящена актуальным проблемам современной отечественной исторической науки. Одной из них является история формирования территории России, её развития и закрепления в политическом пространстве государства. Другая заключается в раскрытии содержания понятия «фронтier». В настоящее время это понятие уже достаточно известно в российской историографии, хотя полной ясности относительно его характерных признаков по-прежнему нет. В предисловии и пяти главах монографии также рассматриваются формирование и развитие отдельных территорий и анализируются

региональные особенности южной и юго-восточной окраин страны. В качестве метода исследования применяется междисциплинарный анализ с использованием данных исторической географии, экономической и социальной истории, новой локальной истории и микроистории, а также математических методов.

В предисловии значительное внимание уделено характеристике термина «фронтier». На этом основано теоретическое обоснование положений и выводов исследования. Это необходимо, поскольку данное понятие не только сложно и включает в себя разные качественные элементы, но и не всегда признаётся в качестве категории, с необходимой точностью описывающей ситуацию в зоне межэтнических

и межкультурных контактов. Не вполне ясно, какие возможности открывает введение данной категории по сравнению с традиционным для трудов русских дореволюционных и советских историков понятием «колонизация». В самом деле, сформулированная авторами общая характеристика фронтира очень напоминает понимание окраинных и примыкающих к Московскому государству и Российской империи земель как объектов освоения. При этом выделены существенные детали, вносящие некоторые новые смыслы по сравнению с терминами «колонизация» или «окраинная территория». Прежде всего, они касаются положения на этих землях населения. В частности, подчёркивается, что последнее находится на более низкой стадии развития по сравнению с метрополией и подвержено постоянной военной опасности (с. 21). Такое утверждение вносит определённость в рассуждения о сравнительном уровне развития метрополий и окраинных, фронтальных регионов.

В советской историографии в отдельных случаях допускалась не сколько иная оценка. Так, в период распространения теории торгового капитализма в области Войска Донского, обладавшей в 1660–1670-х гг. всеми признаками фронтира, отмечалось существование торгово-капиталистических отношений, развитых не менее, чем в метрополии, но со своими социокультурными особенностями. По словам Н.Л. Янчевского, на Дону «атаманы и “старшина” сражались с торговым капиталом, олицетворяя в своём лице наёмных солдат, грабителей и капиталистов»¹. Также признаками фронтира обладали земли Яицкого казачьего войска в период восстания Е. Пугачёва, где, как отмечал В.В. Мавродин, «на месте старого казацкого строя... утверждалась причудливая амальгама возникающих

буржуазных отношений и крепостнических порядков времени “просвещённой” Екатерины II»². По уровню развития фронтальные территории безусловно отставали от метрополии, однако следует иметь в виду, что внутреннее положение здесь не только препятствовало развитию, но и создавало определённые возможности для него; население в большей степени ощущало степень развития личных свобод, чем в центре государства. Это создавало стимулы для экономической активности.

Авторы правомерно отметили многообразие фронтальных территорий и выделили особенности фронтира на юге и юго-востоке России в XVI–XVIII вв. по сравнению с другими подобными зонами – сибирской, донской, северо-кавказской. Однако желательно было бы обратить внимание на роль здесь татарского и ногайского населения. Во всяком случае, едва ли правильно недооценивать возможности и способности кочевых народов в освоении земель в соответствии со спецификой их традиционного образа жизни (с. 23). Ещё в конце XIV в., по сведениям из описания путешествия Московского митрополита Пимена в Царьград, татары, проживавшие по Дону, имели высокоразвитое скотоводческое хозяйство. Такие же сведения о татарах на Нижнем Дону во второй четверти XV в. сообщал И. Барбаро, долго находившийся в Тане. На Нижней Волге – юго-восточном фронтире России – располагалась орда Больших Ногаев, занимавшихся кочевым скотоводством, однако это не означает, что они не осваивали эти территории.

Пять глав, составляющих содержание монографии, выстроены на основе сочетания логического и исторического методов. Первая глава посвящена формированию и изменениям южного и юго-восточного фронтира, вторая рассказывает об

оборонительных сооружениях в пределах этих двух территорий как метода их закрепления за государством. Третья глава затрагивает вопросы хозяйственной, социальной и культурной истории южного фронтира. Особенности поведенческих моделей населения рассматриваются в четвёртой главе, а последняя, пятая, содержит анализ основных направлений развития территории южного пограничья в свете современной фрактальной теории. Логичность такой структуры очевидна. Она соответствует поставленной проблеме и позволяет рассмотреть её в комплексном развитии.

В рассматриваемой монографии чётко выделены хронология и характерные признаки складывания территории южного и юго-восточного фронтира. К наиболее заметным особенностям относится ситуация на Волге в XVI–XVII вв., когда грабежи купеческих судов со стороны казаков затрудняли работу формировавшегося торгового пути к Астрахани и в Персию. Это отмечали ещё английский путешественник XVI в. А. Дженкинсон³, а для времени царствования Михаила Фёдоровича – А. Олеарий⁴, причём в 1637 г. астраханские стрельцы разгромили целую базу воровских казаков на Кулалинском острове в Каспийском море⁵. Подобные обстоятельства составляли специфику южной и юго-восточной окраин, и только со времени Петра I, когда государство укрепило позиции в регионе, такое положение вещей, тормозившее развитие Поволжья и страны в целом, ушло в прошлое. Представляет интерес характеристика мордвы, которая, как убедительно показано в книге, играла весьма заметную роль в освоении этих земель. Вывод может быть дополнен анализом роли мещерских татар, которые находились на службе московского царя⁶ и хорошо знали путь вниз по Дону, нередко вы-

ступали в качестве проводников для русских и турецких посольств до Азова и внесли свой вклад в формирование в XVI в. донского казачества.

В качестве главного способа закрепления за Московским государством южных и юго-восточных территорий авторы выделили строительство оборонительных сооружений в виде засечных черт и укреплённых линий. Они отметили, что организация обороны стала необходимой предпосылкой для хозяйственного освоения, которое происходило в ходе постепенного превращения крепостей в города. При неопределённости этого понятия в современной историографии, в книге город рассматривается традиционно – как центр ремесла и торговли, что не вызывает сомнения (с. 313). Важнейшим признаком перехода от крепости к городу было увеличение численности торгово-ремесленного населения и преобладание его над служилыми людьми, или появление сколько-нибудь значительного посада. Такой переход на территории южного и юго-восточного фронтира датирован в монографии XVII в. В отечественной историографии чёткого разделения по времени существования крепости и посада ранее не приводилось. Так, С.Ф. Платонов видел разницу между «сравнительно большими» городами XVI в. и небольшими, вроде Венёва, Белёва или Путивля, вокруг которых появлялись посадские общины⁷. М.Н. Тихомиров указывал на появление во второй половине XVI в. новых городов, в том числе Воронежа, Ельца, Белгорода⁸. В самом деле, в XVII в. на южной окраине государства уже существовали городские поселения с развитыми посадскими общинами; возникали подробно освещённые В.Н. Глазьевым на примере Воронежа сложности во взаимоотношениях между местными властями и горожанами⁹. По существу, в мо-

нографии отражён один из вариантов решения сложной проблемы возникновения города. С этим есть основания согласиться с учётом того, что последние могли рождаться и иным путём, когда торгово-ремесленное поселение развивалось одновременно с крепостью. Например, в 1762 г., крепость Св. Дмитрия Ростовского на Нижнем Дону создавалась синхронно с примыкающим к ней торгово-промышленным поселением. Впрочем, в монографии допускается характеристика ряда южных крепостей конца XVI в. как городов (с. 464) или городов-крепостей, разных по величине и оборонительным возможностям, в том числе и частновладельческих городов и крепостей-острогов.

Авторы книги обратили внимание и на особенности положения Башкирии, поскольку эти земли были не только территорией пёстрого этнического расселения и религиозного разнообразия, но и местом постоянных народных выступлений, позднейшее из которых совпало с движением под предводительством Пугачёва. В этой связи вызывает интерес деятельность отдельных видных представителей государственной администрации, в частности И.К. Кирилова и И.И. Неплюева. Отмечены geopolитические амбиции и авантюризм Кирилова, организовавшего для открытия нового торгового пути в Индию экспедицию, спровоцировавшую очередное башкирское восстание (с. 446).

Новым направлением исследований в настоящее время становится история формирования и развития поведенческих моделей разных слоёв населения. В рассматриваемой монографии сделан чёткий вывод о том, что в условиях фронтира власть не имела возможности управлять исключительно с помощью бюрократии, без активного привлечения местных жителей (с. 490). Это вполне согла-

суется с заключением относительно сибирского фронтира, где в XVII в. ситуация была, возможно, ещё более сложной ввиду его отдалённости. Особенно остро противоречия между воеводской властью и мирскими сообществами здесь проявились во время Томского восстания 1648–1649 гг.¹⁰

Интересен анализ моделей поведения населения южного и юго-восточного фронтира, служилых и посадских людей, крестьянства, групповых и семейных отношений. Отклонение местного общества от общепринятых норм обусловливалось наличием здесь массы «молодых инициативных людей» из числа переселенцев, которые находились в состоянии «определенной свободы» и не знали традиций местных жителей (с. 499). Несомненно, что внимание к этому весьма распространённому феномену общественных и межличностных коммуникаций будет способствовать его углублённому исследованию, тем более что в источниках имеется немало указаний на подобные явления. В монографии отмечена значительная роль на южном фронтире черкас – при всех сложностях их отношений с центральной властью, а также затронута проблема девиантного, не соответствовавшего сану поведения духовенства (с. 708).

Особое место в книге занимает последняя глава, представляющая собой яркий пример использования в историческом исследовании математических методов. Подобные подходы после выхода работ И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова уже неоднократно применялись. В монографии разрабатывается особая модель изучения динамики развития южного фронтира с опорой на методы фрактальной геометрии, вызывающие в последнее время повышенный интерес в дисциплинах социально-гуманитарного цикла. К важнейшим понятиям этого метода относится подобие, на которое

такое исследование опирается. Что же касается методов фрактального исследования применительно к территории южного фронтира, то они направлены на исследование постепенного процесса уподобления этой территории метрополии, обеспечивавшей такого рода зоны людскими и материальными ресурсами в течение XVI–XIX вв.

Ещё одним важнейшим понятием рассматриваемого исследования является «русский мир» (с. 735). Как представляется, в условиях широкого распространения этого термина в не-научных, публицистических целях было бы желательно предложить его академическое определение. Во всяком случае, оно является исключительно сложным: должно включать в себя комплекс экономических и социокультурных признаков и учитывать психологию и ментальность общества, ставшие результатом длительного исторического развития. Такое определение помогло бы выявить качественные отличия в положении на территориях «русского мира» и фронтирных зон.

Данное исследование предполагает необходимость учёта множества факторов, в том числе с очевидной противоположной направленностью, например, заселение и запустение, русификация и дерусификация, уход и расселение соседей (с. 739) и т.п. К их числу принадлежит и сохранение своеобразия нерусского населения после крещения или появление при Екатерине II немецких колонистов (с. 747). К этому можно добавить специфику уклада донского казачества, поскольку Область Войска Донского находилась в южной фронтирной зоне, а большая часть казаков в XVIII – начале XX в. считали себя особым этносом. Это относится и к сложностям, возникавшим вследствие «нежелания местного населения, в том числе части служилых людей», подчиняться «московской метрополии» (с. 821).

Интересным результатом сравнительного изучения положения разных зон южного фронтира является таблица степени включённости административных единиц Российской империи в общегосударственное экономическое и культурное пространство середины XVIII в., в которой коэффициенты различались от 1 в Тульской губ. до 0,5 на Дону (с. 760). Очевидно, что наиболее сложная часть вычисления степени уподобления фронтирных территорий – расчёт влияния «управляющих факторов». Привлекает внимание и опыт кластерного анализа в выявлении степени сходства поселений на протяжении XVII–XIX вв., позволяющий проследить процесс присоединения к России южной и юго-восточной окраины и их постепенного включения во внутреннюю жизнь государства. Монография показывает перспективность подобных работ и возможность с их помощью дать чёткое понимание характера и особенностей изучаемых явлений с опорой на современную модель исследования фронтиров в русской истории, в том числе с применением методов фрактальной геометрии.

Примечания

¹ Янчевский Н.Л. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов н/Д, 1930. С. 167.

² Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачёва. Л., 1961. С. 508.

³ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2006. С. 205–206.

⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Москвию. Смоленск, 2003. С. 309, 310, 330, 225, 336.

⁵ РГАДА, ф. 127, д. 1 (1638 г.), л. 55–56.

⁶ Рахмидзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С. 156.

⁷ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 72.

⁸ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 422.

⁹ Глазьев В.Н. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI–XVII веках. Воронеж, 2018. С. 82–89, 112–138.

¹⁰ Покровский Н.Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 370–371.

Анна Комзолова

Рец. на: Журналы Комитета западных губерний / Изд. подгот.

Т.В. Андреева, И.Н. Вибе, Б.П. Миловидов, Д.Н. Шилов. Т. 1.

1831–1835 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 848 с.; Т. 2. 1836–1840 гг.

СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 800 с.

Anna Komzolova

(Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia)

Rec. ad op.: Zhurnaly Komiteta zapadnykh guberniy. Vol. 1–2.

Saint Petersburg, 2017–2021

DOI: 10.31857/S2949124X24060276, EDN: RJVNSX

Издание журналов Комитета западных губерний, подготовленное известными петербургскими историками Т.В. Андреевой, И.Н. Вибе, Б.П. Миловидовым и Д.Н. Шиловым, вводит в научный оборот ценнейший исторический источник о подготовке и реализации масштабных правительственныеых мероприятий в Западном крае Российской империи после подавления польского восстания 1830–1831 гг.

Комитет западных губерний был учреждён 14 сентября 1831 г. и функционировал до 1848 г. Он представлял собой одно из высших и центральных государственных учреждений, которые были образованы в царствование Николая I при Комитете министров с целью упростить процедуру принятия решений и более оперативно и адекватно реагировать на различные проблемы, возникавшие в ходе осуществления правительственной политики в Западном крае. Наряду с другими высшими территориальными комитетами – Комитетом по делам Царства Польского, Сибирским и Кавказским

комитетами – ему были делегированы как законосовещательные, так и частично распорядительные функции по всем гражданским делам в регионе. Его можно рассматривать как своего рода региональное «особое присутствие» Комитета министров (а в определённой мере и Государственного совета), в задачу которого входило обеспечение взаимодействия между центральными ведомствами и генерал-губернаторами на окраинах империи¹. Позднее, накануне польского восстания 1863–1864 гг., это учреждение было восстановлено императором Александром II под названием Западного комитета и с новыми задачами.

Полное издание журналов Комитета западных губерний должно составить три тома, из которых два уже вышли в свет. В первый том включены журналы за 1831–1835 гг., во второй – за 1836–1840 гг. В третий том должны войти документы за 1841–1848 гг.

Зачастую на одном заседании комитета рассматривалось несколько вопросов, по каждому из которых составлялся отдельный журнал. При этом

число заседаний по годам заметно разнилось — от трёх заседаний в 1838 г., семи — в 1834 и 1835 гг., до 16 — в 1832 г. и 21 — в 1840 г. Всего за время функционирования комитета сохранилось 728 журналов его заседаний. В первом томе опубликовано 285 журналов, которые были оформлены по результатам 53 заседаний. В связи с постепенным спадом интенсивности деятельности комитета в 1836–1840 гг., второй том включает 234 журнала, составленных по итогам 51 заседания (т. 1, с. 24, 27, 35, 36; т. 2, с. 18).

Состав Комитета западных губерний, формировавшийся из глав ключевых государственных ведомств, предопределил высокий уровень компетентности этого учреждения. Первым его председателем стал В.П. Коцубей, одновременно возглавлявший Государственный совет и Комитет министров. После его кончины в июне 1834 г. председательство в Государственном совете и Комитете министров было передано бывшему попечителю Виленского учебного округа Н.Н. Новосильцову, также являвшемуся членом комитета западных губерний со дня его основания. Однако в 1834 г. в силу личной заинтересованности царя в делах Западного края председателем Комитета был назначен кн. А.Н. Голицын, член Государственного совета и главноначальствующий над Почтовым департаментом, который на протяжении многих лет был доверенным лицом Николая I и императорской семьи. С назначением в феврале 1839 г. председателем Комитета западных губерний И.В. Вильчикова, который после кончины Новосильцова в апреле 1838 г. возглавил Государственный совет и Комитет министров, возобновилась практика совмещения этих высших административных постов.

Постоянными членами Комитета западных губерний являлись министр

финансов Е.Ф. Канкрин, директор Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, министр внутренних дел Д.Н. Блудов, министр юстиции Д.В. Дашков, исполняющий обязанности председателя Департамента дел Царства Польского Государственного совета Ф.И. Энгель (с мая 1832 г.), военный министр А.И. Чернышёв и шеф жандармов А.Х. Бенкендорф (оба — с июля 1835 г.), министр государственных имуществ П.Д. Киселёв (с сентября 1837 г.), а также управляющие министерствами внутренних дел А.Г. Строганов (с апреля 1839 г.) и юстиции В.Н. Панин (с января 1840 г.). Неоднократно на заседания комитета специально приглашались формально не входившие в его состав генерал-губернаторы Западного края кн. Н.А. Долгоруков, В.В. Левашов, А.Д. Гурьев и Д.Г. Бибиков, наместник в Царстве Польском И.Ф. Паскевич, управляющий Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде, обер-прокурор Св. Синода С.Д. Нечаев (т. 1, с. 25, 34, 35; т. 2, с. 18–21).

Важной заслугой публикаторов является достоверное установление всех обстоятельств создания Комитета западных губерний. Его учреждению предшествовало появление так называемого Особого комитета под председательством кн. Голицына, в состав которого входили также Блудов и Дашков. Данный секретный комитет не имел статуса постоянно действующего государственного учреждения и функционировал сравнительно недолго — с февраля по апрель 1831 г. Главное место в его заседаниях было отведено обсуждению ряда записок, поступивших на имя Николая I накануне и во время польского восстания и по желанию царя не получивших огласки. В этих всеподданнейших записках, составленных высокопоставленными чиновниками

и придворными – генерал-адъютантом С.П. Шиповым, могилёвским гражданским губернатором М.Н. Муравьёвым, гр. А.Г. Кушелевым-Безбородко, шталмейстером Ф.П. Опочининым и др., затрагивались актуальные проблемы управления западными губерниями и намечались преобразования, направленные на дальнейшую интеграцию этого пограничного региона с имперским центром. Итогом работы Особого комитета стал список первоочередных мер, которые в начале апреля 1831 г. оформили в виде высочайших повелений председателю Комитета министров, Святейшему Синоду, отдельным главам ведомств (т. 1, с. 27–30). Его материалы послужили основой для обсуждения на первых заседаниях Комитета западных губерний, куда они поступили в сентябре 1831 г.²

Собственно учреждение Комитета западных губерний состоялось по инициативе Муравьёва, всеподданнейшие доклады которого оказались наиболее подробными и радикальными. 29 августа 1831 г., незадолго до утверждения проекта высочайшего повеления об учреждении Комитета западных губерний, он представил Николаю I записку, в которой, в частности, высказал предложение об организации особого учреждения с подобной компетенцией³. Закономерно, что первыми документами, рассмотренными на заседаниях Комитета западных губерний, оказались записки Муравьёва, а он сам по распоряжению императора был приглашён на заседание 5 октября 1831 г. для личных «объяснений» (т. 1, с. 32, 91, 95).

Благодаря своему особому статусу и более компактному составу Комитету западных губерний удавалось избегать бюрократической волокиты и межведомственной конкуренции, которые были присущи законотворческим процедурам того

времени. В числе особенностей его функционирования ключевое место занимает отсутствие каких-либо документов, которые регламентировали бы его работу и определяли порядок взаимодействия с другими высшими центральными учреждениями и ведомствами. Николай I, формулируя план занятий этого комитета, поставил перед ним масштабную задачу, в которую входили подготовка и осуществление особенно острой после польского восстания программы по «сближению» западных губерний с Россией и пресечению различных центробежных тенденций.

Издание снабжено подробными введениями, научными комментариями, указателями имён и географических названий, а также приложениями, включающими словарь правовых терминов и перечень упоминаемых в журналах законодательных актов. Вместе с тем следует отметить, что в данную публикацию вошёл далеко не весь комплекс документов, отложившихся в архиве Комитета западных губерний, поскольку приложения к его журналам не были включены в издание. Эти приложения, по своему объёму превышающие журналы, включают записи, отношения, рапорты и справки различных должностных лиц гражданского и военного ведомств, а также проекты высочайших повелений, которые по решению императора вносились на рассмотрение комитета. Однако публикаторы отчасти восполнили этот недостаток благодаря подробным комментариям, в которых уделяется особое внимание содержанию приложений.

Исследование журналов Комитета западных губерний позволяет не только более глубоко и детально оценить многообразие проблем, стоявших перед самодержавием в Западном крае и решавшихся им в соответствии с задачами интеграции этого региона

в единое имперское пространство, но и выявить общие подходы, которые были характерны для представителей высшей бюрократии в отношении инкорпорации местных элит на окраинах. Научная публикация делопроизводственных материалов этого комитета также призвана расширить и уточнить выводы историков о механизмах принятия решений и процессе функционирования центральных государственных учреждений николаевского времени. Представленные в данной публикации обширная фактологическая основа и методологически выверенный научный аппарат являются весьма востребованными для исследований императорской России, направленных как на верификацию

и научную критику ряда этноцентристских концепций, так и на творческое развитие лучших достижений дореволюционной, советской и современной историографии.

Примечания

¹ Ремнёв А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2010. С. 252–254.

² Документы Особого комитета под председательством кн. А.Н. Голицына частично опубликованы: Комзолова А.А. Николаевские сановники и «бывшая Литва»: из архива Комитета западных губерний, 1830–1831 гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 4(16). С. 15–39.

³ Две записки (графа) М.Н. Муравьёва // Русский архив. 1902. № 8. С. 586.

Григорий Бибиков

Рец. на: А.Ю. Скрыдлов. Административная статистика в дореформенной России (1802–1852). СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. 282 с.

Grigorij Bibikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: A.Yu. Skrydlov. Administrativnaya statistika v doreformennoy Rossii (1802–1852). Saint Petersburg, 2022

DOI: 10.31857/S2949124X24060283, EDN: RJQOIJ

Петербургский историк А.Ю. Скрыдлов, автор научной биографии А.Д. Балашёва¹, являвшегося, помимо прочего, основателем первого в России статистического центра, в новой работе осветил историю административной статистики дореформенного времени. Ранее она рассматривалась в обобщающих трудах², но не становилась ещё предметом монографии.

Книга разделена на две части. в первой из них характеризуются «ведомственные центры статистических исследований» первой половины

XIX в. (соответствующие отделения министерств полиции, внутренних дел, государственных имуществ), а во второй – собраны источники, отразившие «сложный процесс институциализации административной статистики в России», причём 23 из 27 воспроизведённых документов извлечены из хранящихся в РГИА фондов Канцелярии министра внутренних дел, Центрального статистического комитета и Департамента полиции исполнительной МВД, Комитета министров и Государственной канцелярии, снаб-

жены кратким содержательным комментарием и впервые опубликованы.

Автор раскрывает «исторические и политические условия, в которых происходило формирование органов административной статистики», старается «выявить основные результаты их деятельности, их влияние на процесс модернизации страны» и «проследить дискуссии среди представителей правящей элиты о роли и значении статистических исследований в процессе государственного управления» (с. 21). В основе наблюдений Скрыдлова – анализ законодательных актов, делопроизводственных материалов, включая проекты реорганизации статистических центров, отчёты их руководителей, ведомственную переписку. Знакомство с этими текстами облегчают отсылки к тем страницам первой части, на которых говорится об обстоятельствах их создания. Характерно, что Скрыдлов поместил заключение к книге после подборки документов, показав тем самым их необходимость для понимания общего замысла работы.

Первая часть монографии состоит из четырёх глав. Изложение ведётся в хронологической последовательности, подробно рассмотрены ключевые эпизоды создания и преобразований статистических подразделений, сопровождавшие их дискуссии, нереализованные проекты и т.п. Текст насыщен фактическим материалом и пространными цитатами из источников. Опираясь на литературу по истории государственного управления, Скрыдлов вписывает изучаемые сюжеты в более широкий контекст. При этом о взаимосвязи бюрократических проектов с развитием академической и университетской статистики сказано сравнительно немного³. В обстоятельных биографических очерках приведены ценные сведения о руководителях отечественной статистики, но состав возглавлявшихся ими учреждений и их

текущая деятельность очерчены лишь в общих чертах.

После краткого экскурса в XVIII в. Скрыдлов упоминает об «обществе дворян», учреждённом в 1802 г. министром внутренних дел гр. В.П. Ко-чубеем для обработки губернаторских отчётов. В этом порой усматривают начало административной статистики в России. Однако документальных свидетельств практической деятельности данного общества почти не сохранилось, и автор не склонен считать его подразделением МВД (с. 28–29). Только в августе 1811 г. при Общей канцелярии Министерства полиции появилось Статистическое отделение «с определённой структурой и перечнем полномочий» (с. 34). Начальником его стал видный учёный К.Ф. Герман (с. 38–47). Скрыдлов связывает это с реформами М.М. Сперанского: ожидалось, что центральные ведомства станут представлять ежегодные отчёты в Государственный совет, а Статистическое отделение – обрабатывать эти материалы и готовить справки для ведомств. Но практика ежегодной министерской отчётности в 1810-х гг. не сложилась, и работать приходилось преимущественно с губернаторскими отчётами, поступавшими теперь в Министерство полиции. Возглавлявший его Балашёв, судя по предписаниям и запискам, вынашивал планы создания общей статистики Российской империи, собирался командировать чиновников в губернии и поручить им искать сведения в научных трудах и журналах. Но практические возможности отделения, не предусмотренного в штатах ведомства, не получившего дополнительных ассигнований и состоявшего поэтому из нескольких внештатных чиновников, не соответствовали столь широким замыслам. Неудивительно, что достигнутые им результаты оказались весьма скромными.

С лета 1812 г. Балашёв, находясь при императоре, уже фактически не руководил министерством, но продолжал интересоваться делами Статистического отделения. Статистика воспринималась им как «основательное познание государства во всех его частях в известное время» (с. 172). Даже будучи генерал-губернатором в Рязани, после упразднения Министерства полиции в ноябре 1819 г. он добивался сохранения статистической части в своём подчинении и существенного увеличения его штатов и финансирования (до 60 тыс. руб. в год). В перспективе это могло привести к образованию отдельного ведомства по примеру Швеции (с. 174–178). Александр I передал записку Балашёва для обсуждения в Комитет министров, но там она вызвала принципиальные возражения у гр. Кочубея, вновь занявшего пост главы МВД (с. 183–185). Граф выступил с последовательной критической увлечения статистикой. Указав на недостоверность губернаторских отчётов, он утверждал, что при отсутствии регулярных и достоверных сведений с мест статистические изыскания в России вообще лишены практического смысла, хотя и полезны в небольших по площади и бюрократизированных европейских государствах. Трудно сказать, был ли опытный сановник, в своё время инициировавший губернаторскую отчётность, вполне искренен, однако Комитет министров, сохранив Статистическое отделение, признал, что оно «само по себе не может составлять никакой отдельной части, но должно принадлежать необходимо к какому-либо министерству» (с. 181). В итоге его передали в МВД.

Постепенный упадок деятельности отделения, продолжавшийся на протяжении 1819–1834 гг., освещён Скрыдловым во второй главе книги. Последовательно сменявшие друг друга министры гр. Кочубей, В.С. Лан-

ской и А.А. Закревский не проявляли заинтересованности в его существовании. С 1823 г. оно входило в состав Департамента полиции исполнительной (с. 200–206). Герман продолжал настаивать на расширении круга статистических исследований, но его предложениям не давали хода. В середине 1820-х гг. отделение находилось на грани ликвидации: ежегодные ассигнования составляли немногим более 5 тыс. руб., постоянные штаты отсутствовали, трое сотрудников вели дела в арендуемом помещении, где в 1828 г. от пожара пострадал архив губернаторских отчётов. Однако введённые в том же году новые формы министерских отчётов стимулировали «возобновление статистических работ как в центральных ведомствах, так и на местном уровне» (с. 74).

В марте 1829 г. положение статистической части обсуждал по поручению Закревского Совет МВД (с. 207–216). Два его члена – В.И. Филатьев и В.И. Голынский – представили особые мнения, высказавшись за активизацию работ и привлечение к ним просвещённых помещиков, поскольку в «благоустроенных государствах Европы» считается невозможным «заведовать какой-либо частью государственного управления, не зная в точности состояния и способов страны своей» (с. 213)⁴. Директора трёх департаментов скептически оценили эти предложения и рекомендовали оставить отделение без научной части, с чем согласился и министр.

Между тем, как отмечено в третьей главе, с 1828 г. известный учёный К.И. Арсеньев преподавал историю и статистику вел. кн. Александру Николаевичу, получив возможность запрашивать в центральных ведомствах материалы для учебного курса (с. 78–88). Статистическому отделению поручалось обеспечивать его нужными сведениями, и в результате Арсеньева

стали воспринимать в правящих кругах как главного производителя статистических исследований.

Реорганизация ведомства, затянутая новым министром Д.Н. Блудовым, в 1834 г. затронула и Статистическое отделение. Теперь оно состояло из директоров департаментов под председательством товарища министра и подчинялось Совету МВД. Арсеньев занял в отделении должность управляющего делами, руководя текущими работами, канцелярией из штатных чиновников, а также возникшей сетью членов-корреспондентов. В губерниях появились статистические комитеты из высших должностных лиц местных учреждений во главе с губернатором, которым следовало собираться дважды в месяц. По мнению Скрыдлова, только с этого момента можно говорить о законодательном оформлении административной статистики в России и её институционализации в системе государственного управления.

Впрочем, в губерниях не оказалось штатной должности производителя статистических работ, а служащие, заваленные делами, не уделяли им большого внимания. Поэтому учреждение губернских комитетов не принесло заметной пользы, и главным источником сведений о ситуации на местах по-прежнему оставались губернаторские отчёты. Арсеньев, судя по его докладным запискам (с. 231–236, 242–250), включился в деятельность МВД по составлению карты ведомственных округов, введению должности становых приставов, изменению административного деления империи и т.д.⁵

Л.А. Перовский, вступив в 1841 г. в управление МВД, сразу же приступил к упорядочению центрального аппарата ведомства. В начале 1842 г. он потребовал отчёт о деятельности Статистического отделения. В записке, представленной Арсеньевым, от-

мечалась слабость губернских комитетов, предлагалось назначить в них штатных чиновников, ответственных за статистическую работу, усилить состав отделения и приступить к подробному описанию двух-трёх губерний Европейской России. Однако Перовский отнёсся к этим соображениям критически. Скрыдлов не объясняет причины его недоверия к наиболее авторитетному учёному-статистику тех лет. Б. Линкольн предполагал, что министру не импонировали подходы Арсеньева и его приверженность гласности проводимых исследований⁶. Так или иначе, при Перовском Статистическое отделение уже не играло заметной роли.

В октябре 1843 г., когда Арсеньев отсутствовал в столице, а его обязанности исполнял директор Хозяйственного департамента М.И. Лекс, Перовский отдал распоряжение учредить Временный статистический комитет, куда наряду с чиновниками МВД вошли представители Министерства государственных имуществ и Императорской Академии наук. Состав комитета, по мнению Скрыдлова, указывал на стремление Перовского создать межведомственный центр для подготовки общего статистического описания. Вместе с тем Линкольн не исключал, что Лекс был в этом деле скорее номинальной фигурой, а план статистических работ разрабатывали в первую очередь Н.А. Милютин и А.П. Заблоцкий-Десятовский⁷. Во второй половине 1840-х гг. основные задачи, стоявшие перед Временным статистическим комитетом, фактически перешли к Отделению статистики Русского географического общества. Однако эта деятельность осталась за рамками книги, поскольку формально не относилась к истории профильных ведомственных центров⁸.

Четвёртая глава представляет собой первый в историографии очерк,

посвящённый трудам Статистического отделения Министерства государственных имуществ с момента его учреждения в 1837 г. до начала 1850-х гг. Основное внимание в ней уделено биографиям руководителей – Заблоцкого-Десятовского и К.С. Веселовского. Как показал автор, гр. П.Д. Киселёв охотно привлекал в своё ведомство представителей нового поколения чиновников, видевшего в статистике инструмент рационализации управления (к их числу принадлежал и племянник министра В.А. Милютин). Прежде всего отделение собирало сведения о крестьянском хозяйстве, преступности и т.д. В то же время автор констатирует, что отсутствие налаженного взаимодействия и обмена документами между ведомствами препятствовало реализации крупных проектов и вело к дублированию их функций. К примеру, в 1820-х гг. Герман не имел доступа к материалам Медицинского департамента МВД, и даже в Министерстве государственных имуществ в 1840-е гг. начальник Статистического отделения получал отчёты губернских палат только через несколько лет.

Характерно, что учёные и чиновники, настаивавшие на развитии и гласности статистических исследований, обычно придерживались более либеральных взглядов и сочувствовали подготовке реформ⁹. Публичные лекции Германа посещали многие будущие декабристы. В 1821 г. во время «дела профессоров» его, как и Арсеньева, обвиняли в «маратизме и робеспьеризме» (с. 46)¹⁰. Напротив, в «консервативной части элиты» статистика воспринималась как «наука политическая, а значит требующая пристального внимания и контроля со стороны государства» (с. 88). В этих кругах она вызывала известную настороженность, поскольку в ней видели своего рода «покушение на

государственную тайну» (с. 26)¹¹. Показательно, что, руководя подготовкой «Обозрения всех частей государственного управления в 1831 году», барон М.А. Корф включил в него более сотни таблиц, «запас богатейших статистических сведений, частию дотоле никому не доступных». Николай I предполагал опубликовать этот труд для общего сведения, но некоторые министры, а за ними и сам Корф, сочли преждевременным «рассказывать и русским, и Европе младенческие наши попытки и слабые успехи во многих ветвях управления»¹².

К сожалению, сосредоточившись на профильных центрах административной статистики, автор невольно стушёвывает то, что уже в 1830-х гг. ею занимались также в Медицинском департаменте МВД, в судебном и учебном ведомствах¹³. В 1840-е гг. картина ещё более усложнилась. Скрыдлов лишь кратко упоминает о деятельности Н.А. Миллютина во главе временного отделения Хозяйственного департамента МВД, в котором числилось около 30 чиновников (с. 115–116). Но известно, что Николай Алексеевич стал одним из основоположников применения статистики в государственном управлении. С 1842 г. его подчинённые с санкции Перовского проводили «статистические исследования городского хозяйства с целью получения практических сведений для предстоящих преобразований». В губернии было направлено более 160 статистических ревизий¹⁴. Масштаб и детализация этих работ превосходили достижения предшествующей эпохи и стали возможны благодаря росту образования и профессионализма бюрократии¹⁵. В этой связи Скрыдлов справедливо пишет о том, что «появление альтернативных центров статистических исследований внутри МВД... указывало на недостатки в организации профильного подразделения» (с. 116).

Но известная «децентрализация» исследований и тесное переплетение ведомственной и научной статистики в Русском географическом обществе отнюдь не свидетельствовали о стагнации в этой сфере.

В 1840-е гг. в среде «просвещённой» бюрократии, по словам И.А. Христофорова, статистика рассматривалась как важный элемент экспертного знания о территории, населении, ресурсах и необходимый залог преобразования общества «на началах прозрачности и “нормы”». Она получила значение «абсолютного лидера, символа и квинтэссенции всех социальных наук». Неслучайно большинство деятелей Великих реформ, сформировавшихся в те годы, «имели к статистике самое непосредственное отношение»¹⁶. Новые подходы нашли отражение, в частности, в трудах Д.П. Журавского¹⁷ и проектах Д.А. Милютина, намечавших военно-статистическое описание губерний. Эти начинания не имели прямого отношения к ведомственным статистическим центрам, поэтому Скрыдлов фактически обходит их стороной. Однако без учёта этого контекста трудно судить о роли ведомств в становлении отечественной административной статистики. По-видимому, по этой причине автор избегает широких обобщений и явно недооценивает достижения 1840-х гг., утверждая в заключении, что в дореформенную эпоху «перманентный поиск оптимальных форм организации статистических работ при отсутствии реальных практических шагов в этом направлении, очевидно, не приводил к немедленному повышению качества статистических исследований» (с. 266).

Книга завершается учреждением Статистического комитета МВД в 1852 г., когда открылась «новая страница в истории административной статистики в России» (с. 266), увенчавшаяся в 1858–1863 гг. созда-

нием Центрального статистического комитета. Этот этап, впрочем, органично связан с замыслами 1840-х гг. Сам автор констатирует, что «статистические исследования, проводимые в дореформенной России, очевидно, способствовали созданию более объективной и достоверной системы представлений управленческой элиты о российской действительности и, несомненно, внесли свой вклад в процесс подготовки Великих реформ» (с. 268). Но стоило бы соотнести этот вывод с наблюдениями Христофорова о том, что статистика как «универсальный символ знания/власти» формировалась «восприятие элитой реальности и тем самым способствовала обратной “подгонке” реальности под представления элиты»¹⁸.

В целом монография А.Ю. Скрыдлова представляет собой первое подробное исследование истории ведомственных статистических центров первой половины XIX в. и вносит значимый вклад в историографию государственного управления и формирования русской бюрократии.

Примечания

¹ Скрыдлов А.Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашёв, 1770–1837. СПб., 2016.

² См., в частности: Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. 1–2. М., 1955–1959.

³ Подробнее автор показал это в серии статей: Скрыдлов А.Ю. Институциализация статистической науки в университетах Российской империи // Genesis: исторические исследования. 2020. № 3. С. 24–38; Скрыдлов А.Ю. Практики взаимодействия государства и научного сообщества в ходе статистического изучения России в первой половине XIX в. // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме. Труды III всероссийской научной конференции. М., 2021. С. 367–371; Скрыдлов А.Ю. Российская школа государствоведения о предмете и методе статистической науки (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Социология науки и технологий. Т. 12. 2021.

№ 2. С. 26–43; *Скрыдлов А.Ю.* Императорская Академия наук в организации статистических исследований в России // Вестник Российской академии наук. 2023. № 7. С. 646–654.

⁴ При публикации и в оглавлении записки Филатьева и Голынского ошибочно датированы 1823 г.

⁵ См. также: *Горизонтов Л.Е.* В поисках внутреннего равновесия: вопрос об изменении территориально-административного деления Российской империи в 1830–1840-е гг. // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 320–321.

⁶ *Lincoln W.B.* In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb, 1982. P. 119.

⁷ Ibid. P. 118. Подробнее об этих программах см.: *Вальская Б.А.* Об экономико-географическом изучении России Статистическим отделением Министерства внутренних дел в 1835–1852 гг. // Вопросы географии. Сборник 31. М., 1953. С. 291–316.

⁸ Подробнее о ней см.: *Скрыдлов А.Ю.* Из истории создания Отделения статистики Русского географического общества – первого научного объединения статистиков в России // Социология науки и технологий. Т. 10. 2019. № 2. С. 7–21.

⁹ Такова была общеевропейская тенденция. См.: История медицины и медицинской географии в России / Под ред. Е. Вишленковой и А. Реннера. М., 2021. С. 225.

¹⁰ Подробнее см.: *Скрыдлов А.Ю.* Академик Карл Фёдорович Герман и истоки демократизма: взгляды учёного на устройство государства и общества // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3(15). С. 250–258; *Скрыдлов А.Ю.* «Дело профессоров» Санкт-Петербургского университета 1821 г. в истории российской статистики // Genesis: исторические исследования. 2021. № 11. С. 156–168.

¹¹ О цензуре статистических сочинений см.: *Скрыдлов А.Ю.* Практики цензуры статистических сочинений в дореформенной России (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 4. С. 130–144.

¹² *Корф М.А.* Дневник за 1838 год / Публ. И.В. Ружицкой. М., 2017. С. 63.

¹³ См., в частности: *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. С. 142–205; История медицины и медицинской географии в России. С. 226; *Скрыдлов А.Ю.* Изучение медицинской статистики в пореформенной России: историко-научный обзор // Социология науки и технологий. Т. 13. 2022. № 2. С. 50–67.

¹⁴ *Морозова Е.Н.* Н.А. Милютин: замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного управления). Саратов, 2019. С. 53; *Орловский Д.* Предыстория реформ. Министерство внутренних дел Российской империи в 1802–1881 годах. СПб., 2022. С. 70.

¹⁵ *Lincoln W.B.* Op. cit. P. 118–121; *Лоскутова М.В.* «Сведения о климате, почве, образе хозяйства и господствующих растениях должны быть собраны...»: просвещённая бюрократия, гумбольдтовская наука и местное знание в Российской империи второй четверти XIX в. // Ab Imperio. 2012. № 4. С. 111–156.

¹⁶ *Христофоров И.А.* Судьба реформы: русское крепостное крестьянство в правительственно-политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 81.

¹⁷ *Журавский Д.П.* Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1848. Подробнее см.: *Птуха М.В.* Д.П. Журавский. Жизнь, труды, статистическая деятельность. М., 1951.

¹⁸ *Христофоров И.А.* Судьба реформы... С. 81.

Виктория Ефимова

Рец. на: Г.Н. Бибиков. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). М.: Квадрига, 2023. 356 с.

Victoriya Efimova

(Petrozavodsk State University, Russia)

Rec. ad op.: G.N. Bibikov. *Zhandarmskiy nadzor v sisteme gosudarstvennogo upravleniya Rossiyiskoy imperii (1826–1856 gg.)*. Moscow, 2023

DOI: 10.31857/S2949124X24060299, EDN: RJQKZY

Изучение истории царствования Николая I трудно себе представить без обращения к документам III отделения Собственной его императорского величества канцелярии. В первую очередь они являются неисчерпаемым источником информации о деятельности политической полиции, но в последнее время вышло много интересных работ о надзоре этого учреждения за литераторами, иностранцами, научными обществами, благотворительностью, нравами¹. Обилие и непременность таких ссылок в научных исследованиях создаёт иллюзию изученности той роли, которую играло жандармское ведомство в 1826–1856 гг. Однако новая монография Г.Н. Бибикова убеждает в обратном, способствуя более глубокому и объективному пониманию особенностей функционирования правительенного аппарата при Николае I.

Прежде всего следует обратить внимание на новизну подхода, заявленного уже в названии монографии. Автор пытается рассмотреть жандармский надзор во всех его проявлениях: бюрократическом (место в административной системе, взаимоотношения с высшими, центральными и губернскими учреждениями), процедурном (методы и формы контроля, виды отчётности и их эволюция), региональном (специфика службы жандармских чинов на Кавказе). Не менее значимо и стремление автора показать

вклад жандармов в развитие государственного управления при Николае I (с. 16–17).

Для реализации своего замысла Бибиков проанализировал широкий круг архивных материалов. Не ограничиваясь фондами ГА РФ (ф. 109, 110, 728, 1717), он выявил следы переписки, связанной с жандармскими докладами и донесениями, в коллекциях РГИА, и прежде всего в производстве Министерства юстиции (ф. 1405) и МВД (ф. 1284, 1286). Не менее активно им задействованы свидетельства современников, включая непосредственных участников и жертв жандармского надзора.

В первой главе показаны поиски эффективных органов наблюдения за администрацией разного уровня, начиная с эпохи Петра I и до предпринятой Александром I попытки разделить империю на генерал-губернаторства. Однако активное противодействие этому министров заставило Николая I отказаться от данного замысла и использовать другие способы присмотра за институтами власти и их представителями. Таковым и стал предложенный А.Х. Бенкендорфом проект «об устройстве высшей полиции», реализация которого подробно описана во второй главе. Учитывая то, как Николай I понимал специфику стоявших перед жандармами задач, Бибиков объясняет, почему в результате так и не появился гласный свод

их прав и обязанностей. По его мнению, таким образом руководство корпуса стремилось обеспечить его особый статус (с. 92, 98). Это во многом напоминает причины столь же долгой подготовки в первой половине XIX в. инструкции для генерал-губернаторов.

Но наиболее интересны главы, в которых Бибиков отразил реальные взаимоотношения шефа жандармов и его подчинённых с чиновниками. Так, в столице поначалу были возбуждены и даже доведены до приговоров несколько громких дел, направленных против взяточников, но уже с конца 1830-х гг. весь негласный надзор за служащими столичных канцелярий свёлся к перлюстрации писем и передаче компрометирующих сведений «на усмотрение министров» (с. 109, 113). Впрочем, гр. Бенкендорф вплоть до смерти в 1844 г. сохранял право высказывать императору своё мнение о кандидатах на высшие должности в империи. Тем не менее, как отмечает Бибиков, «нет основания говорить о складывании правительственной “партии” шефа жандармов» (с. 125–126).

В четвёртой и пятой главах монографии раскрывается характер наблюдения III отделения и жандармских чинов за должностными лицами губерний. Рассмотренные автором эпизоды при всём разнообразии их нюансов на местах позволяют увидеть типичные черты не только форм и механизмов контроля, но и практиковавшихся злоупотреблений. Характерно также, что к концу 1840-х гг. в III отделении «образовалась картотека на высшую губернскую администрацию», которая использовалась для наведения справок по запросам разных ведомств (с. 161). Однако, поскольку жандармские офицеры основывали свои донесения на толках и слухах, не имея права подкреплять их документальными доказательствами, тех-

кого подозревали в злоупотреблениях, десятками переводили с места на место, но не наказывали по всей строгости закона. В книге приведены новые подробности, связанные с судьбой одного из самых известных взяточников николаевской эпохи – чиновника особых поручений при киевском генерал-губернаторе Н.Э. Писарева, который в результате был удалён из Киева и в 1848 г. назначен олонецким губернатором (с. 172–175). Правда, уже через два года ему пришлось досрочно завершить свою карьеру. В расследовании обстоятельств этого неординарного случая активно участвовал жандармский штаб-офицер кн. А.А. Мышецкий².

Автор собрал, пожалуй, самую большую в существующей историографии коллекцию примеров влияния высшей полиции на ход местного управления, установив, что «период наибольшей активности жандармского надзора за губернаторами» пришёлся на 1830-е гг. (с. 199). Особое внимание при этом уделено тому, какую роль в их назначении и увольнении играл лично гр. Бенкендорф. Учитывая общие и частные секретные назидания, которые граф давал чинам вверенного ему корпуса на местах (с. 195–198, 216, 218), Бибиков обосновано утверждает, что они действовали «фактически вне правовых рамок». Нельзя не согласиться и с тем, что в донесениях штаб-офицерам редко удавалось соблюдать объективность, они неизбежно примыкали к различным группам губернской элиты, вовлекая в их противостояние столичное и региональное начальство (своего шефа, министров, генерал-губернаторов). Как отмечает исследователь, Николай I, выступая арбитром в спорах, предпочитал не давать возникавшим столкновениям лишней огласки, но, конечно, помнил о них, принимая кадровые решения (с. 253).

Как следует из шестой главы, положение жандармов на Кавказе имело некоторую специфику, отразившуюся даже в специальной инструкции (с. 259–263, 285). С начала 1830-х гг. особая секретная полиция из жандармских штаб-офицеров находилась там в распоряжении главноуправляющего в Грузии, что напоминало её устройство в Царстве Польском. Только после личной ревизии дел в Закавказье, проведённой императором в 1837 г., в крае был образован 6-й округ Корпуса жандармов, подчинённый как его шефу, так и главноуправляющему (с. 265–266, 281).

В 1844–1856 г., при гр. А.Ф. Орлове, жандармский надзор, как пишет Бибиков, пришёл в упадок, что выражалось, в частности, в резком падении числа дел, заведённых в III отделении на губернаторов. Автор связывает это с изменением взглядов императора, усилением позиций министров и увеличением в государственном аппарате доли «просвещённой» бюрократии. К тому же сами штаб-офицеры всё чаще переходили на службу в другие ведомства или надолго оседали в губерниях и таким образом утрачивали прежнюю отстранённость от местного общества (с. 297–298, 317). К сожалению, соответствующие примеры в книге не приведены. Между тем стоило бы присмотреться к тому же олонецкому штаб-офицеру кн. Мышецкому, который занимал свой пост почти 20 лет, сочиняя не очень содержательные, а подчас и просто маловразумительные донесения.

В целом, методичный и всесторонний анализ конкретных аспект-

тов жандармского надзора позволил Г.Н. Бибикову внести серьёзный вклад в изучение особенностей функционирования государственного аппарата Российской империи при Николае I. Его монография, основанная на широком круге архивных и мемуарных источников, а также научной литературы, заслуживает весьма высокой оценки и безусловно будет полезна не только профессиональным историкам, но и другим интересующимся реалиями XIX в. читателям.

Примечания

¹ См., в частности: *Рейтблат А.И. Наблюдательный наблюдатель: Н.И. Греч и III отделение // Литературный факт. 2018. № 10. С. 108–164; Тихонова А.В. Надзор за иностранцами в Российской империи в первые годы деятельности III отделения // Вестник Московского государственного педагогического университета. Сер. Исторические науки. 2014. № 4(16). С. 8–14; Скрыдлов А.Ю., Пивоваров Е.Г. Архив III отделения Собственной его императорского величества канцелярии о Русском географическом обществе // Вопросы истории естествознания и техники. Т. 44. 2023. № 2. С. 341–352; Макарова Н.В. Состояние благотворительности в российском обществе в эпоху царствования Николая I по сведениям III отделения // Вестник Ярославского государственного университета им. П.П. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 2(16). С. 29–33; Абакумов О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М., 2017.*

² Подробнее о причинах отставки Писарева см.: Ефимова В.В. Об особенностях судопроизводства по делам о государственных преступлениях при Николае I, совершённых гражданскими лицами (на примере «дела Матвеева») // Актуальные проблемы экономики и права. Сборник трудов. Вып. 2. Киров, 2019. С. 166–175.

Алексей Раздорский

Рец. на: Севастопольское градоначальство 1873–1915 гг.: отчёты градоначальников. Сборник архивных документов / Отв. сост. А.В. Ефимов. Т. 1–3. М.: Институт наследия, 2022

Aleksei Razdorskii

(*National Library of Russia, Saint Petersburg;
Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences*)

Rec. ad op.: *Sevastopol'skoye gradonachal'stvo 1873–1915 gg.: otchety gradonachal'nikov. Sbornik arkhivnykh dokumentov. Vol. 1–3. Moscow, 2022*

DOI: 10.31857/S2949124X24060302, EDN: RJPEWZ

Всеподданнейшие отчёты губернаторов и градоначальников¹ Российской империи, представлявшиеся на личное рассмотрение императору, являются ценными историческими источниками, содержащими разнообразную, а зачастую уникальную информацию об экономическом и социально-политическом положении различных регионов страны. Эти документы, возникшие в начале XIX в., имели секретный характер, предназначались исключительно для внутриведомственного оборота, не подлежали разглашению и открытой публикации.

В отчётах содержатся изложенные по единой программе сведения о состоянии сельского хозяйства, промышленности, транспорта, торговли, финансов, медицины, народного образования; о численности населения, его национальном, сословном и конфессиональном составе. В них присутствует также конфиденциальная информация о национально-освободительном и революционном движении, о действиях местных властей по пресечению антиправительственных мероприятий, о деятельности политических партий и групп, о положении на национальных окраинах.

К отчётам прилагались различные статистические данные, объём, структура и содержание которых на протяжении XIX в. неоднократно менялись. В 1870 г. губернаторский от-

чёт был разделён на две обособленные части: «собственно всеподданнейший отчёт, заключающий в краткой и сжатой форме изложение лишь того, что достойно высочайшего внимания», и «приложение к всеподданнейшему отчёту, или обзор состояния губернии или области, в состав которого включены все справочные статистические сведения и данные, служащие к подтверждению и подкреплению заключающихся в отчёте выводов и предположений и необходимые для разработки разного рода правительственные соображений и мероприятий»². Обзоры имели, как правило, двухчастную структуру. Первую часть составлял текст собственно обзора (с внутритекстовыми таблицами), вторую – статистические ведомости, являвшиеся приложениями к нему. В отличие от отчётов обзоры не носили закрытого характера. Ими обменивались между собой губернаторы и статистические комитеты, они поступали в столичные и региональные библиотеки и были доступны для публики.

Отчёты представлялись обычно в рукописном виде (с конца XIX в. – нередко в машинописи), иногда печатались на местах ограниченным тиражом. С середины 1880-х гг. с оригиналами рассмотренных императором отчётов стали сниматься и тиражироваться (вероятно, в петербургской Государственной типографии) ти-

пографские копии для министров и главноуправляющих, а также для некоторых других чиновников аппарата органов высшего государственного управления.

Обзоры печатались в местных типографиях, но в 1870-х гг. многие подобные документы были составлены только в рукописном виде. Массовый переход к печатной форме обзоров произошёл лишь в 1879 г., однако в ряде губерний и областей (главным образом окраинных) их публикация началась в 1880–1890-х гг. Некоторые обзоры, составленные в годы Первой мировой войны, остались в машинописи³.

Среди историков имеются различные оценки в отношении полноты и достоверности отчётов и статистических приложений к ним⁴. Однако в любом случае нельзя отрицать, что без обращения к этим источникам всестороннее изучение различных аспектов региональной истории Российской империи XIX – начала XX в. вряд ли возможно. С начала 2000-х гг. наблюдается оживление интереса к губернаторским отчётом, часть из них опубликована⁵.

В 2022 г. Российской НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва совместно с Департаментом управления делами губернатора и правительства Севастополя и Архивом города Севастополя (АГС) осуществили публикацию всеподданнейших отчётов севастопольских градоначальников за 1873–1915 гг. и статистических приложений к ним – «Обзоров Севастопольского градоначальства» за тот же период. Ответственным составителем издания является А.В. Ефимов, в числе составителей указаны Е.С. Поплавская, И.А. Дерепаско, Н.Ю. Коробкова, О.А. Безрукова. Публикация этих документов – незаурядное событие, принимая во внимание значительный рост интереса к истории Крыма

и Севастополя, а также Новороссии в целом как среди профессиональных исследователей, так и широкой общественности.

Первый том открывается краткой вступительной статьёй, в которой приведены сведения об изменениях административно-территориального статуса Севастополя со времени его основания в 1783 г., помещён список севастопольских градоначальников с 1873 по 1917 г., дана общая информация о губернаторских отчётах, изложены принципы издания публикуемых источников. В том вошли тексты 42 отчётов 12 севастопольских градоначальников: П.А. Перелешина (1874), А.И. Никонова (1875–1881), И.Г. Руднева (1882–1883), М.Н. Кумани (1884–1888), М.Д. Новикова (и.д.) (1889), И.М. Лаврова (и.д.) (1890–1895), К.Р. Вальронда (Вальрона) (и.д.) (1896, 1897), Е.П. Феодосьева (1898–1900), А.М. Спицкого (1901–1904), В.А. фон Мореншильдта (1905–1907), С.К. Кульстрема (1908–1911), С.И. Бурлея (1912–1915). Приведён текст всеподданнейшего рапорта градоначальника А.И. Никонова от 31 августа 1876 г. об обозрении градоначальства после вступления в должность.

Для публикации использованы отчёты, хранящиеся в фондах РГИА⁶. Тексты 39 из них приведены по первым экземплярам документов, представленных на высочайшее имя, 31 хранится в ф. 1263 (Комитет министров) и 8 – в ф. 1276 (Совет министров). Отчёты за 1890, 1908 и 1915 гг. в указанных фондах отсутствуют, их тексты даны по копиям, находящимся в ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). При наличии того или иного отчёта в фондах 1263 или 1276 данные о его копиях в других фондах РГИА в публикации не приведены. Ничего не сказано в издании и об имеющихся в РГИА типографских копиях отчётов

севастопольских градоначальников за 1884–1889, 1891–1904, 1907, 1909, 1910 и 1912 гг.⁷

Помимо отчётов, в издании помещены тексты кратких сопроводительных всеподданнейших рапортов градоначальников, в которых они извещали государей о представлении отчётов (за 1874–1889, 1892, 1904–1907, 1909–1915 гг.), а также текст сопроводительного письма градоначальника в Департамент общих дел МВД о представлении копии отчёта за 1908 г. В подобных рапортах и письмах указана дата отправки, т.е. эти документы позволяют чётко установить время завершения работы над тем или иным отчётом (например, последний севастопольский отчёт за 1915 г. был выслан в столицу 23 февраля 1917 г.). О причинах отсутствия в публикации сопроводительных рапортов за 1890, 1891, 1893–1903 и 1908 гг. ничего не сказано, надо полагать, их нет в архивных делах.

Знакомясь с первыми экземплярами отчётов, император при необходимости вносил в них различные словесные резолюции, замечания и комментарии («высочайшие отметки»), выделял вертикальной линией отдельные абзацы, подчёркивал отдельные слова и предложения («высочайшие отчёрки»). После этого документ передавался в Комитет министров (с 1 ноября 1905 г. – Совет министров), где рассматривалась каждая внесённая в отчёт собственно ручная императорская отметка, будь то более или менее пространная резолюция, отдельная фраза или слово, отчёрк или даже отдельно стоящие вопросительный или восклицательный знаки.

Высочайшие отметки, имеющиеся в отчётах за 1880, 1882, 1884, 1886, 1887, 1891, 1893, 1894, 1896–1898, 1911 гг., приведены в рецензируемом издании в подстрочных приме-

чаниях. После отчётов за 1882, 1887, 1893–1897 гг. помещены напечатанные в выходивших ежегодно с 1883 по 1907 г. «Сводах высочайших отметок по всеподданнейшим отчётом» губернаторов, начальников областей и градоначальников «Объяснения», касающиеся отметок, внесённых в отчёты севастопольских градоначальников⁸. В «Объяснениях» приводился фрагмент текста отчёта (либо его краткое изложение), по поводу которого была сделана высочайшая отметка или отчёрк, цитата самой отметки и краткое указание о действиях, предпринятых в отношении вопроса, привлекшего внимание государя. В отношении отметок, имеющихся в отчётах за 1886, 1891 и 1898 гг., «Объяснений» из «Свода высочайших отметок» в публикации нет, хотя они там присутствуют⁹.

В приложении к первому тому помещены тексты ранее опубликованных в «Отчёте по Государственному совету за 1873 г.» и «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ) документов об учреждении Севастопольского градоначальства 16 июня 1873 г., высочайше утверждённое мнение Государственного совета о преобразовании управления гражданской частью в Николаеве и Севастополе (1900), программа составления губернаторских отчётов, принятая в 1870 г. (оба документа приведены в ПСЗ) и проект новой программы составления губернаторских отчётов, предложенной в 1897 г. министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным (по типографской копии, имеющейся в РГИА). В примечаниях к текстам отчётов, составленных публикаторами, указаны главным образом имена упоминаемых в этих документах лиц (не считая самих градоначальников) с указанием дат жизни и должностей.

Во втором томе опубликованы текстовые части 28 обзоров Севастопольского градоначальства за

1874–1896, 1910, 1912–1915 гг. При этом отсутствие обзоров за 1897–1909 гг. никак не прокомментировано. Причина же заключается в том, что после утверждения 11 апреля 1897 г. новой программы составления губернаторских отчётов в ряде губерний, областей и градоначальств подготовка обзоров временно прекратилась. Например, в отношении и.д. севастопольского градоначальника К.Р. Вальронда в управление Императорской Публичной библиотеки от 9 декабря 1898 г. указывалось, что обзора за 1897 г. «виду нового циркулярного распоряжения Министерства внутренних дел составлено не было»¹⁰. При отчётах севастопольских градоначальников за 1898–1909 гг., хранящихся в РГИА, обзоры отсутствуют. После 1910 г. их подготовка возобновилась. Обзор за 1911 г. в рецензируемой публикации пропущен, между тем он существует. Единственный машинописный экземпляр этого документа выявлен и описан мною *de visu* в 2000-х гг. в Национальной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского в Киеве¹¹. Он учтён в сводном каталоге обзоров губерний, областей и градоначальств Российской империи, вышедшем в 2011 г., который известен публикатору. Понятно, что российскому исследователю в современных условиях практически невозможно получить доступ к этому обзору, однако отметить факт его существования следовало.

Отсутствие в публикации обзоров за 1909 и 1911 гг. публикатор решил компенсировать статистическими сведениями за этот период, извлечёнными из «Адрес-календаря Севастопольского градоначальства»¹². Не возражая в принципе против такого приёма, считаю тем не менее, что подобные материалы было бы правильнее поместить не в общем ряду обзоров, а в приложении к тому.

В третьем томе приведены статистические ведомости из 26 обзоров Севастопольского градоначальства за 1874–1896, 1910, 1912, 1914 гг. (обзоры за 1913 и 1915 гг. ведомостей не содержат). Искусственное разделение между разными томами двух неразрывно связанных между собой частей обзоров является, на мой взгляд, необоснованным, поскольку статистические ведомости представляют собой неотъемлемую часть этих документов. Допускаю, впрочем, что такое решение оказалось вынужденным и было принято по сути техническим соображениям.

Насколько исправно переданы в публикации тексты изданных источников? Мною была выполнена фронтальная сверка трёх опубликованных всеподданнейших отчётов (за 1874, 1879 и 1906 гг.) и обзора за 1879 г. с оригиналами этих документов, хранящимися в РГИА. Сверка показала, что тексты источников переданы публикатором в целом исправно. Вместе с тем при передаче текстов встречаются некоторые досадные погрешности. Так, в опубликованном тексте отчёта за 1874 г. при воспроизведении подписи градоначальника допущена ошибка в указании его звания: вместо «вице-адмирал» — «контр-адмирал», а при указании суммы недоимки с недвижимых имуществ и взысканиям вместо 20 322 руб. 39 $\frac{3}{4}$ коп. — напечатано 20 322 руб. 39 $\frac{1}{4}$ коп. В отчёте за 1879 г. вместо «высочайше учреждённою Московскою подкомиссиею» напечатано «высочайше утверждённою», а вместо «пристаней по западному берегу Южной бухты» — «пристани». В тексте отчёта за 1906 г. неверно приведена сумма рассроченных недоимок, неоплаченных счетов и обязательств: вместо 43 813 руб. 68 коп. — 45 813 руб. 68 коп. В отчётах за 1874 и 1879 гг. зафиксированы неверные чтения отдельных букв, которые, впрочем, смысл сказанного неискажают.

Более серьёзные замечания касаются «конвоя» отчёта за 1874 г. В издании заявлено, что при публикации документов воспроизводятся имеющиеся в них делопроизводственные пометы, касающиеся, в частности, рассмотрения отчётов в Комитете министров. Однако такого рода помета, присутствующая в оригинале отчёта за 1874 г. («Слушан в Комитете министров 21 октября 1875 г. Записан в журнале под № пятьсот девяностым»), в публикации отсутствует. В легендах, приведённых после сопроводительного рапорта о представлении отчёта за 1874 г. (с. 23) и самого отчёта (с. 26), указаны неверные номера листов архивного дела. Так, за номер листа, на котором приведён рапорт, принят номер, под которым отчёт записан в журнал Комитета министров (590). На самом деле рапорт находится на л. 613, отчёт — на л. 614—621 (в легенде указаны, соответственно, л. 590 и л. 591—621).

Сверка оригинала обзора за 1879 г. и текста этого документа, приведённого в рецензируемом издании, сколько-нибудь серьёзных разнотечений почти не выявила, лишь изредка встречаются расхождения в передаче отдельных букв. В подстрочном примечании к таблице, в которой отражены денежные средства, израсходованные на содержание училищ, неверно указана сумма: 6 552 руб. вместо 6 562 руб.

Серьёзные нарекания вызывает принятая публикатором система (точнее отсутствие таковой) при передаче строчных и прописных букв. Согласно общепринятым правилам издания исторических источников XIX — начала XX в., строчные и прописные передаются в соответствии с нормами современной орфографии русского языка. Во вступительной статье говорится, что «архаические формы и оригинальное написание слов

с прописных букв в отдельных случаях сохранены», однако никакой последовательности здесь не соблюдается: одни и те же слова даются то с прописной, то со строчной. Весьма странно выглядит в современной научной публикации употребление прописных букв в словосочетаниях: «Севастопольское Городское Управление», «Ялтинское Земство», «Общество Взаимного Кредита», «Войска Действовавших Армий», «батарея Крепостной Артиллерии», «по приговорам Мировых Судей и по распоряжению Полиции» и т. п.

Не вполне понятны принципы использования в опубликованных текстах квадратных скобок. В ряде случаев в них заключены имеющиеся в тексте слова или части слов, восстановление которых таким образом не требуется. Не выдержано единообразие в передаче наращённых окончаний числительных. В одних случаях они, даже если есть в оригинале, отсекаются, в других, наоборот, приводятся, хотя в оригинале отсутствуют. При этом при произвольном наращивании таких окончаний встречаются очевидные ошибки (например, «13-й Артиллерийская Бригада»).

Текстовые части и статистические ведомости обзоров за 1870—1890-е гг. (за исключением обзора за 1890 г.) приведены по рукописным оригиналам, находящимся в ф. 1263 РГИА вместе со всеподданнейшими отчётами (за 1874—1877 гг. севастопольские обзоры известны только в рукописном виде); за 1890 г. — по типографскому, а за 1912 г. — по машинописному экземплярам, имеющимся в ф. 1284; за 1914 г. — по машинописному экземпляру ф. 1276 того же архива. Обе части обзора за 1910 г. опубликованы по машинописному экземпляру, который хранится в АГС. Текстовая часть обзора за 1913 г. дана по типографскому экземпляру из собрания печатных

записок Научно-справочной библиотеки РГИА, а за 1915 г. – по машинописному экземпляру из ф. 1284.

В легендах к обзорам за 1879, 1882, 1883, 1888, 1889, 1891–1896 гг. наряду с архивными шифрами приведены краткие библиографические описания их типографских экземпляров, хранящихся в РНБ, а к обзорам за 1878, 1879, 1882, 1884, 1888, 1891, 1894 гг. – в АГС. Не очень понятно, почему публикатор ограничился указанием наличия типографских экземпляров обзоров только в этих двух хранилищах. Севастопольские обзоры за 1878, 1882, 1894 гг. есть, например, в РГБ, за 1878–1880, 1882–1884, 1887, 1892–1896 гг. – в Научно-справочной библиотеке РГАДА. Эти издания за отдельные годы выявлены также в ряде книгохранилищ Киева, Николаева, Одессы, Харькова, Таллина. Библиографические описания типографских экземпляров обзоров не свободны от ошибок. Так, в описании обзора за 1879 г. из севастопольского архива годом его издания указан 1879 (на самом деле – 1880 г.). Количество страниц в библиографических описаниях не приведено, опущены помещённые на обложках обзоров указания на то, что они печатаны по распоряжению севастопольского градоначальника.

Высказанные замечания ни в коей мере не ставят под сомнение общую высокую оценку рецензируемого издания. Благодаря труду, проделанному его создателями, впервые в отечественной историографии осуществлена полная публикация всего сохранившегося комплекса всеподданнейших отчётов по отдельно взятому региону Российской империи (в ранее предпринятых публикациях губернаторских отчётов эти документы представлены выборочно¹³⁾). При этом важно подчеркнуть, что тексты источников переданы в основном исправно, погрешности, практически неизбежные при публикации

значительных по объёму массивов делопроизводственных документов, до предела насыщенных цифровыми данными, встречаются сравнительно редко. Следует отметить работу верстальщика трёхтомника О.В. Клюшенковой, в целом успешно справившейся с многотрудной задачей по макетированию огромного текстового и табличного материала.

Хочется надеяться, что публикация всеподданнейших отчётов губернаторов и градоначальников Российской империи будет продолжена и опыт издания севастопольских документов послужит добрую службу. Что же касается публикации обзоров, то ситуация здесь не так однозначна. Издательская подготовка этих источников, в силу особенностей их формуларя весьма сложная и трудоёмкая, чревата ошибками при передаче текста. На мой взгляд, следует публиковать лишь те обзоры, которые не тиражировались типографиями, в то время как напечатанные обзоры логичнее оцифровывать и размещать их электронные копии в Интернете.

Примечания

¹ Градоначальства – административно-территориальные единицы Российской империи, существовавшие с 1802 по 1918 г. Они включали в себя город с прилегающей территорией, выделенные из общего губернского управления в силу особого торгового и военно-стратегического положения. Градоначальства были приравнены к губерниям, градоначальники – к губернаторам (Мезенцев Е.В., Просянкина Т.Ю. Градоначальство // Государственность России: государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV века – февраль 1917 года). Словарь-справочник. Кн. 1. М., 1996. С. 285–286).

² ПСЗ-П. Т. 45. Отд. 1. СПб., 1874. № 48502. С. 857–858.

³ Подробнее о всеподданнейших отчётах и приложениях к ним см.: Раздорский А.И. Обзо-

ры губерний, областей и градоначальств Российской империи (приложения к всеподданнейшим отчётом губернаторов, начальников областей и градоначальников), 1870–1916: Сводный каталог. СПб., 2011. С. 10–34; *Раздорский А.И.* Печатные всеподданнейшие отчёты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: Сводный каталог. СПб., 2020. С. 12–40.

⁴ См., например: *Литвак Б.Г.* О достоверности сведений губернаторских отчётов XIX в. // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1976. М., 1977. С. 125–144; *Минаков А.С.* Годовые всеподданнейшие отчёты губернаторов: исследовательский опыт и источниковедческие перспективы // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 37–55.

⁵ См., например: История Якутии в отчётах якутских губернаторов / Сост. А.А. Калашников, А.А. Павлов. Якутск, 2007; Отчёт оренбургского военного губернатора В.А. Петровского по управлению краем (1833–1842). Документальная публикация / Авт.-сост. И.М. Гвоздикова. Уфа, 2010; История Ставрополья в отчётах губернаторов (1804–1914 годы). Сборник документов / Сост. В.В. Белоконь, О.И. Винокурова. Ставрополь, 2013; *Кисель-Загорянский Н.Н.* Всеподданнейший отчёт о состоянии Рязанской губернии за 1914 год / Изд. подгот. А.И. Раздорский, Д.Н. Шилов. СПб., 2014; Отчёты губернаторов Оренбургской губернии. Сборник документов / Под ред. В.А. Ильиной, Е.Н. Новокрещёновой, К.Г. Ерофеева. Оренбург, 2016.

⁶ Во вступительной статье сказано, что «первые экземпляры отчётов губернаторов и градоначальников, присланные на высочайшее имя, а также их копии, доставленные в МВД», в настоящее время хранятся в РГИА, АГС и РНБ (с. 16). При этом в легендах к опубликованным отчётом севастопольский архив не упоминается. В РНБ нет отчётов севастопольских градоначальников, имеются только типографские экземпляры обзоров градоначальства.

⁷ См.: *Раздорский А.И.* Печатные всеподданнейшие отчёты... С. 666–672.

⁸ «Объяснение» к отчёту за 1884 г. в издании ошибочно помещено после отчёта за 1883 г. «Объяснение» к отчёту за 1895 г. касается «высочайшего отчерка», который в публикации никак не обозначен.

⁹ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётом за 1886 год губернаторов,

начальников областей и градоначальников. [СПб.], 1887. С. 255–256; Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётом за 1891 и 1892 гг. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. [СПб.], 1894. С. 63–64; Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётом губернаторов, военных губернаторов и градоначальников за 1898 г. [СПб.], 1901. С. 121–123. В публикации после отчёта за 1898 г. приведён фрагмент хранящейся в РГИА тиражированной типографским способом справки, где идёт речь о высочайших отметках в севастопольских отчётах за 1896 и 1897 гг.

¹⁰ Отдел архивных документов РНБ, ф. 1, оп. 1 (1898 г.), д. 55, т. 2, л. 2; *Раздорский А.И.* Обзоры губерний, областей и градоначальств... С. 750.

¹¹ Обзор Севастопольского градоначальства за 1911 год. [25] л. Машинопись. В РГИА в делах, содержащих всеподданнейший отчёт севастопольского градоначальника за 1911 г., обзоры отсутствуют (РГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 318; ф. 1284, оп. 194 (1912 г. Секретарская часть), д. 73).

¹² Публикатор указывает, что сведения за 1909 г. взяты из «Адрес-календarya Севастопольского градоначальства на 1909 год», изданного в 1911 г. Здесь, по всей видимости, допущена ошибка. «Адрес-календарь» на 1909 г. не мог быть издан два года спустя и в него не могли, разумеется, входить сведения за следующий, 1909 г. При сборе библиографической информации об адрес-календарях и памятных книжках градоначальств «Адрес-календарь Севастопольского градоначальства на 1909 год» мною не выявлен. Подобные издания обнаружены только на 1908, 1910, 1911 и 1913 гг. (см.: *Раздорский А.И.* Памятные книжки градоначальств Российской империи // Историко-библиографические исследования. Сборник научных трудов. Вып. 11. СПб., 2008. С. 284–308).

¹³ В ранее предпринятых публикациях губернаторских отчётов эти документы представлены выборочно. В частности, в якутском издании – 5 отчётов (за 1885, 1887, 1891, 1902, 1911 гг.), в ставропольском – 12 (за 1808, 1814, 1841, 1848, 1859, 1871, 1875, 1884, 1889, 1900, 1906, 1914 гг.), в оренбургском – 38 (за 1804, 1842/1851, 1870–1877, 1879, 1880, 1885–1888, 1890, 1892–1898, 1900, 1903–1914 гг.; там же опубликовано 9 отчётов оренбургских генерал-губернаторов за 1851–1867 гг.).

Владислав Голдин

История Северного морского пути в современном международном научном издании*

Vladislav Goldin

(Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia)

History of the Northern Sea Route in the contemporary international scientific edition

DOI: 10.31857/S2949124X24060312, EDN: RJKIWF

Истории Северного морского пути и его роли в освоении Арктики посвящена большая научная литература, опубликованная главным образом в нашей стране. Особенностью характеризуемого солидного и прекрасно иллюстрированного академического издания большого формата «От Северо-Восточного прохода к Северному морскому пути. История водного пути к Северу от Евразии» является прежде всего то, что он подготовлен международным коллективом. Его ядро составили историки из России и Норвегии, а редакторами коллективной монографии стали профессор Арктического университета Норвегии (г. Тромсё) Й.П. Нильсен и нидерландский коллега Э. Окхайзен.

Издание выполнено на обширной источниковой базе, в том числе с привлечением архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, а представленная библиография составляет 26 страниц текста и примерно 900 наименований работ на разных языках. Во вводной части книги представлены и кратко охарактеризованы наиболее значимые издания по истории Северо-Восточного прохода / Северного морского пути (СМП), опубликованные в нашей стране и за рубежом.

У этой коллективной монографии было, если так можно выразиться, три старта. Начало всему положила мурманская речь генерального секретаря

ЦК КПСС М.С. Горбачёва 1 октября 1987 г., где он предложил масштабную программу трансформации Арктики из региона соперничества в регион сотрудничества, в том числе говорил об открытии СМП для международного судоходства. В 1990-х гг. в рамках международной исследовательской программы Севморпути были опубликованы четыре рабочих доклада, в которых охватывался период с XVI в. до 1991 г. Наконец, в 2013 г. состоялась международная научная экспедиция по СМП, посвящённая 100-летию экспедиции по этому маршруту известного норвежского полярного исследователя Ф. Нансена. В рамках экспедиции на борту научно-исследовательского судна «Профессор Молчанов» обсуждался широкий комплекс проблем СМП, его прошлого, настоящего и перспектив развития, а после её окончания было принято решение о формировании международного научного коллектива для подготовки коллективной монографии, посвящённой истории Севморпути. В ходе работы над этим проектом прошли научные семинары авторского коллектива в России и Норвегии. В конце 2022 г. книга вышла в свет на английском языке.

Издание открывается предисловием председателя Санкт-Петербургского отделения Полярной комиссии Русского географического общества, почётного полярника России В.И. Бон-

* From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia / Ed. by Nielsen J.P., Okhuizen E., V.V. Tevlina, [et al.]. Leiden; Boston: Brill, 2022. 499 p.

ярского, который охарактеризовал особенности и значение этого международного научно-издательского проекта и высоко оценил его содержание.

Монография состоит из 34 глав, сгруппированных в семь частей, где освещается более чем тысячелетняя история исследований, освоения и развития СМП до современности, представлен взгляд на будущее этой арктической морской магистрали. В отличие от стартового замысла, книга охватывает период не с XVI, а с IX столетия, начиная с легендарного морского путешествия норвежского викинга Оттара (Ottar, Ohthere) примерно 870–880 гг. вдоль побережья Скандинавии и Кольского полуострова в Белое море, с возможным выходом в Северную Двину. В первой части книги рассматривается период раннегомореплавания в западном секторе будущего СМП до середины XVI в.

Вторая часть монографии называется «Западноевропейские поиски Северо-Восточного прохода и русская навигация в евразийской морской Арктике». Она включает исследования, посвящённые СМП с середины XVI до середины XVIII в. Сам термин «Северо-Восточный проход», как официально назывался на протяжении нескольких веков СМП, был связан с предположением о возможности прохода из Европы, из Атлантического океана в Тихий океан северным путём, вдоль арктических берегов российской Евразии в Китай и Индию после того, как традиционные океанские пути сюда из Европы через Атлантический океан в соответствии с соглашениями Испании и Португалии были захвачены и поделены. Четыре главы этой части издания посвящены соответственно западноевропейским поискам альтернативного торгового маршрута на Восток; русскому освоению и коммерческому использованию евразийской морской Арктики; первой Камчатской экспедиции 1725–1730 гг.

и Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции 1733–1743 гг.

Третья часть книги, включающая пять глав, названа, казалось бы, парадоксально: «“Негероическое освоение” евразийской морской Арктики (середина XVIII – середина XIX в.)». Объясняется это тем, что освоение в этот период носило эволюционный прогрессивный характер в сравнении с выдающимися результатами Камчатских экспедиций и беспрецедентным мореплаванием А.Э. Норденшельда, прошедшего целиком Северо-Восточный проход. Но вместе с тем оказывается, что менее впечатляющим и негероическим рассматриваемый период кажется только на первый взгляд. В действительности же здесь происходили важные и масштабные мероприятия, хотя имели место и вызывающие недоумение события. В это время складывались напряжённые отношения России с западными странами на крайней восточной оконечности осваиваемого Северо-Восточного прохода, которые характеризуются в издании.

Четвёртая часть монографии в составе шести глав охватывает период с середины XIX в. до 1917 г. и названа «Открытие Северного морского пути в Сибирь». В 1878–1879 гг. Норденшельд доказал возможность сквозного прохода из Европы в Азию через моря Северного Ледовитого океана вдоль евразийского арктического побережья России, после чего начались коммерческие плавания и гидрографическое обследование этой морской магистрали. Это способствовало тому, что в начале XX в. в оборот вместо термина «Северо-Восточный проход» вошло и утвердилось понятие «Северный морской путь». В этой части книги рассмотрен широкий круг самых разных проблем: раннее освоение и плавания к устьям Оби и Енисея; российско-норвежские отношения от Крымской войны до Российской революции 1917 г.; навигация по Северо-

Восточному проходу; охрана СМП до 1905 г.; Русско-японская война и осознание потенциальной военной и стратегической значимости СМП; Севморпуть накануне революции 1917 г.

К сожалению, в книге не получило столь подробного освещения, как хотелось бы, время Первой мировой войны. Между тем в те годы развернулась масштабная реконструкция портов Европейского Севера России, строился гражданский и военный порт с учреждением города Романов-на-Мурмане (с 1917 г. – Мурманск). В годы войны железнодорожная магистраль связала Мурман с Петрозаводском и центром страны, происходила модернизация всей транспортной инфраструктуры региона, с колоссальными объёмами перевозок по СМП грузов из Западной Европы в Россию.

Пятая часть монографии в составе десяти глав посвящена советской эпохе развития СМП, когда произошли глубокие изменения в системе управления, исследованиях, освоении и развитии этой морской арктической магистрали, разворачивании и обустройстве её инфраструктуры. В книге особо выделены и охарактеризованы 1917 – начало 1920-х гг.; десятилетия межвоенного периода; годы Великой Отечественной войны; послевоенное время, в рамках которого выделены 1945 – середина 1950-х гг., середина 1950-х – 1960-е гг., а 1970-е – начало 1990-х гг. названы «возвращением к дням славы».

Все эти многогранные процессы развития СМП были теснейшим образом связаны с развитием советской Арктики в целом, формированием здесь экономической инфраструктуры и социальными преобразованиями, развитием советской полярной науки, а также с укреплением обороноспособности этого огромного региона России и охраной его морской коммуникации.

В шестой части монографии получил освещение крайне противоречивый

постсоветский период истории СМП. С одной стороны, в это время возникла возможность использования его как международной транспортной магистрали и открылся доступ для плавания иностранных судов. С другой стороны, распад СССР и ломка прежней системы управления и экономических отношений поставили под угрозу само функционирование Севморпути. В рамках трёх выделенных этапов – 1990-е – начало 2000-х гг.; 2008/2009–2013 гг.; и 2014 – начало 2020-х гг. – исследователи характеризуют процессы развития СМП, его правового регулирования и формирования новой системы управления магистралью. Рассматриваются динамика роста грузоперевозок и проблемы транзита, надежды и нарастающие сложности, связанные с широким кругом вопросов: международные отношения и geopolитика; экономика, инфраструктура, логистика и др.

В заключительной седьмой части монографии обобщается и осмысливается накопленный исторический опыт, характеризуются, с одной стороны, проблемы и препятствия развитию этой морской магистрали, а с другой – постоянные и меняющиеся драйверы, воздействующие на её использование. Предпринимаются попытки прогнозирования будущего СМП. Вводившиеся последние десять лет западные санкции тормозили развитие Севморпути и потребовали кардинальных перемен в функционировании морской магистрали, перенаправления потока грузов с европейского на азиатское направление.

В целом следует сказать, что авторским коллективом представлено содержательное и многогранное исследование исторического опыта исследования, освоения, развития и эксплуатации Северо-Восточного прохода / Северного морского пути, которое будет интересно широкой читательской аудитории, и не только историкам, но и специалистам других отраслей знаний.

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2024 г.

Диалог о книге

- А.Г. Гуськов, К.А. Кочегаров, С.М. Шамин.** *Русско-турецкая война 1686–1700 годов. № 2.*
- Сень Д.В.** (Ростов-на-Дону) – История «незнаменитой войны»
- Базарова Т.А.** (Санкт-Петербург) – Русско-турецкая война 1686–1700 гг.: походы и дипломатия
- Носов Б.В.** – События 1686–1700 гг.: серия конфликтов или война?
- Казаков Г.М.** (Гиссен, Германия) – Не Азовом единым
- Аваков П.А.** (Ростов-на-Дону) – Первая монография о первой войне Петра I
- В.А. Маклаков.** *Власть и общественность на закате старой России: воспоминания современника. № 3.*
- Минаков А.С.** – Власть и общество позднеимперской России в оценках В.А. Маклакова
- Андреев Д.А.** – Новое издание воспоминаний В.А. Маклакова и ревизия историографических концепций
- Гайда Ф.А.** – Когда кадетский компас сломался
- Алмазов М.Г.** – Либералы и «историческая власть» на заре великих потрясений
- Мамонов А.В.** – Самодержавие и Великие реформы в мемуарах В.А. Маклакова
- А.Л. Беглов.** *Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии реформы. № 4.*
- Полунов А.Ю.** – Православный приход как зеркало пореформенной России
- Мангилёва А.В.** (Екатеринбург) – В замкнутом круге бюрократизации и реформ приходской жизни
- Мелентьев Ф.И.** – Накануне приходской революции
- Гайда Ф.А.** – Приходские преобразования и революция, или Реформирование нереформируемого

- Фриз Г.Л.** (Уолтем, США) – На пути к глобальной микроистории православного прихода
- И.Е. Барыкина.** «Типичный петербургский чиновник»: граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889). Опыт биографии министра. № 4.
- Пученков А.С.** (Санкт-Петербург) – Историк во власти
- Гусман Л.Ю.** (Санкт-Петербург) – Человек железной воли
- Самыловская Е.А.** (Санкт-Петербург) – Граф Д.А. Толстой – исследователь католицизма
- Ростовцев Е.А.** (Санкт-Петербург, Томск) – «Человек системы»
- Котов А.Э.** (Санкт-Петербург) – Портрет загадочного триумвира
- Мамонов А.В.** – Просвещённый реакционер
- П.В. Лукин.** *Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. № 6.*
- Захаров В.Н.** – Взгляд заинтересованного читателя
- Дворниченко А.Ю.** (Санкт-Петербург) – Олигархическая демократия или демократическая олигархия?
- Кром М.М.** (Санкт-Петербург) – Политический строй средневекового Новгорода – возможности сравнительного анализа
- Матасова Т.А.** – Как правильно сравнивать Новгород и Венецию?
- Е.М. Болтунова.** *Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. № 6.*
- Миллер А.И.** (Санкт-Петербург) – Эго властителей, «эмоциональные режимы» и императивы имперской стратегии

- Сдвижков Д.А.** (Санкт-Петербург) – История российско-польских отношений как история эмоций
- Морохин А.В.** (Москва, Нижний Новгород) – Новое исследование о российско-польских отношениях первой половины XIX в.
- Мельникова Л.В.** – «Властитель слабый и лукавый»? Ещё одно неверное понимание Александра I
- Верт П.В.** (Лас-Вегас, США) – О коронах и забвении (и о многом другом) в новой книге Е.М. Болтуновой
- А.Н. Верещагин. Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи.** № 6.
- Минаков А.С.** – Правовые ценности императорской России в зеркале Правительствующего Сената
- Борисова Т.Ю.** (Санкт-Петербург) – Правительствующий Сенат после судебной реформы 1864 г.
- Верняев И.И.** (Санкт-Петербург) – Организация и правотворчество кассационных департаментов Правительствующего Сената
- Крестьянников Е.А.** – Сенат и женщины-юристы
- Андреев Д.А.** – Судебная власть и вызовы модернизации в преформенной России
- Мамонов А.В.** – Самодержавие и юстиция в реформируемой империи
- Статьи**
- Айрапетов О.Р.** – Мобилизация 1876–1877 гг. Первый опыт императорской России. № 2.
- Алферова И.В.** (Брянск) – Женская история российской военной цензуры периода Первой мировой войны. № 2.
- Аракчеев В.А.** – Спорные проблемы истории закрепощения и миграций в России конца XVI – первой половины XVII в. № 1.
- Бажанов Д.А.** (Санкт-Петербург) – История повседневности российских военных моряков в 1914–1917 гг.: методологические аспекты изучения. № 2.
- Башнин Н.В.** (Санкт-Петербург), **Никонов С.А.** (Мурманск) – Басаргин правёж – эпизод опричной политики в Поморье и его последствия. № 5.
- Богомолов И.К.** – Цenzура кинематографа в России в 1898–1914 гг. № 5.
- Булдаков В.П.** – Европейская культура, мировая война, русская революция. Пути и перспективы переосмысления. № 4.
- Варга Б.** (Сегед, Венгрия) – «Национальные историографии» истории России XVI–XVIII вв. на страницах венгерского журнала «RussianStudiesHu». № 4.
- Верняев И.И.** (Санкт-Петербург) – Концепция правового дуализма и её преодоление в современных исследований Российской империи. № 3.
- Горбатов А.В., Малыцев М.А.** (оба – Кемерово) – Террор красных партизан по отношению к духовенству и верующим в годы Гражданской войны на юге Западной Сибири: опыт обобщения. № 4.
- Гордеев П.Н.** (Санкт-Петербург) – Народный комиссариат имущества Республики. № 3.
- Горский А.А.** – «Выходы ордынские» духовных и договорных грамот московских князей конца XV – первой трети XVI в. № 1.
- Гусева Ю.Н., Христофоров В.С.** – Формирование образа Комитета государственной безопасности СССР в общественном мнении 1954–1991 гг. № 5.
- Давиденко Д.Г.** – Городские протопопы в общественной жизни России в эпоху политического кризиса начала XVII в. № 4.
- Дмитриев А.В.** (Новосибирск) – «Военное сословие» Российской империи: офицеры недворянского происхождения в Сибири рубежа XVIII–XIX вв. № 2.
- Дроздов К.С.** – Осеннее ополчение на защиту Москвы (октябрь 1941 г. – январь 1942 г.): от рабочих и истреби-

- тельных батальонов к регулярным частям Красной армии. № 5.
- Замулин В.Н.** (Курск) – Красная армия и срыв замыслов германского командования на участке Воронежского фронта летом 1943 г. № 2.
- Захаров А.В.** (Челябинск) – Записные книги Разрядного приказа начала XVIII в. № 6.
- Ильиных В.А.** (Новосибирск) – Сельское хозяйство СССР в 1930-е гг.: итоги социалистической реконструкции. № 5.
- Казаков Г.М.** (Гиссен, Германия) – Что знали при дворе польского короля о стрелецком восстании 1682 г.? № 1.
- Керов В.В.** – «Непреложный наш символ “Царь и свобода”: старообрядцы в Первой российской революции. № 3.
- Кирсанов Р.Г.** – Российская Федерация в первый год реформ: сложности и противоречия перехода к рынку. № 5.
- Комаров В.С.** – Организация нелегальной эмиграции на западных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX в. № 1.
- Комзолова А.А.** – Граф Е.Ф. Канкрин и Николай I во время русско-польской войны 1830–1831 гг. № 2.
- Конюченко А.И.** (Челябинск) – Служба и быт казаков Исетской провинции в период перехода от крестьянской к казачьей жизни (1737–1740-е гг.). № 2.
- Копелев Д.Н., Лоскутова М.В.** (оба – Санкт-Петербург) – Власть, отчество и наука: у истоков создания Русского географического общества. № 6.
- Крестьянников Е.А.** – Камеры и участки мировых судей в дореволюционной Сибири. № 3.
- Кром М.М.** (Санкт-Петербург) – Земские соборы на фоне представительных учреждений средневековой и раннемодерной Европы: опыт сравнительной типологии. № 3.
- Круглов В.Н.** – Несостоявшаяся реформа: предложения о пересмотре административно-территориального деления СССР (1948). № 6.
- Леонтьев А.А.** – Высшая полиция и эпидемия холеры 1830–1831 гг. № 6.
- Маслова С.А.** – Установление системы регулярного налогообложения русских земель в пользу Золотой Орды. № 1.
- Медоваров М.В., Соколов Ю.В.** (оба – Нижний Новгород) – Русские журналы и внешняя политика России в период японо-китайской войны 1894–1895 гг. № 1.
- Мельникова Л.В.** – Французы в Москве и русские в Париже: взаимовосприятие и культурная память. № 2.
- Мироничев Е.П.** (Беломорск) – Кандалакшское направление в советском военном планировании в 1940–1941 гг. № 2.
- Мухин М.Ю.** – Мобилизация промышленности в годы Великой Отечественной войны: механизм экономической победы. № 2.
- Наземцева Е.Н.** – Из Поднебесной на Русский фронт: мобилизация российских подданных в Китае в годы Первой мировой войны. № 2.
- Новосельский С.С.** – Правительственная власть и идея народного представительства в 1905 г. № 3.
- Носов Б.В.** – Политика России в Речи Посполитой накануне и в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. № 6.
- Позднякова А.С.** – «Областничество крепко засело в Вятке»: региональные конфликты и революционная законность в 1919 г. № 6.
- Пономарева И.Г.** – Выбор ханом Золотой Орды кандидата на великое княжение Московское в 1431–1432 гг. № 1.
- Редин Д.А.** (Екатеринбург) – «Взятка» и «почесть» в России петровской эпохи в междисциплинарном дискурсе. № 5.
- Рыбачёнок И.С.** – Черноморские проливы во внешней политике России в конце XVIII – начале XX в.: трансформация подходов к решению проблемы. № 1.
- Сипейкин А.В.** – Агван Доржиев и конец «золотого века» буддизма в Советской России. № 1.

- Степанов В.Л.** – Обсуждение первых фабричных законов Российской империи в столичной печати. № 5.
- Степанович П.С.** – Пространство и идентичности в двух княжеских житиях средневековой Руси (конец XIII – начало XIV в.). № 4.
- Суслова Е.Д.** (Петрозаводск) – Политика территориальной реорганизации церковных приходов в Олонецком крае во второй половине XVIII – начале XIX в. № 4.
- Тихонов В.В.** – «Украинский кризис» Общества историков-марксистов. № 4.
- Федоров А.Н.** (Челябинск) – «Поднять уровень руководства сельским хозяйством»: ревизия региональных комитетов ВКП(б) в 1951 г. № 6.
- Федосеенков Н.Н.** – Народный комиссариат юстиции и разработка советского законодательства: от революционной борьбы к законности. № 5.
- Филина Ю.С.** – Концепции репродуктивного поведения и материинства в советском кино 1920–1930-х гг. № 4.
- Филиппова Т.А.** – Карты – инвективы. К вопросу о «европейско-азиатской» идентичности России в сатирической картографии XIX в. № 5.
- Филюшкин А.И.** (Санкт-Петербург) – Сведения об опричнине в сочинениях европейцев: к вопросу о соотношении текстов. № 5.
- Хатанзейская Е.В.** – Советское уголовное законодательство по трудовым преступлениям и особенности его правоприменения (1940–1956). № 1.
- Хормач И.А.** – Дипломатическое признание СССР: приоритеты и итоги. № 6.
- Цыпкина А.Г.** – Прения о всесоюзном статусе Российской академии наук (1925). № 6.
- Чемакин А.А.** (Санкт-Петербург) – «Малороссийские партизаны»: Белое движение и повстанцы на Киевщине (сентябрь 1919 – январь 1920 г.). № 1.
- Червяков Р.Ю.** – Илья Евгеньевич Зеленин: портрет на фоне книжной полки. № 4.
- Шамин С.М.** – Новые тенденции в изучении стрелецкого восстания 1682 г. № 1.
- Шамина И.Н.** – Проведение переписи 1701–1703 гг. в монастырях: от ревизии к управлению. № 4.
- Шепталин А.А.** (Ижевск) – Немцы-спецпоселенцы в Удмуртской АССР в 1945–1955 гг. № 3.
- ### Рецензии
- Айрапетов О.Р.** – Дж. Брэдли. Ружья для царя. Американские технологии стрелкового огнестрельного оружия в России XIX века. № 1.
- Апанасенок А.В.** – J.M. Hartley. *The Volga: a history of Russia's greatest river*. № 2.
- Байбакова Л.В.** – Россия на международных форумах и конгрессах XVII – начала XX века. № 2.
- Башнин Н.В.** (Санкт-Петербург), **Черкасова М.С.** (Вологда) – Епархиальное устройство в Центральной России и начало петровских реформ. № 4.
- Белоусова О.В.** – Русские императоры, императрицы и их дети в архивной россыпи ГА РФ. № 5.
- Бибиков Г.Н.** – Высшая полиция николаевской России в трудах современного историка. № 5.
- Бибиков Г.Н.** – А.Ю. Скрыдлов. Административная статистика в дореформенной России (1802–1852). № 6.
- Богомолов И.К.** – Русско-японская война и конец «золотого века» фронтовой журналистики. № 1.
- Богомолов И.К.** – Рабочее движение и революционная социал-демократия на окраинах позднеимперской России. № 4.
- Большакова О.В.** – J. Keating. *On arid ground: Political ecologies of empire in Russian Central Asia*. № 1.
- Большакова О.В.** – Русская литература и цензура в эпоху Великих реформ. № 5.
- Булдаков В.П.** – Власть и кино «развитого социализма». № 1.

- Буховец О.Г.** (Минск, Белоруссия) – Значительный вклад в изучение процессов нациестроительства в России. № 1.
- Ватлин А.Ю.** – Спортивные битвы холодной войны. № 2.
- Вершинин А.А.** – Новый взгляд на советскую стратегию накануне Великой Отечественной войны. № 2.
- Войтиков С.С.** – Станислав Васильевич Тютюкин в трудах и воспоминаниях современников. № 5.
- Волобуев О.В.** – Монография, которая находит на размышления. № 1.
- Голдин В.И.** (Архангельск) – История Северного морского пути в современном международном научном издании. № 6.
- Давыдов А.Ю.** (Санкт-Петербург) – Анти советское подполье и ВЧК (1918–1919). № 1.
- Дёмин В.А.** – Судьба «зубра». № 3.
- Ефимова В.В.** – Г.Н. Бибиков. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.). № 6.
- Ипатов А.М.** (Воронеж) – С.С. Юдин. Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник. № 2.
- Кан Г.С.** – Романтик революции. № 3.
- Кан Г.С.** – Загадки Бориса Савинкова. № 5.
- Карев А.А.** – Архивные заметки об изобразительном искусстве. № 5.
- Комзолова А.А.** – Рец. на: Журналы Комитета западных губерний. Т. 1–2. № 6.
- Котов А.Э.** (Санкт-Петербург) – Живая память южнорусского славянофильства. № 3.
- Коцюбинский Д.А.** (Санкт-Петербург) – Почему вера проиграла идеологии? № 4.
- Леонтьева Т.Г.** (Тверь) – Актуальное прошлое. № 5.
- Лисейцев Д.В.** – Империя и её рождение. № 6.
- Минников Н.А.** (Ростов-на-Дону) – Рец. на: Южный и юго-восточный фронт РОССИИ в XVI–XVIII веках: очерки истории. Коллективная монография. № 6.
- Муханов В.М.** – Воспоминания «врага Грузии». № 1.
- Нагорная О.С.** (Ярославль) – Советский большой спорт в контекстах холодной войны. № 2.
- Николаев А.Б.** (Санкт-Петербург) – Первая научная биография «вождя чёрной реакции» Н.Е. Маркова. № 3.
- Позднякова А.С.** – Глубокое исследование по истории ВЧК. № 1.
- Попов А.Д.** (Симферополь), **Рузаев С.В.** (Севастополь) – Многоголосье «живых голосов» войны: особенности источника и возможности историков. № 2.
- Попов А.Д.** (Симферополь), **Сак К.В.** (Москва) – После Победы: ветеранское движение в послевоенном СССР в отражении социальной и политической истории. № 5.
- Пученков А.С.** (Санкт-Петербург) – Без Бога, царя и Отечества: из истории Балтийского флота в 1917 г. № 2.
- Пученков А.С.** (Санкт-Петербург) – Большая политика в Большом театре. № 3.
- Раздорский А.И.** (Санкт-Петербург) – Рец. на: Севастопольское градоначальство 1873–1915 гг.: отчёты градоначальников. Сборник архивных документов. № 6.
- Репников А.В.** – Н.Е. Марков и его борьба. № 3.
- Репников А.В.** – Раздвигая научные горизонты... Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова (к 80-летию со дня рождения). № 4.
- Соколов А.В.** (Санкт-Петербург) – Манесон Великого Востока народов России П.М. Макаров. № 3.
- Соловьёв К.А.** – Политический театр августа 1917 г.: сцена и кулисы. № 3.
- Тепляков А.Г.** (Новосибирск) – Экспрессивная повседневность спецпоселений ГУЛАГа 1933 г.: сибирское измерение. № 3.
- Туманова А.С.** – «Университетский вопрос» в правительственной политике России начала XX в. № 4.

Фирсов С.Л. (Санкт-Петербург) – Трагедия противостояния: религиозный фактор в Гражданской войне в России. № 4.

Хатанзейская Е.В. – Дневник крестьянина Ивана Глотова. № 4.

Черкасова М.С. (Вологда) – С.В. Стрельников, А.П. Павлов. Межевые книги Троице-Сергиева монастыря середины XVI в. // Российская генеалогия. Научный альманах. Вып. 15. № 2.

Чернов О.А. (Самара) – Дипломатия, политика и общество: наследие В.Я. Гросула в воспоминаниях и исследованиях. № 1.

Шелохаев В.В. – Государственное совещание в перекрестьи противостояния. № 3.

Юркин И.Н. – Демидовы в документах российских архивов. № 2.

Юбилеи

Юбилей В.П. Булдакова. № 4.

Pro memoria

А.Н. Цамутали (1931–2024). № 2.

Г.З. Иоффе (1928–2024). № 2.

А.Б. Мазуров (1970–2024). № 2.

Наши авторы

Андреев Дмитрий Александрович, доктор исторических наук, профессор, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Бибиков Григорий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Борисова Татьяна Юрьевна, кандидат исторических наук, PhD (Doctor of Law), доцент, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге и Европейского университета в Санкт-Петербурге

Верняев Игорь Иванович, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Верт Пол Вильям (Werth Paul William), доктор исторических наук (PhD), профессор Невадского университета (Лас-Вегас, США)

Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск)

Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Ефимова Виктория Викторовна, доктор исторических наук, профессор Петрозаводского государственного университета

Захаров Андрей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Челябинского государственного университета

Захаров Виктор Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Комзолова Анна Альфредовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Копелев Дмитрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Кром Михаил Маркович, доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Круглов Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Леонтьев Александр Алексеевич, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Лисецев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Лоскутова Марина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Матасова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Мельникова Любовь Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Миллер Алексей Ильич, доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Минаков Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, директор Дирекции изучения истории МПГУ, профессор Московского педагогического государственного университета, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Минников Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, научный сотрудник Института российской истории РАН

Носов Борис Владимирович, доктор исторических наук, заведующий отделом Истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН

Позднякова Анастасия Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного аграрного университета МСХА им. К.А. Тимирязева

Раздорский Алексей Игоревич, доктор исторических наук, руководитель Федерального центра регионалистики Российской национальной библиотеки, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Сдвижков Денис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге

Федоров Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Челябинского государственного университета

Хормач Ирина Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Цыпкина Анна Георгиевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Диалог о книге

П.В. Лукин. Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя	3
В.Н. Захаров: Взгляд заинтересованного читателя	3
А.Ю. Дворниченко: Олигархическая демократия или демократическая олигархия?	9
М.М. Кром: Политический строй средневекового Новгорода – возможности сравнительного анализа	13
Т.А. Матасова: Как правильно сравнивать Новгород и Венецию?	17

Историк и источник

А.В. Захаров Записные книги Разрядного приказа начала XVIII в.	23
--	----

Россия и мир

Б.В. Носов Политика России в Речи Посполитой накануне и в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг.	31
--	----

Диалог о книге

Е.М. Болтунова. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в.	47
А.И. Миллер: Эго властителей, «эмоциональные режимы» и императивы имперской стратегии	48
Д.А. Сдвижков: История российско-польских отношений как история эмоций	52
А.В. Морохин: Новое исследование российско-польских отношений первой половины XIX в.	56
Л.В. Мельникова: «Властитель слабый и лукавый»? Ещё одно неверное понимание Александра I	58
П.В. Верт: О коронах и забвении (и о многом другом) в новой книге Е.М. Болтуновой	66

Сюжеты и эпизоды

А.А. Леонтьев Высшая полиция и эпидемия холеры 1830–1831 гг.	71
--	----

Институты и общности

Д.Н. Копелев, М.В. Лоскутова Власть, отечество и наука: у истоков создания Русского географического общества	80
А.Г. Цыпкина Прения о всесоюзном статусе Российской академии наук (1925)	95

К 100-летию «полосы признаний» СССР

И.А. Хормач
Дипломатическое признание СССР: приоритеты и итоги 112

История власти

В.Н. Круглов
Несостоявшаяся реформа: предложения о пересмотре административно-территориального деления СССР (1948) 123

А.Н. Федоров
«Поднять уровень руководства сельским хозяйством»: ревизия региональных комитетов ВКП(б) в 1951 г.

Лиалог о книге

А.Н. Верещагин. Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской империи	150
<i>А.С. Минаков: Правовые ценности императорской России в зеркале Правительствующего Сената</i>	151
<i>Т.Ю. Борисова: Правительствующий Сенат после судебной реформы 1864 г.</i>	154
<i>И.И. Верняев: Организация и правотворчество кассационных департаментов Правительствующего Сената</i>	157
<i>Е.А. Крестьянников: Сенат и женщины-юристы</i>	163
<i>Д.А. Андреев: Судебная власть и вызовы модернизации в преформенной России</i>	167
<i>А.В. Мамонов: Самодержавие и юстиция в реформируемой империи</i>	171

Рецензии

Д.В. Лисецев – Империя и её рождение	182
Н.А. Минников – Южный и юго-восточный фронтir России в XVI–XVIII веках: очерки истории. Коллективная монография	192
А.А. Комзолова – Журналы Комитета западных губерний. Т. 1–2	197
Г.Н. Бибиков – А.Ю. Скрыдлов. Административная статистика в дореформенной России (1802–1852)	200
В.В. Ефимова – Г.Н. Бибиков. Жандармский надзор в системе государственного управления Российской империи (1826–1856 гг.)	207
А.И. Раздорский – Севастопольское градоначальство 1873–1915 гг.: отчёты градоначальников. Сборник архивных документов	210
В.И. Голдин – История Северного морского пути в современном международном научном издании	217
Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2024 г.	220
Наши авторы	226

CONTENTS

Discussing recent books

P.V. Lukin. Novgorod and Venice: comparative historical sketches of the formation of the republican system	3
<i>V.N. Zakharov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): The view of an interested reader</i>	3
<i>A.Yu. Dvornichenko (Saint Petersburg State University, Russia): Oligarchic democracy or democratic oligarchy?</i>	9
<i>M.M. Krom (European University at Saint Petersburg, Russia): The political system of medieval Novgorod – the possibilities of comparative analysis</i>	13
<i>T.A. Matasova (Lomonosov Moscow State University, Russia): How to compare Novgorod and Venice correctly?</i>	17

The historian and the source

<i>A.V. Zakharov (Chelyabinsk State University, Russia)</i> Notebooks of the Discharge order of the beginning of the 18 th century	23
--	----

Russia and the world

<i>B.V. Nosov (Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Russian policy in the Polish-Lithuanian Commonwealth on the eve and at the beginning of the Russo-Turkish War of 1768–1774	31
--	----

Discussing recent books

E.M. Boltunova. The last Polish king: the coronation of Nicholas I in Warsaw in 1829 and the memory of the Russian-Polish wars of the 17th – early 19th centuries	47
<i>A.I. Miller (European University at Saint Petersburg, Russia): Ego of the rulers, «emotional regimes» and imperatives of imperial strategy</i>	48
<i>D.A. Sdvizhkov (European University at Saint Petersburg, Russia): The history of Russian-Polish relations as history of emotions</i>	52
<i>A.V. Morokhin (National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): A new research of Russian–Polish relations in the first half of the 19th century</i>	56
<i>L.V. Melnikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «The ruler weak and sly»? Yet another misunderstanding of Alexander I</i>	58
<i>P.W. Werth (University of Nevada, Las Vegas, USA): On crowns and forgetting (and much else besides) in Ekaterina Boltunova's new book</i>	66

Scenarios and episodes

<i>A.A. Leontiev (HSE University, Moscow, Russia)</i> The Supreme Police and the cholera epidemic of 1830–1831	71
---	----

Institutions and communities

<i>D.N. Kopelev (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg), M.V. Loskutova (HSE University, Saint Petersburg, Russia)</i> Power, Fatherland and science: at the origins of the Russian Geographical Society	80
---	----

<i>A.G. Tsypkina (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Debate on the All-Union status of the Russian Academy of Sciences (1925)	95
--	----

Peoples and spaces

<i>A.S. Pozdnyakova (Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev)</i> «Oblastnichestvo is firmly entrenched in Vyatka»: regional conflicts and the revolutionary legality in 1919	103
--	-----

On the 100th anniversary of the «recognition strip» of the USSR

<i>I.A. Khormach (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Diplomatic recognition of the USSR: priorities and results	112
--	-----

History of power

<i>V.N. Kruglov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> The abortive reform: proposals for the revision of the administrative-territorial division of the USSR (1948)	123
<i>A.N. Fedorov (Chelyabinsk State University, Russia)</i> «To heighten the level of agricultural management»: audit of the CPSU regional committees in 1951.....	135

Discussing recent books

<i>A.N. Vereshchagin. The Senate of Cassation (1866–1917). Essays on the structure and activities of the Supreme Court of the Russian Empire</i>	150
<i>A.S. Minakov (Moscow State Pedagogical University, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): The legal values of Imperial Russia in the mirror of the Governing Senate</i>	151
<i>T.Yu. Borisova (European University at Saint Petersburg, Russia; HSE University, Saint Petersburg, Russia): The Governing Senate after the judicial reform of 1864</i>	154
<i>I.I. Verniaev (Saint Petersburg State University, Russia; HSE University, Moscow, Russia): Organization and law-making of cassation departments of the Governing Senate</i>	157
<i>E.A. Krestiannikov (HSE University, Moscow, Russia): The Senate and women-lawyers</i>	163
<i>D.A. Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia): Judicial power and challenges of modernization in post-reform Russia</i>	167
<i>A.V. Mamontov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Autocracy and justice in the reforming Empire</i>	171

Reviews

<i>D.V. Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow; HSE University, Moscow, Russia)</i> The Empire and its birth	182
<i>N.A. Mininkov (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)</i> Rec. ad op.: Yuzhnyi i yugo-vostochnyi frontier Rossii v XVI–XVIII vekah: ocherki istorii. Kollectivnaia monografija	192
<i>A.A. Komzolova (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia)</i> Rec. ad op.: Zhurnaly Komiteta zapadnykh guberniy. Vol. 1–2	197

<i>G.N. Bibikov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Rec. ad op.: A.Yu. Skrydlov. Administrativnaya statistika v doreformennoy Rossii (1802–1852)	200
<i>V.V. Efimova (Petrozavodsk State University, Russia)</i> Rec. ad op.: G.N. Bibikov. Zhandarmskiy nadzor v sisteme gosudarstvennogo upravleniya Rossiyskoy imperii (1826–1856 gg.)	207
<i>A.I. Razdorskii (National Library of Russia, Saint Petersburg; Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)</i> Rec. ad op.: Sevastopol'skoye gradonachal'stvo 1873–1915 gg.: otchety gradonachal'nikov. Sbornik arkhivnykh dokumentov	210
<i>V.I. Goldin (Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia)</i> History of the Northern Sea Route in the contemporary international scientific edition	217
Index of materials published in the journal in 2024	220
Contributors to this issue	226

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Заведующая редакцией
Мамонова Е.В.	— Литературный редактор
Шамина И.Н., к.и.н.	